

ОЛЕГ ШОВКУНЕНКО

ОРУЖЕЙНИК

302

ТЕСТ НА ВЫЖИВАНИЕ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Олег Шовкуненко
Оружейник. Книга первая.
Тест на выживание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42625429

SelfPub; 2019

Аннотация

Нашествие галактических кочевников положило конец цивилизации людей. Земля превращена в свалку, на которой царят радиация, чудовищные аномалии, жуткие инопланетные твари. Гарантией жизни уцелевших людей является лишь оружие. Именно его поиском, доставкой и ремонтом занимается бывший танкист полковник Максим Ветров. Бронетранспортер Ветрова курсирует между последними человеческими колониями Подмосковья. В своем стальном чреве он несет не только цинки с патронами и выдавшие виды Калашниковы, но и надежду, веру, что когда-нибудь все закончится, что мир вновь станет прежним. Но свершится ли это чудо? Содержит нецензурную брань.

Глава 1.

«Ханхи не хотели нас завоевывать. Кто мы для них? Никто, пустое место, недоразвитые куски органической материи. На таких даже не стоит обращать внимание. Ну, разве что иногда придется прихлопнуть миллион-другой особорьяных букашек, досаждавших их долгожданному отдыху. Да, именно отдыху! Ханхи сделали на нашей планете лишь короткий привал, одну из тех бесчисленных остановок, которые они совершают по пути своего бесконечного звездного странствования. Привал... Это был именно привал. Только вот после него наша цивилизация перестала существовать, наша планета превратилась в свалку, на которой царят радиация, зловонные ядовитые испарения, чудовищные формы инопланетной жизни.

Нам тяжело, нас мало, но мы все же живы. Мы люди и не можем просто так доживать свой век. Мы должны бороться. Мы должны возродить этот некогда светлый и прекрасный мир. Давайте объединимся. Приходите к нам. Вместе мы сила, вместе мы выстоим и победим!

Наша база находится: город Одинцово, перекресток Можайского шоссе и улицы маршала Неделина. Ориентиры: разрушенная церковь и Ледовый дворец спорта».

Я дочитал и со вздохом полным горькой иронии содрал написанную от руки листовку с облупленной кирпичной сте-

ны. Цирк-зоопарк, ну, Крайчек, ну дает, сочинитель, блин, хренов! Всю новейшую историю накатал. Нет чтоб просто и понятно объяснить – мол, потери в последнее время у нас были офигенные. Народ перебили, а припасы остались. Собачатинка, там, вяленая или консервы со старого продсклада. Так что заходите, не стесняйтесь. Поможете оборонять периметр, а мы вам за это дадим хотя бы видимость спокойствия и безопасности.

Я вчетверо сложил белый еще достаточно чистый листок в клеточку и засунул его в нарукавный карман своего выцветшего ХБ. Пойдет на самокрутки. Сигарет сейчас, как говорится днем с огнем..., а вот какая-то колючая трава, которая вдруг объявилась на окраинах могильников и которую местные умельцы научились недурственно готовить, вот она вполне пригодна для самокруток. Никотина в этом жмыхе как кот наплакал, да и во рту потом остается горьковатый привкус, словно от полыни, но для старых заядлых курильщиков, подобных мне, пойдет и такое зелье. Все ж лучше, чем ничего.

Положив руки на висящий на груди автомат, я огляделся по сторонам. Вроде тихо. Даже как-то подозрительно тихо. Только ветер гуляет в кронах мертвых почерневших деревьев, да колышет пучки бурой мутировавшей от радиоактивных выбросов травы. Вдалеке маячат располосованные гравитационным лучом многоэтажки Кутузовского микрорайона. Они обреченно плятятся пустыми глазницами выбитых

окон, щерятся уродливой шахматкой обрубленных, словно обрезанных ударом гигантского мачете, квартир. На мосту, где под Можайское шоссе ныряет широкая асфальтовая лента Минского, замерла парочка разбитых, разграбленных легковушек. Я не так уж и часто езжу по этой дороге. Последний раз был примерно месяц назад, но мне кажется, что тут ничего не изменилось. Ладно, хватит любоваться природой, посмотрим, что творится в городе.

Я развернулся и только-только хотел поставить ногу, на подножку у двери бронетранспортера, как вдруг почувствовал чей-то взгляд. Это мы так по старинке выражаемся «почувствовать взгляд». На самом деле теперь это совсем другое ощущение. Кажется, что тебе легонько двинули по затылку. В результате на одно короткое мгновение наступает потеря равновесия. Это очень опасное мгновение. Именно в этот миг хищник и нападает.

Меня спасла одна из моих обычных привычек. Выходя из укрытия, я всегда снимаю автомат с предохранителя и взвожу его. Не лишняя предосторожность. Особенно учитывая скорость и ловкость местной фауны. Вот и сейчас все, что мне потребовалось, так это лишь быстро сунуть ствол Калашникова себе подмышку и надавить на спуск.

Ударившая очередь угодила льву прямо в огромную разинутую пасть, из которой вот-вот грозил выстрелить целый пучок липких ядовитых, прочных как стальная проволока нитей. Панцирь у зверюги будь здоров... штука прочная как

броня. Его можно пробить разве что кучной очередью или бронебойными. Но на этот раз мне крупно повезло, можно даже сказать фантастически повезло. Один шанс из сотни, если не из тысячи. Не встретив сопротивления, тяжелые пули калибра 7,62 вошли прямо в глотку, затем размололи примитивный мозг и уже изнутри ударили в толстую хитиновую каску-череп, заставляя льва опрокинуться на спину. После этого мне оставалась лишь самая легкая работенка – добить тварь. И я с глубоким удовлетворением всадил половину рожка в белое брюхо, аккуратно меж шестью паучьих трехсуставных конечностей.

Покончив с хищником, я искал то укрытие, откуда тот мог выпрыгнуть. Руины небольшого придорожного кафе, возле которого я остановился, выглядели вполне безопасными. Здесь не осталось больших закрытых для обзора помещений, где бы могла притаиться зверюга размером с откормленного теленка. Откуда же тогда?

Пока я разглядывал невысокие кирпичные стены и обрушившиеся внутрь здания металлические балки, на которых все еще кое-где продолжали болтаться листы металлочерепицы, ветер стих. В ту же секунду в нос мне ударила вонь. Вообще-то, навозные львы всегда смердят, но не так же сильно! Опустив взгляд на валяющуюся в паре шагов от меня грязно-желтую тушу, я скривился. Лапы гигантского волосатого клопа были вымазаны в какую-то темно-коричневую кашу. Следы этой отвратной субстанции обнаружились и на

приплюснутой чешуйчатой морде.

– Что ж за дерьмо он жрал? – спросил я сам себя.

Звук моего голоса прозвучал как будто со стороны. Как будто это говорил не я, а кто-то другой. И в самом вопросе этот неведомый некто подсказывал мне ответ.

Цирк-зоопарк! Чтоб я пропал! Как же можно было забыть! Кафешка ведь на подъезде к городу. Канализацию сюда понятно не дотянули. Значит, должна быть выгребная яма. А ее эти твари очень даже уважают. Не исключено, что у льва там гнездо, яйца или даже может уже личинки.

Я быстро огляделся по сторонам. Метрах в двадцати от угла здания, того самого, где я сорвал листовку, виднелся невысокий, кое-где сломанный штакетник. Он огораживал квадратов десять пустой, ни чем не застроенной территории. Вот это, наверняка, и есть то самое место, которое я искал.

Конечно, можно было сесть в БТР и просто уехать. Предупредить людей Крайчика о логове льва, и совесть моя была бы чиста. Но тогда победа будет выглядеть какой-то неполной, убогой что ли. В чьих глазах? Да в моих собственных. Я ведь вроде как тоже живу, в этих краях, а посему мне тоже положено делать их спокойней и безопасней. А, кроме того, не стоит забывать, что эта сука хотела меня сожрать!

Последний аргумент довел меня до нужной кондиции. Я зарычал как разъяренный кентавр, нырнул внутрь «восьмидесятки» и там ухватил черную пластиковую канистру, в которой по моим расчетам еще оставалось литров так пят-

надцать высококачественного бензина эксклюзивной отечественной марки А-80. Выбравшись наружу, отвинтил пробку, сунул в горлышко солидный кусок ветоши и осторожно двинулся в сторону облезлого штакетника. До невысокого, некогда выкрашенного в белую краску заборчика оставалась еще дюжина шагов, когда я увидел это... В центре огороженного выложенного побитой тротуарной плиткой пятючка зияла черная, развороченная словно воронка дыра. Не знаю из чего была изготовлена крыша выгребной ямы, но зверюга ее полностью разворотила. Уютно устроился, гад! Усадьба с уютным двориком и живописным видом на оживленную дорогу, по которой люди бегут из разоренной Москвы. Я скрипнул зубами, когда увидел грязные окровавленные лоскутья ткани, валявшиеся по краям от черного провала. Скольких же несчастных, ты тут приговорил?! Ах ты, гнида, небось кормил своих мелких ублюдков! Ну, погоди, сейчас я им устрою!

Я не желал больше медлить. Щелкнув зажигалкой, подожог край тряпки затыкавшей горлышко канистры. Ветошь была неоднократно измазана в масле и саляре, поэтому сразу занялась веселым коптящим огоньком. Я не стал дожидаться пока он подпитется парами бензина. Подскочил к штакетнику и, размахнувшись, швырнул через него канистру. Пластиковый сосуд ухнул в черноту ямы, и падение его сопровождалось отчетливым шлепком или даже скорее всплеском. Несколько секунд ничего не происходило, и я уже стал опа-

саться, что фитиль угодил в какую-нибудь лужу и погас. Однако вскоре воздух над ямой стал заметно колебаться. Ага, разгорается родимая! Только я успел об этом подумать как из глубины вырвался раскаленный огненный сноп. В этот же миг послышался резкий высокий визг. Кричало не одно существо. Воздух сотрясали как минимум десяток голосов.

Личинки! Подумав о жирных похожих на сороконожек гусеницах, я поднял свой старый верный АКМС. Нельзя дать им расползтись. Эти твари жутко живучие. Поэтому часть уцелеет даже вне гнезда. А людям, тем, кто продолжает оставаться в Одинцово только и не хватает, чтобы в окрестностях появилось полдюжины свирепых вечно голодных львов.

Понимая это, я ждал. Ждал пять секунд, десять, тридцать, минуту. Визг прекратился. Из ямы никто так и не появился. Очевидно преодолеть вертикальные бетонные стенки личинкам оказалось не под силу. Вот и прекрасно. Бензина у меня завались, и он расходуется не так быстро как патроны. Так что экономию боеприпасов можно лишь поприветствовать.

В город я въезжал, чувствуя уже слегка подзабытый эмоциональный подъем. Я прикончил навозного льва! Такое мало кому удастся в одиночку. В основном этих тварей выслеживает и загоняет группа охотников, как минимум человек в десять. Так что я вроде как отличился. И не просто продемонстрировал, что у далеко уже не юного полковника Максима Григорьевича Ветрова есть еще порох в пороховницах,

но и сделал хорошее важное дело. Конечно, я и так делаю кое-что полезное, и многие живы благодаря именно моим стараниям. Но разве бывает норма на доброту, на взаимовыручку, на поддержку, на человечность? Чем их больше, тем светлей и прекрасней наш мир. Так нас когда-то учили, и этот урок я запомнил до конца своих дней.

Подумав о мире, в котором нам всем сейчас доводится жить, я огляделся по сторонам. Вот он, пасмурный, серый, разоренный, смертоносный. Этому городку еще сравнительно повезло. А вот другим... Половина Москвы ухнула в бездонный разлом, на месте Тулы и Рязани лишь черные обугленные воронки. Над Брянской областью продолжает упорно висеть густое ядовитое облако. Ханхи что-то туда слили, и эта дрянь испаряясь, убивает все на сотни километров вокруг. А есть места вообще непонятные. Говорят, Липецк стоит целехонький, ни одно окно не разбито, ни один проводок на столбах не оборван, только вот пеплом весь завален. Город словно одна гигантская микроволновка. Несколько раз в сутки что-то в нем происходит, и в один миг вся органика оказавшаяся на его территории сгорает. Бах, и только пепел. Рассказывают еще, что есть города-призраки. Тверь, например. Один раз подъезжаешь к ней – стоит город, а через пару дней на этом самом месте лишь голое поле. Потом опять появляется, а через некоторое время вновь исчезает. Вот такие-то чудеса, будь они прокляты!

Так что по сравнению с другими местами Одинцово, По-

дольск, Серпухов это еще рай... вернее, райский заповедник. Я подумал об этом, увидев какую-то трехметровую склизкую тварь, которая довольно проворно заползала в подъезд одной из многоэтажек. Небось что-то там учуяла, падлюка!

Я остановил машину, как можно быстрее перебрался в башню и навел КПВТ на студенистое словно наполненное грязной зеленой блевотиной тело. Хватило лишь одной короткой очереди. Пули калибра 14,5 миллиметров разорвали похожее на холодец тело, а вместе с ним превратили в пыль половину подъезда. Когда с гнусным червяком было покончено, я высунулся из люка, окинул взглядом окна здания и во всю глотку прогорланил:

– Эй, есть кто живой? Выходите, не бойтесь!

Я надеялся, что чутье меня не обмануло. Внутри зданий звери прятаться не любят. В своих некогда спокойных и безопасных жилищах скрываются лишь люди.

В окне третьего этажа сперва что-то мелькнуло, а затем на свет божий высунулись два лица: мужское и женское или правильнее будет сказать девичье и мальчишечье.

– Спускайтесь! – я махнул им рукой. – Только не через подъезд. Зайдете в любую из квартир на первом этаже и подадите знак. Я подъеду.

– Мы идем! – прокричал пацан и первым скрылся из виду. Девушка еще несколько секунд меня изучала, словно решая доверять или нет незнакомцу, но затем все же и она исчезла в темноте оконного проема.

Эти двое бесспорно из колонии Крайчека. Однако, странно, что они меня не узнали. Мою «восьмидесятку» с бортовым номером «302» знает вся округа от Истры до Серпухова. А эти глядят, как будто видят впервые.

Стоя в водительском люке, я ждал. Калаш держал наготове. Вдруг возникнут еще какие сложности. Но слава богу все обошлось. Через пару минут на первом этаже распахнулось окно, и на подоконник вскарабкался тот самый парнишка. Он не стал ждать, когда я его подберу. Не раздумывая прыгнул вниз. Два с половиной метра это конечно немного, но и с них получается удар аккурат как во время приземления с армейским парашютом. Сильный скажу я вам удар. И любой нормальный человек к нему готовится, настраивается... ну, хоть пару секунд, ну хоть одно короткое мгновение. А этот нет. Сиганул вниз как будто там не асфальт, а целая гора мягких пуховых перин подложена, и прыгать на них его самое любимое занятие.

Пацан упал на ноги и, гася инерцию, перекувыркнулся. Ловко так, словно его много месяцев обучали этому трюку в одном из спецподразделений. Во время его кульбита я заметил маленький АКС-74у, который висел у мальчугана за спиной.

Девушка появилась в окне почти в тот же миг, как ее напарник встал на ноги. С тридцати метров я не особо разглядел ее лицо. Но вот что сразу бросилось в глаза, так это ее винтовка. Это ни какая-то там малокалиберная биатлон-

ная пукалка, это грозная армейская СВД. Молодой снайпер закинула оружие за плечи и стала спускаться. Девушка не стала опрометчиво прыгать вниз. Она уцепилась за подоконник, повисла на нем, и лишь когда от ее обутых в армейские ботинки ступней до земли оставалось около полуметра метра высоты, разжала пальцы. Паренек одарил свою напарницу надменным чуточку насмешливым взглядом, а затем, словно в их команде командиром был именно он, властно махнул рукой и двинулся в мою сторону.

Пока они приближались я с интересом изучал эту парочку. Пацану на вид было лет пятнадцать. Его одежда состояла из не такого уж и старого, сравнительно чистого армейского ХБ, поверх которого была накинута короткая спортивная куртка черного цвета. На ногах у него, как и у девушки, оказались основательно сбитые армейские берцы.

В магазине они такую обувь раздобыть не могли. Выходит, ребятишкам подфартило поучаствовать в опустошении одного из войсковых складов. Оттуда и ботинки, и ХБ. Правда, в военную форму вырядился только мальчуган. На девушке были заправленные в обувь джинсы и старая отливающая темно-синим металликом куртка с капюшоном, что-то типа «Аляски». Капюшон оторачивался искусственным мехом теперь уже неопределенного цвета, который слипся и скатался в грязные сосульки. Из-под куртки виднелся грязно-зеленый свитер с высоким, но уже порядком растянутым воротом. Свои каштановые волосы снайпер подобрала

и спрятала под черную бейсболку, над козырьком которой красовалась небольшая эмблемка фирмы «Nike».

Когда ребяташки подошли поближе мне сразу бросилось в глаза их сходство. Одинаковые худые скуластые мордашки, курносые носы и темно-карие глаза, которые глядели не по-детски пристально и сурово. Еще больше похожими друг на друга их делала сажа и серая цементная пыль, размазанная по лбам и щекам. Сомнения не оставалось, брат и сестра. Он младший, она старшая... правда не на много, года на три, в крайнем случае на пять.

– Вы чего тут бродите, и всего вдвоем? – я попытался вложить в свой голос нотки родительского гнева. – Жить надоело?!

– Мы разведчики, – гордо ответил пацан, остановившись за пару шагов от БТРа.

– Крайчек послал?

– Вы знаете командира Крайчека? – обрадовалась девушка.

– Знаю. Я тут всех знаю, – я сокрушенно вздохнул и поглядел исподлобья на две худенькие фигурки. Подумал: «Со всем очумел этот гребанный ковбой, детьми рискует! Тут же кругом черт знает что творится!»

Вспомнив о тварях, которые наводнили мертвый город, я поежился. Не рекомендуется в этих местах просто так торчать на открытом месте, тем более после того, как во всеуслышание заявил о себе из крупнокалиберного пулемета.

– Значит так... все, баста, разведка закончена. Забирайтесь внутрь, – я указал на дверь в борту бронетранспортера. – Сейчас открою.

Стоило мне распахнуть бронированные створки, как ребятня живо запрыгнула внутрь. Глядя на них, я улыбнулся. Может Крайчек и надавал им каких-то там заданий, может даже и важных заданий, но искушение прокатиться на настоящей боевой машине оказалось сильнее. Тем более, что этих самых исправно работающих машин детишки не видели уже очень и очень давно.

Оказавшись внутри, оба малолетних вояки прямо таки задохнулись от восторга. Горящими глазами они буквально пожирали вставленные в самодельные пирамиды автоматы, лежащие на сиденьях РПГ-7 и «Мухи», сваленные в проходах ящики с патронами и гранатами.

– Это все ваше? – наконец выдохнул вновь обрешивший дар речи мальчишка.

– Мое, – я захлопнул бронированную дверь за спинами гостей.

– Откуда... – начал было мальчуган.

– Много будешь знать, скоро состаришься, – я указал рукой на отделение управления. – Проходите туда. Садитесь где хотите.

– А у вас патроны к моей винтовке есть? – девушка не двинулась с места. – У меня только двенадцать штук осталось. Мне бы еще хоть две обоймы. – Произнося это, она по-

серьезнела. – Может, я смогу у вас их на что-нибудь выменять?

– Разберемся, – пообещал я, и на этот раз уже не попросил, а приказал. – Ступайте вперед и садитесь! Надо уходить.

И только я это произнес, как в корму БТРа что-то ударило. Хорошо так ударило. Словно какой-то раззява водитель, ехавший сзади, зазевался, не успел затормозить и в результате этого испробовал на прочность броню боевой машины.

– Цирк-зоопарк! – в присутствии детей я не имел возможности более точно охарактеризовать обстановку.

– Кто это? Ведь рядом никого не было! – воскликнула девушка.

– Держитесь!

Времени у меня оставалось только на эту команду. Следовало уходить, если конечно было еще не поздно. Прыгнув на место водителя, я подумал, что весьма предусмотрительно не заглушил мотор. Так что без проволочек включил первую передачу и рванулся вперед. Ага, это мне только так хотелось, чтобы рванулся. На самом деле БТР лишь слегка дернулся, а затем к натужному реву двигателя добавилось змеиное шипение трущихся проскальзывающих по асфальту колес. Нас кто-то держал, причем держал крепко. Казалось, к машине прицепили толстый танковый трос, другой конец которого был закреплен на чем-то огромном, железнодорожном локомотиве, не меньше. И вот этот самый локомотив вдруг начал давать задний ход. Бронетранспортер медленно

пополз увлекаемый неведомой силой.

Ах ты мать твою за душу! Я поставил машину на тормоз и развернулся в кресле, готовый бросится в башню. Однако, я этого так и не сделал. Сиденье башенного стрелка было уже занято. Мальчуган стоял на нем одним коленом. Я видел спину в задравшейся черной куртке, видел выбившуюся футболку и скатавшийся джемпер. Голова и руки пацана скрывались в башне, и он колдовал там с винтовым механизмом наведения пулемета.

Цирк-зоопарк, куда ж он полез! Ведь не знает же ни хрена! Только помешает, время потеряем! Не успел я об этом подумать, как КПВТ ожил и дал длинную очередь. В тот же миг БТР трянуло, словно он подпрыгнул на большой кочке.

Неужто повезло и парню с перепугу действительно удалось кого-то подстрелить? Ладно, сейчас посмотрим. Я вновь вцепился в баранку и сразу дал газ. Мотор взревел и бронетранспортер двинулся вперед... медленно, будто его что-то продолжало удерживать. И тут неожиданно послышался хлопок. Мне даже показалось, что в моторно-трансмиссионном отделении лопнул какой-то шланг. Однако, двигатель не захлебнулся. Наоборот, он заработал легко и ритмично, позволяя «восьмидесятке» быстро набрать скорость.

– Вырвались, кажись, – сообщил мальчишка, оторвавшись от оптического прицела башенных пулеметов.

– Что это было? – мне страсть как хотелось поглядеть на эту тварь самому, но чутье подсказывало, что лучше будет

подобру-поздорову убраться отсюда подалее.

– Дерево какое-то, – удивленно произнес мальчуган.

– Какое еще дерево? – не понял я.

– Похоже на дерево, – юный стрелок принялся описывать. – Вылезло оно из люка в мостовой. Ветви такие... серые в черные пятнышка, подвижные, извиваются как лапы у осьминога. Я его очередью аккуратно под самый корень срубил.

– На выюнок похоже, – задумчиво протянул я. – Не ожидал, что он уже и здесь в Одинцово объявился.

– Что за выюнок такой? – цепляясь за поручни, девушка подошла поближе и уселась на место стрелка сразу за командирским сиденьем. – Мы о нем никогда не слышали.

– Да есть такая зараза. Я с ней впервые в Москве повстречался, еще до того, как ханхи ушли. В городах гнездится в основном в подземных коммуникациях, а на природе норы роет. Сидит в них, значит, и ждет пока не почувствует добычу, а потом изловчится и выбрасывает щупальца. Оплетет ими жертву и держит пока та под действием ее яда в жидкость не станет превращаться. Потом этот супец выюнок прямо через шкуру выпитывает. И быстро так это дело происходит. Мне говорили, что от коровы за час и следа не остается.

– Это вы его звуком работающего двигателя привлекли, – девушка сделала вывод из моих слов.

– Должно быть, – повинился я.

– Сильный какой, – сокрушенно покачал головой юный снайпер. – К броне намертво приклеился!

– Я думаю, он БТР за правое заднее колесо схватил, – пояснил ее брат.

– Печально, други мои, – я тяжело вздохнул. – Скорее всего шину эта тварь попортила. Менять придется. А у меня их и так мало в запасе.

– Я выстрелил так быстро, как только смог, – мальчишка воспринял мой вздох как укор.

– К тебе претензий нет. Ты молодец. – Я оторвал взгляд от дороги и кивнул пацану. – Откуда знаешь как работает пулемет?

– Отец показал. Правда, не стрелял никогда. – Тут в глазах парнишки засветился восторг. – Здорово получилось. Пулемет – сила!

– Значит, отец у вас военный? – догадался я.

– Майор. Был командиром мотострелкового батальона, – с гордостью отрапортовал мальчуган.

– Жив? Отец жив, я имею в виду?

После этого моего вопроса внутри бронетранспортера повисла тишина. Я понял, что своим прямым бестактным вопросом причинил детям боль.

– Он пропал, – за брата ответила девушка. – Ушел с группой в рейд, да так и не вернулся. Никто из них не вернулся.

– Понятно, – протянул я задумчиво. – А где дело было?

– Под Харьковом.

– Где?! – я не поверил своим ушам.

– Под Харьковом, – повторила девушка, не понимая моего

недоумения.

– Вы были на Украине, а потом добрались сюда, к самой Москве? И все сами, пёхом?

– Почему же сами? Мы всем лагерем пошли. Почти триста человек. Остаться было нельзя. Туман приближался очень быстро.

– Туман?

– Да, такой серый и плотный. Он шел с юга словно стена. Кто в него попадал, там и оставался. Так что путь у нас был один – только сюда, на север.

– Сколько времени шли?

– Почти четыре месяца.

– И много вас сюда добралось?

– Восемнадцать человек, – девушка произнесла это очень тихо, с болью и тоской. Наверняка она вспомнила всех тех, кто не дошел, кто остался на этой страшной дороге.

Да уж, пустошь это еще то испытание! Хотя сейчас и в городах не намного безопасней. Зверье... везде это проклятое зверье! Подумав о врагах рода человеческого, я огляделся по сторонам. Особого оживления вокруг не наблюдалось, разве что кое-где на стенах домов поблескивали метровые темно-коричневые слизняки. Они объедали те грязно-белесые, словно известковые наплывы, которые оставляли кислотные дожди.

Вообще мертвый город производил жутковатое давящее впечатление. Когда-то давно, лет так десять назад мне до-

велось побывать в Припяти, покинутому городе близ Чернобыльской АЭС. Так вот там все выглядело совсем иначе. Просто пустой, постепенно ветшающий, разрушающийся город. Я с тоской бродил по нему, как будто по мемориалу, посвященному человеческой беспечности, безалаберности и самоуверенности. Конечно, где-то в глубине подсознания попискивал мой внутренний счетчик Гейгера, сигнализировал, подлец, что покинутый поселок атомщиков не лучшее место для прогулки. И это все.

Совсем иное дело Одинцово, да впрочем и все остальные города постханхийской эры. Они другие, абсолютно другие. Они дышат смертью. Тут мне вспомнились улицы, заваленные горами трупов. По мертвым телам молотил едкий кислотный дождь, и от этого как одежда мертвецов, так и кожа под ней превращалась в скользкую слизь, текла словно сыр на разогревающейся в микроволновке пицце. Я видел все это собственными глазами. Я стал свидетелем и того, как после страшного ливня по тротуарам поползли мерзкие создания, которые жадно впитывали жидкий супец из кислоты и растворенной в ней человеческой плоти. Со временем на помощь амебам пришли более расторопные и прожорливые твари. За каких-то пару месяцев они общими усилиями очистили города не то что от гниющих мертвых тел, но даже и от костей. Миллионы людей исчезли будто их никогда и не существовало, будто они никогда не жили здесь, не гуляли, не любили, не смеялись, не воспитывали своих детей.

Когда гигантские урбанистические кормушки были выедены до чиста, основная часть нечисти ушла из городов. На легких, дарованных человечеством практически даром харчах, она значительно расплодилась и разжирела. Инопланетные твари почувствовали в себе силы, чтобы покончить со всей остальной жизнью на Земле. На это у них ушло примерно полгода. Когда бескрайние территории нашей планеты превратились в пустоши, настала третья фаза эволюционного процесса – зверье начало пожирать друг друга. В результате выжили самые сильные, кровожадные, наиболее приспособленные. Вот сейчас они и охотятся друг на друга, а заодно и на нас, последних из людей, тех, кому удалось пересидеть жуткие времена в глубинах противоатомных бомбоубежищ, военных бункеров, метрополитенов.

Возможно люди и дальше продолжали бы прятаться под землей, но нам надо было есть, пить, бороться с болезнями, защищаться от врагов. Средства для всего этого можно было отыскать только на поверхности. Вот тогда-то нам и пришлось выйти.

Я иногда думаю, что высшая сила позаботилась о том, чтобы ресурсы подземных новых ковчегов выработались так быстро. Это заставило людей вернуться в свой мир. Да, уродливый. Да, разоренный. Да, смертельно опасный, но все же свой! Мы поняли, что атмосфера начинает очищаться, что почву можно восстановить, а воду отфильтровать. Мы вспомнили, что от врагов не стоит прятаться, их надо уби-

вать. Мы поняли, что не должны превращаться в крыс, что наше счастье, наше будущее мы держим в своих собственных руках.

Тут я поймал себя на мысли, что начинаю цитировать листовку Крайчека. Ну что ж, ничего странного в этом нет. Каждому здравомыслящему человеку должно приходиться это в голову. А кого по скудости ума или, скажем, малолетству данная тема пока не интересовала, пусть читают прокламации одинцовского лидера, внимательно читают и верят каждому написанному там слову.

– Ну, и как вам в Одинцово? – я окликнул своих юных пассажиров, стараясь отвлечь их от горестных мыслей, а заодно и проверить как там насчет пополнения в рядах идейных бойцов за светлое будущее всего человечества.

– Здесь гораздо безопасней.

– Неужели? – я усмехнулся, припомнив давешнюю встречу со львом.

– Да, здесь только звери и нет аномалий. А со зверьем можно справиться.

Я на миг оторвал взгляд от дороги и метнул его на девушку. Та любовно поглаживала свою снайперскую винтовку. В юном создании было столько уверенности в своих силах, что я не удержался и иронично хмыкнул.

Она услышала:

– Вы напрасно смеетесь. Я между прочим кандидат в мастера спорта по стрельбе. Может, стала бы и мастером, не

случись всего этого... – Барышня сделала красноречивый всеобъемлющий жест рукой.

– И как зовут-величают прелестного снайпера?

– Лиза, – моя новая знакомая не стала жеманничать.

– А я Павел, – с достоинством отрекомендовался мальчишка.

– Тогда будем знакомы, меня зовут Максим Григорьевич...

Я хотел добавить полковник бронетанковых войск, но конец этой фразы так и застрял в глотке. Мой взгляд, доселе лениво скользивший по пустынной улице, теперь буквально прикипел к растрескавшемуся асфальтовому полотну метрах в тридцати перед носом «восьмидесятки».

Посреди дороги лежал человек. Он был еще жив, если говорить о настоящем моменте, и мертв, если иметь в виду самое ближайшее будущее. И это потому, что его угораздило повстречаться с наездником, да еще на открытом месте, там, где этот хищник особенно опасен. Эта тварь может долго и быстро бежать. Догоняя свою жертву, она прыгает на нее сверху, прижимает к себе, растекается по ней и всей своей внутренней поверхностью начинает переваривать. Вырваться практически невозможно.

Вот и сейчас я видел именно этот отвратительный момент. Человек лежал на спине, а черный метровый в диаметре блин накрывал ему голову, грудь и часть живота. Несчастный еще судорожно дергал руками и ногами, но высвободиться, ко-

нечно же, не мог. Тварь накрепко обняла его своими пятью тонкими и длинными, как спицы ногами, растущими по периметру плоского тела.

Помочь я уже ничем не мог. Даже если бы каким-то чудом и удалось оторвать наездника, его желудочный сок, проникающий в тело человека, прикончил бы того в течение получаса. Причем смерть наступила бы в страшных муках. Поэтому единственное, что было в моих силах это оборвать страдания моего собрата и одновременно покарать его убийцу.

Скрипнув зубами, я надавил на газ и всеми четырьмя правыми колесами тринадцатитонной боевой машиной размазал по асфальту как охотника, так и его жертву.

Почувствовав толчок, увидев мое побелевшее, превратившееся в каменную маску лицо, Лиза всполошилась:

– Максим Григорьевич, что произошло?

Я резко остановил машину.

– Так говоришь, здесь безопасно?

Девушка молчала, продолжая пристально глядеть мне в лицо. Однако, следующие мои слова были обращены совсем не к ней:

– Паша, а ты не хочешь смотаться наружу? Там, позади БТРа автомат лежит. Принеси, пожалуйста. Он еще может послужить нашему делу.

– Как, просто так валяется посреди улицы? – не поверил своим ушам мальчишка.

– Ну, не совсем просто так, – протянул я. – Только ты не

особо засматривайся на его бывшего владельца. Нет в этом ничего приятного, да и не спокойно тут что-то стало в последнее время.

Когда мальчуган ринулся к двери, я приказал его сестре:

– Давай выглянем из люков, подстрахуем его, а то мала ли что...

Лиза все мигом поняла. Подняла СВД и уже хотела открыть люк над местом командира, но я ее остановил:

– Нет. Пошли к десантным люкам, тем, что за башней.

Я первым высунулся наружу, осмотрелся и, не заметив опасности, прокричал мальчишке:

– Павел, пошел!

В тот же миг бортовая дверь распахнулась, и юный десантник выскочил наружу. Пацан точно следовал моему приказу. Не теряя ни секунды, он помчался в ту сторону, откуда мы только что приехали. Однако, очутившись позади бронетранспортера, застыл как вкопанный. Я видел, что Пашка, не отрываясь, смотрит на окровавленные перемолотые колесами человеческие останки, из которых как иглы торчали две лапы наездника.

– Боже мой! – рядом прозвучал тихий вздох.

Я повернул голову и заметил, что Лиза смотрит тута же.

– Эй, очнись! – я тронул девушку за плечо. – Следи за местностью, снайпер.

– Это дядя Витя! – прокричал снизу Павлик.

Именно от этого вскрика, а совсем не от моих слов Ли-

за подняла свою винтовку и через оптический прицел стала шарить по окрестным подъездам, разбитым киоскам, заброшенным автомобилям.

– Хватай автомат и бегом назад! – прокричал я.

Пашка повиновался. Поднял валявшийся в пяти шагах от трупа Калашников и хотел было шагнуть назад, да вдруг остановился.

– У дяди Вити сапоги новые. Почти мой размер, – Пашка повернулся ко мне, будто спрашивая совета. – А мои старые и уже жмут.

– Снимай, только живо! – разрешил я. – Смотри только не измажься в кровь наездника. Обожжет.

– Я знаю, – пацан присел на корточки и стал аккуратно стягивать действительно практически новые кирзаки с раздробленных окровавленных ног мертвеца.

Наблюдая за мальчуганом, мне стало очень больно. Вот цирк-зоопарк, до чего все дошло! Еще пару лет назад люди даже не могли себе представить, что мальчишка может вот так запросто копаться в человеческих останках, пытаясь добыть себе новую обувь. И самое страшное, что для него, для меня, да и для всех остальных наших современников все это нормально и очень даже понятно. Многие сейчас даже позавидовали Пашке.

От явно несвоевременных сейчас рассуждений меня оторвало движение. Что-то темное мелькнуло в просвете между стоявшими в полста метрах от нас сожженным микроавто-

бусом и когда-то серебристым четырехдверным «Ауди». Поскольку эта зверюга вертелась около колес, я подумал, что вреда от нее не будет, должно быть, маленькая и неопасная. Но береженного бог бережет, и я повернул ствол автомата именно в этом направлении.

Тварь словно почувала, что обнаружена, что скрываться больше нет смысла. Совершив высокий прыжок, она перелетела через капот немецкой легковушки. Круглый черный стол на пяти тонких ножках лишь на мгновение коснулся земли, а затем, оттолкнувшись, взвился в новом прыжке. Взрослый наездник одним махом покрывает как минимум десять метров, а раз так, то до Пашки ему оставалось всего три скачка.

Я заорал «Назад!» и уже собирался надавить на спуск, как рядом грохнул выстрел. Стреляная гильза еще не успела звякнуть о броню БТРа, а наездник уже нелепо перекувыркнулся в воздухе и грузно свалился на землю. Упал он совсем не на лапы, а боком, будто споткнулся. Однако, тварь оказалась живучей. Одна пуля ее не остановила. Перебирая лапами, черный паук пополз к мальчишке.

– Сейчас я его, гада... – Лиза вновь прицелилась.

– Не надо! – я остановил девушку. – Не трать зря патроны. Паша вне опасности. Он уже идет. А эту падаль сожрут его же собственные собратья.

Дальше мы ехали молча. Лиза сидела, обняв свою винтов-

ку тупо уставившись перед собой. По щекам у нее текли слезы. Девушка их украдкой вытирала, стараясь не привлекать мое внимание. Видать, уж очень дурихе хотелось выглядеть сильной. Пашка тоже сидел насупленный. Правда, не разводил сырость как сестра, но по всему было видно, что думает он о том же. Как великую ценность он обеими руками прижимал к груди добытые сапоги. И было понятно, что для него это не просто полезная ценная вещь, это память о хорошем человеке, может даже о друге.

Украдкой поглядывая на ребят, я вел машину по мертвой пустынной улице или вернее по шоссе. Можайское шоссе пересекало Одинцово с северо-востока на юго-запад и являлось, пожалуй, самой широкой магистралью города. Я всегда ездил только по нему. Безопасная дорога. С обеих сторон широкие полосы чистой земли, именуемые когда-то газонами. Имелась полная гарантия, что никакая вредоносная гадина не прыгнет на крышу из окна близстоящего дома. А то потом попробуй, отделайся от нее! Я вспомнил, как однажды пришлось даже поджечь машину, чтобы избавиться от настырного прилипалы. Когда здоровенная пиявка отвалилась, я ее раздавил колесами вот точно так же, как сделал это сегодня с человеком. Воспоминания о недавнем страшном событии вернули меня к действительности. Я понял, что до сих пор не спросил у ребят, что же они делали на окарине города. Зачем их послал туда мистер Крайчек?

– Лиза, а искали то вы чего?

Девушка сидела у правого борта, почти рядом со мной, именно поэтому мне с ней было удобно разговаривать.

– Что? Мы? – она не сразу вернулась из сумрака своих горьких мыслей.

– Вы, кто же еще. В разведку зачем ходили?

– Имеются сведения, что где-то в районе улиц Крылова, Чикина, Говорова может оставаться нетронутый продовольственный склад или магазин.

– Сведения? Любопытно, и откуда же они взялись?

– Собаку там наши охотники подстрелили, – встрял в разговор Пашка. – Когда потрошили, в желудке нашли куски колбасы. Мужики говорят копченая колбаса, старая, засохшая. Собака ее почти не разжевывая глотала. Перевариться колбаса не успела, значит, недолго в желудке пробыла. Отсюда вывод – собака ее где-то поблизости нашла. А где может отыскаться колбаса, как не в продовольственном магазине? Вот нас и отправили. Три группы по два человека.

– Этот ваш дядя Витя тоже в разведку ходил?

– Угу, – Пашка шмыгнул носом.

– А где ж напарник, тот, что с ним был? – это я спросил скорее сам у себя, так как ребята знать ничего такого не могли.

– Может его тоже того... наездники убили, – едва слышно предположил мальчишка.

Не исключено, – подумал я, а потом поправился. – А почему именно наездники? Ханхи нам столько всяких тварей

в наследство оставили... одна другой гадше. И почти каждая страстно желает нас, землян, на тот свет отправить. Всю нашу фауну уже сожрали. Одни мы, люди, пожалуй, и остались. Еще держимся, но уже из последних сил.

Похоже, Лиза мыслила в том же направлении.

– Это дядя Витя привел нас сюда, – задумчиво произнесла она. – Прослышал он, что в Одинцово целую крепость построили и сагитировал нас идти дальше. Мы-то раньше в Подольске осесть хотели.

– Да, Крайчек молодец, – кивнул я. – Голова у него варит, что надо.

Только я это произнес, как впереди показалась большая кольцевая развязка, на которой каким-то чудом умудрилась сохраниться высокая ажурная арка с надписью: «Старая смоленская дорога». От вида сего архитектурного изыска мне почему-то всегда хотелось поискать глазами камень, который весьма вероятно полагался к нему в комплект. Ну, знаете, тот самый придорожный камень с хрестоматийной надписью: «Налево пойдешь...». Но к счастью выбор делать мне не судилось. Вариант для здравомыслящего человека здесь был всего один. И я с облегчением поглядел сквозь бетонную серую и унылую, в полном соответствии с духом эпохи, радугу. В туманной дымке позади нее проступили очертания чего-то темного и огромного, словно там, среди чистого поля, вдруг выросло высокое скалистое плато.

– Вот и добрались, – вздохнул я с облегчением. – Как там

с Южными воротами? Готовы или нет?

– Нет, еще не готовы, – проинформировал Пашка.

– Я слышала, закончат только через месяц, – подтвердила его сестра.

– Ладно, тогда двинем к Северным.

Я повернул направо, съехал с Можайского шоссе, обминул застывшую на обочине, покореженную, кое-где тускло мерцавшую позолотой, громаду. Церковный купол от какого-то современного храма, который возвело не верящее ни в бога, ни в черта поколение. Я когда-то слышал, что места для православных церквей выбирались особые, наделенные энергией, силой, добром, светом. И стояли они от этого веками, переживали смуты, войны и нашествия, служили символами и святынями великой Руси.

Однако, похоже, современные зодчие с ноутбуками под мышками, с ГОСТами, СНИПами и планами городской застройки в головах совершенно не думали ни о чем подобном. Не знаю, может, именно поэтому их творению и не суждено было стоять века. Что там и как было, сказать не могу, но факт, как говорится, налицо – руины, которые вряд ли кто-нибудь и когда-нибудь решит восстановить.

Двигаясь по улице маршала Неделина, я глядел не только на дорогу. Краем глаза косился на огромное фортификационное сооружение, возведенное последними из выживших жителей Одинцова. Основной его частью стали жилые дома. Окна и двери в них заложили вплоть до третьего эта-

жа. Но я прекрасно знал, что это не просто тонкая кладка в два кирпича. Все помещения, которые имели наружные стены, будь то комнаты жилых квартир, лестничные клетки, подъезды или пристроенные магазины, до потолка заполнили землей и битым кирпичом. Балконы и лоджии на нижних этажах срубили. После такой переделки ограждающие периметр здания стали напоминать стены неприступной крепости, над которыми нависли этажей так шесть-десять сплошь усеянные первоклассными огневыми точками. Жаль только, что занять их по большей части было некому.

Для укрепления зданий люди потратили немало сил, однако основной проблемой стали пространства между ними. Вначале их перегородили баррикадами. В ход шло все подряд: от старых автомобилей, столбов, труб, стволов мертвых теперь деревьев до мебели и домашней утвари. На первых порах баррикады достойно выполняли свою функцию и сдерживали зверье, норовившее проникнуть внутрь охраняемого периметра. Правда, для этого на каждой из баррикад доводилось постоянно держать отряд человек так в двадцать-тридцать. Но время шло, зверья становилось все больше и больше. Откуда-то с северо-запада пришли стаи кентавров, и один за другим последовали два прорыва.

Помню я приехал после второго. Внутри весь лагерь был залит кровью и усыпан трупами людей и многоногих тварей. Отбиться тогда так и не удалось. Уцелели лишь те, кто спрятался и пересидел опасность в главном убежище и дру-

гих укрепленных подвалах под домами. Честно говоря, тогда я подумал, что этому поселению пришел конец. Но Томас Крайчек был совсем другого мнения. Он сагитировал объединиться людей из маленького лагеря в Галицино. И когда те перебрались в Одинцово, начал на месте баррикад строить стены. Поселенцам очень повезло, что в те времена в городе было еще не так опасно, как сейчас. Молодым одинцовцам удалось с минимальными человеческими потерями перетаскать в лагерь стройматериалы из городских складов и магазинов. Кирпич же добывали прямо на месте, разбирая соседние жилые дома. Что и говорить, работа титаническая и самое ужасное – каторжная и опасная, но люди ее сделали. Сделали, так как прекрасно понимали, что другого выхода у них просто нет.

Длинная девятиэтажка, защищающая лагерь с северо-востока, закончилась, и моим глазам открылась как раз та самая стена, которую переселенцы возвели первой. Она была совсем короткой, всего метров двадцать пять-тридцать. Smyчка соединяла девятиэтажный дом на улице Неделина с двенадцатиэтажным зданием, которое стояло перпендикулярно и являлось главным защитным бастионом на пути с северо-запада. В основание стены заложили фундаментные блоки, столбы, перемычки и прочие железобетонные конструкции которые поддавались погрузке и транспортировке с помощью имевшихся у поселенцев примитивных механизмов. На бетонную подушку легло пять метров кирпича. Тол-

щиной заграждение получилось метра три и вполне могло остановить даже тяжелый танк. На стене натянули колючую проволоку, поставили фонари и разместили несколько огневых точек. В угловой, обеспечивающей обстрел градусов этак на двести пятьдесят, виднелся ствол крупнокалиберного «Утеса». Этот пулемет Крайчику привез я. Сам устанавливал и пристреливал.

Когда мы завернули за угол, Пашка попросил:

– Дядя Максим, а можно я высунусь из люка?

– Давай! – я понял, что пацану уж больно хочется промчатся на БТРе под завистливыми взглядами стоявших на стене часовых.

– Только пялься не на одну лишь стену. Следи за руинами справа, – строго приказала брату Лиза.

– Не учи ученого! – крикнул Пашка и тут же вылез наружу. Он уселся на край люка, так что внутри БТРа остались лишь его болтающиеся ноги.

– Непоседа, – я кивнул головой в сторону мальчишки. – Наверное, хлопот с ним полно?

Мне припомнился мой собственный сын, когда ему было пятнадцать. Сейчас мне казалось, что мы ссорились ровно через день, а в конце каждой недели он появлялся с разбитой губой или фингалом под глазом. Как давно это было! Кажется, прошло не пять лет, а целая вечность.

– Да, так... не очень много, – оторвала меня от воспоминаний Лиза.

– Что «не очень»? – я не стразу пришел в себя.

–хлопот, говорю, не очень много. Пашка вполне самостоятельный и может постоять за себя. Это я так... по привычке его одергиваю. – Тут девушка понизила голос и, придвинувшись ко мне поближе, спросила: – Ну, а как насчет моей просьбы? Патронами я у вас разживусь?

Я все еще вспоминал сына, невольно сравнивал его с Пашкой, поэтому, естественно, замешкался с ответом.

Лиза, очевидно, подумала: я молчу потому, что никак не сложу цену.

– У меня есть две банки сгущенки. Каждая пойдет за десять патронов. – Заметив, что я продолжаю отмалчиваться, девчонка поспешила уступить: – Ладно, за пять. Где же я еще такие патроны возьму?

– Совсем сдурела? Какая еще нахрен сгущенка?! – я постарался выглядеть строго, можно даже сказать грозно, хотя не скрою, слюну все же проглотил. Конечно, сгущенное молоко по нынешним временам – небывалая роскошь, но обирать детей... Не хватало еще полковнику Ветрову до такого опуститься!

Отогнав сладкие, в прямом смысле этого слова воспоминания, я стал соображать, где у меня валяются боеприпасы 7,62x54. А то расснаряжать набитую вручную ленту для ПКТ как-то не очень хотелось. В ведре точно есть. В него я ссыпал все остатки из коробок или патроны, которые где-то и когда-то подбирал.

– Максим Григорьевич, я прекрасно понимаю, что вы хотите другой платы, – Лиза зашептала совсем тихо. Ее голос был едва различим на фоне рокота мотора. – Я могу, я не целка какая-нибудь, мне не впервой. Только тогда пятнадцать патронов дадите, ладно?

Я так резко затормозил, что девчонка чуть не слетела со своего сиденья, а Пашкины ноги ударились о стальной потолок. Ни слова не говоря, я обернулся к перепуганной Лизе. Внутри все клокотало. И находишь девчонка чуток поближе, я бы не удержался и залепил ей хорошенькую оплеуху. Или нет, для оплеухи эта соплячка еще не доросла. Снял бы ремень и врезал по заднице. Кстати, задница у нее вроде ничего, кругленькая такая... Тьфу ты, черт, старый козел, куда это меня понесло! Отвлечшись на мгновение, я растерял большую часть своего гнева. Однако и той, что осталось, вполне хватило, чтобы как следует напугать Лизу.

– Ну, что вы, Максим Григорьевич, – залепетала она. – Мир сейчас такой. За все приходится платить.

– А я, слава богу, еще живу в другом мире, – проскрежетал я и, отвернувшись, угрюмо уставился в водительское окно. – Там, сзади... в углу за пирамидой оцинкованное ведро стоит. Поройся в нем. Что найдешь, то твое. А плата... Плату, конечно же, возьму. Когда приедем, лобовые стекла и фары помоешь, у меня на это времени никогда не хватает.

Несколько секунд Лиза сидела тихо как мышка, а затем вдруг ожила, рванулась ко мне, наклонилась через спинку

сиденья и поцеловала в щеку. Меня давно уже никто не целовал, тем более так искренне и горячо. Само собой, что старый полковник Ветров сразу размяк:

– Иди, займись делом, – я по-доброму поглядел в большие карие глаза. – Времени у тебя мало. Заедем в лагерь, я машину запру, а то людишки есть разные. Того и гляди чего-нибудь сопрут.

– Я мигом, – Лиза кинулась в десантное отделение. Чтобы ей было сподручней, я включил внутреннее освещение.

– Спасибо, – выкрикнула девушка.

– По крайней мере «волшебные слова» помнит, и то достижение, – проворчал я и стронул машину с места.

Мы уже были около самых ворот, и я отчетливо видел огромный ржавый квадрат, контрастно выделяющийся на фоне серых кирпичных стен. Ворота были устроены довольно просто, можно даже сказать примитивно, но именно эта простота и обеспечивала их невероятную прочность и надежность. В состав конструкции входило: самосвал «Камаз» – одна штука, швеллера двутавровые – насколько я помню штук восемь-десять, а также обрезки листовой стали толщиной от ноль-пяти до сантиметра – превеликое множество. Из стальных лоскутьев сварили здоровенный щит размером так метра три с половиной на четыре. При помощи швеллеров прикрепили его вертикально к кузову самосвала аккуратно позади задних колес. Этим-то стальным бигбордом и загораживали проем ворот, выстроенных точно под

его размеры.

Естественно, процесс открывания и закрывания получался довольно трудоемким и продолжительным. Тяжелую машину приходилось вручную катать взад-вперед. Но зато проломить ворота и прорваться внутрь лагеря уже не могла ни одна стая.

Остановившись у ржавой, забрызганной грязью, исцарапанной заслонки, я посигналил, хотя, конечно же, мог этого и не делать. Часовые давно засекли меня и доложили руководству. Теперь Крайчек должно быть собирает людей, чтобы открыть дверь для нежданного, но неизменно дорогого гостя.

Пока я ждал, мысли продолжали крутиться вокруг разговора с Лизой. Уж больно меня эта история задела, кольнула в самое сердце, всколыхнула старые мысли. Ведь если вдуматься, если постараться понять что происходит, так это же тихий ужас! Она собиралась платить собой за патроны. Ни за еду, ни за кров, а за патроны! Вот и выходит, что сейчас есть патроны – есть жизнь, можно найти пропитание, защититься от врагов. А нет зарядов... тогда все, амба, считай ты уже покойник.

Разумеется в этой ситуации я всюду желанный гость. Я привожу эти самые патроны, чиню оружие, обучаю пользоваться всякими войсковыми приспособлениями и приборами. За это мне дают еду, одежду, медикаменты, чистую воду. И так продолжается уже почти два года. Ну, а что будет,

когда мои запасы иссякнут, когда на подземных дивизионных складах бывшей Кантемировской дивизии, о которых, пожалуй, теперь знаю один лишь я, останутся только битые ящики и выпотрошенные цинки? Это произойдет, конечно, не завтра, и не послезавтра, и даже не в течение года. Тут я призадумался. Хотя кто его знает? Учитывая резко возрастающее количество разнообразной нечисти и соответственно возросший расход боеприпасов...

Мысль мою прервал скрежет за бортом. Огромный стальной щит слегка чиркнул по кирпичной стене и стал медленно отползать внутрь. Мне следовало ехать за ним, чтобы в нужный момент быстро рвануть внутрь. Проход не должен оставаться открытым ни одной лишней минуты. Кто знает, может бестии сидят где-то поблизости и только этого и ждут.

Я как в воду глядел. Не успела морда моего БТРа сунуться в проем ворот, как со стены ударили пулеметные очереди.

– Кентавры! – завопил Пашка, кубарем скатившись вниз.

– Чего орешь?! Разворачивай башню! – гаркнул я.

– Ага... я сейчас, – пацан пульей кинулся выполнять мой приказ.

Я оказался в идиотском положении: поле боя не вижу, стрелять не могу, маневрировать тоже. Все, что мне оставалось, так это медленно следовать за по-черепашьи отползающей железной створкой. А почему только следовать? Ведь «Камаз» уже сняли с тормоза, и колодки из-под колес тоже выдернули. Значит, теперь и я могу подсобить. Сказано-сде-

лано. Я поддал газку, и бронетранспортер гулко ударил мордой в металл ворот.

Именно в этот момент и заработал башенный КПВТ. Пашка стрелял длинными очередями, абсолютно не экономя патроны. Это было глупо и расточительно. Незачем угощать каждого кентавра несколькими пулями калибра 14,5, когда и одна-единственная разрывала того на куски. Объяснить это мальчишке я не имел ни малейшей возможности, поэтому приходилось тупо толкать ворота и ждать, когда закончится лента. Перезаряжать пулемет Пашка вряд ли умеет, так что...

КПВТ действительно замолчал, но пацан даже не подумал париться над перезарядкой. Он тут же продолжил огонь из спаренного с ним пулемета Калашникова. Мощь, естественно, не та, но зато в ленте двести пятьдесят патронов. Должно хватить для прикрытия нашего въезда в лагерь, тем более, что осталось совсем немного. Справа и слева от щита уже открылись широкие просветы. Сейчас они метра по три, но я решил, что не стоит дожидаться, пока стальная заслонка отползет на положенные ей десять. Дал задний ход, и, откатившись от щита на пару метров, вновь рванулся вперед и вправо. За стеной справа – свободная площадка. Ее оставили специально для въезда техники, то бишь для меня, так как последние полгода других транспортных средств в округе не объявлялось.

В открывшийся проезд я буквально втиснулся, ревя мото-

ром, пробуксовывая колесами, обдирая краску с бортов. Наверняка я слегка раскрошил кладку и покорежил край щита, но, думаю, Крайчек меня поймет и простит.

Оказавшись внутри, я вдавил сигнал и сквозь разбегающуюся толпу описал небольшой круг. Расчет был таков, чтобы в конце разворота моя «восьмидесятка» столкнулась нос к носу с «Камазом». Так оно и вышло. Уткнувшись мордой в кабину самосвала, я стал возвращать его на прежнее место.

Мне это уже практически удалось. Оставалось дожать каких-то полметра, когда в брешь просунулось туловище кентавра. Зверюга уперлась в щит всеми своими лапами, подключила к делу мощный хвост и попыталась помешать мне. Ага, тупая скотина, как бы ни так! Не тот случай! Я с неопи-суемым наслаждением надавил на газ, и стальной поршень вошел внутрь каменного цилиндра. Край щита сработал как нож, разрезая кентавра пополам. Внутри периметра осталась верхняя часть туловища с головой и двумя растущими прямо из-под нее лапами. Всю остальную шестиногую, похожую на огромную ящерицу тушу я словно ковшом вышвырнул наружу.

Фух, кажись все! – вздох облегчения вырвался из моей груди. Несколько секунд я просто сидел и отрешенно глядел на маячившую за бронестеклом облезшую оранжевую кабину старого самосвала.

Томас Крайчек ждал, облокотившись о броню. Мы столкнулись взглядами, как только я высунулся из боковой двери БТРа.

– Здорово, шпион, – я устало махнул рукой.

– Привет, полковник, – Крайчек ответил мне таким же вялым взмахом. – А у нас тут видишь что твориться?

С первого взгляда я заметил, что Томас изменился. Как-то сдал, осунулся, посерел что ли, на лбу проступили первые морщины. Даже голос его стал скрипучим как у старика.

– Вижу, – я спрыгнул на землю и тут же протянул ему руку. – И до Одинцово докатилось. Я ведь тебя предупреждал, что так оно и будет.

Мы обменялись рукопожатием во время которого Томас тяжело вздохнул. Он как бы говорил мне: «Тут уж ничего не поделаешь. Все идет, как идет, а мы делаем, что можем».

– Люди все целы? – я огляделся по сторонам. – Эти твари никого не задрали?

– Как у вас говорят, «бог миловал», – Крайчек улыбнулся первый раз за все время нашего разговора. – Вижу, ты стрелком обзавелся. Что, надоело кучевать в одиночку?

– Кучевать, – поправил я его и тут же отрицательно покачал головой. – Не угадал. Это я твоих к родному дому подкинул. Видишь, оказались друг другу полезными.

Тут я побарабанил кулаком по броне и громко прокричал:

– Эй, молодежь, где вы там? Заснули что ли?

В ответ внутри бронемашины послышалось громохание железа и звук ссыпающихся в ведро патронов. Когда все стихло, на свет показалась Пашкина русоволосая голова, которая виновато проинформировала:

– Я Лизке патроны помогал искать.– Пацан заметил начальника лагеря. Его глаза вспыхнули живым восторженным огнем, который как нельзя лучше проиллюстрировал доклад юного разведчика: – Товарищ командир, а вы видели, как я их из пулемета сделал? Штук десять положил!

– Товарищ командир, ты видел? – пришла моя очередь улыбнуться. Никогда не слышал, чтобы Крайчека кто-нибудь называл «товарищ командир».

Тут мне вспомнилась наша первая встреча. С того дня прошло... А сколько же прошло? Наверняка года три, да еще и с гаком. Шумная, бурлящая жизнью Москва. Праздничный вечер, посвященный Дню 8 Марта. Сейчас уж и не вспомню в каком доме культуры мы гуляли, то ли на Петровке, то ли в «Молодежном». Жене подарили приглашения, и мы поехали. Я вообще не любитель таких мероприятий, тем более на выезде, но надо же было хоть раз в году сделать ей приятное.

На вечере кто-то из приятелей жены и познакомил нас с обаятельным американцем Томасом Крайчеком, дипломатом, каким-то там советником в посольстве США. Этаким был красавчик, лощенный, подтянутый, как бы символизирующий собой все преимущества западного образа жизни. Помню, у него на руках висело сразу две девки, которые, я

так понимаю, страстно желали к этому самому образу приобщиться, возможно даже этой же ночью.

Погуляли мы в тот вечер хорошенько. Водку Крайчекпил, что значительно поспособствовало нашему быстрому переходу на «ты». Разошлись мы в числе последних посетителей праздничного мероприятия, пообещав друг другу что как-нибудь обязательно созвонимся и встретимся.

Недели через две он действительно позвонил. Пригласил нас с женой и сыном на загородный пикник с шашлыками. Что ж, времена холодной войны и непримиримого противостояния двух сверхдержав давно прошли, поэтому я не имел ничего против. Там, в Красносельском лесничестве и состоялся наш разговор по душам. Крайчек предложил мне шестьдесят тысяч вечно зеленых американских долларов за кое-какую информацию о нашей бригаде. Мне как зампотеху ничего не стоило ее раздобыть. Ну, я как положено поломался чуток, а потом и согласился. Ведь как не противно это осознавать, но деньги в современном буржуазном мире – основная цель и стремление каждого. Без них, проклятых, никуда.

Как сейчас помню, передавал я ему эту информацию в красной картонной папочке, на которой в уголке стоял штемпель «СЕКРЕТНО». Эту папочку, естественно, вместе со всем ее содержимым мне вручили в особом отделе нашей бригады два сотрудника ФСБ. Вручили и проинструктировали о моих дальнейших действиях как ценного дезинформа-

тора, которому предстояло стать частью американской шпионской сети. Кстати, одним из первых пунктов в этом инструктаже значился – немедленно сдать полученные от врага денежные средства куда положено. Это я, так понимаю, они на кровно заработанные непосильным трудом мои шестьдесят тысяч USD намекали.

Само собой, я как дисциплинированный, добропорядочный россиянин и сдал... полтинник. С честными глазами доложил, что проклятые янки зажали десятку. Получу, мол, только после проверки сведений. С логикой тут откровенно говоря не очень-то... Но с другой стороны, кто их разберет, эти шпионские выкрутасы, тем более рожденные извращенным американским умом? Что же касается Крайчека, то он расписки с меня не брал. Все только на словах. Так какого черта стесняться! Мне, вон, сына учить надо было. Он у меня совсем не звезда по части наук. Так что в университет, пойдет на платный факультет. Плюс комнату в Москве снимать придется. А то в общежитии он и до второго курса не дотянет, либо сопьется, либо женится. Короче, сплошные расходы!

Как потом выяснилось, правильно сделал, что десятку прикарманил. Это были мои первые и последние доходы со шпионского бизнеса. Крайчек больше не объявлялся. Наверное, заподозрили они там чего... или утечка с нашей стороны была. Короче, дальше я жил обычной размеренной жизнью зампотеха Четвертой Отдельной танковой бригады. И жил я так до того самого момента, как все полетело в тартарары, до

того, как на Землю пришли ханхи.

Новая встреча с Томасом Крайчеком состоялась уже здесь, в Одинцово, в совершенно другом мире, где нет ни американцев, ни русских, ни китайцев, ни евреев, где есть только люди – редкий быстроисчезающий вид эндемиков этой опустошенной планеты.

– Ты, Павел, очень много патронов потратил, – голос Крайчека оторвал меня от воспоминаний. – Нельзя так. Эффективность должна быть.

Пашка сразу поник. Счастье на его лице сменилось гримасой испуга:

– Нам за все это придется платить?

– Конечно, придется, – я картинно нахмурил брови. – Твоя сестра уже нарвалась на штрафные работы, теперь и ты ей будешь помогать. Возьмешь в зипе резиновые перчатки, наберешь ведро воды и вымоешь от крови колеса. А то по моему следу целые толпы кентавров кинутся. Они запах крови за километр чувят. Да, и помни, что на колесах могла остаться выжимка из наездника. Смотри, не обожгись!

– Откуда кровь? – Крайчек пристально поглядел на колеса.

– Потом расскажу, – я глазами указал в сторону мальчугана и, отрицательно покачав головой, намекнул Томасу, что не хочу говорить об этом при детях.

Второй оболтус, только женского рода, как раз именно в этот момент вынырнул из двери БТРа. Лиза в сложенных ло-

дочкой ладонях держала пригоршню патронов.

– Максим Григорьевич, их двадцать три. Настоящие снайперские! – девушка произнесла это с восторгом и одновременно с затаенным страхом. Вдруг часть ее находки злой дядя надумает отобрать.

– Я же тебе сказал, что найдешь, то твое. А слова свои я назад не беру.

– Спасибо! Огромное вам спасибо! – девушка стала спешно рассовывать патроны по карманам.

– Лиза, вы что-нибудь нашли? – нашу беседу прервал сухой и властный голос начальника лагеря.

– Нет, пока нет. Нас преследовало какое-то животное, и... и... еще дядя Витя Сотников погиб.

– Плохо, – Крайчек сокрушенно покачал головой. – Но, тем не менее, завтра придется попробовать еще раз. Нам очень нужен этот склад. Так что заканчивайте тут с машиной и ступайте на ужин, а потом отдыхать. Завтра вам понадобятся силы. – Давая понять, что разговор окончен, Томас повернулся ко мне и спросил: – Ты надолго к нам? Сколько сможешь пробыть?

Я неопределенно пожал плечами:

– Спешных дел пока нет, так что воспользуюсь твоим гостеприимством денька так три-четыре.

– Это хорошо!

Томас кивнул и расплылся в улыбке. Такие улыбки я хорошо знал. Меня одаривали ими руководители практически

всех поселений. Оно и понятно, ведь пока я гощу у них, оборона лагерей усиливалась мощной огневой единицей, да еще к тому же мобильной и бронированной.

– Вот и договорились.

Обернувшись к ребятне, я пожелал им успеха в труде, захватил автомат и вещмешок, закрыл бронированную дверь на висячий замок и вместе с Крайчеком двинулся в глубь лагеря. Мимо нас пробежали люди с топорами и крючьями. Они спешили побыстрее вышвырнуть разрубленное тело кентавра прочь за стену. В пищу оно было не пригодно, да и на удобрения не годилось. Кентавры порядком фонили. Складывалось впечатление, что они каждый день жрали стронций. И где они его только находили? Загадка, на которую пока никто не отыскал ответа.

Томас вел меня к себе. Когда я приезжал, мы всегда пару часов общались у него в кабинете. Чаще всего наедине, хотя иногда к нашей компании присоединялась Нина – его жена, русская жена. У Крайчека где-то там за океаном осталась семья, двое детей. Но это ведь там... далеко... почти что на другой планете. Добраться туда практически невозможно. Да и нужно ли пытаться? Существует ли сейчас она – эта великая Америка? Цел ли Вашингтон? Жива ли его семья? Столько вопросов, на которые нет, и, скорее всего, уже никогда не будет ответов. Так что Крайчеку оставалось лишь одно – начать жизнь заново, как говорится с чистого листа.

Резиденция начальника лагеря располагалась в неболь-

шом трехэтажном здании, которое находилось практически в центре периметра. Раньше в подобных домишках обычно располагались школы или детские сады. Такие П-образные уютненькие особнячки под двухскатными крышами, со всех сторон окруженные сквериками, клумбами, лужайками и детскими площадками. Может и здесь все это когда-то было. Да не может, а точно было. Вот только мертвым все стало, пригодным разве что на дрова. И так бы это воспоминание о былой красоте и гнило, превращая окрестности в подобие старого заброшенного кладбища, не появившись здесь Томас Крайчек со своими переселенцами. Они расчистили территорию, выкорчевали пни старых деревьев и попытались вернуть сожженной кислотными дождями земле ее бывшее плодородие.

– Ну, как у вас дела с регенерацией почвы? – я оглядел ровные ряды затянутых полиэтиленовой пленкой теплиц. – Есть уже какие-нибудь результаты?

– Идем, Макс, покажу, – Крайчек взял меня на буксир и перетянул на тропинку, которая вела к старым теплицам, тем самым, что я помогал строить полгода назад.

Еще на подходе сквозь исчерченный грязными белесыми разводами полиэтилен я разглядел небольшие зеленые пятнышки. Господи, зелень! Настоящая живая зелень! Я такого уже черт знает сколько не видел.

– Неужели получилось?

– Загляни внутрь, – Крайчек с гордостью откинул пласти-

КОВЫЙ ПОЛОГ.

Долго меня уговаривать не пришлось. Увидать живые растения, пусть даже самый распоследний и вредоносный бурьян, сейчас казалось настоящим чудом. Не теряя ни секунды, я нагнулся и проскользнул внутрь. На ровненьких ухоженных грядках и впрямь проклюнулись первые ростки. Высотой они были сантиметров пять и отбили всего по несколько круглых листочков. Я присел на корточки и осторожно, словно крошечного котенка, погладил молодую поросль.

– Что это? – продолжая касаться растений, я поднял глаза на Томаса.

– Капуста.

– Почему именно капуста?

– Из тех семян, что мы нашли, взошла только она. Может семена испортились, а может почва еще недостаточно очистилась. Оказалась пригодной только для капусты. Ваши фермеры говорят, что капуста не очень привередлива.

– А много уже земли очистили? – с надеждой в голосе поинтересовался я.

– Нет. Только эта теплица и еще две таких же. Процесс оказался довольно длинным и трудоемким. И мы бы не справились сами, не окажись тут профессора Дягилева.

– Да, упорный мужик, и дело свое знает.

Я вспомнил высокого сухощавого старика, который в памяти моей запечатлелся вечно ползающим на коленях, отмахивающимся от бьющегося на ветру пластикового полога.

Он напоминал длинноногого богомола. И двигается точно также медленно и осторожно, но правда это только до того момента пока, в его ученую голову не приходила какая-нибудь очередная гениальная идея. Тогда богомол превращался в надоедливую муху, которая с завидной энергией и напором начинала напрягать всех окружающих, требовать новых работников площадей и материалов.

Подумав о профессоре и его группе, меня вдруг посетила мысль, что Крайчек действительно выделяет недостаточно людей для такой важной работы. Ведь растения это не только пища и чистый воздух, это еще и символ возрождения. Лишь один их вид придает силы, вселяет веру в усталые отчаявшиеся человеческие существа.

– Томас, а сколько у тебя народу в лагере? – прежде чем что-либо советовать, я решил разжиться последними новостями.

– До вчерашнего дня было тысяча шестьсот двадцать семь человек. А вот сегодня уже стало на одного меньше.

– Добавилось. Все равно добавилось, – я одобрительно кивнул. – Ведь в прошлый мой приезд, дай бог памяти... вы не дотягивали и до полторы тысячи.

– Две недели назад здесь проживало тысяча семьсот десять, – при этих словах Крайчек помрачнел.

– Ушли или... – я поднялся на ноги и внимательно посмотрел ему в глаза.

– Или, – Томас отвел взгляд. – Об Одинцово идет хорошая

молва. К нам люди приходят. Как-то пробираются, сам не пойму как. Но только мы их сберечь не можем.

– Что, опять был прорыв? – всполошился я.

– Прорыва не было. А вот караван наш, тот, что мы в Москву отправляли, не вернулся. Да и охотники с разведчиками все чаще и чаще пропадать стали.

– И ты не придумал ничего лучшего, как посылать наружу детей? – в моем голосе был не только укор, в нем слышался настоящий гнев.

– Это ты о Павле и Лизе? – Как мне показалось, Крайчек даже удивился моему вопросу. – Да они намного опытней и тренированной всех остальных. Они последние пять месяцев прожили в том мире, без колючей проволоки, стен, фонарей и пулеметов. И, кроме того, Павлу скоро шестнадцать, а сестре его уже девятнадцать. Не такие уж и дети.

– Четыре месяца, – поправил Томаса я.

– Что четыре месяца? – он непонимающе округлил глаза.

– Они четыре месяца по пустоши топали.

– А-а-а... – понимающе протянул Томас. – Значит, уже успели как следует познакомиться?

– Успели, – кивнул я. – Причем при крайне печальных обстоятельствах. – Я призадумался и как бы сам для себя добавил: – Зверья развелось уйма.

Тут Крайчек на меня испытывающе поглядел и произнес:

– Думаю, не хищники наша главная проблема.

– Это ты о чем? – я уловил отзвуки тайны, сквозящие в

словах американца.

– Пойдем ко мне. Там намного удобнее. Сядем, поговорим, по рюмочке пропустим. У меня еще осталась та бутылка... Помнишь?

– Бережливый ты наш, – я проглотил слюну, вспоминая литровую бутылку «Смирнова», которую мы откупорили почти три месяца назад.

Пока мы шли, Крайчек рассказывал об Одинцовских новостях и достижениях. На одной из пригородных автозаправок удалось разжиться солярой. Наполнили и притащили целую автоцистерну. Так что с топливом пока порядок. Дизель-генератор получил запас горючки на несколько месяцев. Это значит, по ночам периметр будет освещен и призраки не подойдут близко. Еще в лагере родилось восемь младенцев. Тут я поздравил начальника. Восемь малышей это лучше, чем у соседей в Звенигороде, Истре и даже в гораздо большем лагере Красногорска. Томас благосклонно принял поздравления и похвастался еще одним успехом – удалось собрать новые более мощные фильтры для воды. Так что теперь ее можно пить даже без кипячения. Правда тут же главный одинцовец оговорился, чтобы я не смел этого делать. Береженного, как говорится, бог бережет.

– Вот видишь, не смотря ни на что, жизнь продолжается, – произнес я, когда мы вошли в просторную комнату на втором этаже штаба.

Оглядевшись по сторонам, я не обнаружил в ней особых

изменений. Стены с желтыми потеками и пятнами плесени у потолка. Старый, если даже не сказать древний, двухтумбовый письменный стол возле окна, на котором стояла закопченная керосиновая лампа и старомодный настольный прибор со встроенными часами и термометром. Рядом рабочее кресло. У стены дермантиновый под кожу диван. В центре комнаты стол заседаний – три ученические парты составленные паровозиком. Вокруг него с десятков разных по форме, стилю и мягкости стульев. Еще пару штрихов: это большой книжный шкаф, заваленный различными истрепавшимися справочниками, энциклопедиями и пособиями, а так же огромная потертая, кое-где прожженная политическая карта Советского Союза. Масштаб, естественно, не позволял разглядеть такие урбанистические мегаполисы как Одинцово и его окрестности, но зато вполне позволял сделать другое – оценить убогость оставшегося нам мира. Хотя и о нем мы знали крайне недостаточно. Вот Крайчек и занимался тем, что скрупулезно собирал, а затем отмечал на бумаге все те сведения, которые до нас кое-как доходили. В настоящий момент карта, вернее ее европейская часть, выглядела примерно следующим образом:

Основными сразу бросающимися в глаза отметками были большие, круглые, заштрихованные черной зebraй области. Это так называемые Проклятые земли. Что ханхи там творили, одному богу известно. Вернее не богу, а дьяволу, поскольку только нечистый мог ведать участь миллионов без-

возвратно сгинувших там людей. Туда и сейчас соваться никто не решается, ну разве что такие придурки как я. Жизнь уцелевших людей протекает на сравнительно узких лоскутках земли, убого ютящихся меж Проклятых земель. Пустоши – так мы их называем. Наша пустошь, наш обрезанный со всех сторон мирок простирается от Твери до Тамбовской области. Похоже, дальше на северо-запад, в сторону Питера, Проклятых земель нет. Только вот все, кто туда уходил, так и не вернулись. Вместо них из Балтии пришли орды кентавров.

Чисто теоретически нам есть куда отступить перед их натиском. На юг, в сторону Воронежа. Дорога проходима. Это доказали беженцы из Харькова. Но вот только как долго может продолжаться это отступление? Не исключено, что на Украине мы попадем из огня да в полымя. Лиза ведь говорила о каком-то тумане, выгнавшем их из родных мест.

Раздумывая на всем этом, я ненадолго замер перед картой.

– Что-нибудь нового разузнал? – Крайчек поглядел на меня с надеждой.

– Так... по мелочам.

– Выкладывай, – Томас чуть ли не в припрыжку подбежал к письменному столу, вытянул из верхнего ящика несколько цветных карандашей.

Вот цирк-зоопарк получается! Гамнюк америкашка! Пригласил выпить, а теперь что творит! Да я сейчас, может, слю-

ной захлебнусь. Но придется терпеть. Пока не удовлетворю его жажду к новостям, он о бутылке и не вспомнит.

– В Ступино повстречались мне два человечка, – начал я рассказ. – Они притопали туда издалека, аж из под Липецка. Так вот эти двое более или менее уточнили границу Проклятых земель на юго-востоке. Говорят, что смычка с Московским разломом находится в районе Саранска. Дальше граница проходит километрах в тридцати к югу от Моршанска, а потом...

– Погоди, погоди, – Томас принялся отмечать на карте те точки, о которых я говорил.

Я подождал, пока он не поставит на бумаге вторую метку и продолжил:

– Потом Проклятые земли накрывают практически весь Тамбов и уходят дальше на юг. Как далеко, мои информаторы не знают.

Крайчек выбрал черный карандаш и соединил все новые метки одной жирной дугой. После чего он отошел на шаг, чтобы оценить получившуюся картину.

– Выходит, что для обитания нам остается треугольник с вершинами Истра, Воронеж, Саранск.

– Да, примерно так. С севера разлом, с юго-запада и юго-востока две гигантские мертвые зоны.

– А наше Одинцово в одном из углов этого треугольника. Да еще в том самом углу, через который идут кентавры. Невесело. Очень даже невесело.

– Можно попробовать уйти. В Истре и Звенигороде к этому склоняются все больше и больше. Вглубь, вот сюда, на юг Рязанской области, – я ткнул пальцем в карту.

– Это ничего не решит, – Крайчек отрицательно покачал головой. – Во-первых, со временем кентавры доберутся и туда. Во-вторых, потеряем много людей при переходе. И, в-третьих, с чего мы там будем жить? Мы ведь держимся в основном только за счет запасов продовольствия, которые еще сохранились в крупных городах. А в том месте, о котором ты говоришь, городов мало. Их запасов надолго не хватит. Получится, что мы станем конкурировать с местными жителями. А это... – Крайчек тяжело вздохнул. – А это война.

– Да-а-а, только войны нам и не хватало, – согласился я.

– Значит, выход один – держаться. Укреплять лагерь, пытаться производить продукты самим, чтобы поменьше зависеть от остального мира.

– Весь вопрос успеем ли мы стать независимыми до того как сдохнем, – я не стал лукавить и сказал то, что думаю.

– Это одному богу известно, – Томас махнул рукой и предложил: – А пошло оно все, давай выпьем!

Ну, наконец-то, разродился! Готовность поддержать это предложение так явно отразилась на моем лице, что Крайчек улыбнулся. Он подошел к шкафу, отодвинул несколько пухлых томов и, засунув в образовавшееся отверстие руку, выудил оттуда на две третьих опорожненную бутылку «Смирнова». Две битых, но чистых эмалированных кружки отыс-

кались в нижнем ящике стола. Там же обнаружилась и начатая пачка печенья. «Чайное» – гласила надпись на пестрой упаковке.

Только мы нацедили по пятьдесят грамм, как входная дверь заскрипела, одна из ее створок приоткрылась. Без стука к начальнику лагеря мог входить только один человек.

– Ниночка, приветствую вас! Прекрасно выглядите, – выпалил я еще до того, как вновь прибывший сделал шаг внутрь.

– Спасибо за комплимент, – женщина появилась на пороге.

При первом же взгляде на нее я прикусил язык. Да, это была Нина, только вот ее кругленькое миловидное личико выглядело совсем не таким, каким я его привык видеть. Волосы женщины были коротко острижены, лоб перетягивала белая, сделанная из порванной простыни повязка. Левые глаз и щека представляли собой один темно-фиолетовый кровоподтек.

Нина закрыла за собой дверь и усталой походкой двинулась к нам. Проходя мимо дивана, она небрежно, словно дамскую сумочку, бросила на него выдавший виды Калашников.

– Ничего себе! – само собой вырвалось у меня. – Где это ты так приложилась?

– Там... снаружи, – Нина, не особо задумываясь о направлении, махнула рукой. Оно и верно. Тут куда не ткни, все

равно не ошибешься, везде будет это самое «снаружи».

– Ты что, продолжаешь ее отпускать в рейды? – Этот вопрос я задал уже Томасу.

– Эмансипация, – тот бессильно развел руками. – Говорит, что у нее такие же права, как и других.

Ох, дурак ты Крайчек, – подумал я. Что значит «эмансипация»? Что значит «говорит»? Сказал «Не пойдешь!», стукнул кулаком по столу и точка. Ты ведь в конце концов не только муж, ты еще и командир, так пользуйся данной тебе властью. Нина ведь не простая крестьянка, каких в лагере пруд пруди, Нина биолог, ценный, особенно в нынешней ситуации, специалист. Таких беречь надо.

Женщина словно прочитала мои мысли и тут же поспешила поспорить:

– Между прочим я делом занимаюсь. Важным делом. От которого во многом зависят наши жизни и наше будущее.

Чисто теоретически она, конечно, права, – согласился я. Знать врага, его слабости, особенности, привычки и повадки всегда полезно. Вот только времени у нас на это нет. Стреляй во всех чужих без разбору. Вот то, что мы должны сейчас делать, вот то, что сейчас нас спасет.

Если я участвовал в разговоре Нины с Томасом только мысленно, то они, похоже, зацепили свою «любимую» тему и начали обмениваться не только словами, но и эмоциями. Этого мне сейчас только и не доставало!

– Лучше расскажи, кто это тебе сделал такой «великолеп-

ный» макияж? – я опередил Крайчека, который уже открыл рот, готовясь ответить на возмущенную реплику жены.

– Попали в ловушку, подстроенную кентаврами, – Нина силой воли усмирила свой гнев.

– Чего?! – не поверил своим ушам я. Два понятия «кентавры» и «ловушка» не соединялись в моем мозгу воедино, как я ни старался. Кентавры это словно наводнение, словно нашествие саранчи. Мощь, напор, злоба, но полное отсутствие осознанных действий.

– Вот об этом, Максим, я и хотел с тобой поговорить, – нитью беседы завладел Крайчек.

– Полагаю, тут без сто грамм не разобраться, – я покосился на давно налитые кружки.

– Потом, – отмахнулся Томас. – Чтобы разобраться, понадобится чистая голова.

– Вот мы ее и продезинфицируем.

Тут я понял, что американская сторона так и не вкурила биохимию российского мозга. Она наивно полагает, что горючее требуется только автомобилям. Нет, друг дорогой, для творческой мысли этил вещь незаменимая. Проверено десятками поколений. Вы думаете, почему мы раньше вас самолет изобрели и в космос слетали? Правильно, потому что в трезвом состоянии такое и в голову никому не придет.

Пока Томас растерянно клипал глазами, я подцепил свою кружку и одним махом опрокинул ее себе в рот. Вкус и аромат отечества разлился по горлу, и я даже не стал его портить

хрустящей приправой под названием печенье «Чайное».

– Вот теперь можете выкладывать, что у вас там... – я присел на краешек письменного стола и сложил руки на груди.

– Алкоголик, – став свидетелем той поспешности, с которой я проглотил огненную жидкость, сделала вывод Нина.

– Старый солдат, – поправил ее я.

Очевидно, приобщиться к доблестному полку русских воинов захотелось и Крайчеку. Он тоже потянулся за своей кружкой. Под испепеляющим взглядом жены начальник лагеря сделал один большой глоток.

– Нин, ты не волнуйся, – решил заступиться за товарища я. – С тех трехсот грамм, что оставались в бутылке, мы все равно не уьемся.

Томас сразу сообразил, что я намекаю на продолжение банкета, и мужественно отставил бутылку в сторону.

– Это для следующей встречи, – заявил он.

– Ну, если вы где-то смысленых кентавров откопали, то она может и не состояться, – невесело пошутил я.

– Я так полагаю, что смыслеными они станут одновременно и повсюду, – задумчиво произнесла Нина, а, натолкнувшись на мой вопросительный взгляд, уточнила: – Они, Максим, эволюционируют, причем довольно быстро. Год назад, когда мы их повстречали впервые, кентавры сразу кидались в атаку и неважно, пусть их даже ждали укрепления и пулеметы. Но сейчас все изменилось. К лагерю они подкрадываются скрытно и нападают лишь когда обнаружат сла-

бину. Вот, например, твой сегодняшний въезд. Я даже не сомневаюсь, что кентавры вели бронетранспортер издалека. Они сообразили, что когда ты будешь въезжать внутрь, ворота останутся открытыми достаточно долго.

– Нина, а ты случайно не драматизируешь ситуацию? – я снисходительно улыбнулся. – Собак тоже приучают не гадить на ковер, но это никогда не именовалось эволюцией.

– Перехожу к другим фактам, – не сдалась Нина. – Они начали разводить огонь.

– Огонь, это серьезно, – присвистнул я.

– И не просто разводить огонь, – казалось, женщина решила меня окончательно доконать, – кентавры начали готовить на нем пищу. На северной окраине города мы натолкнулись на их стоянку. – Тут Нина поежилась как от холода. – Там они зажарили и съели двух людей.

Вот тут меня по-настоящему проняло. В и без того уже длинном списке под заголовком «Как оригинально расстаться с жизнью» появился новый пункт – быть зажаренным на костре. И самое пренеприятное в этом было то, что коммивояжер вроде меня, проводящий в дороге большую часть своей жизни, шансов на него имел как никто другой. Тут я попытался себя успокоить. Кентавры ведь пока к БТРу не лезли. Видать понимали, что этот огромный рычащий зверь им не по зубам, оттого и побаивались. Но даже если бы тварям и удалось подобраться близко, что с того? Голыми лапами броню не возьмешь. А если не голыми?

Вместе с этим вопросом в мозг забрался маленький червячок сомнения. Нина говорила о каких-то ловушках. А не могут ли они быть опасны и для боевой машины?

– Ты так и не рассказала, что с тобой приключилось? – напомнил я первой леди Одинцово.

Женщина догадалась, в каком контексте меня интересовала эта история и не стала делать длинного вступления:

– Попалась как дура. Прозаическая волчья яма. И как я ее не разглядела?! Главное, видела же, что что-то не так. Недавно еще стоял сарайчик, целехонький такой. И вдруг рухнул. Да так рухнул, что только узенький проход и остался. И другого пути нет.

– И как же уцелела?

– Разведчики подросли. Девчонка тут одна объявилась, снайпер. Она всех зверей, что на меня кинулись, и положила. А ребята в это время меня откапывали.

Услышав о снайпере, я вопросительно поглядел на Крайчека, мол, что... Лиза постаралась? Тот понял и кивнул. И был этот кивок полон гордости, как у футбольного тренера, подписавшего контракт с молодой восходящей звездой.

На нашу пантомиму Нина не обратила особого внимания. Ее, похоже, уже захватил лекторский азарт, тем более, когда имелся, по крайней мере, один слушатель, для которого ее открытия в кентавроведении это новость, абсолютная новость.

– Кстати, Максим, ты знаешь, что человеку для того, что-

бы добыть огонь или научиться строить первые примитивные ловушки понадобились сотни тысяч лет эволюции. А кентавры сделали это чуть больше, чем за год.

Нина стала ходить перед нами взад и вперед, от чего я почувствовал себя учащимся средней школы на уроке по зоологии. Правда, в отличие от школьника я мог перебивать учителя и задавать ему вопросы, в том числе и самые дурацкие.

– Ты намекаешь, что они круче, чем мы?

Я спросил и тут же подумал, что вопрос действительно дурацкий. Как можно сравнивать нас, людей, и этих многоногих лупатых ящериц? Однако, ответ Нины выглядел еще более безумным:

– Круче не они, круче переданные им технологии.

Секунд пять-десять я пытался понять какой-то бред только что услышал. Так и не понял. Какие технологии? Кому переданные? Третий по счету вопрос, который возник в моей голове, был: Что за дрянью напоил меня Крайчек? Правда, мы пили ее и в прошлый мой приезд. А я что-то не слыхал, чтобы водка могла скиснуть.

– Ты не ослышался, – Нина поняла мое недоумение. Она тут же перевела взгляд на мужа и попросила: – Том, покажи ему.

Крайчек тяжело вздохнул, вытянул из кармана ключ и отпер вторую тумбу письменного стола. Я хорошо знал, что начальник лагеря использует это место как сейф. Естественно,

никаких особых секретов там быть не могло, но все же человека не переделаешь. Списки, планы, личные записи и архивы он все равно норовит упрятать под замок.

Именно из этого хранилища одинцовских «секретов» Томас и добыл небольшую картонную коробку. Она была чуток поменьше обувной, наверняка от какого-то бытового прибора. Может от ТВ-тюнера или настольных часов. Крайчек поставил коробку на стол рядом со мной и кивнул в ее сторону:
– Загляни внутрь, Макс.

Долго уговаривать меня не пришлось. Я тут же протянул руку и сорвал слегка примятую крышку. В первый момент показалось, что внутри лежат женские украшения. Штук пять одинаковых размером с ладонь брошек с какими-то мутными полудрагоценными камнями темно-синего и гранатово-красного цвета. Чтобы получше разглядеть эти штуковины, я осторожно взял одну из них и стал вертеть в руках. Странные брошки. Основа из белого металла. Неправильный треугольник с закругленными концами. Камешки лежали по периметру и прямо из них выходили тоненькие серебристые нити, которые сходились в самом центре у небольшого сферического уплотнения. Цветные кристаллы со вживленными в них металлическими усиками мне что-то смутно напомнили. Что-то до боли знакомое, виденное сотни раз. И это... это... Ну, конечно же... это светодиоды!

Осознав это, я удивленно посмотрел сперва на Нину, а затем на Томаса:

– Где вы это откопали?

– Такие штуковины вшиты в голову каждого кентавра, – Крайчек полез в коробку и добыл оттуда еще одну пластинку. – Когда мы их извлекали, кристаллы светились и продолжали светиться еще минут пять. Правда, все слабее и слабее, как будто в них иссякала энергия.

– Так, погодите, – я сжал виски ладонями и попытался сосредоточиться. – Вы считаете, что при помощи этих пластин кентавры... Что? Думают? Обучаются? Развиваются?

– Похоже, понятие «развиваются» здесь подходит лучше всего, – согласилась Нина.

– Мы на сто процентов не можем быть уверены, что трансформация кентавров идет под воздействием этих устройств, – возразил жене Томас. – Возможно кентавры по самой своей природе такие... перспективные, что ли. А эти приборы могут быть датчиками или маяками, или еще чем-нибудь подобным. Пока совершенно ясно лишь одно – кентавры это не паразиты, от которых ханхи вычищали свои корабли. Кентавров специально оставили на Земле.

– Для чего? – изумился я.

– Пока не понятно, – продолжила за мужа Нина. – Единственное, что можно сказать совершенно точно, что они теперь наши главные конкуренты. – Биолог нахмурилась. – Мне даже кажется вопрос следует поставить гораздо жестче. Или мы, или они.

Только Нина произнесла эти слова, как воздух завибри-

ровал от пронзительного воя сирены.

– Слушайте! – требуя внимания, Крайчек поднял указательный палец.

Сирена выла всего секунд десять, а затем резко заглохла.

– Короткая, – вздохнула с облегчением Нина.

– Слава богу, – согласился с ней Томас. – Это не атака, это ветер с Проклятых земель.

– Тут у тебя как? Надежно? – я оценивающе покосился на законопаченные тряпками щели в оконной раме.

– Ни в чем нельзя быть уверенным. Так что либо одеваем противогазы, либо спускаемся в убежище.

– В убежище, – высказала свое мнение Нина.

– В убежище.

Я поддержал женщину, поскольку жуть как не любил надевать свой противогаз. Это, наверное, потому, что раздобыл я его совсем не на складе, а снял с головы трупца, который, судя по его внешнему виду, преставился дней так пять тому назад. Естественно, маску я потом мыл, и не однократно. Даже полбутылки «Русского леса» на нее не пожалел. Но только вот память от той вони, о том распухшем лице преследовала меня и по сей день.

Убежище в Одинцово являлось одновременно санчастью, столовой и продовольственным складом, что было вполне резонно. Люди да скудные запасы провизии это как раз то, что следовало беречь пуще всего. Не удивительно, что для

вышеперечисленных целей выбрали вместительное сооружение, которое находилось внутри периметра, подальше от стен. Лучше что нашлось, это какой-то заброшенный спортивный зал, пристроенный к торцу панельной четырнадцатиэтажки. Зал был невелик, и не мог вместить все население лагеря. Именно поэтому поселенцам пришлось также задействовать подвалы и первый этаж жилого дома.

Строители убежища в начале пошли по накатанному пути: окна и двери заложили кирпичом и заштукатурили. Однако такая защита показалась людям недостаточной, и на общем собрании было принято решение навалить на стены земляной вал. Слава богу делать это пришлось не вручную. На близлежащей стройке обнаружился бульдозер. Он то и сделал почти всю работу, укоротив четырнадцатиэтажное здание на один этаж, который вместе со спортзалом утонул в глубине рукотворного холма. Машина и сейчас стояла недалеко от дома. Правда, больше она не могла быть полезной людям. Сломалась в самом конце работ, а запчастей, естественно, взять было негде. Вот и застыл гусеничный «Катерпиллар» как монумент во славу борцов за лучшее будущее этого мира.

Оторвав взгляд от бульдозера, я поглядел на небо. Вроде чистое. Смертоносных туч пока не видно. Наблюдатели Крайчека, несущие службу на крышах, должно быть заметили их издали и заранее подали сигнал. Молодцы! В убежище заблаговременно придут все кому положено, все, у ко-

го нет противогазов. Эх, жаль, до складов химзащиты я пока добраться не могу, а то бы мы живо решили эту проблему.

– Поторапливайтесь, друзья, поторапливайтесь!

Томас стоял рядом и как регулировщик руководил жиденьким людским потоком, текущим к массивным грубо, но зато надежно сваренным дверям. Бункер имел еще два входа. Тот, возле которого мы стояли, был самым широким, удобным и нестесненным тисками шлюзовых камер. Именно поэтому женщины с детьми и люди преклонного возраста предпочитали именно его.

– Пошли, – я толкнул Крайчека в бок. – Народ и без тебя знает куда идти.

– Ничего ты не понимаешь, – шикнул он на меня. – Люли должны видеть, что их лидер с ними, что он болеет и заботится о них.

– Это тебя в Лэндли научили или своим умом дошел?

– Я бы сказал процесс был ком-би-ни-ро-ванным, – американец по слогам произнес сложное слово.

– Вон оно как, – протянул я и перевел взгляд на приближающуюся Нину. Та подотстала, так как заглянула в их с Томасом комнату. Предвидя длительную отсидку под землей, биолог захотела полистать кое-какие свои записи.

– А вот и я. Теперь можно идти. – Нина наивно предположила, что мы ожидали именно ее.

– Да, пожалуй, – Крайчек поверх головы жены поглядел на последних, слегка припозднившихся колонистов, уже почти

поравнявшихся с нами.

Как только Нина, пожилая женщина с маленьким мальчиком, должно быть внуком, и молодая семейная пара юркнули внутрь, Томас взял в руку кусок водопроводной трубы, который был приставлен к дверному косяку, и несколько раз ударил по подвешенному рядом обрезку швеллера. Три гулких удара разнеслись по опустевшему лагерю. Это был сигнал означавший, что главные ворота убежища закрываются. Теперь если кто-либо пожелает попасть внутрь, то сделать это он сможет только лишь через две узкие резервные ходы оборудованные примитивными шлюзовыми камерами. Оба они располагались с другой стороны здания. Один вел к мастерским, второй глядел прямо на недостроенные Южные ворота.

– Вот теперь действительно все, – Крайчек захлопнул толстую металлическую дверь и с силой потянул ручку на себя. Когда створка основательно вдавилась в резиновый уплотнитель, Томас задвинул засов.

Внутри горела тусклая электролампочка, пахло плесенью, человеческим потом, дымом и подгоревшей кашей. Еще несколько лет назад вся эта экстремальная экзотика у любого нормального человека вызвала бы чувство неприязни, если не отвращения. Но теперь... теперь все изменилось. И этот прогорклый подземный мир превратился в оазис жизни и безопасности, стал тем, что мы с теплотой именуем домом.

Когда-то в этом здании все было по-другому. Я не знал

как, так как люди Крайчека перестроили его без моего участия. То, что увидел я, первый раз попав сюда, были нештукатуренные, но довольно умело сложенные толстые перестенки. Кстати они и нынче точно такие же, грубые и прочные, красуются мозаикой из, как минимум, четырех типов кирпичей. Стены делят бывший спорткомплекс на три части: тамбур, где мы сейчас и находились, кухню и большой обеденный зал. Другие жилые и подсобные помещения, включая санчасть, кладовые, емкости для воды, находились в здании примыкающей четырнадцатietàжки. Пройти туда можно было через два прохода, пробитые в стене.

Еще из коридора я услышал монотонный гул множества голосов и звон металлической посуды. Оно и понятно, сейчас в убежище собралось почти все местное население за исключением, пожалуй, лишь тех немногочисленных часовых, которые в противогазах и ОЗК остались нести вахту на стенах.

Тревога по времени совпала с ужином. Появление ядовитых облаков это бесспорно опасность, но только не для тех, кто оказался под защитой толстых стен и земляной насыпи. Люди знали это и не испытывали страха. Они спокойно поглощали свои скудные пайки, переговаривались друг с другом, делились новостями, слухами и личными, чаще всего не очень веселыми мыслями.

Все так и было. Ступив на порог общего зала, я окунулся в плотное облако тяжелого спертго воздуха, увидел жел-

тый свет десятка электрических лампочек, ряды составленных друг с другом столов, за которыми сидело, по меньшей мере, три сотни человек. Места в зале всем не хватало, поэтому ели в несколько смен. Кто не хотел ждать, тот забирал свою порцию, уходил в одну из комнат внутри четырнадцатипятиэтажки и жевал там, сидя на матрасах или грубо сколоченных нарах. Крайчек сперва был против такой практики. Настаивал чтобы все питались в строго отведенном для этого месте, чтобы не оставляли крошки и жирные пятна, которые вполне вероятно привлекут мелких инопланетных паразитов. Однако вскоре стало понятно, что у голодных истощенных людей ни одна крошка, ни одна капля не упадет на пол. Они вылизывали миски так, что те даже не приходилось мыть.

Стоило лишь подумать о горячей пище, как в животе у меня протяжно заурчало. Должно быть громко заурчало, так как стоящая рядом Нина услышала, поглядела на меня и улыбнулась:

– Доставай свою миску, Максим. Сегодня на ужин ячневая каша с мясом.

– С мясом? – не поверил своим ушам я.

– Охотники постарались.

– А-а-а... – с пониманием протянул я и тут же полез в вещмешок за котелком.

Возле раздаточного окна как раз никого не было, поэтому нам не пришлось стоять в очереди. Улыбчивая пожилая

женщина в белой ситцевой косынке и цветастом клеенчатом фартуке положила нам по черпаку серой, заправленной комбижиром каши и кинула сверху по куску вареного мяса. Глядя на него, меня поразило две вещи. Во-первых, размер куска – грамм двести. С чего вдруг такая щедрость? А во-вторых, его цвет. Мясо было розоватое, даже с каким-то фиолетовым оттенком, как будто его приправили раствором марганцовки.

– Идемте, наш стол свободен.

Томас указал на четыре ученические парты, которые стояли в ближнем ко входу углу, чуток особняком от всех остальных. Обычно именно за ними принимало пищу руководство лагеря. И это совсем не потому, что отцы-основатели хотели как-то выделиться. Просто именно в такие короткие минуты отдыха они имели возможность посоветоваться, а некоторые темы вовсе не предназначались для посторонних ушей.

Однако сейчас серьезных дебатов не предвиделось. За командирским столом сидело всего два человека. Я знал их обоих. Это были инженер Ковалев и ответственный за подготовку групп, работающих вне лагеря, майор Нестеров – старый одинцовский милиционер, родившийся и выросший в этом городке.

Назвав Нестерова милиционером, я почему-то вспомнил, что за несколько лет до войны после длительных и жарких дебатов, милицию все же переименовали в полицию. Но только вот это название все никак не хотело приживаться.

Действительно, какой же русский, в прошлом советский человек назовет мента полицейским? Смешно! Мент он для нас всегда и останется ментом. И это даже не профессия, это диагноз.

Наше появление собеседники заметили уже давно и теперь призывно махали руками. Не думаю, что эти двое соскучились по своему командиру. Скорее хотели заполучить меня – человека, который кочует от поселения к поселению и перевозит не только оружие и боеприпасы, но и последние новости. По первым словам Нестерова я понял, что не ошибся.

– Привет, полковник. Как дела? Что нового творится в мире?

– Здорово, мужики, – я поочередно пожал две протянутые мне руки. – В мире все по-старому, все на букву «Х».

– И что, ни одной хорошей новости? – поинтересовался майор.

– Почему же, одна имеется, – я поставил крышку от котелка на стол и уселся между ним и Крайчком. – Я тут на подъезде к Кутузовскому навозного льва завалил, и не одного, а со всем выводком. Так что с вас, как говорится, причитается.

– Блин, а я то думал, что за фигня там творится? – развел руками Нестеров. – Не возвращаются люди с Минского шоссе, хоть ты тресни. Две группы за неделю потерял.

– Неужто ты сам его грохнул? – удивленно поглядел на

меня сидевший напротив Ковалев.

– Повезло, – я не стал хвастаться. – Просто повезло.

– Ты больше из БТРа не выходи, – почти приказал мне Томас. – Нам тут всем без тебя придется очень и очень плохо.

– Да я как-то и сам не спешу на тот свет, – я кисло улыбнулся.

– Э, ну вы чего? Заговорили человека! – спохватилась Нина. – Поесть не даете. Ты ешь, Максим Григорьевич, ешь, пока горячее.

– Угу.

Я набрал полную ложку каши и сунул в рот. Хорошо! Вкус оседлой жизни. Не то, что те концентраты, которыми по большей части доводится питаться мне. Перед тем, как откусить кусок мяса, я его долго изучал. Все же странное оно какое-то.

– Все нормально, Максим, – улыбнулась женщина, уловив мою неуверенность. – Можешь глотать спокойно. Мы тут его уже третий день едим. И ничего... пока все живы и здоровы.

– Третий день? – изумился я. – Кого же это вы подстрелили? Не иначе слон приبلудился?

– Нет, – улыбнулась Нина, – это черви. Здоровенные такие, размером с телеграфный столб. Выползли из-под земли тут неподалеку, у озера. Как будто специально к нам на сковородку спешили.

– Черви? – мне жуть как не хотелось обижать хозяйку дома, но я не сдержался и скривился от гадливости. – Цирк-

зоопарк, выходит, это мы червяков лопаем, да еще и не наших, не земных!

– Не паникуй, – женщина успокаивающе похлопала меня по руке – Эти животные только по своему внешнему виду напоминают наших червей. Внутреннее строение у них более сложное, как у земноводных, ну и мышечная ткань соответственно... мясо то есть. Так что можешь представить, что жуешь лягушку – французский деликатес, между прочим.

Подавая пример, Нина впилась зубами в свою порцию, откусила большой кусок и стала его старательно пережевывать.

– Животный белок нам позарез нужен, – произнесла она с полным ртом. – А это... это по вкусу на рыбу похоже, только потверже будет. Ты попробуй.

– Посолить не забудь, – Ковалев подвинул ко мне солянку, сделанную из разрезанной пивной банки.

С сделанным любопытством я откусил небольшой кусочек. Перемолов его челюстями, согласно кивнул:

– Точно, похоже на рыбу, – а про себя подумал: – Только слегка протухшую.

Но Нина права, организму белок просто необходим. Именно поэтому я проглотил первый кусок и тут же откусил второй. Наслаждаясь инопланетным «деликатесом», я старался не думать откуда он выполз и где гнезвился на кораблях ханхов. Не хотелось бы, чтобы это оказались какие-то солитеры, ползавшие в брюхах у пришельцев. Ведь вполне вероятно, что ханхи это исполинские существа. Их так никто

и не видел, но судя по размерам кораблей... Звездолеты и впрямь были исполинскими, бесчисленные Эвересты в один «прекрасный» день опустившиеся на нашу планету. Возможно именно сейчас я непременно должен был вспомнить эту завораживающую картину, однако почему-то не получалось. На ум приходили лишь те горы дерьма, которые должны были производить огромные желудки. И все это небось рухнуло на нашу Землю-матушку. Вместе с червяками, львами и прочей нечистью, которую мы уже задолбались истреблять.

Рожа у меня от всех этих мыслей должно быть выглядела не очень счастливой. Полагаю именно поэтому Нина и предложила:

– Давай-ка я тебе чайку принесу. С ним лучше проходит. – Женщина протянула руку и взяла мою кружку. – У нас сегодня ромашковый. В одной аптеке раздобыли. Пакеты были полиэтиленовые герметичные, так что содержимое ничуть не пострадало.

– Прекрасно! – мигом согласился я. Ромашковый это как раз то, что мне сейчас и надо! Он ведь противовоспалительный и дезинфицирует, кажись, тоже.

Мою так сказать неуверенность по поводу подаваемого нынче блюда заметила пожалуй только лишь Нина. Мужикам было не до этого. Мужики думали совсем о другом. Когда женщина отошла, Нестеров наклонился ко мне и негромко спросил:

– Григорич, ты еще сколько продержишься? Я имею в ви-

ду, как долго сможешь снабжать нас патронами?

Услышав это вопрос, я сразу позабыл о происхождении содержимого своего котелка.

– Все зависит от того, как быстро вы их будете тратить.

– Ты не юли, – пристально поглядел на меня милиционер. – Понимаю, что не хочешь своих секретов выдавать... И все же сколько? Полгода? Год?

– Где-то так, – сдался я.

– А потом что?

– В Климовске патронный завод есть. Местные предлагают его восстановить. – Я приступил к еще одной части своей работы – ведению переговоров, посредничеству и координации действий между отдельными колониями.

– Завод это интересно! – оживился Крайчек.

– Завод это из области фантастики, – покачал головой молчавший до этого инженер Ковалев. – Потребуется сырье, кадры, море электроэнергии...

– Электроэнергия это до мэнэ, – за спиной послышался русско-украинский суржик, и тяжелая рука похлопала меня по плечу. – Привет, хлопец, с приездом тебя.

– Привет, Микола!

Я встал и крепко пожал огромную пятерню бригадира электриков Николая Горобца. Большой добродушный человек. С ним всегда интересно и легко общаться. Николай был свято уверен, что неразрешимых проблем на свете не существует, по крайней мере, в технике. Горобец бесцеремонно

втиснулся между мной и Крайчеком.

– А ну, подвинься, клятый американец. Дай мне з лудиною побалакати.

Томас хмыкнул, но все же свой стул подвинул. Микола уселся, поставил на стол миску с кашей и, даже не притронувшись к ней, спросил:

– Ну, так шо ты там говорил?

– Климовские пытаются патронный завод запустить, но их там всего около четырехсот душ, это включая женщин, стариков и детей. Заводских человек десять. Так что без посторонней помощи они это дело не осият.

– В Климовске какие патроны выпускали? – поинтересовался Нестеров.

– В основном всякую спецуху для нужд ФСБ и армейских спецподразделений. Ну и 7,62 образца сорок третьего года.

– А 5,45 для Калашникова?

– 5,45 в Туле делали. Это если говорить о ближних к нам заводах.

– Нету больше Тулы, – со вздохом напомнил Ковалев.

– А перестроить технологический процесс под патроны 5,45 возможно? – продолжил свою мысль майор.

– Не уверен, что сейчас это будет легко сделать.

Я понял куда клонит милиционер. Автоматов калибра 7,62 практически не осталось. В Одинцово их отыщется десятка два, не более. В основном люди вооружены малокалиберными АК-74. Примерно также обстояли дела и в других

поселениях.

– Вот видишь, – невесело покачал головой Нестеров. – Спрашивается, на кой черт нам патроны, которые не подходят к имеющемуся оружию?

– И все же идея неплохая, – не согласился с майором Томас Крайчек. – Нам не следует жить только сегодняшним днем. Надо думать о будущем. Запустим завод, начнем производить калибр 7,62, а потом потихоньку можно начинать модернизацию.

– Я згодэн с Томасом! – подал голос Микола Горобец.

– Теоретически... – начал было Ковалев.

– Лично у меня Калашников 7,62, – Нина поставила на стол две кружки с дымящимся чаем, мою и свою.

– О, ця жинка знет шо говорит, – загоготал сочным басом Микола.

– Значит, я могу передать, что Одинцовцы в общем согласны? – обрадовался я, вспоминая что и мой АКМС с причмокиванием пожирает семимиллиметровые патроны образца 1943 года.

– Можешь, – принял решение Крайчек.

– Ох, боюсь, что все это напрасная трата времени и сил, – старый милиционер продолжал портить всем настроение. – Даже если к концу года завод и начнет выпускать патроны, то что это решит? Кто ими будет стрелять? Мы проигрываем. Нас становится все меньше и меньше.

После слов майора за столом повисла кладбищенская ти-

шина. До каждого из присутствующих отчетливо дошло, что они схватились за идею Климовцев только лишь потому, что это соломинка, та самая соломинка, за которую цепляется утопающий. Для того чтобы выжить, людям потребуется что-то большее, гораздо большее, чем груды ящиков с боеприпасами.

Неожиданно где-то невдалеке послышались крики, грохот опрокидываемых стульев и шум ожесточенной потасовки. Все мы тут же оглянулись, а Крайчек даже вскочил на ноги. Долг командира велел ему немедленно прекратить творящееся безобразие.

Не успеет, – подумал я. – Морду кому-то начистят еще до того, как суровый и справедливый босс вмешается. И это даже не потому, что махалово началось через целых три ряда от нас. Моя уверенность базировалась на том, что я знал одного из дерущихся.

Пашка как молодой резвый бычок протаранил худощавого долговязого парня, опрокинул того на стол и с криками: «Получи, гад!» остервенело штемпелевал кулаком его физиономию. Хотя на вид долговязый и был значительно старше и сильнее моего давешнего знакомого, однако, ничего с ним поделать не мог. Он лишь защищался. А в Пашку словно бес вселился. К ударам кулаков он подключил довольно профессиональные удары локтями в грудь и живот своего противника.

– Прекратить! Немедленно прекратить! – закричал Край-

чек и ринулся к очагу беспорядка.

Крик командира словно пробудил стоявших вокруг людей, и те кинулись разнимать дерущихся. Когда Томас подбежал, Пашку уже оттянули в сторону, но он как волчонок рычал и вырывался, норовя еще хоть разок приложить своего врага. Заметьте не обидчика или соперника, а врага, именно врага. Им и ни кем иным был для мальчишки этот человек. И Пашка испытывал к нему не просто неприязнь, в его глазах горела жажда крови.

Правда кровь уже была. Она ручейками текла из разбитого носа жертвы Пашкиной агрессии. Парень пытался ее вытереть рукавом, но еще больше размазывал по всему лицу. Какая-то женщина сжалилась и протянула ему мятый клетчатый носовой платок.

– Так... Что тут происходит? – Крайчек гневно сверкнул глазами на Павла. Инцидент было сложно назвать дракой, скорее избиение. Причем без микроскопа было видно кто кого бил.

– Эта сволочь... – Пашка задыхался от гнева. – Он был вместе с дядей Витей... с Сотниковым. Он сбежал, бросил его. Поэтому дядя Витя и погиб.

Крайчек медленно перевел взгляд на парня с окровавленным лицом. Даже издалека я заметил, каким ледяным и беспощадным стал этот взгляд.

Дело принимало нехороший оборот. Это не разборки из-за девчонки или места в очереди за едой. Тут пахивало на-

стоящим тяжким преступлением, за которое могут и турнуть из лагеря. Это понял не только я, это поняли все сидевшие за командирским столом. Мы как по команде поднялись и двинулись к месту событий.

В это время парень начал говорить:

– Я... я ничего не мог поделать, – он хлипал разбитым носом. – Наездников было несколько. Они кинулись и на меня. Я отстреливался, пытался прикрыть Виктора Семеновича. Но тут из-за машины выпрыгнул еще один. Он накрыл Сотникова. Что я мог сделать? Стрелять по нему?

– А дальше? – Крайчек внимательно смотрел в лицо разведчика. Я видел, что он пытается понять врет тот или нет.

– Мне пришлось отступить и бежать через подъезд. Вы ведь знаете, наездники в узких помещениях не очень проворные.

– Да, знаю.

Томас протянул это задумчиво, чисто автоматически, так как переваривал услышанное. Неожиданно он обернулся и обратился ко мне:

– Максим Григорьевич, а ведь ты, кажется, там неподалеку был? Стрельбу случайно не слышал?

– Вроде, не слышал, – я пожал плечами. – Но мы ведь в БТ-Ре сидели. Двигатель ревет, мы разговаривали, так что сам понимаешь, вполне могли что-нибудь и пропустить.

Я отвечал на вопрос Томаса, а сам не мог отделаться от ощущения, что в коротком рассказе напарника погибшего

Сотникова что-то слегка не вяжется. Вот только что? Пытаясь понять это, я вспомнил тот далеко не самый приятный эпизод, когда колесами своей «восмедисятки» раздавил лежащего посреди дороги еще живого человека. Стоп! Вот оно! Сотников лежал посреди Можайского шоссе, и рядом с ним никаких автомашин не было и в помине. Выходит, он бежал, а наездник гнался за ним. Причем один наездник. Если бы их было двое, то пировали бы обе твари. Получается, никакого неожиданного нападения не было. А чего не было еще? Я перевел взгляд с молодого человека на валявшийся у его ног АК-74.

– Твой автомат? – спросил я у горе-разведчика.

– Мой, – тот угрюмо кивнул.

– Дай сюда, – я требовательно протянул руку. Черт побери, не мне же, старому полковнику гнуть спину.

Парень наклонился, одной рукой взялся за цевье и протянул мне оружие. Он, должно быть, решил, что я просто не доверяю ему и предлагаю подобру-поздорову разоружиться. Наивный. У старого, знающего свое дело, зама по вооружению на уме было совсем иное.

Я тут же отсоединил магазин, открыл крышку ствольной коробки, извлек возвратный механизм и вытянул затворную раму. Затем я заглянул в ствол. Ствол грязный, но нагару этому было уже так с неделю, а на нарезке уселись крошечные ржавые бисеринки – напоминание о тумане, погостившем внутри как минимум пару дней назад.

– Не стрелял ты, друг дорогой, из автомата, – я передал оружие Крайчеку. – И автомобилей возле трупы Сотникова я не видел. Так что получается ты все врешь. Струсил ты, вот и сбежал.

– У-у-у, хлопец, тогда ты попал, – начал выдвигаться из-за моей спины Микола Горобец.

– погоди, Николай, – остановил его Нестеров. – Так нельзя. Для этого правила существуют.

– О, менты о законе вспомнили! – вырвалось у Горобца.

– Хватит! – рявкнул на своих коллег Крайчек. – Сейчас еще только ваших сор не хватает. – Томас бросил автомат на стол. – Майор прав. Правила у нас действительно существуют. Без правил мы не люди, а животные. Так что и будем поступать согласно правилам.

Начальник лагеря повернулся к молодому человеку, у которого, насколько я мог заметить, дрожали колени.

– Ты, Сергей, пришел к нам с оружием?

Тот молча кивнул.

– Тогда забирай его и уходи. Сегодня уже поздно, ночь скоро. А завтра с утра собирайся и уходи.

– Куда же я... – начал было парень, но тут же осекся. Должно быть понял – прощения не будет. Он так и замер с поникшими плечами и низко опущенной головой.

– Все, инцидент исчерпан, – громко объявил Нестеров, а затем, обведя суровым взглядом собравшуюся вокруг толпу, добавил: – Кто тронет Сергея, сам отправится вслед за ним.

Даю слово.

Клятва милиционера предназначалась всем присутствующим, но в особенности Пашке, который стоял напротив.

– Расходитесь и продолжайте ужин, – приказал Крайчек, и тут же громко, так, чтобы слышали стоящие рядом люди, обратился к Нестерову: – Завтра сам проследишь, чтобы он ушел.

– Сделаю, – пообещал милиционер.

Продолжение ужина оказалось основательно подпорчено. Инцидент оставил свой мерзкий отпечаток на всех без исключения. Мы сидели угрюмые и молчаливые, задумчиво уставившись в миски с едой. Каждый понимал, что шансы Сергея практически равны нулю. До Подольска далеко, километров сорок пять, это если по прямой. До Красногорска и Звенигорода вдвое ближе, но идти придется через земли, по которым кочуют стада кентавров.

Подумав о кентаврах, я вдруг вспомнил то, о чем всего час назад поведала мне Нина. Кентавры теперь не просто пожирают людей, они их готовят. И от этой мысли мне сделалось совсем тошно. Сразу представился труп этого недотепы Сергея, дымящийся и обугленный, болтающийся на примитивном вертеле. Аппетит сразу пропал, и я отодвинул в сторону крышку от котелка со своей пайкой.

– Наелся? – Крайчек с подозрением глянул на меня.

– Что-то в горло не лезет, – пробубнил я, выждал несколько секунд, а затем поинтересовался: – А этот парень... Сер-

гей, он давно у вас?

– Что, жалко стало? – вместо Томаса ответил майор Нестеров. – Жалеть тут никого нельзя. Время сейчас не то, чтобы жалеть. Дашь слабину одному, второму, тут и придет конец всему тому, что нам с таким трудом удалось построить. Людей сейчас никто не воспитывает, ничто не сдерживает, поэтому законы нашего поселения это и есть тот последний барьер, за которым наступит хаос, беспредел и анархия. А этот молокосос, он предал своего товарища. И тот погиб. Еще повезло, что погиб лишь один Сотников. Если бы Блюмер, к примеру, стоял на воротах и сдрейфил там, то мы бы все легли, и стар, и млад.

– Да все я понимаю, майор! Что ты мне тут лекцию читаешь, – огрызнулся я. – Мне только удивительно одно: этот Сергей Блюмер... с первого взгляда видно, что он никакой не герой и не следопыт. Так какого рожна вы его в разведчики определили?

– Его идея была, как сейчас помню, – Нестеров ткнул пальцем в Крайчека.

Я слегка наклонился вперед и, выглянув из-за широкой груди Миколы Горобца, вопросительно покосился на Томаса.

– Да, я так решил, – подтвердил начальник лагеря. – Блюмер, Сотников, Лиза и Павел Орловы... они пришли к нам все вместе, пришли из Харькова. Я тогда подумал, что если люди выжили в многомесячном смертельно опасном походе,

значит они, как это говорится, везучие что ли. Значит лучше других приспособлены к условиям пустыши.

– И ты, доблестный наш милиционер, согласился с этим, – заступилась за мужа Нина.

– Согласился... – тяжело вздохнул Нестеров. – Хотя если честно, у меня сразу не лежала душа к этому мягкотелому интеллигенту.

– К Блюмеру?

– Ну да... к кому же еще. Ему бы у себя в институте проводки паять да кнопки нажимать. Так нет же, в разведку поперся, космонавт, блин, долбаный!

– Почему космонавт?

– Он в Харьковском Авиационном Институте работал или как там в последние годы эта богадельня именовалась... Академия что ли? Аспирант даже вроде.

Меня как-то сразу резанули слова Нестерова. Больно резанули. Сперва представился этот молодой человек в белом лабораторном халате с карандашом за ухом, колдующий над каким-то совершенным летательным аппаратом. А затем на смену этой картинке пришла другая: растерзанный труп, валяющийся в коричневой полуистлевшей траве. А над трупом пирующий лев. Он уже затащил часть тела себе в глотку и сейчас только и ждет, когда она раскиснет и размякнет. Тогда-то тварь и заглотит человека полностью.

За последние четверть часа это было уже второе видение, в котором я пророчил Сергею страшную мучительную

смерть. Может хватит?! Ведь некоторые утверждают, что наши мысли материальны. А я, все же не хочу для этого парня такой судьбы, даже не смотря на всю тяжесть его проступка. Пытаясь отделаться от засевшего в мозгу кошмара, я затряс головой, причем так резко, что все это заметили.

– Ты чего? – поинтересовался Микола.

– Пытаюсь переварить все сказанное вами, – сознался я.

– И как, получается? – подал голос Ковалев.

– Мало нас, – серьезно заметил я.

– В каком смысле? – не понял майор.

– Я говорю, людей мало на Земле осталось. И так легко их гробить это непозволительная роскошь.

– Ах, вот ты о чем! – хищно осклабился Нестеров. – Только видишь ли, решение уже принято. Оставлять Блюмера в лагере мы не имеем права.

– А что, если я его с собой заберу? – я внимательно обвел взглядом лица сидевших за столом людей. – Выкину где-нибудь под Троицком. Оттуда до Подольска километров двадцать. Должен дотопать.

– Я же объявил, что он завтра уйдет, – засомневался Крайчек.

– Посадите его на пару-тройку дней под арест, чтобы глаза не мозолил, – придумал я.

– А как же воспитательный момент? – не унимался Нестеров. – Прилюдное изгнание преступника это отменный урок для всех остальных.

– А ты, батенька, оказывается садист, – покачала головой Нина.

– Скорее инквизитор, – парировал милиционер. – Всю ересь на костер, причем с искренней верой в правоту своего поступка.

– Если уж так необходимо, посажу его в БТР связанного и с кляпом во рту, – то ли в шутку, то ли всерьез предложил я. – Пусть народ думает, что я Сергея на тот свет конвоирую. А вы по этому поводу храните гордое молчание.

Некоторое время все действительно молчали, словно репетировали. Единственное, что позволили себе отцы-основатели, так это обмен быстрыми многозначительными взглядами.

– Ну как, годится? – я решил подтолкнуть их к верному решению.

– Я за, – первой согласилась Нина.

– Мы тоже, – хором поддержали ее Горобец и Ковалев.

– А я не уверен... – начал было майор, но его перебил Крайчек.

– Ладно уж, сделаем как ты, Максим, предлагаешь. – После этих слов Томас обратился к Нестерову: – Майор, отведишь Блюмера в подвал и запрешь. Объяснишь, что его изгнание откладывается на три дня. И все, больше ничего не говори, пусть помучается, поломает голову что тут и к чему. Да, вот еще что... Автомат его спрячешь у себя. Смотри, чтобы не пропал.

– Подчиняюсь воле большинства, – милиционер поднял руки. Сделал Нестеров это как-то уж очень резво, отчего мне подумалось, что финал этой истории все же устроил его, снял камень с души.

Майор встал и ушел. Он изъявил желание поскорее справиться с порученным ему заданием. Сказал, что чем раньше упрячет преступника под замок, тем спокойнее всем будет. Блюмер, мол, сейчас в состоянии аффекта, черт его знает, что может вытворить. Не думаю, что Сергей действительно представлял угрозу. Скорее Нестеров почувствовал себя неуютно в нашей компании. Мы все тут такие белые и пушистые, а он один палач с руками по локти измазанными в кровь невинных жертв.

После ухода милиционера мы еще долго сидели. Сперва вчетвером, потом к нам присоединился профессор Дягилев и архитектор Хлебников. Оба они были наслышаны о случившемся и оба поддержали наше решение дать Сергею шанс.

Мало-помалу беседа отошла от недавнего происшествия, потом от событий последних лет, и мы хорошенько повспоминали былое житье-бытье, былой мир. Хлебников с Ниной даже попробовали в два голоса затянуть песню. «Черный ворон» у них хорошо получился. Натурально так, по-фронтальному. На столе лежало оружие, исполнитель был одет в старый офицерский китель, а исполнительница вся в бинтах и синяках. Так что ни дать, ни взять бойцы после жестокого

боя. И происходит все это году так в сорок третьем, где-нибудь на Курской дуге.

Надо сказать, что под протяжные звуки их голосов я и поплыл. Глаза стали закрываться, мысли путаться. Последнее, что я в этот день четко запомнил, были слова Крайчека: «А ну, мужики, покажите полковнику где он может прилечь».

Глава 3.

– Максим... Максим! – Кто-то тряс меня за плечо.

– А? Что? – Я резко вскочил, с ходу хватаясь за автомат.

– Да нормально все, успокойся, – Нина сидела рядом на корточках, а возле нее стояла зажженная керосиновая лампа. – Я тебя разбудить пришла, не то завтрак проспичь.

– Спасибо, Ниночка, – я расслабился и протер рукой глаза. – Бр-р-р... Чушь всякая снилась. Как побитый сейчас. Правду говорят: после сорока всю ночь спал, а чувство такое, будто пил и гулял.

Женщина улыбнулась:

– Не думаю, что тебе удалось выспаться. Мы ведь вчера допоздна засиделись, а сейчас восемь утра. Так что дрых ты от силы часов шесть.

– Да-да, – согласился я.

К этому моменту я уже более или менее раздуплился и мог оглядеться по сторонам. Ночь я провел в общей комнате. Когда-то это была гостиная одной из квартир первого

этажа четырнадцатэтажки, той смой, что вместе со спортзалом и образовывала убежище. Нар здесь не было. По периметру комнаты лежало с десятков ватных и паралоновых матрасов. Ну а мне, должно быть как гостю, достался мягкий, пружинный. В комнате мы с Ниной сейчас были одни. Весь народ уже давно пробудился и ушел. Только я один что-то заспался. Видать Крайчек это сразу заметил и послал ко мне дневального, который и должен был прокричать «Рота подъем!».

– Сейчас, Ниночка, я уже встаю. Свету бы добавить, а?

– Дизель уже два часа как выключили, – Нина отрицательно покачала головой. – Так что теперь придется довольствоваться керосинкой.

– Ладно, не голубых кровей, – я натянул свои армейские ботинки и стал их шнуровать. Пока занимался этим увлекательным делом, в голову пришла мысль: раз генератор заглушили, значит, в убежище больше нет нужды.

– Тучи ушли? – поинтересовался я.

– Ушли, – кивнула Нина. – Еще ночью ушли. Ветер сменился. Томас говорит, что за Одинцово стоит держаться хотя бы только потому, что тут преобладают западные и северо-западные ветра. Именно поэтому весь этот яд с Проклятых земель сюда доходит не так уж и часто.

– Это он правильно говорит, – я встал на ноги, накинул на плечи жилет, взял в руки вещмешок и автомат. – Я готов. Пошли, что ли?

Несколько минут мы брели по лабиринту обшарпанных комнат и коридоров. В свете керосиновой лампы мелькали то затертые бумажные обои, то дверные арки и фактурная отделка евроремонтов, то окрашенные масляной краской стены подъездов.

Чтобы превратить этаж в единое подземное общежитие, пришлось пробить множество новых дверей. Запомнить маршрут новичку казалось практически невозможным. Всякий раз, когда я попадал сюда, то ориентировался только лишь по нарисованным на стенах стрелкам. Но сейчас напрягаться не приходилось. Меня вел местный проводник.

Приближение к кухне сразу почувствовалось. По ушам ударил грохот кастрюль, а внос запах все той же ячневой каши.

– Что у нас на завтрак? – поинтересовался я, хотя уже догадался каким будет ответ.

– То же, что и на ужин, – рассмеялась Нина. – Только чай мятный.

– Мятный это хорошо, – я обрадовался хоть какому-то разнообразию.

– Давай котелок, я тебе наберу, – предложила женщина. – А ты пока сходи, умойся. Помнишь где?

– Идет, – я протянул Нине крышку от котелка и свернул в правый коридор.

Здесь уже сопровождать меня не требовалось. На стенах висело несколько коптящих масляных светильников. Ори-

ентируясь по ним, как по бакенам, указывающим кораблям безопасный фарватер, я быстро добрался до общественного умывальника.

В ванной комнате, в которую превратили целую трехкомнатную квартиру, я встретил майора Нестерова. Милиционер развел в кружке мыльную пену и готовился нанести ее на свою небритую физиономию.

– Приветствую правоохранительные органы, – поздоровался я.

– И вас туда же, – пошутил майор.

– Какие новости?

Я достал из вещмешка зубную щетку и абсолютно новый тюбик «Colgata». Благо с этим добром проблем пока не возникало. Мыло и зубной пасты в магазинах припасли на сто лет вперед. Вот только мыться теперь было некому.

– Если ты, полковник, о Блюмере, то с ним все нормально, – отозвался милиционер. – Сидит под замком.

– А новости кроме Блюмера? – я зачерпнул в кружку воды. Три больших оцинкованных бака стояли в углу комнаты.

– Я с утра разведчиков отправил на поиски того самого продсклада. – Нестеров облезлым помазком начал усердно мылить щеки и подбородок.

– Сколько людей послал? – я замер, так и не засунув зубную щетку в рот.

– Успокойся. Ошибочку мы учли. Ушло три группы по десять человек. Приказал не разбредаться. Всем держаться

вместе.

– Это хорошо.

Я, наконец, приступил к чистке зубов. Вода была комнатной температуры, даже чуток теплее. Видать ее все-таки кипятили. Скважина скважиной, фильтры фильтрами, но рисковать Крайчек не хотел. Почувствовав свежесть во рту, я подумал, что неплохо бы освежить и все тело, а то почитай уже две недели не мылся. Это здесь у Томаса, хотя и примитивная, но все же душевая, а у других... Выдают полведра воды и занимайся гигиеной где хош, хоть под чистым небом. Однако на купание можно было рассчитывать только вечером. Светлое время суток я должен был потратить совсем на другое, на то, за что меня и величают оружейником, на то, за что мне платят кровом и едой.

По-быстрому закончив утренний туалет, я отсалитовал Нестерову и бодрой походкой направился в столовую.

На командирском столе одиноко стояла крышка моего котелка, а рядом горящая керосиновая лампа. Ни Нины, ни кого-либо другого в полутемном обеденном зале видно не было.

– Максим Григорьевич, это вы что ли будете? – слышался окрик из освещенного раздаточного окна.

– Допустим, – обернувшись на голос, я увидел молодую женщину в клетчатом платье с закатанными рукавами и мокром, отблескивающим свет керосинок, клеёнчатом переднике.

– Нина Андреевна просила ее извинить. Дела у нее какие-то неотложные. Вот и убежала. Пайку вашу оставила и убежала. – Женщина покосилась на зажатую у меня в руке кружку: – Вам чаю налить? Еще горячий.

– Если можно, – я кивнул, одновременно соглашаясь как на чай, так и выказывая понимание сложившейся ситуации.

Поел я быстро и даже можно сказать с аппетитом. Инопланетная дичь уже не казалась столь отвратной и подозрительной. Свыкся с ее видом, что ли? Может и так. Мы, те, кто уцелели, стали не очень-то привередливые, меняемся и приспособливаемся прямо на ходу. Скорее всего, именно в этом и заключается наш основной рецепт выживания. После завтрака сполоснул котелок, попрощался с приветливой поварихой и уверенно шагнул за порог убежища.

Дневной свет заставил сощуриться. Показалось даже, что наконец проглянуло солнце. В надежде на чудо я поднял голову и поглядел вверх. Ага, размечтался! Это лишь контраст после полумрака подземного бункера. Небо, как и все последние годы, было затянуто густой пеленой низких серых облаков. Беспросветной пеленой. От того и холод такой во круг. Сейчас между прочим середина лета, а температура в полдень подымается всего до пятнадцати градусов, и хоть ты тресни не желает переползть через эту черту. Не хочется называть эту ситуацию ядерной зимой, может поэтому мы и придумали неопределенно-обтекаемое «большая мряка». И когда она закончится одному богу известно. Мы все в глуби-

не души надеемся, что это произойдет на нашем веку, ведь не ядерная же зима, мряка... хотя и большая.

Прежде чем направиться к своей машине, я огляделся по сторонам. В лагере все выглядело обычно, буднично. С полсотни людей копошились в теплицах. Где-то позади убежища слышался приглушенный гомон множества голосов вперемешку со стуком лопат и молотков. Там заканчивали Южные ворота. Вон и дверца для них уже почти готова. Я поглядел налево в сторону небольшого одноэтажного домика, внутри которого расположились мастерские. Как раз рядом с ним и стоял старый войсковой «Урал». К задку грузовика уже начали приваривать второй заградительный щит. Чуть поодаль виднелась длинная оранжевая автоцистерна. Раньше ее тут не было. А... знаю! Должно быть, та самая, о которой упоминал Томас. Драгоценная солярка для дизеля.

Вокруг кипел людской муравейник, частью которого я тут же себя почувствовал. И это было приятно. Это было воспоминанием о прошлом, том прошлом, в котором жил не бродячий волк по кличке Макс, а Максим Григорьевич Ветров, полковник могучей армии, гражданин великой страны. Неожиданно накатило желание быть нужным, полезным. Переполненный им я быстро двинулся к своему БТРу.

– Мать моя родная! – восторженный возглас вырвался из груди, как только я подошел к своей «восьмидесятке». Машина не была такой чистой должно быть с тех самых пор, как ее борта регулярно полировали руки солдат, входивших в со-

став боевого экипажа «302-го». А было это... еще до ханхов.

Твердо решив, что выдам семейству Орловых по поощрительному боекомплекту, я отпер дверь и принялся вытягивать наружу свое добро. Минут через десять я начал подъем на стену, таща на себе сумку с инструментами, чехол с двумя стволами для НСВ «Утес», ручной пулемет Калашникова образца 1961 года и два барабанных магазина к нему. Ко всему этому имуществу следовало добавить мой собственный автомат и четыре рожка патронов в кармашках нагрудника – вещи, с которыми я никогда не расстанусь. Короче, тяжесть еще та... в пору лошади, а не человеку.

Когда выложенные из кирпича ступени уже практически остались позади, дежурившая на стене группа меня, наконец, заметила. Двое молодых парней кинулись помогать. Не выказав ни малейшего сопротивления, я вручил одному из них РПК, а другому увесистые дисковые магазины на семьдесят пять патронов каждый и стволы к крупнокалиберному пулемету.

Из тех, кто сегодня нес вахту над воротами, я кое-кого знал. Пулеметчика звали Лёха, его второго номера Степаном Кузьмичом. Самое смешное, что Степана Кузьмича я запомнил совсем не по лицу, а по одежде, вернее по куртке. Спортивная такая, из плотной непромокаемой ткани довольно яркой раскраски – черно-красно-белая. Помнится, я как-то раз тактично намекнул ему о необходимости маскировки. Жить, мол, дольше будешь. На что Кузьмич хохотнул и ответил, что

он как та ядовитая гадина, издалека видать. Попробуй только тронь, не поздоровится.

Помимо пулеметного расчета память надежно хранила лица двух автоматчиков: здоровенного белобрысого парня в тертой кожаной куртке и солдата в ХБ и залатанном армейском бушлате, на погонах которого все еще оставались лычки младшего сержанта. Правда имен ни первого, ни второго я не помнил, а может никогда и не знал.

– Здравия желаю, товарищ полковник, – сержант лихо отдал честь.

Похоже, ему доставляло удовольствие выделяться своей армейской выправкой и удалью над всеми присутствующими здесь штатскими. Детство в жопе играет. Тяга к доблестному и героическому. И как это в нем не перегорело за столько-то лет?

– Вольно, – махнул я сержанту. – Здорово мужики! – кивнул всем остальным.

– Ну, наконец-то! Добрый доктор Айболит пожаловал, – поднялся мне навстречу Степан Кузьмич. – А то пациент уже заждался. – Второй номер пулеметчика мотнул головой в сторону крупнокалиберного «Утеса».

– Скорее не Айболит, а врач-реаниматор, – хмыкнул я. – После вас только он и требуется.

Тут я кивнул дум своим помощникам, показывая куда поставить РПК и боеприпасы к нему. Как только ручной пулемет занял место на краю стены, я тут же начал его заряжать.

Пока буду копать с «Утесом» мой безотказный Калашников станет главным защитником северных ворот.

– Славно вы вчера, товарищ полковник, многолапых покосили, – с завистью в голосе обратился ко мне пулеметчик Лёха. – Вот что значит крупный калибр. На куски этих сук так и рвало. Загляденье одно!

Лёха поглядел вниз со стены. Он словно и впрямь желал полюбоваться на валявшиеся там груды трупов. Я прекрасно понимал, что скорее всего там уже ничего нет, но все же не удержался и покосился туда же. Пусто. Я так и знал, что будет пусто. Только земля перепахана, как будто ее здоровенным кнутом вдоль и поперек исстегали.

Пулеметчик заметил мой взгляд и поспешил сообщить:

– Что тут ночью творилось... Жутко даже представить. Ребята, которые в ночную стояли, говорят земля гудела, а воздух дрожал словно во тьме железнодорожные составы носились. Они со страху все фонари зажгли, и резервные, и сигнальные, только бы не подпустить.

– Призраки? – я спросил, а сам указал Лёхе на РПК, давай, мол, занимай позицию.

– Вначале местное зверье пиривало, а ближе к полночи... – Лёха взял артистическую паузу. – А в полночь, значит, они и заявили. Все выжрали, даже костей не оставили.

– Что-нибудь новое заметили? – достав из сумки с инструментами кусок брезента, я развернул его и стал расстилать рядом с «Утесом».

Я готовился к разборке пулемета, но мысли мои действительно были заняты самыми таинственными и смертельно опасными существами на современной земле, теми, кого мы окрестили призраками. Они появлялись только среди ночи и к свету не приближались. Полагаю, именно благодаря этому мы и продолжаем все еще оставаться в живых, поскольку от призраков другого спасения нет, только свет. Я слышал истории о том, как довольно большие и хорошо вооруженные отряды, которых ночь застигла посреди пустоши, и которые не нашли ничего подходящего, чтобы развести большие костры... Эти отряды бесследно исчезли, словно испарились вместе со снаряжением и оружием. Само собой, что о призраках почти ничего не знали. Видевшие их унесли эту тайну с собой на тот свет. Так что вопрос заданный мной дозорным был скорее традиционным. И честно говоря, я ждал на него не менее традиционный ответ.

– Один парень, дежуривший этой ночью... – неуверенно протянул молодой черноволосый автоматчик, который помогал мне нести пулемет. – Он говорил... ему показалось...

– Да что ты, Карен, сопли жуешь! – прикрикнул на него Лёха. – Говори уже, раз начал!

– Игорь Дмитриев рассказывал, что видел какие-то тряпки, – смущаясь, произнес парень по имени Карен.

– Какие еще нахрен тряпки? – в один голос переспросили я и Степан Кузьмич.

– В темноте на уровне стены вдруг мелькнули развиваю-

щиеся полоски черной ткани, легкие и тонкие такие... как марля. А потом исчезли. – Карен пожал плечами. – Это так Игорь говорит.

– Это у него стекла в противогазе со страху запотели. Вот и мерещится всякая чушь. Ткань он видел! А мумию, на которую эта марлевка была намотана, твой Дмитриев случаем не заметил? – зашипел Лёха.

– Зря ты так, – осадил пулеметчика я. – Может эта погань только похожа на ткань, а на самом деле что-то совсем другое.

– Что другое? – пожал плечами пулеметчик.

– А бес его знает что. Пока не подстрелим или не поймаем, разобраться будет сложновато.

– Я, честно говоря, не рискнул бы в эту штуковину стрелять, – признался молчавший до этого здоровяк в кожанке. – Когда мы на свету, она нас не трогает, но черт его знает что будет, если эта тварь рассвирепеет.

Парню никто не ответил, даже никто не стал подтрунивать над его трусостью. Это, наверное, потому, что каждый в глубине души с ним согласился.

– Ладно, хорош о призраках, – прервал повисшую вдруг тишину я. – Давайте, рассказывайте, как себя вел мой подопечный? – при этих словах я любовно похлопал НСВ «Утес» по ствольной коробке.

– Гильза в последнее время стала застревать, – пожаловался Лёха. – Приходиться ее оттуда вручную выколупывать.

А когда драка идет, это, прямо скажем, очень и очень напрягает.

– Посмотрим, посмотрим...

Я сразу сообразил, что придется менять зацепы затвора и тут же начал выкладывать на брезент инструменты и запчасти из ЗИПа. «Утес» – машина серьезная и непростая, ее только специалист наладить может.

– Повезло нам, Григорич, что ты в живых остался, – словно прочел мои мысли Степан Кузьмич. – Ума не приложу, как бы мы со всеми этими железяками сами управлялись!

– Всем нам повезло, – буркнул я, – особенно вон ему. – Я кивнул в сторону младшего сержанта мотострелка. – Из таманцев, пожалуй, он только один и уцелел. Других, по крайней мере, я не встречал.

– Васёк, а, Васёк, расскажи еще раз, как там все было? – попросил Карен и младшего сержанта. – А то я твою историю лишь обрывками слышал.

– Давай, расскажи, – присоединились к черноволосому юноше сразу несколько человек. – Делать то все равно нехрен.

– Никаких баек! За обстановкой лучше следите! – я вроде как и не мог им приказывать, однако все же не удержался. Ишь, рассобачились!

– Мы с вами, товарищ полковник, вчера почти всю стаю кентавров, ту, что промышляла в нашем районе, перемолотили. Теперь несколько дней можно жить спокойно.

– Во-первых, нам о спокойствии следует позабыть. Времена сейчас не те, чтобы успокаиваться и терять бдительность, хотя бы даже на день, на час, на минуту. – Я грозно повысил голос. – А во-вторых, разведчики утром ушли? Ушли. А им в любой момент помощь может понадобиться. Сигналы могут. Так что следить надо в оба.

– Григорич прав, – посерьезнел Лёха. – А ну, все разошлись по своим местам! И не спать там!

Если я являлся для охранников кем-то вроде свадебного генерала, то пулеметчик Алексей был генералом реальным, взаимовыгодным. Именно он командовал на этом участке периметра. Поэтому, услышав его приказ, люди лениво потянулись на свои огневые точки. Рядом со мной остались лишь расчет пулемета да младший сержант, позиция которого располагалась в трех шагах от «Утеса».

– Да... дисциплинка еще та! – протянул мотострелок. – А помните, товарищ полковник, как у нас раньше в армии было?

– Завязывай ты уже про свою армию талдычить! – Лёха раздраженно отмахнулся. – Вы вон с полковником дивизиями, корпусами, армиями на ханхов перли... танки, самолеты, ракеты... А толку то? Ноль целых шиш десятых. Все там и полегли, не причинив врагу ровным счетом никакого урона. А почему? Потому, что делали все тупо прямолинейно, как в академиях учили, как будто перед вами был не инопланетный противник, а какой-нибудь диктатор из банановой рес-

публики со своей тупой наемной армией. – Тут пулеметчик покачал головой. – Нет, не так все надо было делать.

– И как же? – поинтересовался я, поигрывая в руке молотком. Я как раз закончил неполную разборку пулемета и теперь готовился отделить крышку приемника патронов.

– По-тихому. Нападать не на корабли, а на цели поменьше. К примеру, летающие транспортники или машины, которыми ханхи наши полезные ископаемые из земли вытягивали.

– Между прочим, они эти свои машины тоже охраняли, – заметил я.

– Охраняли, – согласился Лёха. – Но эта охрана по сравнению с охраной звездолетов... Тфу! Мелочь!

– Мелочь говоришь?! – хмыкнул я, одновременно с этим выбивая выколоткой ось отражателя.

– Ну, может не мелочь, – пошел на попятную пулеметчик, – но задача вполне выполнимая. Если уж с ней справились ополченцы, то для регулярной армии...

– Стоп! – притормозил я Лёху. – Где это ты слышал об ополчении, да еще которое ханхам по шарам наkostenяло?

– Это он историй Одноглазого наслушался, – быстро сориентировался Степан Кузьмич.

– Одноглазого? Кто такой одноглазый?

– Да прибрлудился тут один товарищ. Мы думаем он того... слегка не в себе. Говорит, что с Белоруссии пришел. Откуда-то из-под Могилева.

– С проклятых земель значит?!

К человеку, заявившему такое, у меня как-то сразу складывалось определенное отношение. И характеристика «слегка не в себе» это еще мягко сказано. Поэтому дальше я, конечно, слушал, но уже не так внимательно. Следовало заниматься делом.

– А я ему верю, – подписался за Одноглазого пулеметчик. – Такое просто так не придумает, такое видеть надо.

– И чего этакое рассказывал ваш гость? – я закончил со ствольной коробкой и взялся за разборку затвора.

– В Белоруссии, где-то почти у самой границы с Россией крупное месторождение фосфоритов имелось. Ханхи в самую первую очередь на него накинулись. Олесь рассказывал, в карьеры ежей металлических забросили. На морских очень похожи, только размером со стадион. Вот они там, значит, крутились, скребли своими иглами, а добытую породу в себя засасывали. Самое жуткое, что машины эти все подчистую крушили и камень, и здания, и технику, и людей. Местные сразу смекнули, что любви и согласия у нас с инопланетянами не получится. – Тут Лёха, подчеркивая значимость произносимых им слов, потряс указательным пальцем. – Заметь, Григорич, смекнул еще до того, как это до правительства дошло.

Я согласно кивнул, и Лёха с удовлетворением продолжил:

– Так вот, нагрузили они полный грузовик взрывчатки, благо у добытчиков ее имелось в достатке, дистанционный взрыватель приладили и спустили автомобильчик прямо под

один из ежиков. Рвануло знатно. У этой инопланетной крутелки чуть ли не четверть всех шипов отвалилось и дыру в корпусе пробило. Окрыленные успехом, наши уже начали второй грузовичок готовить, как вдруг стервятники налетели, машины их, значит, боевые. И давай они весь этот район песочить. Тысячи людей положили.

– Чего и следовало ожидать, – подвел итог я. – Все без толку.

– И ничего не без толку. Белорусские ребята и на них управу нашли. Целых две машины все ж таки завалили. А остальные после этого поскромнее вести себя стали. Только разработки и охраняли, в леса не совались.

– Белорусские партизаны! – хохотнул Степан Кузьмич. – Крутые пацаны.

– А из чего ханхов то завалили? – меня в этой маловероятной истории больше всего заинтересовала техническая сторона вопроса.

– Не знаю я. Что-то там один инженер придумал. Поля какие-то. Это все шибко сложно для меня. Я ведь не доктор наук. Я раньше в Москве ди-джеем в ночном клубе работал, музыку крутил.

– А твой этот... как его... Олесь, он знает?

– Должно быть, кое-что знает, – пулеметчик замялся. – Но он вообще-то лесник.

– Короче, научными познаниями тоже не отягощен, – сделал вывод Степан Кузьмич.

– Фуфло это все, – подал голос так долго молчавший младший сержант. – Вы бы видели как нас сожгли. За несколько минут... всех... всю бригаду. Я-то выжил только потому, что меня...

– Танком перевернувшимся накрыло, – перебил таманца Лёха. – Знаем, уже сто раз слышали.

Я завершил разборку пулемета и приступил к его чистке и смазке. Не забыл также заменить в затворе сносившийся верхний зацеп. Делал я все это чисто автоматически. Руки работали сами собой, как будто даже без участия головы. Во-первых, это потому что занятие было знакомое. Я по несколько раз в неделю обслуживаю крупнокалиберные пулеметы во всех поселениях, через которые лежит мой маршрут. Ну и во-вторых... во-вторых, потому что меня заинтересовала данная тема. Пока еще не знаю чем. Было в ней что-то такое... что-то, я бы сказал, обнадеживающее, греющее душу, тешащее уязвленное самолюбие. Может это от того, что наконец я узнал о чуде, настоящем чуде для нас, военных. Кто-то из людей таки надрал задницу ханхам. Ладно, пусть не надрал, пусть только залепил отчаянную, смелую и совсем не смертельную оплеуху. Но все равно это была крошечная победа, которую мы все так долго ждали. Это, конечно, если рассказчик не умалишенный, не отъявленный лжец... или просто фантазер.

– Эх, поглядеть бы на него, послушать, расспросить.

Я сам не заметил, как произнес эти слова вслух. И сказаны

они были явно невпопад той перепалке, что шла между сомневающимся младшим сержантом и пулеметчиком Лёхой

– На кого поглядеть? – уставились на меня два обескураженные спорщика, которые не смогли быстро сориентироваться о чем это я.

– Да на вашего Одноглазого или как там его, Олеся что ли.

– Ну, так в чем проблема, товарищ полковник? Поглядите, расспросите, – пожал плечами Лёха.

– Наверняка дрыхнет сейчас твой лесник. После ночного дежурства отдыхает. – Вмешался в разговор второй номер пулеметчика. – А после обеда как всегда в теплицы поскачет. Природолюб он и в Африке природолюб.

– Я слышал Олесь вечером снова на дежурство заступает. Здесь, по-соседству, на стене номер один, – проинформировал Алексей. – Подменяет там кого-то. Вот, товарищ полковник, во время дежурства вам и будет самое время с ним потолковать.

– Во время дежурства следует службу тащить, а не разговоры разговаривать, тем более ночью, – пробурчал я, хотя сам для себя уже решил, что обязательно пойду вечером на стену.

Все участники нашей увлекательной беседы приняли мое замечание на свой счет. Балабол Леха засопел и, вцепившись в рукоять РПК, стал сквозь прорезь прицела выискивать неведомых противников, притаившихся в руинах напротив. Не знаю уж, куда он там глядел, но сигнал об опас-

ности первым подал мотострелок.

– Внимание, движение! – громко прокричал младший сержант. И тут же поспешил успокаивающе добавить: – Отставить тревогу. Свои.

– Следить за окрестностями! – Лёха вспомнил, что он здесь командир. – Их могут преследовать.

Молодец, сообразил, – я мысленно похвалил пулеметчика и, оторвавшись от работы, глянул вниз.

То, что это одна из ушедших поутру поисковых групп, стало ясно с первого взгляда. Только что-то уж очень они быстро. Сейчас ведь только... Я глянул на свои старые потертые командирские часы. Да, точно, без четверти одиннадцать. Так что вариантов всего два: либо выполнили задание, либо стряслось что-то неожиданное. Подумав о нехорошем, я чисто автоматически пересчитал возвращающихся людей: один, два, три... девять, десять. Слава богу, кажись все.

Тем временем разведчики приближались. Шли они быстро, не переговариваясь и не оглядываясь назад. У каждого за плечами висел либо туго набитый рюкзак, либо вещмешок.

– Похоже, что-то разыскали, – предположил младший сержант. – Уходили они налегке.

– Сейчас узнаем, – Лёха махнул своим людям. – Опускайте лестницу!

Для охотников и разведчиков ворота никогда не открывали.хлопотно, да и к тому же лишний риск. Поэтому уходили группы через стену, спускаясь и поднимаясь по длин-

ной деревянной лестнице. Ее то сейчас как раз и опускали вниз. Как только лестница коснулась земли, двое из охранников вооружились деревянными рогатинами и стали приподнимать витки колючей проволоки, самопальную спираль Бруно, навитую по краю стены.

Все с нетерпением ждали появления разведчиков. Какие новости те принесли? Чем обрадуют или не дай бог огорчат? Всеобщая нервозность зацепила и меня. Я положил на брезент только что прочищенный газовый регулятор и, поднявшись на ноги, глянул вниз. Разведчики заняли там круговую оборону и по одному карабкались вверх. Молодцы, здорово их Нестеров вымуштровал. За руинами и домами напротив надо непременно следить. Пусть даже ты только что пришел оттуда и по пути ровным счетом никого не встретил. Только я об этом подумал, как что-то мелькнуло в окне первого этажа стоящего напротив здания. Я замер и пригляделся. Движение не повторилось. Все оставалось тихо и недвижимо. Показалось что ли? Ведь я же не глядел туда. Просто что-то дернулось на самом краю поля зрения. Мало ли что это могло быть. Соринка в глаз попала.

Я решил никому не говорить о своем видении, но и позабыть о нем тоже не мог. Пока все разведчики не поднимутся на стену, я буду глядеть туда и буду начеку. Я добросовестно выполнил данное себе обещание. Расслабиться смог лишь тогда, когда последний боец разведгруппы поднялся на стену, а вслед за ним туда же вползла длинная пожарная лест-

ница.

Последним, как и полагается, поднялся командир, который до конца прикрывал отход своих людей. Подойдя к нам, он рукавом вытер вспотевший лоб, пригладил свои встопорщенные усы и с облегчением прогудел:

– Фух, запарился. Почти час через руины перли, и все бегом.

– Чего бежали то? – Поинтересовался Степан Кузьмич. – Нашли что искали?

– Нашли, – мужик похлопал по ранцу стоящего рядом юноши из его группы. – Большой продмаг. Похоронило его под обрушившейся стеной. Это же надо, сколько раз ходили рядом и не думали, что он там!

– А как сейчас отыскивали? – поинтересовался Лёха.

– То ли грунт просел, то ли еще чего произошло... короче, кусок вывески из-под кирпичей выглянул. Только слепой не заметит.

– Продуктов много? – Кузьмич решил выяснить главное.

– Не особо, – скривился разведчик. – В основном только сыпучка и осталась: крупа, макароны, мука. А все, что в банках, пачках и бутылках кто-то уже основательно подмел. Должно быть, еще тогда... когда паника началась. Мы сейчас с собой только остатки принесли: чай, соль, приправы там разные...

– Сыпучка тоже кое-что, – мечтательно протянул Лёха. – Особенно макароны.

– Хорош о жратве, – потребовал младший сержант. – До обеда еще три часа.

– Надо пошевеливаться, – заторопился командир разведчиков. – Пойду, доложу Крайчеку. До темноты желательно все перетащить. Нельзя оставлять. Там теперь нашим духом штыряет. Ночью могут слизняки напозлти. А это еще те гады... все выжрут.

– А сейчас, что ж, вы так все и бросили? – возмутился пулеметчик.

– Как можно бросить! – обиделся разведчик. – Там наша вторая группа осталась. Никого близко не подпустят. Ну, а ночью, сами понимаете, никто там дежурить не останется. Жить пока никому не надоело.

Мужик поправил свой вещмешок, повесил на шею автомат и со словами «Мы пошли» двинулся к ступенькам каменной лестницы.

– Стой! – окрикнул его я. – Передай Крайчеку, что с транспортировкой я помогу. Пусть готовит прицеп.

– Вот это дело, полковник! – обрадовался командир разведгруппы. – Теперь не надо будет это все на горбу переть. Мешки-то не маленькие, а расстояние километра три, да еще и завалы обходить.

– Через час я тут все закончу, и можно будет двигать, – я уже хотел снова взяться за пулемет, но вдруг очень захотелось узнать: – А что за группа осталась на охране? В ней Орловых случайно нет? Может знаешь, брат и сестра?

– Там они, – кивнул усач.

Значит там... От слов разведчика у меня на душе появился какой-то мерзкий осадок, какой-то нехорошее предчувствие. Именно поэтому я тут же крикнул в спину уходящему разведчику:

– Планы поменялись. Выезжаем через сорок минут.

Глава 4.

Я старался вести машину как можно плавней. Двухосный прицеп, на котором местные автогонщики когда-то тягали свои спортивные легковушка, был слишком легкий для БТ-Ра. Решив как следует газнуть, я легко мог его перевернуть к чертовой бабушке. Говорил же Крайчеку, что неплохо бы обзавестись чем-то более солидным, но видать до него так и не дошло. А впрочем, я его понимаю. Это лишь третий раз за всю историю существования лагеря, когда в качестве тягловой силы в повозку впряжен мой бронированный конь. Чаще всего поселенцы таскают прицеп на своем горбу, как бурлаки на Волге. Так что прицеп от грузовика, да еще с грузом, вызовет у людей серьезные трудности. Как говорится, овчинка выделки не стоит.

И все же эта плавная езда меня нервировала и раздражала. Почему? Сам не знаю. Отчего-то втемяшилось в голову, что мы не успеваем, что охраняющей продмаг группе, а стало быть Пашке и Лизе, угрожает опасность. Пытаясь разо-

браться в причине этого, в общем-то не свойственного для меня психоза, я стал вспоминать рассказ усача – командира возвратившейся разведгруппы. Ведь только из него я мог почерпнуть насторожившую меня информацию.

Итак, что же все-таки такого... подозрительного поведал разведчик? Нашли магазин. Нашли потому, что из-под завала вдруг выглянула вывеска. Подозрительно сие или нет? Трудно сказать не осмотрев место. Однако, учитывая мой опыт выживания, отмечу: любые непонятные изменения уже по своей сути являются подозрительными.

Пойдем дальше. Группе из десяти человек удалось в течение получаса раскопать завал. Это значит, что продмаг завалило так себе, не очень основательно. Ни фигу себе не очень, если раньше даже вывески видно не было! Вообще-то это сперва не было видно, а потом она прорисовалась. Это что ж значит? А значит это, что груда битых кирпичей вдруг стала меньше. Насколько меньше? Осыпалось десятка два силикатных брусков или куда-то испарилось пару тонн их грязно-белых пыльных собратьев? Опять же вопрос.

Ладно, обнаружили, раскопали, вошли. Что затем? Практически все, что было в герметичных упаковках исчезло. Десять чуть ли не ученических рюкзачков, которые насобирали и притащили с собой разведчики, не в счет. Десять рюкзачков это так... капля в море, сотая часть от всего того, что должно было храниться в большом продовольственном магазине. А куда же тогда подевался весь остальной ассорти-

мент? Растащили, как и предположили разведчики? Хорошо, пусть растащили выпивку, консервы, печенье там всякое. А куда подевались фасованные крупы, макароны, сахар? Скажете, они тоже отправились вслед за водкой и килька-ми? Не логично. Зная наш народ, ни за что не поверю, что в преддверии приближающегося голода он скромно и застенчиво хапнул пару пакетиков фасованного вермишеля и оставил лежать рядом целый мешок. Единственный вариант, что грабители боялись заражения, оттого и брали только лишь продукты в стекле, пластике или металле. Но тогда получается, что экспроприация проходила уже после того, как появились проклятые земли, после того, как с них начали дуть ядовитые ветры и наползать кислотные тучи. А это ведь не так, совершенно не так. Здание, в котором располагался универсам – одно из тех, что приговорил гравилуч. Вместе с десятками других сооружений оно образует здоровенный мет-ров сто в ширину каньон, пропоровший город с юга на северо-восток. И было это в самом начале войны, когда ханхи шастали тут на своих гравимодулях.

Вот, значит, какой цирк-зоопарк получается. Еще одно неизвестное, еще один икс. Это все может и мелочи. Вопросы, которыми большинство даже не подумает забивать голову. Да только ведь, наверное, именно поэтому это самое большинство, основательно разжеванное и переваренное, сейчас покоится в сырой земле, а я пока еще топчу ее своими сапогами.

– Слушай, Григорич, а что бы ты выбрал бутылку водки или, к примеру, мешок риса? – сидевший рядом Нестеров перебил мои мысли.

Опаньки! – воскликнул я просебя. Видать не только у меня имеются подозрения касательно этого таинственного склада. Метнув на милиционера быстрый испытывающий взгляд, я ответил вопросом на вопрос:

– А у вас тут в Одинцово кирпичи случаем не круглые?

– Не понял, – прищурился майор.

– Осыпаются, блин. В других городах завалы годами стоят, ничего с ними не делается, а у вас рассыпаются как домики из песка.

– Да уж, – до Нестерова дошел смысл моего вопроса. – Надо будет там в округе все хорошенько осмотреть.

– Думаешь, магазин кто-то до нас раскопал?

– Не исключено.

– Кто?

– Тот, кто знал о его существовании. Кто-то из местных.

– Не может быть, чтобы в городе оставались люди, а вы о них, как говорится, ни слухом, ни духом, – я отрицательно покачал головой. – Да и как они могли выжить, в одиночку то?

– Ты знаешь, Григорич, я уже давно перестал чему-либо удивляться, – философски заметил милиционер. – Так что когда будем осматривать место, надо и этот вариант иметь в виду.

Я согласился с майором. Чего сейчас попусту думать да гадать. Подождем чуток, потерпим, а там и разберемся, если сможем, конечно.

Ждать осталось недолго. Справа стали проступать руины многоэтажек. Они все ближе и ближе подбирались к улице, по которой мы ехали. Когда пробитый гравилучом каньон пересечется с асфальтовой лентой дороги, это и будет означать что мы приехали. По приблизительным прикидкам произойдет это метров так через пятьсот.

В этот момент внимание мое привлек яркий блеск, маленькая серебристо-белая звездочка. Что-то валялось на обочине дороги. Какая-то упаковка. Казалось бы, эка невидаль! Мало ли всякого мусора раскидано в округе. Однако было в этой штуковине что-то необычное. Что? Да ее блеск! Она была новая, абсолютно новая, не покрытая грязью, цементной пылью, не потускневшая от кислотных дождей.

Я притормозил и поделился своими наблюдениями с многоопытным милиционером. Нестеров высунулся из люка и несколько секунд разглядывал лежащий на растрескавшемся асфальте предмет. Затем он требовательно побарабанил кулаком по башне БТРа и прокричал:

– Эй, молодежь, а ну, вылезай наружу!

Я развернулся к третьему члену нашего экипажа, тому самому младшему сержанту, с которым давеча трепался на стене, и продублировал приказ майора:

– Давай, сынок, сгоняй за одной вещицей.

– Слушаюсь, товарищ полковник, – мотострелок покинул башню и ринулся к десантному люку, даже не поинтересовавшись, что именно ему предстоит принести.

– Стой! – я окриком остановил таманца. – На вот, возьми перчатки.

– Для чего? – не понял тот.

– Возьми, – настоял я и протянул ему те самые резиновые перчатки, в которых Пашка драил колеса. – Целее будешь.

Младший сержант пожал плечами, схватил протянутое мной средство защиты и юркнул в люк.

Прислушиваясь к тому, как майор инструктирует нашего юного друга, я взял свой автомат, к которому специально для этого выезда приладил подствольный гранатомет. Затем высунулся из водительского люка и занял позицию рядом с Нестеровым, готовый, в случае необходимости, подписаться за младшего.

– Как в старые добрые времена, – с вождением улыбнулся милиционер. – Копаемся в мусоре и собираем вещдоки.

– Ностальгия заела?

– Можно сказать и так.

Пока мы болтали, сержант добросовестно выполнил свое боевое задание. Объект был доставлен прямо перед наши пытливые очи.

– Шоколад, – доложил запыхавшийся таманец. – Плитка даже еще не засохла, поломана только слегка, и этикетку содрали. А так... на вид вполне даже пригодна к употребле-

нию. – Тут парнишка проглотил слюну. – Сто лет уже не ел шоколад.

– А ну, дай сюда! – на миг мне показалось, что парень и впрямь вот-вот запихнет неведомо откуда взявшееся лакомство себе в рот. Вон как у него глазенки загорелись.

– Да пожалуйста.

Таманец с обиженным видом протянул мне завернутую в серебристую фольгу плитку. И только он это сделал, как висевший у меня на кармане счетчик Гейгера ожил и засигнализировал тревожным красным огоньком. Мы с Нестеровым переглянулись и практически одновременно заорали:

– Выкинь эту дрянь и пулей внутрь! – вопил я.

– Ходу, полковник! Скорее ходу! – надрывался майор.

Я рванул с места бронетранспортер еще до того, как младший сержант захлопнул над собой люк. От толчка крышка хорошенько треснула его по башке, и парень грохнулся вниз. Потирая ушибленный затылок, младшой ошарашено простонал:

– Товарищ полковник, да что такого стряслось?

– В башню! – вместо меня проревел Нестеров. – Живо лезь в башню! Наблюдать и быть готовым открыть огонь. Кентавры где-то рядом.

– Ну, ни хрена себе! – выдохнул таманец и как пантера прыгнул на сидение башенного стрелка.

Диалог моих товарищей я слышал, но не воспринимал. У меня была своя работа – как можно быстрее домчаться

до злополучного магазина. Там ловушка. Кентавры устроили там ловушку, и наши разведчики должно быть уже угодили в нее. Им сейчас тяжело, жутко и страшно или того хуже – они уже все мертвы.

Выжимая из двигателя все его двести шестьдесят раззадоренных конских силы, я мчался по пустынной улице. Мы уже близко, совсем близко. Магазин должен быть где-то здесь, в этом или, в крайнем случае, в следующем квартале. Я вглядывался в руины зданий, но не видел ничего подозрительного. Вокруг по-прежнему все оставалось тихо и пустынно, ни своих, ни чужих. Мое сердце, кажется, остановилось, пальцы, сжимавшие баранку, заledenели. Неужто опоздали? Кентавры сделали свое кровавое дело и ушли, унося с собой свежее сладкое мясо, мясо людей, мясо несмышленища Пашки и его замечательной, милой, можно даже сказать красивой, очень красивой сестры. Как не странно, но именно сейчас я впервые подумал о Лизе как о женщине. И от этого мне стало еще больнее. Возможно в эту самую минуту ее нежное, рожденное для ласки и любви тело, рвут на куски зловонные радиоактивные пасти инопланетных монстров.

В бессильной злобе я зарычал:

– Майор, где этот чертов магазин?! – неизвестность доводила меня до бешенства.

– Он должен быть где-то...

Милиционер не договорил, а я не дослушал. Мы вместе увидели это. От руин одного из домов отделилась хрупкая

изящная фигурка и двинулась нам навстречу. Ангел был одет в синюю «аляску», а в руке держал грозную армейскую СВД.

– Лиза, – облегченно выдохнул я.

– Она, – согласился Нестеров. – Идет спокойно. Значит, ничего особенного у них тут не произошло. Это мы с тобой, Григорич, того... сами себя чуть ли не до смерти настращали.

– Посмотрим, – буркнул я, остановил машину и тут же распахнул люк у себя над головой.

– Максим Григорьевич! – радостно замахала мне рукой девушка.

– Как тут у вас?

– Все нормально. Склад нашли в подвале продуктового магазина.

– А где Павел? Где все остальные?

– Пашка и еще двое наших наверху, на огневой.

Лиза ткнула пальцем в ту часть дома, которая устояла во время удара гравитационной дубины. Я проследил за ее жестом и в окне второго этажа действительно обнаружил лица трех человек. Пашкина белобрысая макушка торчала крайней справа. Заметив, что я на него смотрю, мальчуган отложил в сторону автомат и замахал мне двумя руками. Я ответил на приветствие, а затем вновь поглядел в большие карие глаза его сестры.

– Как обстановка? Ничего подозрительного не заметили?

– Все тихо. Очень тихо. Ни одного зверя за все утро. Даже странно как-то, – девушка пожала плечами.

– А где остальные? – я уже достаточно успокоился и даже прикидывал не вылезти ли из БТРа.

– Внутри. Время то обеденное, вот мы и решили немного макарон сварить. – Лиза виновато опустила глаза. – Есть то хочется. А у нас с собой только вода да сухари. – Тут разведчица спохватилась. – Максим Григорьевич, только я вас очень прошу, никому не говорите... Ну, о том, что мы макароны отсыпали. Мы то не знали что вы так быстро приедете. Думали до вечера придется куковать. А потом еще и мешки на себе тяни. Сил вообще не будет. Только наше начальство этого не понимает, особенно этот мент... гад ползучий.

Вот тут я не выдержал и зашелся диким смехом. Хохотал я до тех пор, пока рядом не открылся второй люк, из которого показалась голова того самого ползучего гада. Губы у Нестерова были сжаты, брови сурово сдвинуты, однако лицо покраснелось, и в уголках глаз поблескивали крохотные слезинки. Я сразу усек, что бесхитростные откровения девушки повеселили не меня одного. Только в отличие от меня майору это пришлось старательно скрывать.

При виде Нестерова глаза Лизы округлились, она сделала шаг назад и едва слышно прошептала:

– Ой, мамочки!

– Так кто это тут втихаря жрет общественные макароны? – проревел майор.

– Мы же не знали... – начала было насмерть перепуганная девушка.

– Они, видите ли, не знали! – с наигранной суровостью передразнил ее милиционер. – Мы вам одни лишь сухари почему выдаем?

– Чтобы следов не оставляли, – как школьница, отвечающая заученный, но до конца так и не понятый урок, пролепетала Лиза. – Сухари почти не пахнут и руки не мажут.

– Гляди, полковник, ведь все знают, туды твою мать! Только выполнять ни черта не хотят, – Нестеров выбрался из люка, прошелся по броне и с неожиданной для его возраста легкостью прыгнул на землю. – Ну, что, гражданка Орлова, как говорится, пройдемте. Показывайте место преступления и своих подельников.

Когда Нестеров с Лизой сделали несколько шагов в сторону руин, я прокричал им вслед:

– Я развернусь, подгоню прицеп как можно ближе.

– Лады, – приветствуя мою инициативу, майор показал мне кулак с оттопыренным большим пальцем.

Пока я разворачивался да парковался прошло минут пять-семь. Прицеп достойно выдержал все измывательства, которые я над ним учинил в конце этой поездочки. Так что сейчас быстренько погрузимся и домой. Интересно, сколько там провизии? Понадобится ли вторая ходка? С точки зрения моего ленивого эгоистичного эго, то лучше бы одна. Хотя, если подумать об измученном и голодном обществе, то,

естественно, лучше две или даже три. Нет, на три ходки продуктов здесь точно не будет. Это же обычный магазин, а не какой-нибудь оптовый склад. Тут мне пришло в голову, что сужу я о том, чего не видел, да и Нестеров со своей банд-группировкой что-то задерживается. Поторопить их что ли?

– Эй, младшой, – окликнул я мотострелка. – Остаешься тут за главного. Следи в оба. Если что... патронов не жалея. В доме слева на втором этаже наша огневая точка. Там три человека. Ребята поддержат тебя огнем.

– Слушаюсь, товарищ полковник, – проямлил таманец.

Ответ правильный, только вот энтузиазма в голосе ни на грамм. Ну да ничего, я ведь быстро. Рассудив таким образом, я взялся за автомат, а затем взглядом поискал вещмешок. В магазине наверняка будет темновато, так что фонарь может оказаться совсем не лишним. Когда зеленый солдатский рюкзак попал в поле моего зрения, в голову пришла еще одна, уже более продвинутая мысль. А захвачу-ка я его весь. Говорят, внутри макароны варят, а у меня в вещмешке как раз котелок... Лежит себе без дела, пылится. Кстати, там же простаивает и НЗ – банка так горячо любимых нашим народом килек в томате. Можно будет бухнуть в кастрюлю с макаронами да как следует перемешать. Конечно, особого навару от этого не дождешься, но привкус былой гастрономической роскоши все же появится. Подумано – решено – сделано. Экипированный как для пешего турпохода я выбрался из бронетранспортера.

Отпечатки ботинок и сапог четко выделялись на пыльном асфальте. Они подходили к краю кирпичной горы, а затем кое-где угадывались на ее, слава богу, пологом склоне.

Кирпичи осыпались из под ног, вещмешок вносил свои далеко не лучшие коррективы в расположение моего центра тяжести. В общем, ничего приятного. Пока добирался до вершины, то умудрился даже два раза споткнуться и непременно расквасил бы нос, не подстрахуй я себя вытянутыми вперед руками. Короче, рожденный ездить, ходить не сможет.

Когда я наконец одолел подъем, то убедился, что это лишь половина пути. Теперь меня ожидал спуск в небольшой котлован, который крутым овальным амфитеатром примыкал к стене полуразрушенного здания. Того самого здания! Это я понял разглядев вывеску. На торчащем из завала прямоугольном металлическом щите виднелась часть поцарапанной надписи «24 ча...». Двадцать четыре часа, – протянул я с тоской. Цирк-зоопарк, ведь были же когда-то времена! Круглые сутки тут можно было раздобыть еду, да еще какую пожелаешь. Я подавился слюной и постарался больше эту тему не затрагивать. Мазохизм не входит в число моих традиционных развлечений.

Вход в магазин располагался почти под самой вывеской. И это была совсем не дверь, это верхняя часть проломленной витрины, которую разведчикам удалось раскопать. Потрудились они на славу. Проход был довольно высокий. В

него мог не пригибаясь пройти человек среднего роста. Подбравшись к дыре вплотную, я задрал голову вверх и постарался выяснить, не пожелает ли какой-нибудь особо непоседливый кирпич вдруг спикировать вниз, прямо на мое защищенное лишь интеллектом темечко. Результат исследования оказался не утешительным. Если уж грохнетя, так не один кирпич, а целая стена. Вон она растрескавшаяся и покосившаяся, опираясь на битую плиту перекрытия, угрожающе нависает прямо над тем местом, где я сейчас стою.

А, собственно говоря, чего это я тут стою, под этим, фигурально выражаясь, каменным дамокловым мечем? Делать мне, что ли нечего? Жить мне, что ли надоело? Нет уж паря, ты или вперед или назад. Ну, назад мне, к примеру, было совсем ни к чему, в зад, пардон за выражение, ничего интересного не обнаруживалось. Все новости таились именно впереди. Именно поэтому я пригнул голову и, не раздумывая, шагнул в объятия душного и пыльного полумрака.

В помещении магазина все оказалось так, как я и ожидал. Пустые полки, битые прилавки и витрины, распахнутые морозильные камеры. На полу валялись бухгалтерские бумаги, полиэтиленовые пакеты и рваные упаковки. Все это было хорошенько втоптано в полусантиметровый слой силикатной пыли. Сразу складывалось впечатление, что здесь произошел развеселый погром, причем не так давно. Это что ж, разведчики тут все перерыли? Искали те крохи провизии, что могли завалиться где-то под прилавками?

Мысль о людях вновь открывших для цивилизованного мира это благословенное место пришла одновременно с некоторым недоумением. Куда же они подевались? Что ж так тихо кругом? Тишина действительно была полная, оглушающая, как в склепе. Что за цирк-зоопарк?! Совсем не так представлял я себе место, где находятся восемь человек, причем один из которых разгневанный начальник.

Оглядевшись по сторонам, я стал искать тех, кто может, вернее должен именно сейчас производить звуки и довольно громкие звуки. Кажется, Лиза сказала, что склад обнаружили в подвале. Такс-с-с, и где тут подвал? Я вытянул из вещмешка фонарик, зажег его и пошарил лучом по полу. Следы должны были ответить на мой вопрос. Увидев проторенную подошвами тропу, я присвоил себе гордое звание «Заслуженный следопыт Подмосковья» и двинулся вперед. Шагов этак через десять мой нос учуял в воздухе легкий привкус дымка. Ага, я на верном пути! Вон и широкая двухстворчатая дверь, а за ней лестница, уходящая вниз. Я уже совсем близко. И все же странно, почему не слышно голосов?

Только я об этом подумал, как тишину нарушил звук, первый звук за все время моего пребывания в магазине. И черт меня подери, этот звук был тихим, приглушенным бетонными перекрытиями вскриком: «Помогите!».

Ни секунды не раздумывая, я кинулся вперед. Лево́й рукой прижал фонарик к цевью автомата, а правой судорожно вцепился в спусковой крючок. Я не знал, что ждет меня впе-

реди, но чтобы это ни было, я буду готов угостить его хорошей порцией свинца.

Ступив на лестницу, я вдруг почувствовал холод. У меня заledenели руки, а дыхание сбилось, как будто я залпом засадил целую пачку ментоловых леденцов. Химический мороз от этого вливания тут же ударил в нос, обжег бронхи, наполнил легкие пригоршней колючей кристаллической пыли. А затем... затем он ударил в мозг, заставляя его постепенно сбавлять обороты. Но как ни старался невидимый ледяной демон, мое серое вещество продолжало упрямо барахтаться и отбиваться. Обитавшее в нем сознание говорило... нет, какой там, оно вопило, что все это не просто так, что все это что-то значит. Что?! Оно не знало, но до выяснения обстоятельств настоятельно советовало просто-напросто перестать дышать. Что ж, я так и сделал. С хрипом втянул в себя побольше воздуха, перекрыл дыхательное горло и рванулся вниз по ступеням.

Костер горел шагах в десяти от последней ступени лестницы. Пламя втиснули меж двух стопок кирпичей, на которых стояла небольшая эмалированная кастрюля. Внутри нее что-то активно кипело. Естественно, пылающий огонь и самодельный очаг являлись самыми яркими, в первую очередь притягивающими внимание объектами. И я действительно потратил драгоценную долю секунды на то, чтобы их разглядеть, запечатлеть в памяти. Глупо! Бездарно! Расточительно! Я ведь ворвался сюда совсем не для того. Моей единствен-

ной целью и тревогой были люди.

Они лежали вокруг костра. Вповалку, без движения, в нелепых беспомощных позах. Казалось, что часть разведчиков попросту уснула, причем так быстро и крепко, что незаметно для самих себя попадала с ящиков, на которых сидела. Однако ощущение спокойного безмятежного сна решительно опровергали другие тела. Человек пять словно разметало взрывом. Они находились чуть поодаль от костра и вовсе не производили вид мирно спящих. Прежде чем замереть, они куда-то ползли. Это было ясно по их позам, по тому, как скрюченными пальцами, ногтями люди цеплялись за грязный бетонный пол. Одного взгляда именно на них мне хватило, чтобы понять – в этом подземелье безраздельно властвует смерть.

Но все же тут кто-то кричал. Я отчетливо слышал, что кто-то кричал. Кто? Наверняка Нестеров или Лиза. Они последними спустились в это проклятое место, а значит и шансов выжить у них оставалось гораздо больше, чем у других.

Сам не пойму как это я все так логично рассудил. По идее не должен был. Меня ведь самого выворачивало на изнанку. Глаза слезились, из носа текло, руки и ноги становились все более непослушными. Их сковывали судороги, доставляя боль при каждом движении. Голова начала кружиться, зрение поплыло, и я не терял ориентацию только благодаря невероятным усилиям воли. Дыхание сперло... Ах, да, я ведь и не дышал. Слава богу, что я не дышал! Тут в мозгу

словно молния сверкнуло прозрение. Опасность это ни какая-то там инопланетная тварь, прошмыгнувшая сюда вслед за людьми. Опасность это совсем другое, это то, что таится в самом воздухе, это отрава, распыленная внутри подвала.

С этого момента я знал что предпринять. Хочу спастись? Значит пулей наверх! Скорее вдохнуть чистого живительного воздуха. Но именно в этот миг мое сознание как бы раздвоилось. Одна его часть, подгоняемая животным инстинктом самосохранения, гнала прочь из этой западни. Другая же, та, что родилась, выросла и десятки лет жила рука об руку с понятиями долг, честь и товарищество, приказывала остаться... остаться, чтобы спасти тех, кого еще можно. Раздираемый этими двумя противоречивыми приказами, я замер на месте. Это было жуткое мгновение. Мной овладела паника. Разум подсказывал, что возможности моего организма уже на пределе. Еще десяток секунд и я навечно останусь в этой жуткой неизвестно как возникшей газовой камере. Так что не дури, Максим. Наверх! Немедленно наверх! – приказал я себе, но тут же пулей кинулся вниз. Я забыл об опасности, о себе, обо всем окружающем мире. И все это потому, что луч моего фонаря, судорожно метавшийся по полу, вдруг выхватил из темноты темно-синюю «аляску».

Если бы мне предложили описать свои действия в последующие четверть часа, то у меня бы это вряд ли вышло. Помню лишь, что куда-то бежал, падал, что-то или кого-то хватал, тащил на себе, волок по полу, что-то кричал, кого-то

звал. Большую часть всего этого я делал чисто автоматически, подчиняясь вдруг включившейся во мне программе робота-спасателя. Когда же наконец удалось прийти в себя, я понял что, натянув на лицо противогаз, тащу одного из разведчиков вверх по лестнице. Это было странно. Нет, странно не то, что я спасал человека. Невероятным казался тот факт, что находясь под воздействием одурманивающего, лишаящего воли и разума зелья, я все же сумел отыскать в вещмешке противогаз, натянуть его, а затем кинуться спасать попавших в беду людей.

Я выволок своего подопечного из подвала, взвалил на плечи и, раскачиваясь на непослушных, норовящих подломиться ногах, побрел к выходу, к свету, бьющему сквозь бесформенную дыру в огромном кирпичном нагромождении.

Через стеклянные иллюминаторы, врезанные в возвышающуюся передо мной стену колышущегося, смердящего потом и резиной мрака, я увидел несколько тел. Один, два, три, четыре... Я нес на себе пятого. Как оказалось, я вытаскивал людей из подвала и складывал их у самого входа в магазин. Здесь было полно свежего воздуха, и уже не требовалось дополнительное освещение.

Доковыляв до лежащих на полу четырех тел, я положил рядом с ними пятое. Положил – это мне так хотелось. На самом деле я грохнулся вместе с ним на выложенный грязно-бежевой плиткой пол.

Я тяжело хрипел клапаном противогаза, сердце казалось

вот-вот выскочит из груди, голова раскалывалась, сил едва доставало, чтобы продолжать дышать. Но все же, звучавший где-то в глубине подсознания голос надрывно кричал мне: «Подымайся! Иди! Спасай остальных!».

– Иду, – ответил я ему. – Сейчас иду. А ты, браток, лежи тут чуток. Оклемайся маленьк...

Мне не удалось закончить фразу, обращенную к разведчику. Глянув ему в лицо, я понял, что он меня не слышит и больше не услышит никогда. Посиневшая кожа, отвратительная кровавая рвотная пена на губах, устремленный в никуда взгляд остекленевших глаз. Мертв! Этот человек был мертв!

Я с полминуты глядел на разведчика. Не хотелось верить. Ведь его смерть была не только его. Она являлась частью того невероятного кошмара, который разыгрался внизу. И означало все это, что я мог больше никуда не спешить. Там в подвале уже не было живых. Или я все-таки ошибаюсь? Я тут же бросился к другому, принесенному мной ранее человеку. То же синюшное лицо, та же розоватая пена на губах. И даже не смотря на то, что глаза этого мужчины были закрыты, становилось понятным – он не спит, он тоже навсегда покинул этот мир.

Тут я не выдержал и громко застонал, правда стон мой больше походил на рык, свирепый рык разъяренного зверя. Но почему все так? Как же это случилось? Откуда взялся это треклятый газ?!

Мой стон словно отозвался эхом, тихим и едва слышным. И звучало оно не где-то там в темном пыльном чреве развалин, а совсем рядом, казалось прямо за моей спиной. Я чисто инстинктивно оглянулся. Никого и ничего. Только в пятне рассеянного белого света, пробивающегося сквозь дыру в завале, распростертая на полу фигура в сером милицейском бушлате. Нестеров! Господи, это же Нестеров!

Не имея сил подняться на ноги, я на четвереньках подполз к майору. Тот лежал на боку спиной ко мне и не подавал признаков жизни. Дьявольщина! Но ведь кто-то стонал здесь и сейчас! Или это мне лишь почудилось? Проверить можно было лишь одним способом. Я двумя руками вцепился в недвижимое тело милиционера и перевернул его на спину. Глаза закрыты, лицо бледное, но не синюшное и главное губы сухие и растрескавшиеся без следов рвотной пены.

– Майор! – прохрипел я.

Мой голос прозвучал тихо и глухо, с растянутыми гнусавыми интонациями, словно запись на старом заезженном магнитофоне, у которого заедала протяжка магнитной ленты. Черт, конечно же, это из за противогаза. Я понял это и двумя рукам содрал черную резиновую маску.

– Майор, ты живой? – вот теперь я узнал свой голос. Пусть же его узнает и Нестеров.

Он узнал или, по крайней мере, услышал. Я понял это когда увидел, как у милиционера дрогнули веки.

– Вот и молодец что живой, – я с облегчением потрепал

майора по седой коротко стриженной шевелюре. – Ты лежи чуток, отдохни, а я тут гляну. Девчонка эта... Лиза. Она ведь с тобой пришла...

Я не стал попусту тратить время и посвящать пребывающего без сознания милиционера в свои планы. Следовало искать Лизу. И тут я вспомнил... будто наяву увидел хронику моего самого первого рывка в темную глубину зловещего подвала. Синяя измазанная в пыль куртка! Вроде даже помню, как схватился за нее и потянул... Точно потянул! А это значило, что я нашел Лизу, и не просто нашел, но и вытащил ее наверх. Первую... самую первую из всех.

Я резко развернулся, и я пробежался взглядом по распластанным на полу телам. Синяя, отливающая металиком «Аляска» сразу бросилась в глаза. Лиза лежала практически уже в самом входном проеме. Ее густые каштановые волосы разметались по какому-то грязно-зеленому свертку размером с небольшую подушку. Присмотревшись получше, я узнал в нем свой вещмешок. Когда это я успел подсунуть его девушке под голову? Не помню, хоть убейте, не помню.

Покачиваясь, я поднялся на ноги и поплелся к девушке. Когда до нее оставалось еще пару шагов, стало понятно, что она жива. Рот Лизы был приоткрыт и губы слегка шевелились. Она не то пыталась что-то сказать, не то вдохнуть живительного воздуха. И еще девушка глядела на меня широко открытыми, наполненными ужасом глазами.

– Слава богу! – вырвался у меня вздох облегчения. Пре-

одолев разделявшие нас полтора метра, я рухнул на колени подле молодого снайпера. – Ты слышишь меня, малышка? Понимаешь? – я приблизил свое лицо к лицу Лизы. – Что с тобой? Где болит?

Девушка ничего не ответила, да и с моей стороны было полной глупостью надеяться, что она может ответить. Не в том она состоянии чтобы говорить. Поэтому я сам в меру своих весьма скромных медицинских познаний принялся ее осматривать. Я прижал ладонь ко лбу Лизы и почувствовал, что он мокрый. Жар что ли? Лихорадка? Ну, на счет лихорадки я был не уверен, скорее походило на внезапно подхваченный грипп. У Лизы слезились глаза и текло из носа. Что же еще? Послушать сердце, пощупать пульс. Не уверенный, выйдет ли у меня сейчас этот трюк, я все же взял девушку за руку в надежде ощутить на запястье слабые толчки крови. Ладонь пострадавшей оказалась такой же влажной как и лоб, но что самое удивительное, она не была бессильной и вялой, какой обычно бывают члены тяжело больного человека. Она была жесткой и напряженной. Пальцы сковали судороги, от чего они выглядели скученными переплетенными корнями какой-нибудь мифической мандрагоры.

И тут меня словно током ударило. На симптомы Лизы наложились мои собственные ощущения от встречи с ЭТИМ. Вместе они слились, оформились, дополнили друг друга, словно заполнили недостающие буквы в запутанном кроссворде. И, в конце концов, стало возможным четко и осознан-

но прочитать то тайное предупреждение, которое ускользало от меня ранее:

– Нервно-паралитический газ, – прошептал я. – Откуда, черт побери?!

Мозг принялся лихорадочно искать ответ, а рука метнулась к одному из многочисленных карманов бронежилета. Там аптечка. Плоская оранжевая коробочка, в которой среди всяких антисептиков и протившоковых средств лежат два шприц-тюбика с антидотом. Не помню его названия, но колется как раз при поражениях ФОВ. Аббревиатура «ФОВ» из инструкции, наклеенной на крышке аптечки, на миг всплыла у меня перед глазами. ФОВ – фосфорсодержащие отравляющие вещества, зарин, зоман и прочая мерзость. Фосфор! Я уже второй раз за сегодня слышал название этого элемента. Пулеметчик Лёха говорил, что тот одноглазый лесник, пришедший из Белоруссии...

Лиза едва слышно застонала, и все посторонние мысли из моей головы как ветром сдуло. Я зубами сорвал со шприц-тюбика красный колпачок, прижал джинсовку к ноге девушки и прямо сквозь ткань вколол антидот ей в бедро. Одного миллиграмма мало, я понимал что мало, и поэтому тут же схватился за второй шприц. Хотя стоп, что я творю? Ведь есть еще Нестеров, и он тоже нуждается в инъекции. Секунду я помедлил, решая как поступить, кому отдать вторую дозу драгоценного препарата. Милиционеру? Но его состояние куда более тяжелое, чем у Лизы. Что ему эта капля? Несте-

рову следовало вкатить как минимум миллилитра четыре и то, не известно поможет ли ему это. А вот для юного снайпера зажатый сейчас у меня в руке тубик мог стать спасением. Выбор! Мне нужно было сделать этот чертов выбор!

В этот миг все вокруг словно заволокло странным белесым туманом. Все, кроме Лизы. Как будто неведомый некто прятал, отсекал весь остальной мир, концентрируя мое внимание на главном. И этим главным была именно девушка.

– Прости, майор, – простонал я и вогнал иглу в ногу Лизы.

Я понимал, что с этим мне придется жить до конца своих дней, что Нестеров будет сурово и укоризненно глядеть на меня из глубин моих снов. Но что я мог поделать? Лучше попытаться спасти одного, чем проявить мягкотелость и погубить двоих.

Однако угрызения совести терзали меня лишь несколько мгновений. Мысль о том, что мы с Лизой рискуем протянуть не намного дольше одинцовского милиционера, ворвалась в мою голову вместе с грохотом пулеметной очереди, прорезавшей вдруг тишину.

Глава 5.

С Лизой на руках я протиснулся сквозь дыру в кирпичном завале. Яркий дневной свет больно резанул по глазам, после чего все окружающие предметы на мгновение расплылись, взялись призрачными желто-белыми пятнами. Однако

контраст между полутемным чревом развалин, из которых я только что выбрался, и серым пасмурным днем оказался не столь уж и велик. Так что пару раз моргнув я быстро восстановил способность видеть. И я увидел, будь я проклят, я увидел его!

Гигантский старый кентавр, таких мне раньше никогда не доводилось видеть, присев на своих мощных лапах, затаился всего шагах в двадцати от меня. Шестилапая ящерица словно ждала моего появления, так как находилась хвостом к эпицентру жестокого боя, гремевшего где-то за баррикадой из битого кирпича. Передняя часть его туловища, та, что в районе передних лап изгибалась и под прямым углом поднималась вверх, сейчас была низко наклонена к самой земле. Тварь явно опасалась, что ее заметят и срежут из пулемета, который, не переставая, молотил совсем рядом.

Мы встретились взглядами, и я заметил как крупные выпуклые фасеточные глаза кентавра поменяли свой цвет. Из желтовато-коричневых они стали темными, почти черными. Верный признак того, что зверюга пришла в ярость. Это же подтверждало движение его хватательных лап. Две растущие от самой головы длинные и худые как змеи конечности потянулись в нашу с Лизой сторону. Шестипалые кисти на них угрожающе сжимались и разжимались. Глядя на инопланетное чудовище, я понял, что секундный тайм-аут, возникший в следствии моего неожиданного появления, истек и сейчас последует яростная молниеносная атака.

Мы начали движение практически одновременно. Кентавр рванулся ко мне по осыпающейся насыпи из битого кирпича, а я бросил на камни Лизу. Да, вот именно бросил. У меня на было времени на то, чтобы ее аккуратно положить. Выпуская из рук тело девушки, я смог лишь ее легонько подстраховать, так, чтобы та не ударилась головой. А вот за синяки и ссадины Лизе уж придется меня извинить. Само собой, если мы сегодня останемся в живых.

Мой автомат болтался за спиной. Видать даже в самом потерянном и оглушенном состоянии я какой-то завязанной для памяти в узелк извилиной продолжал помнить об оружии. Оно теперь словно часть моего тела. Куда я, туда и автомат. Повинуясь все тому же инстинкту полного и абсолютно-го единения с оружием, я точным молниеносным движением выдернул Калашников из-за спины. Именно в это мгновение я и понял, с ужасом осознал, что уже ничего не успеваю сделать, не успеваю даже передернуть затвор.

Огромная ящерица была уже в нескольких шагах от меня. Подняв переднюю часть своего грязно-зеленого чешуйчатого туловища, она нависала надо мной, готовая вот-вот вцепиться острыми как бритва когтями. И тут, повинуясь скорее отчаянию, чем разуму, желая пусть даже умереть, но все-таки унести с собой в могилу это чудовищное создание, я надавил на спуск подствольника.

Автомат дернулся и хрипло кашлянул. Серебристая молния, за которой тянулась полоска легкого сизого дымка,

ударил в грудь кентавру чуток пониже его отвратительной стрекозиной головы. Масса чудовища составляла едва ли не полтоны, однако этот удар остановил его и не просто остановил, а даже слегка отбросил назад. И главное... главное я увидел, что граната пробила шкуру кентавра и вгрызлась ему в тело. Неглубоко, всего на какие-то сантиметры. Я даже заметил ее хвостовую часть, торчащую из рваной раны.

Не подумайте, что я так и остался созерцать эту картину. Ничего подобного. Я тут же бросился на землю рядом с Лизой. Именно в это мгновение и прозвучал глухой взрыв больше похожий на хлопок лопнувшей автомобильной шины. Меня обдало кровавым грязно-бурым дождем, а в округе зашлепали вырванные куски горячего, еще дымящегося мяса. Одновременно с этим счетчик Гейгера на моей груди зашелся в истерике, сигнализируя о накрывшем нас радиоактивном облаке.

– Цирк-зоопарк! – я вытер рукавом забрызганное кровью лицо и покосился в ту сторону, где только что маячил кентавр.

Зверюга никуда не исчезла, она была на том же месте, но только вот сейчас кентавр лежал на боку, безалаберно дергая лапами. Это были судороги, предсмертные судороги, в этом я даже не сомневался. Ни одно живое существо не смогло бы выжить получи оно такую страшную рану. Кентавру разворотило всю грудь и похоже перебило хребет. Эта догадка мелькнула у меня в голове при одном лишь взгляде на без-

вольно раскинутые хватательные конечности, на неподвижную голову с разинутой пастью, из которой набок вывалился раздвоенный змеиный язык.

Гибель инопланетного монстра я не воспринял как победу. Это лишь отсрочка, предупреждение, знак доселе милостивого ко мне провидения. Я должен спешить иначе на месте этого кентавра встанут двое, трое, десятеро других.

Я тут же поднялся на ноги. Сил у меня значительно поубавилось. Видать этот гребаный газ все же сделал свое черное дело. Ну да ладно, и тех силенок, что остались должно хватить, чтобы дотащить Лизу. Только бы наши продержались, только бы не оплошали под напором кровожадных тварей. Однако выстрелы продолжали греметь, и, приободренный их сладкой мелодией, я принялся поднимать девушку.

На руки Лизу я больше брать не стал. Руки мне нужны, чтобы держать оружие, по крайней мере, одна рука. Так что тело девушки повисло у меня на плече. Придерживая ее левой рукой, правой я сжимал рукоять Калашникова. Пока кентавры не объявлялись, я придумал своему грозному оружию другое, более подходящее в сложившейся ситуации применение. Уткнув дуло в склон сложенной из кирпича горы, я оперся на автомат как на ледоруб. Так поступают альпинисты, так легче идти, легче сохранять равновесие.

Пошатываясь, я брел вперед. Те тридцать метров, которые мне удалось довольно быстро преодолеть всего каких-то полчаса назад, теперь напоминали штурм горного перевала

где-нибудь среди круч Тибета или Памира. Что ж Памир так Памир... Я упрямо шел вперед. Вот-вот из-за гребня должна была показаться дорога, а на ней мой героически сражающийся БТР.

Я тяжело дышал, пот заливал глаза, горло пересохло, и его почему-то больно драло, как будто там ерзал здоровенный кусок крупной наждачки. Вдобавок ко всему этому «замечательному» букету меня начинало мутить. Я прекрасно понимал, что в таком состоянии все мои боевые качества стремительно ухудшаются. Но что ж тут поделаешь! Оставалось лишь надеяться, что кентавры в силу своих крупных габаритов и не такой уж и молниеносной реакции все же будут хуже меня. Я обнаружу их и выстрелю первым.

Как ни убеждал я себя в этом, но все же движение впереди себя постыдно проморгал. Ствол моего Калашникова лишь только пополз вверх, когда небольшая юркая тень ринулась навстречу.

– Дядя Максим! – звонкий мальчишеский голос не смог заглушить даже грохот боя.

– Пашка, тьфу ты, черт, напугал! – Я рывком опустил автомат.

– Где наши? – пацан подбежал ко мне и тут же вцепился в свою сестру.

– Жива, – я ответил на немой вопрос его расширенных от ужаса глаз.

– А остальные?

– Нету больше остальных. Понял?!

Не ведаю почему, я гаркнул на мальчика так, как будто именно он был виноват в смерти разведчиков. Нервы. Я со стыдом осознал это и постарался взять себя в руки.

– Уходим. Быстро уходим!

– Но как же...

Похоже Пашка не верил, что такая большая группа могла погибнуть так быстро и тихо, без единого выстрела или крика. Он округленными от ужаса и удивления глазами глядел мне за спину, туда, где среди нагромождений кирпича и битого бетона чернело отверстие раскопанного ими входа. Во взгляде мальчишки было столько боли, что меня проняло до самых дальних, глубинных закутков моей не такой уж и нежной души. Не знаю о чем думал Пашка, но мне вдруг представилась картина того кровавого пира, который здесь начнется как только мы уйдем. Тех, кого я вытаскивал из смертоносного подвала... Нестерова... их всех...

В моей груди вскипел гнев... море, океан гнева. Нельзя просто так взять и уйти! Наши мертвые братья должны с миром покоиться в могилах, а не перевариваться в желудках у кровожадных инопланетных каннибалов. Не бывать этому! Никогда! Я не позволю!

Еще не до конца понимая, что намериваюсь сделать, я попросил Пашку:

– Подержи ее.

Мальчуган принял с моих рук сестру. Он был крепко сби-

тым, сильным не по годам, и сейчас наверняка ничем не уступал мне самому. Передавая Лизу, я заметил короткую трубу «Мухи», которая висела у Пашки на плече. Он мог раздобыть гранатомет только в моем БТРе. Однако сейчас я не злился на него за самоуправство, сейчас я даже был ему благодарен.

– Дай сюда, – я сорвал пусковую установку с плеча пацана.

– Я его взял... – начал было Пашка, но я его грубо оборвал.

– Заткнись.

Развернувшись, я поднял «Муху» и поймал в прицел отверстие входа в зловещий магазин. Нет, туда, пожалуй, не стоит целить. Попадание противотанковой гранаты не вызовет достаточно мощного взрыва способного завалить пролом. Тут я вспомнил о том куске стены, который вместе с надломленной плитой перекрытия угрожающе нависал над входом. Вот это наверняка сгодится. Важно только попасть в нужное место. Эту самую слабинку в каменном карнизе я отыскал с первого взгляда. Доломать плиту, и дело будет сделано. Эта мысль посетила меня практически одновременно с ревом стартовавшей ракеты. Времени на поиски других вариантов у меня все равно не оставалось, так какого хрена тянуть?

Хотя я и не попал в плиту перекрытия, но все же граната была потрачена не зря. Руины оказались еще более ветхими, чем я ожидал. Взрыв, пришедшийся метра на полтора ниже

той точки, в которую я метил, развалил кусок несущей стены. Той самой, на которую и опиралась плита перекрытия. Железобетонная конструкция соскользнула со своего десятилетиями насиженного места и, увлекая за собой квадратов сорок кирпичной кладки, рухнула вниз.

– Спите спокойно, мужики. Вас теперь уже никто не побеспокоит. Даю слово. – Сквозь клубы поднятой пыли мне стала видна огромная гора битого кирпича, возникшая на месте входа в братский мавзолей.

Пашка глядел на меня не в силах понять что такое я творю, зачем перечеркиваю все результаты их тяжелого труда, их титанических усилий, почему отказываюсь от так необходимых, можно даже сказать спасительных продуктов. Чтобы пацан не вздумал задавать ненужных, а главное несвоевременных вопросов, я скомандовал очень твердо и уверенно:

– Уходим!

Не дожидаясь пока мальчуган отреагирует на приказ, я стал действовать. Закинул одну руку Лизы себе на плечо и обхватил ее за талию.

– Чего стоишь? Берись с другой стороны. Живо, иначе пропадем не за грош.

Пашка словно пробудился ото сна. Он мигом последовал моему примеру, и уже через несколько секунд мы бежали вперед, волоча на себе обмякшее, безвольное, словно тряпичная кукла тело его сестры.

В миг, когда я наконец увидел свой бронетранспортер,

на меня нахлынули два совершенно противоположных чувства. Первым и наверное более сильным была радость. Вот он мой, родимый! Стоит на прежнем месте, там же, где я его и оставил. Целехонек. И не просто целехонек, а как и раньше грозен и смертоносен. Вон как молотит из всех пулеметов и амбразур. Вторым чувством был страх. «Восьмидесятка» казалась одиноким утлым корабликом, который из последних сил сражался с бушующими волнами свирепого неистового океана. Да, именно океана! Вокруг «302-го» кипел настоящий океан. Он состоял из разлетающихся во все стороны осколков битого кирпича и вздымающихся при этом клубов пыли. Но самое ужасное, что наполнителем, основным ингредиентом этого грязного серого месива были десятки, если не сотни извивающихся грязно-зеленых тел.

Кентавры перли с трех сторон. С обоих концов улицы, а также из руин на ее противоположной стороне. Единственное направление, которое пока оставалось свободным, было то, откуда мы с Пашкой и пришли. Оно и понятно, ведь это тупик. Здание, в котором располагался злополучный магазин, вернее его уцелевшая, туго нафаршированная начинкой из битого кирпича часть, надежно перекрывала путь как наступавшим, так и тем, кому бы очень даже не помешало поскорее отсюда свалить... нам, то есть. Хотя во мне почему-то жила уверенность, что и за нашими спинами уже не так-то уж все пустынно и спокойно. Ведь откуда-то взялся тот кентавр...

Словно решив подтвердить мои опасения, башня «302-го» вдруг развернулась прямо в нашу сторону и КПВТ дал короткую очередь. Четырнадцатимиллиметровые пули, которые так и хотелось окрестить снарядами, прошли прямо у нас над головами. Тут же за спиной послышались глухие удары очень похожие на шлепки, с которыми падают на пол и к чертям собачьим разбиваются тетропаковские пакеты с соком или молоком. Только вот на этот раз пулеметчик продырявил уж больно большой пакет и, скорее всего, не один. Оглянувшись, я увидел как на вершине той самой насыпи, которую мы только что преодолели, медленно опадают равные куски от тел двух инопланетных бестий. Двух, определенно двух... Для одного кентавра уж слишком много мяса и крови.

Естественно многолапых ублюдков разнесло обычными патронами, но мне показалось, что позади разорвалась настоящая фугасная бомба. И взрывная волна от нее будто подтолкнул нас в спину, создала нешуточное разгонное ускорение. Буквально через минуту мы были уже около БТРа. Кто-то из Пашкиных напарников, тех, что дежурили с ним на НП, а нынче перебравшихся под защиту брони, тут же распахнул боковую дверь.

– Принимай! – прогорланил я и бросил Лизу в протянувшиеся к нам руки.

Я прекрасно понимал, на то время, пока разведчики будут втаскивать девушку внутрь, наша маленькая крепость не

должна потерять ни единого процента своей огневой мощи. Иначе твари подберутся совсем близко. А воочию убедившись в их внезапно пробудившемся, гораздом на коварные выдумки разуме, я уже совсем не был уверен, что кентавры спасуют перед наглухо задраенной бронемашинной, попади она к ним в лапы. Именно поэтому, как только освободились руки, я тут же развернулся лицом к руинам и открыл огонь из автомата.

– Вот вам, сволочи! Вот вам, выродки колченогие!

Калашников грохотал не переставая. Я косил наступавших врагов длинными очередями. Об экономии патронов не было и речи. Сейчас главное остановить, сбить их наступательный порыв. Кентавры ведь разумные, даже очень разумные, значит должны, я бы сказал, обязаны испытывать страх, сомнение в своей непобедимости. В конце концов в них просто должен заговорить природный инстинкт самосохранения!

Чтобы еще более стимулировать все эти их чувства, я открыл огонь из подствольника. У меня оставалось при себе еще штук шесть-семь осколочных гранат, и было смертным грехом их не потратить.

Первая же граната разорвалась под брюхом у одного из кентавров, и того прямо таки подбросило, хорошенько нашпиговав стальным горохом. Ага, получил, сука! Так тебе! Я обрадовался удачному выстрелу. Окрыленный успехом, тут же сунул в гранатомет новый серебристый цилиндр. Еще

один выстрел, еще один пыльный гриб от разрыва и еще одна тварь, дергаясь и визжа, шарахнулась в сторону. Ранен... он только ранен, – едва успел подумать я с досадой. Но тут короткая очередь из трассирующих пуль вошло точно в голову кентавра.

Стрелял Пашка. Мальчуган все это время стоял рядом со мной и также вел огонь. В горячке боя, сосредоточившись на обстреле своего сектора, я как-то даже позабыл о нем, вернее почему-то решил, что пацан юркнул внутрь БТРа, под надежную защиту брони. А вот нет же! Пашка остался рядом, продолжая поддерживать меня огнем из своего маленького автомата. Это, я вам прямо скажу, – поступок! Стоять на открытом месте и видеть, как на тебя несется стена ошалелых от ярости, опьяненных жаждой крови монстров, это под силу далеко не каждому. И пусть даже над головой не свистят пули...

Наверное, зря я об этом подумал, о пулях, то есть, или о чем другом, что может, как поется в песне, просвистеть у виска. Мои мысли тут же воплотились в реальность, и в считанных сантиметрах от моего лица пролетел брошенный со страшной силой кирпич. Да попади он мне в голову...

Я не стал «наслаждаться» воображаемой картиной, на которой мои мозги лениво стекали по броне «302-го». Я просто выстрелили в том направлении, откуда прилетел металлический снаряд. Тварь юркнула под защиту торчащей из груды кирпичей плиты перекрытия, и мои пули лишь обдали ее

фонтаном каменных брызг. Ну, сейчас начнется, – смутное подозрение промелькнуло у меня в голове.

Разрази меня гром, как я не люблю быть всегда правым! Стоило только подумать о новой угрозе, а она уже тут как тут, добавляет доселе неведомые пикантные ощущения к нашей и без того «веселой» ситуации. Один кирпич... Еще один... Два кирпича... О-о-о, пять кирпичей и еще битый чугунный радиатор от системы центрального отопления! Все это стало падать вокруг нас с грохотом горного обвала.

– Внутрь! Живо внутрь! – не своим голосом заорал я, поворачиваясь к Пашке.

Мальчуган не обладал моим житейским опытом, инстинктами и чувствами помогающими предвидеть всякую напасть, поэтому был растерян и обескуражен. Он прекратил огонь, слегка присел, закрывая голову поднятым вверх автоматом, как будто это могло его спасти от удара, способного проломить даже добротную дубовую дверь.

– Ах ты, мать твою! – это я уже кричал скорее самому себе, так как парализованный страхом мальчишка был явно не способен действовать.

– А-а-а! – с этим воплем я налетел на Пашку, сгреб его в охапку и толкнул в темное жерло узкого дверного проема.

За спиной вдруг так гроыхнуло, что сиганул внутрь БТ-Ра вслед за Пашкой, причем проделал это с таким напором, энтузиазмом и скоростью, что наверняка мог посоперничать с самим Суперменом. Бронедверь за моей спиной тут же за-

хлопнулась. Видать кто-то из разведчиков был начеку и ждал нашего появления.

– Молодец, вовремя, – это была моя мысль, произнесенная вслух. Возникла она сразу же после тяжелого удара, от которого металл за моей спиной загудел как церковный колокол.

– Все к амбразурам! Я за руль. Убираемся отсюда! Немедленно убираемся!

– Как убираемся? – меня схватил за плечо худощавый мужик средних лет. – А как же все остальные?

Этот вопрос я уже слышал от Пашки, и ответ на него будет тем же, страшным, мучительным, жутким в своей неправдоподобности:

– Мертвы. Все мертвы. Видел собственными глазами.

Я произнес это громко, специально громко, чтобы дошло до всех, кто сейчас оказался в брюхе «302-го».

– Не может быть! – выдохнул встречавший нас разведчик.

Этот его стон словно на миг парализовал все и вся. Люди замерли, стих грохот выстрелов и звон бьющихся о железо стреляных гильз. Вдруг наступила такая тишина, что можно было отчетливо слышать удары собственного, бешено колотящегося сердца.

Однако все это длилось лишь мгновение, одно короткое мгновение. Очередной удар по броне вывел из оцепенения, по крайней мере, вывел меня:

– Огонь! Не прекращать огонь!

Я ринулся на водительское сидение. Когда пронесился мимо младшего сержанта, ткнул того кулаком в бок. Заснул, мол, что ли? Приказа не слышал?! В тот же миг башенный пулемет ожил и дал длинную очередь, вот только это был уже не КПВТ, а спаренный с ним Калашников.

Вот же, блин, паскудство! Кажись, патроны для нашего главного калибра стали подходить к концу. Младшой экономит. И взять их больше негде. Один боекомплект расстрелял Пашка, когда мы прорывались в Одинцовскую крепость, а второй, резервный, сейчас успешно приканчивает героический таманец. И что из всего этого следует? А то, что наши жизни зависят уже не от огневой мощи, а скорее от резвости мотора.

Не теряя более ни секунды, я запустил двигатель. Он завелся без проблем, которые почти наверняка должны были возникнуть, окажись мы героями какого-то там голливудского боевика. Нет уж, здесь этот номер не пройдет! У нас техника работает как часики. И по-другому быть не может, ведь принадлежит она старому заму по вооружению прославленной танковой дивизии.

Гордый за себя и за свою малышку, я рванул вперед и начал выворачивать на проезжую часть. Бронированный щиток на лобовом стекле опускать не стал. Во-первых, так лучше видно, а во-вторых, вряд ли кто-нибудь из кентавров окажется столь метким, чтобы засадить кирпичом прямо в маленькое окошко. А даже если и засадит... Что будет толсто-

му бронестеклу от удара обычного камня?

Подумав о бомбежке, которой мы неожиданно подверглись, я вдруг насторожился. Что-то она подозрительно поухля. Быть может, твари мажут по теперь уже подвижной цели? Или поняли, что таким макаром нас не возьмешь, и задумали кое-что другое... новую, еще более изощренную пакость?

И опять я оказался прав. Под ложечкой неприятно засосало, когда впереди я увидел баррикаду. Настоящую баррикаду! Она перегораживала проезжую часть, тем самым отрезая нас от поселка. Цирк-зоопарк, но когда... когда они успели ее построить? Как смогли притащить сюда эти старые раздолбанные легковушки, а главное большой междугородний автобус, на борту которого красовалась выгоревшая красная надпись «Оазис-тур».

О том, чтобы протаранить многотонную собственность давно почившей туристической фирмы, нечего было даже и мечтать. БТР это не танк и даже не БМП. Выходит, остаются легковушки. Правда еще существует диаметрально противоположный вариант – не пытаться прорваться назад, а уйти вперед, еще дальше от лагеря. Где-нибудь в районе Кутузовского микрорайона отыскать выезд на Можайское шоссе, и уже по нему, по хорошо знакомому маршруту вернуться к Одинцовскому поселению. Само собой получится, что сделаю порядочный круг, километров так пятнадцать. Но тут уж ничего не попишешь, похоже, это меньшее из зол.

Только я приготовился притормозить и начать разворот, как младший сержант завопил из башни:

– Сзади! Что-то приближается сзади!

В этом вопле сквозило столько растерянности и обреченности, что я весь похолодел. Зеркал заднего вида не «восьмидесятке» не было и в помине, поэтому о характере новой опасности я не имел ни малейшего представления. Но, тем не менее, решать то что-то надо, и причем срочно. Стоит ли продолжать разворот или лучше, что есть силы, вдавить педаль газа и ринуться напролом?

– Что приближается?! Говори яснее, черт тебя подери! – я остановил машину и обернулся к таманцу.

– Кентавры... они гонят каких-то тварей. Огромных. Это... это настоящие горы!

Что такое? В первое мгновение мне показалось, что сержант спятил. Какие еще горы? Самые внушительные создания, способные перемещаться посуху, это и есть сами кентавры. Два с половиной метра в высоту, пять-шесть в длину, это если с хвостом. И все, точка! Никого более негабаритного нам, людям, до сих пор встречать не доводилось.

Все еще продолжая сомневаться в словах сержанта, я распахнул люк у себя над головой. Другой возможности проверить просто не существовало. Не выдергивать же младшего из башни. А, кроме того, взгляд через прицел или приборы наблюдения не даст полной и четкой картины всего происходящего.

Эту самую картину я оценил, как только высунулся из люка и поверх башни взглянул назад, причем так оценил, что аж дух сперло. Сразу захотелось превратиться в маленькую мышку и юркнуть в какую-нибудь узкую-преузкую щель. Только щель эта непременно должна находиться промеж толстенных железобетонных блоков. Пожалуй, только они выдержат, только они спасут от такого.

Со стороны огромного круглого, похожего на древнеримский Колизей здания, от которого и начиналась улица, медленно и неотвратно, как айсберг когда-то надвигавшийся на «Титаник», выплывали три серые горы. Наблюдая их, так сказать, в анфас, было сложно определить что это такое и какова истинная длина этих созданий. Зато высота... высоту было определить совсем несложно. Их покатые, покрытые уродливыми наростами загривки, маячили на уровне окон третьих этажей близлежащих домов. Вот именно, третьих! Мне не показалось, как не показалось, что у этих шагающих гор не было голов, глаз, ртов, носов, короче, ничего, что свойственно обычному живому существу пусть даже и инопланетному. Это были лишь груды мяса, поставленные на десятки толстых слоновьих ног.

При всей медлительности и не проявляемой пока агрессивности эти животные далеко не выглядели безопасными. Во-первых, масса, во-вторых...

– Будь я проклят!

Вздых недоумения вырвался из моей груди, когда я раз-

глядел голубоватые молнии электрических разрядов, то и дело проскальзывающих от нароста к наросту. Это что ж получается, инопланетная разновидность электрического ската? Должно быть, только ампераж у него такой, что нас изжарит, стоит только этому монстру коснуться брони.

Что делать? Какой странный вопрос. Вперед и только вперед! Пробиться, проломиться, продраться через чертову баррикаду иначе... Мне сейчас даже не хотелось думать о том, что будет иначе.

– Сержант! – взревел я, вновь падая в водительское кресло. – Белый «жигуль» позади автобуса. Видишь? Огонь! Разнеси его к чертовой матери!

Как только над моей головой загремел голос крупнокалиберного пулемета, я рванул машину вперед. Легковушка приближалась с бешеной скоростью. Она была объята пламенем и дымом... Дымом? Откуда дым? Я пригляделся получше. Дьявольщина, да ведь это никакой не дым. Это пыль, грязно-белая кирпичная пыль. Молнией сверкнуло прозрение. «Жигули» доверху набиты силикатным кирпичом, который сейчас и кромсали четырнадцатимиллиметровые пули. Да в нем же теперь весу... тонны три, не меньше!

– Ох, зараза!

Я хотя и успел притормозить, но «302-й» все же с ходу въехал в раскромсанный борт «жигуля», из которого тут же посыпался свежее приготовленный силикатный щебень. БТР встал как вкопанный, двигатель заглох.

Ну и что теперь? Какой выход?

– Надо бить в стык между машинами, – в командирское кресло рядом со мной юркнул тот самый разведчик, что встречал меня у входа. – Не могли эти гниды напихать кирпичей и в багажник. Не знают они что такое багажник. Да и в моторе тоже весу не так уж и много. Так что врежем и раздвинем. Как пить дать раздвинем.

– Годится!

Я с благодарностью принял дельный совет и, не мешкая ни секунды, вновь запустил двигатель. Только вот теперь, надо быть не столь опрометчивым. Для пущей уверенности стоит все же подстраховаться.

– Гранатомет! – повернув голову назад, прокричал я. – Пашка, тащи сюда РПГ-7.

Пока пацан исполнял приказ, я отвел машину метров так на пятнадцать, чтобы иметь надлежащую дистанцию для разгона. Во время этого маневра краем глаза взглянул на восток, туда, откуда приближались невиданные гороподобные монстры. До них еще оставалось метров двести. Это хорошо. Учитывая весьма вальяжный шаг, с которым передвигались эти твари... Успеем! Если все получится, то успеем!

Стрелять из «семерки» я не доверил никому. Кто его знает, имеется ли у мужиков опыт в этом деле? А вдруг промажут? Сейчас не тот случай, чтобы попросту тратить выстрелы.

– Прикрывайте меня! – отдав эту команду, я высунулся

из люка.

Вокруг по-прежнему все кишело кентаврами. Правда теперь они значительно поумерили свой пыл и не перли напролом. Прятались где придется, и оттуда, из своих укрытий, время от времени швыряли в нас кирпичами и обломками бетона. Чтобы не расслаблялись, значит. Все было яснее ясного: многоногие ублюдки решили подождать, пока нас либо расплющат, либо изжарят доставленные сюда электрические исполины.

В этот миг в голове мелькнула весьма логичная, но почему-то не посещавшая меня ранее мысль. Неужто их пригнали сюда только для расправы со мной и моим героическим бронетранспортером? Что-то тут не срастается. Кентавры не знали, что я окажусь здесь и сейчас. Я сам этого не знал еще пару часов назад. Тогда что же получается? Почему эти громилы оказались здесь? Куда идут?

Я не удержался и поглядел в сторону катящегося по улице живого цунами. Казалось, его не сможет остановить ничто, даже... Холера меня заberi! От страшной догадки сперло дыхание и гулко заколотилось сердце. Их не смогут остановить даже доселе неприступные стены Одинцовской крепости!

Что можно предпринять? Как помочь Крайчеку и его людям? Предупредить! Хорошая мысль. Я с тоской вспомнил те времена, когда магнитное поле Земли еще позволяло электромагнитным волнам свободно гулять над поверх-

ностью. Вот тогда бы предупредить поселенцев не составило особого труда. Короткий радиосеанс и все, дело сделано. Но теперь... теперь все гораздо сложнее, теперь для того чтобы сообщить об опасности нам следует добраться до поселка.

Что ж, чем черт не шутит, может и получится! Я без промедления поймал в прицел гранатомета багажник все того же «Жигуля». Раз уж начали его кромсать, то логично довести дело до конца. Вот так, получи, дружок! И я нажал на спуск.

Грохнул выстрел, и кумулятивная ракета саданула автомобиль чуток позади заднего колеса. Я надеялся, что машину прожжет насквозь, сила чудовищного давления разворотит заднюю часть кузова. Но не тут то было. Легковушка даже не пошевелилась. Взрывом лишь сорвало крышку багажника. Когда пыль и дым немного рассеялись, я увидел все те же силикатные кирпичи, до отказа набитые в багажное отделение.

Что за цирк-зоопарк такой! Неудача меня прямо таки взбесила. Что эти твари себе возомнили?! Что они умнее нас, людей?! Что они здесь хозяева и правят бал?! Да ни в жисть такому не бывать!

– Пашка, еще один выстрел! – приказал я.

Второй заряд предназначался уже не «Жигулю», а уткнувшемуся ему в зад «Бумеру». Баварская колымага вздрогнула и медленно, как бы с ленцой, переломилась пополам. Тяжелый, набитый стройматериалами салон грохнулся на брюхо, а морда встала на дыбы. Удача! Я понял, что удалось переру-

бить несущую раму. Все остальное сделал запредельный вес донельзя перегруженного автомобиля.

Так вот вам, суки! Знай наших! Я плотоядно ослабил-ся и собирался уже нырнуть внутрь, как вдруг уловил, что в округе началось какое-то странное, и весьма подозрительное оживление. Прятавшиеся по углам бестии как по команде пришли в движение. Они все разом ринулись к месту нашего предполагаемого прорыва. И не просто ринулись. Кентавры тащили с собой все, что только могли утащить.

Это выглядело странно, неправдоподобно, словно кинош-ный спецэффект или трюк какого-то супер фокусника, кото-рый манипулировал весьма негабаритными предметами. То тут, то там глаз улавливал молниеносное движение много-лапного тела. Как правило тварь находилась в зоне видимос-ти лишь пару секунд, а затем исчезала в руинах, а вместе с ней пропадала какая-нибудь бетонная балка, швеллер, улич-ная скамейка или поваленное дерево. Затем все это имуще-ство, словно из-под земли, возникало в районе прегражда-ющей нам путь баррикады. Кентавры крались под защитой набитых кирпичами автомобилей и сваливали свою ношу в тех местах, где по их мнению укрепление было наиболее уяз-вимым. Естественно, первым в этом списке значилось пере-рубленное моим выстрелом «BMW».

– Сержант, огонь! – заорал я. – Не дай им заделать проре-ху! Круши все подряд!

Хотя, кажется, таманцу указывать не следовало. Он сам

прекрасно видел, что происходит, и делал все возможное. Крупнокалиберный пулемет бил без устали. Впереди стояла сплошная молочно-белая пелена из пыли. Рванул бак одного из автомобилей, в котором оказывается все еще оставался бензин. Языки пламени и клубы черного смолянистого дыма придали картине сходство с преисподней. Но даже она не могла остановить и поколебать нашего обезумевшего от злобы и ненависти противника. Я то и дело различал мелькавшие впереди тени и понимал, что завал на пути БТРа неумолимо растет. В него складываются как принесенные кентаврами предметы, так и их дохлые, растерзанные пулями тела. Твари не считались с потерями. В какой-то момент мне даже показалось, что они нарочно прут под пули, заставляя нас без счета расходовать драгоценные боеприпасы.

О нет, я не то подумал! Я не это хотел сказать! Стоп! Не надо! Только не сейчас! Как я не старался, но откреститься от своих столь опрометчивых мыслей уже не смог. Они оказались вещими. КПВТ огрызнулся последней короткой очередью и заглох. На мгновение внутри машины повисла пугающая тишина, в которой чудилось, эхо недавних выстрелов. Но, к великому сожалению, эхо это не выстрелы и для боя штука совершенно не пригодная.

Я первый пришел в себя. Больше тянуть нельзя. Идем на прорыв. Ударим, а там уж либо пан, либо пропал. Еще секунда и я бы точно рванул машину вперед, но именно в это мгновение в точке нашего прорыва одна за другой полыхну-

ли две мощные вспышки.

Что за цирк-зоопарк? Дурацкий вопрос, я знал что это. Конечно, разрывы термобарических зарядов. Кто-то ударил по укреплению с тыла, причем ударил из... Нет, это не «семерка». Это что-то гораздо мощнее. Неужели «Хашим»?

Однако, сконцентрироваться и понять, действие какого оружия мне только что довелось лицезреть я так и не смог, вернее не захотел. Все мои мысли затмил, спутал неистовый ураган эмоций. И, черт побери, это были самые замечательные, самые восхитительные эмоции! Они радостно вопили в душе, оповещая о том, что подоспела подмога. Подтверждением этому послужили два десятка ярких звездочек, которые дружно замигали сквозь пелену из дыма и пыли. По кентаврам били из автоматов, били из окон многоэтажки, стоящей справа от дороги.

Как ни прекрасно было осознавать, что мы уже не одиноки, не брошены на произвол судьбы, но все же в мозгу пробудился маленький гнусный червячок сомнений. Он тут же принялся ворочаться и тоненько нашептывать, что наших спасителей ничтожно мало, что они вряд ли остановят напор разъяренных монстров. А об исполинах, поджимающих нас с тыла, и говорить не приходится.

Осознав все это, я тут же рванул машину вперед. Правда на этот раз мысли о таране не посещали мою голову. Взрывы термобарических зарядов разворотили баррикаду до основания. Мне оставалось лишь осторожно переползти через гоф-

ру раскиданных по мостовой кусков металла, бетона, трупов кентавров, разбросанных на десятки метров кирпичей.

Я старался держать себя в руках и не давить на педаль газа. Первая передача, только первая передача! Мотор натужно ревел, БТР раскачивало, слышался скрежет сминаемого колесами железа. Ошарашенный внезапным ударом с тыла, инопланетный противник прекратил свою неистовую атаку.

Ага, как же! Держи карман шире! Прекратят они! Я понял, что ошибся, когда все разом загрохотали автоматы моего боевого экипажа. Особенно безумствовал башенный ПКТ. У меня сложилось впечатление, что младшой просто нажал на кнопку спуска и, не отпуская ее, вертит башню на все триста шестьдесят градусов. Хотя нет, передний сектор он явно не трогал. Все пространство переел мордой моей «восьмидесятки» расчищали пришедшие нам на помощь автоматчики. Ринувшиеся наперерез кентавры так и падали под их необычайно меткими выстрелами.

Казалось бы ситуация совсем не располагала к отвлеченным мыслям, однако я все же пытался понять: Кто такие эти парни? Как очутились здесь? Откуда у них РПГ-32? Эти гранатометы начали поступать в войска буквально перед самым вторжением, и поэтому не удивительно, что являлись редкостью. Далек не все колонии могли похвастаться наличием такого оружия в своем арсенале. По крайней мере в Одинцово «Хашимов» не было. Насколько я знал, несколько РПГ-32 имелось в Красногорске и один в Чехове. Из всего этого сле-

довало, что подписавшаяся за нас группа пришла. Мужики все же рискнули, хотя их всего чуть больше отделения. Осмыслив все это, я больше не пробовал выяснить, удержат они оборону или нет. Черта лысого! Какая тут нахрен оборона! Следует забирать парней и мотать отсюда пока еще не поздно.

Наконец выбравшись на чистую дорогу, я погнал бронетранспортер прямо к зданию, в котором засела неизвестная группа. Гнал на полной скорости, и меня, казалось, не могло остановить ничто и никто. Выскочившего наперерез кентавра, который, похоже, намеревался засадить в водительское стекло здоровенным обрезком трубы, я просто таки размазал по асфальту. Хруст его костей, по которым прокатились все восемь колес «302-го» стал для меня самым чарующим звуком, услышанным за сегодня.

Когда до позиции наших спасителей оставалось метров так с полста, я прокричал сидящему рядом разведчику:

– Вылезай наружу! – для пущей ясности пришлось ткнуть пальцем в люк у того над головой. – Вылезай, твою мать! Зови ребят. Пусть спускаются. Мы заберем их и уйдем, иначе пропадем не за грош.

Разведчик оказался мужиком понятливым и смелым. Не смотря на удары камней, которые время от времени все еще продолжали сотрясать борта БТРа, он, не раздумывая, откинул крышку люка. Что уж там этот парень орал и какие знаки подавал, я не знаю, однако, когда мы приблизились к дому,

первые фигуры, затянутые в армейский камуфляж, уже стояли около подъезда. Они не выглядели растерянными и дезорганизованными, они хладнокровно, как в тире, расстреливали пустившихся за нами в погоню тварей.

– На броню! Все на броню! – прогорланил я в надежде, что разведчик донесет мой приказ до солдат.

– Не поместятся. Все не поместятся, – заикаясь, выдохнул тот.

– Как там прицеп? – я тут же отыскивал единственно возможный выход.

После секундной паузы мой наблюдатель сообщил:

– Одного колеса нет, поэтому...

– Заткнись! Никаких «поэтому»! Пусть грузятся! Немедленно!

Я поволок бы прицеп даже без колес, на брюхе. А так все же удача. После всех доставшихся на его долю перипетий прицеп все еще оставался на ходу.

– Живее, живее, живее! – твердил я самому себе, нервно барабанил по рулю. Эта дробь словно сливалась, дополнялась топотом сапог, колотивших по броне. Одновременно с этим люди стали протискиваться в десантные люки и двери.

– Шевелись, бродяги! – знакомый голос вдруг отчетливо долетел до моего слуха. Это неизменно залихватское «бродяги» со слегка рычащим звериным акцентом на звуке «р».

– Леший, ты что ли? – заорал я, выискивая среди бойцов, набившихся в десантный отсек, рослую широкоплечую фи-

гуру.

– Давай, Максим, жми! – вместо ответа прогорланил мне подполковник ФСБ Андрей Загребельный, мой старый приятель и по-совместительству главный разведчик Красногорского поселения.

Значит все-таки Красногорцы, – подумал я, надавив на педаль газа.

Дальше все было намного легче и проще. Я гнал по пустынным улицам с максимально безопасной для поврежденного прицепа скоростью. Кентавры, они все ж, как ни крути, ящерицы, а не скаковые лошади. Кинувшись было в погоню, многолапые выродки быстро вкурили, что это занятие не для них, и все дружно отстали. Правда к этому решению их подтолкнул не только проигрыш в скорости и выносливости, но и прицельный огонь подопечных Загребельного.

Итак, уже через несколько минут я получил возможность лицезреть Лешего, протискивающегося в водительское отделение. Массивная фигура подполковника, словно ширма из камуфлированной ткани перегородила все пространство между мной и башенным стрелком.

– Здорово, разведка. Вовремя ты, – я хлопнул по появившейся из-за моей спины пятерне. – А то, ей-богу, думал как-юк нам.

– Сочтемся, – буркнул Леший.

– Как тебя сюда занесло? – я старался не расслабляться и концентрировать внимание на дороге, на которой могло про-

изойти что угодно. Честно говоря, это было сложно. Я то и дело косился на хмурое, выпачканное сажей лицо приятеля, который сегодня был на удивление немногословен. Странно. Сердце вдруг гулко екнуло. Нутром я почувствовал беду.

Глава 6.

– У нас около часа, – Леший в упор глядел на Крайчека. – Потом эти махины сделают с вами то, что они сделали с Красногорском.

– Неужели пробьют стены? – в ужасе пролепетала стоявшая рядом с Томасом Нина.

– Пробьют, – с горькой уверенностью вынес вердикт Загребельный.

– Три метра толщиной, кирпич и бетон, – напомнил архитектор Хлебников. – Разрушить такое...

– Я видел, как они снесли железобетонный мост, под которым проходили, – Леший в пух и прах развеял оптимизм Хлебникова.

– Так какой у нас выход? – Крайчек ждал совета от подполковника.

– Уходить, – не задумываясь, ответил Леший. – Собрать всех людей в единый кулак и пробиваться на юго-восток. Сперва к Подольску, а затем возможно и к Серпухову.

Тут в разговор вмешался крепкий поджарый мужчина, который, насколько я помнил, вместе с Нестеровым занимался

подготовкой разведчиков и охотников:

– Со всех стен докладывают, что замечено значительное оживление вокруг периметра. Кентавры пока не нападают, но они то и дело появляются в зоне видимости дозорных.

– Похоже, они крепко за нас взялись, – присвистнул я. – Вот, блин, цирк-зоопарк какой получается!

– Все, некогда болтать! – Томас стряхнул с себя оцепенение. – Согласен с предложением о немедленной эвакуации. Другие мнения есть?

Окружавшие его люди угрюмо промолчали.

– Значит, решение принимается. – Крайчек повысил голос. – Срочно собирайте людей у южных ворот. Через полчаса выступаем.

К южным воротам обитатели лагеря стекались со всех сторон. Неустанный, вибрирующий в нервах вой сирены все подгонял и подгонял их. Хотя казалось куда уж больше. Люди и так неслись со всех ног, спотыкались, падали, теряли на ходу те немногие пожитки, что удалось прихватить с собой. Слышались призывные крики затертых в толпе, потерявшихся в суматохе, плач детей, причитание женщин, громкие команды командиров, пытающихся организовать перепуганную толпу в жалкое подобие организованной колонны. По бокам ее выстраивались мужчины. Они не имели личных вещей. Только оружие, массу оружия, все оружие, которое имелось в Одинцовском арсенале. Мужчин оказалось значи-

тельно меньше, чем хотелось. Человек так двести пятьдесят. Правда еще не прибыли все охранники со стен, и это вселяло надежду, что общее количество боеспособного личного состава перевалит за три сотни.

Батальон получается, – подумал я, взвешивая шансы на удачный прорыв. С одной стороны батальон это не так уж и мало. Пожалуй, я еще ни разу не слышал, чтобы столь многочисленный и хорошо вооруженный отряд испытывал серьезные затруднения при передвижении по пустоши. Но, правда, и противник уже совсем не тот, что раньше. Кентавры стали действовать организованней рассудительней и хитрей, да и наплыв их сегодня в районе Одинцова казался невероятным. Паломничество прямо какое-то. Можно подумать, что колония Крайчека вдруг стала кентаврам как кость поперек горла, и они заявили сюда с бешеным желанием исправить это, так сказать, неудобство.

– Командир, их там с полсотни, и постоянно прибывают, – мои мысли прервал крик наблюдателя, дежурившего на временной стене, которая перегораживала проем в так и не достроенных южных воротах.

– Это плохо, – прошипел стоявший рядом со мной Томас Крайчек. Сказал это он, ни к кому конкретно не обращаясь, сказал сам для себя.

– Надо выходить. Тянуть больше нельзя, – высказал я свое мнение.

– Да, конечно, – Томас кивнул и тут же повернулся к мине-

рам, которые прилаживали заряд к основанию тонкого, естественно, по сравнению с основными капитальными стенами, заграждения. – Живее, парни, живее!

– Все готово.

Инженер Ковалев вместе с двумя своими помощниками оставили прикрепленные к кладке аммоналовые шашки и, разматывая тонкий провод, стали приближаться к моему БТ-Ру, который стоял в голове готовящейся к прорыву колонны.

– Смотрите мне, – предупредил я, – чтоб машина прошла в пролом!

– Пройдет, – заверил Ковалев. – Даже еще по метру с каждой стороны останется. Взрыв будет направленный, так что большая часть кирпича вылетит наружу. Завал, конечно, образуется, но надеюсь небольшой. БТР его преодолет.

– Тогда заводись, полковник, – Крайчек протянул мне руку. – Через пару минут выходим. И удачи.

– Удачи, – я стиснул худую жилистую ладонь Томаса и полез на броню.

Пока поднимался, бросил несколько оценивающих взглядов на укрепленные прямо на крыше БТРа пулеметы. За неимением времени, а главное более конструктивной идеи, станки двух «Утесов» просто примотали проволокой и веревками ко всему, что хотя бы на сантиметр выступало из брони. Крышки и щитки, поручни и рукоятки... в дело пошло все, что хоть как-то могло удержать бешено скачущие при стрельбе пулеметы.

Учитывая габариты «Утесов», расположить их смогли лишь поперек кузова, в результате чего «восьмидесятка» стала похожа на какой-то древний фрегат, основная огневая мощь которого сосредотачивалась по бортам. Правда, глядя на новорожденного монстра, в моей голове не возникало особых иллюзий. Пулеметчики создали не машину для убийства, а скорее для самоубийства.

Во-первых, по причине все тех же габаритов пулеметы расположились валетом. То есть дуло одного «Утеса» маячило в каком-то метре от казенника второго НСВ. И лично я не мог дать гарантии, что в суматохе... нет, какой там, в истерии боя коллеги пулеметчики не угостят друг друга двенадцатимиллиметровой свинцовой пилюлей или не поджарят полуметровым огненным факелом, бьющим из ствола.

Вторая опасность заключалась в том, что оба пулеметных расчета располагались на броне совершенно открыто. Каждый из бойцов рисковал слететь под колеса при неожиданном ударе или рывке бронированной машины. И это я еще не вспоминал о возникшей совершенно недавно привычке кентавров швырять в меня всякие увесистые предметы.

Я постарался не думать о том, во что может превратиться человеческое тело, попади оно под дождь тяжелых и острых каменных обломков, и как можно ободряюще кивнул пулеметчику Лёхе, который именно в этот момент привязывал себя к люку куском толстого капронового шнура. Он кивнул мне в ответ и улыбнулся. Невеселая такая улыбка получи-

лась, вымученная. И я понял, что он все прекрасно понимает.

Только я спустился в люк, как прогремела команда Крайчека:

– Приготовиться!

Ах ты, цирк-зоопарк! Уже?! Пора?! Я грохнулся на водительское кресло и в спешке запустил мотор. И только услышав его деловитое урчание, почувствовал себя уверенней. Что ж тут поделаешь, видать такой уж я человек, технарь, механик, фанат смертоносных железных игрушек. Мое нормальное состояние это единение с грозной боевой машиной. Без нее я какой-то ущербный, недочеловек что ли. Парадоксально звучит, но, тем не менее, это так.

Понимая, что истекают последние секунды перед атакой, я обвел взглядом кабину, погладил приборную панель. Ну, дружище, не подведи! Продолжением моего беглого осмотра стал взгляд назад, через плечо. Правда предназначался он уже совсем не машине, а людям. Восемь человек десанта, среди которых младший сержант таманец, как и прежде выполнявший функцию моего башенного стрелка, Пашка и бесчувственная Лиза. Девушка словно мертвая лежала на длинном пластиковом сидении и остальные стрелки делали все возможное, что бы ее не беспокоить. Молодцы, спасибо, мужики... лично от меня огромное вам спасибо. Я уже собирался крикнуть бойцам что-то ободряющее, но не успел. Снаружи ударом гигантской кувалды прогрехотал мощный

взрыв.

В просветах, кое-где разорвавших плотные клубы пыли, я видел как валится стена. Да, конечно, в тех местах, где к ней была прилажена взрывчатка, кирпичная кладка вылетела наружу, но вот вся остальная масса камня и цементного раствора... Она ведь рухнула вниз? Так это или нет, можно было проверить лишь одним-единственным способом. Не дожидаясь пока осядет пыль, я рванул «восьмидесятку» вперед.

Впереди висела сплошная серая мгла. Я вел машину что называется на ощупь, полагаясь только на свои инстинкты и ощущения дороги. Вот гладкий асфальт закончился и БТР, задрав морду, начал ползти вверх. То, что мы взбираемся на кучу свежebитого, только что наваленного кирпича, чувствовалось по тому, как пробуксовывают колеса, как они теряют сцепление с поверхностью, когда тяжелая машина провоцирует небольшие обвалы в еще не слежавшейся каменной массе.

Угол подъема рос, и я молил бога, чтобы не настал момент, когда машина откажется карабкаться вверх. Тогда как следует газануть и готово... «восьмидесятка» надежно засядет в сыпучей ловушке. Но вдруг нос бронетранспортера резко пошел вниз, словно машина перевалила через гребень. Собственно говоря так оно и было. Сильный порыв ветра, гулявшего за стенами крепости, разметал серую поволоку, и я увидел широкую и ровную как стрела полосу Можай-

ского шоссе, лежавшего в каких-то полста метрах впереди. Правда, эти полста метров еще следовало пройти, да и дальше, на самом шоссе... Что будет дальше, об этом будем думать потом, после того, как перестреляем и передавим всю ту нечисть, которая поджидала нас за воротами.

Кентавры будто знали, что огня со стен им больше не следует опасаться, а поэтому вконец обнаглели и подобрались к воротам метров на двадцать. Их было немного, особой так пятнадцать. Но это был лишь первый отряд, разведка, что ли, за спинами которой маячили куда более серьезные силы.

Сигналом к предстоящему побоищу стала длинная пулеметная очередь, выпущенная из моего башенного пулемета Калашникова. Младшой рубанул по ближайшей к нам твари и прямо таки превратил ее в настоящее решето. Вот тут, как говорится, и понеслась родимая!

Один-единственный пулемет не мог напугать, а тем более остановить наших свирепых врагов. Кентавры тут же кинулись в атаку. Зверье уже готово было с разгону сигануть на броню, но тут ее встретил огонь десанта. Еще два РПК ударили из бортовых амбразур, а затем их поддержали автоматчики. Прямо перед «восьмидесяткой» полыхнуло несколько гранатных разрывов, и я понял, что в пролом за моей спиной вошла ударная группа, костяком которой были люди Лешего. Они мигом навели порядок перед воротами. Буквально через пару минут там уже валялось дюжина обезображенных и от этого еще более жутких многоногих трупов. Часть из

них конвульсивно поддерживалась, отчего невозможно было отделаться от подозрения, что кентавры все еще живы и опасны, что они вот-вот очухаются и нападут вновь. Скорее всего, именно подсознательно желая не допустить этого, я с огромным удовольствием давил их колесами. Вообще-то это была не только моя, так сказать, блажь. Это была необходимость. Мертвые туши лежали повсюду, и у меня не было возможности устраивать между ними слалом.

Когда под нашим неистовым натиском противник дрогнул и отступил, я прокричал сидевшему в башне таманцу:

– Младшой, что там сзади? Колонна идет?

– Выходят из ворот. Строятся, – после некоторой паузы сообщил младший сержант.

– Скорей бы.

Я конечно понимал, что никакого особого построения Одинцовцы образовать не могли. Задержка продлится до тех пор, пока все мирное население не преодолеет завал и не выйдет за ворота. На это потребуется... минут так семь-восемь. Много! Очень много! Я вдруг словно услышал тяжелую поступь гигантских созданий, приближающихся к стенам лагеря с северо-востока. Они должны быть уже где-то совсем близко.

– Мать моя женщина, а это еще что?! – вздох младшего сержанта прозвучал как эхо от моих мыслей.

– Что, уже? Идут? – Вскричал я и приник к самому стеклу смотрового люка.

– Скорее едут, – прошипел таманец и тут же открыл огонь.

То, что заметил сержант, наконец стало видно и мне. С обеих сторон Можайского шоссе к нам приближались... нет, совсем не гороподобные гиганты и не полчища кентавров. На нас перла целая армада автомобилей, обычных земных автомобилей. По большей части это были небольшие грузовички, микроавтобусы и внедорожники. В первое мгновение я опешил. Что за цирк-зоопарк...? Однако недоумение мигом испарилось, когда то здесь, то там, позади автомобилей я стал замечать покрытые чешуей лапы и хвосты. Вот оно что, кентавры толкают машины перед собой, превратив их в настоящие щиты. И додумались же, выродки вонючие! Правда после баррикады, устроенной возле магазина, можно было понять, что инопланетные твари по достоинству оценили как земные транспортные средства, так и пригодность их для борьбы с бывшими владельцами. Единственное, что я никак не мог понять, это как кентавры допетрили о существовании ручного тормоза? Как научились его отключать? Словно подсказал кто. Но эта загадка ей богу сейчас крайне не существенна. Основной вопрос, что делать дальше?

Я имел возможность рассуждать о, в общем-то, отвлеченных вещах только лишь потому, что сидел под защитой брони и держал в руках баранку бронемашины. Всем остальным моим товарищам было совсем не до этого. Бойцы сжимали в руках оружие, а потому смотрели на мир несколько иначе, а именно через прорезь прицела.

Окружающее пространство вдруг взорвалось грохотом выстрелов. В этой хрипяще-свистяще-лающей какофонии отчетливее всего выделялись глухие голоса пары «Утесов». Наступая с двух сторон, враг как раз угодил в зону их действия. Свинцовый дождь без устали колотил по автомобилям, калечил кузова, дырявил шины, превращал в пыль стекла, рвал на куски укрывшуюся позади нечисть. Однако, не смотря на это груды железа, являвшиеся когда-то гордостью знаменитых авто-концернов, продолжали неумолимо надвигаться на нас.

Это кажущееся сверхъестественным движение прекращалось лишь когда автомобиль разрывало очередью из «Утеса» или разносило в клочья выстрелом из гранатомета. Но такого мощного оружия у одинцовцев было мало, чертовски мало. Его явно не хватало, чтобы остановить, а тем более обратить в бегство настырных любителей человечины, которых, кстати, становилось все больше и больше.

Теперь уже они появлялись не только под прикрытием старой техники, теперь они перли прямо так... напролом, не считаясь с ранами и потерями. Уловка с автомобилями позволила кентавров подобраться к нам совсем близко. Я видел кабину темно-синей «Газели», замершей в каких-то двадцати шагах от моего БТРа. Младшой буквально изрешетил проклятый микроавтобус. И только когда последняя тварь, из его, так сказать, экипажа, бездыханно грохнулась наземь, машина, наконец, замерла на месте.

Я следил за боем, являясь как бы сторонним наблюдателем. Хотя руки так и тянулись к автомату, умом я понимал, что должен оставаться на месте водителя. Мы ведь вышли за стены совсем не для охоты на инопланетных бестий. Мы должны двигаться вперед, пробиваться, уходить от смертельной опасности.

И тут я понял, что все это уже не имеет смысла. Мы покинули лагерь, чтобы избежать встречи с полчищами кентавров, которые неминуемо должны были ворваться внутрь через разрушенные стены. Этот план мог сработать, получишь уйти по-английски, тихо и без особого шума. А что выходит теперь? Теперь те самые полчища, от которых мы бежали, стоят перед нами и ждут не дождутся когда добыча сама придет к ним в лапы. Так что же делать? Отступить? Снова прятаться в ненадежном убежище под названием одинцовская крепость?

В тот момент, когда я подумал об этом, кентавры применили свое ноу-хау, то самое, с которым мне уже довелось познакомиться сегодня днем. В плотную колонну людей полетели камни и куски четвергованных взрывами автомобилей. Я не видел страшных последствий этой бомбардировки, однако истерический крик сотен человеческих голосов пробился даже сквозь броню, заглушил рокот мотора. Господи всемогущий, что же за каша сейчас творится там снаружи?!

– Они бегут! – закричал вдруг таманец. – Штатские бегут назад, внутрь периметра. Они не выдержали! Там паника!

– Огонь! Всем огонь! Прикрывать отход! – взревел я.

Как только рядом загрохотало оружие, я врубил заднюю передачу. Ну вот, все и решилось. С этой мыслью я стал потихоньку сдавать назад.

Тяжелый удар сотряс корпус «восьмидесятки». Он был намного сильнее всех предыдущих. Видать в нас засадили чем-то очень увесистым. Сердце гулко екнуло. Куда попали? Только бы не по крыше. Там ведь люди, пулеметчики. Я стал прислушиваться. Ничего. Голоса двух «Утесов» словно вычеркнули из общей какофонии боя. Неужели все? Неужели конец? Одним махом накрыли сразу два пулемета, а вместе с ними и четырех человек? Не хотелось верить. Я уже собирался послать кого-нибудь из десанта наверх, но тут увидел распростертое на асфальте тело. Я только что проехал рядом с ним, оно лежало буквально в моей колее. Сквозь заляпанное грязью и пылью стекло было не разглядеть деталей, да и времени-то в обрез. Однако, я все же смог понять, что у человека нет головы. И еще... в глаза бросилось еще одна деталь. Его куртка. Комбинированная туристическая черно-красно-белая куртка. Кузьмич... это был конечно же Кузьмич! Веревки не выдержали, и второго номера пулеметного расчета сорвало с брони... сорвало уже мертвого.

Я глядел на медленно удаляющееся пестрое пятно. На душе было пусто и паскудно. Мы отдавали этим выродкам еще одного своего собрата. Мы словно покупали себе отсрочку ценой его жизни. Мерзко, гадко, недостойно!

Тут внутри у меня все вскипело. И куда только подевалась всегдашняя рассудительность и самообладание? Неудачный бездарный прорыв, смерть людей у меня на броне, потеря столь ценных сейчас «Утесов», да еще плюс ко всему, эти гигантские монстры, которые надвигаются на нас с тыла. Почему ж все так хреново, почему все один к одному! Я был готов взорваться, был готов на отчаянный безрассудный поступок. Вот сейчас надавлю на газ и пойду в лобовую. Давить, крушить, рвать на куски всю эту нечисть. Помирать, так с музыкой!

Но бог миловал. От сумасшествия меня спасло чудо. Именно чудом показался ритмичный стрекот крупнокалиберного пулемета у меня за спиной. Ну, слава богу, хоть один уцелел! Наваждение как рукой сняло. Ты, Максим, не дури, – приказал я себе. – Делай свою работу, хорошо делай, делай до конца, до самого последнего вздоха, до самого последнего мига.

Зеркал заднего вида в БТРе не было, поэтому отступать я старался точно по своим собственным следам. Благо следы эти четкой бурой колеей влажно поблескивали на островках растрескавшегося асфальта, жидкой кашицей метили иссохшуюся рыжеватую землю. Кровь кентавров густая и липкая не успела еще свернуться или впитаться, и я видел как в ее лужицах остается отпечаток протектора. Я глядел на него с тупой обреченностью, глядел и понимал, что скорее всего сегодняшний день станет последним днем моей жизни.

Глава 7.

Покидая свой старый верный БТР, мне почему-то казалось... нет, я был почти уверен, что расстанусь с ним навсегда. И это еще до того, как встретился взглядом с Крайчком. Томас ничего не сказал, он просто испытывающе смотрел на меня. А, собственно говоря, что тут скажешь, итак все предельно ясно.

– Отдавай приказ, командир! – бросил я ему, пытаясь перекричать грохот оружейной пальбы.

Крайчек кивнул и расслабился. Скорее всего, он бы все равно сделал это, даже без моего на то согласия. А начини бзуть, то преспокойно мог приказать утихомирить гостя, может даже и пулей в лоб. И, наверное, это было бы правильно. У Томаса просто не было другого выхода. Но я согласился сам, без сопротивления и Крайчек вздохнул с облегчением.

– Быстрее, мужики! Шевелитесь! Заваливайте БТР.

В тот же миг на покатые борта и крышу «302-го», замершего в створе южных ворот, полетели самые разнообразные предметы. По большей части это были кирпичи, оборудование и обрезки металла, принесенные из расположенной неподалеку слесарной мастерской. Сотни человеческих рук трудились с невиданным усердием и поспешностью, сооружая над моей машиной высокий могильный курган.

Чтобы не видеть всего этого, не думать об уже невозвратном прошлом и весьма неопределенном будущем, я выбрал давно известный и неизменно безотказный способ – хорошую драку. Скрипнув зубами, я закинул за спину автомат и полез на стену. Там сейчас было жарко. Люди Лешего при поддержке лучших одинцовских стрелков пытались сдерживать напор расвирапевшей орды, тем самым давая возможность ремонтной команде как можно скорее залатать брешь в проломленных воротах.

Южные ворота, как впрочем и стена номер шесть, частью которой они являлись, еще не были достроены до конца. Именно поэтому взбираться наверх мне пришлось совсем не по привычной, пристроенной к укреплению лестнице, такой, как в других местах. Сперва я залез на высокий штабель кирпича, затем вскарабкался по грубым, топорно сработанным строительным лесам. В общей сложности подъем занял минут пять. Надо сказать весьма томительные, щекочущие нервы пять минут. Я отчетливо слышал трубный вой кентавров. Звучал он чуть ли не у самой стены, едва ли не от того самого места, где замерла моя героическая «восьмидесятка», уже по башню погребенная в теле мощной баррикады.

Когда я, наконец, оказался наверху и взглянул за пределы лагеря, то прямо таки похолодел от ужаса. Все пространство за стеной, включая Можайское шоссе и территории, прилегающие к каким-то массивным сооружениям, очень смахивающим на промышленные корпуса... Так вот, все это про-

странство шевелилось и кипело от тысяч зеленовато-коричневых тел. Этот поток, эта армада двигалась на нас. Она норовила во чтобы то ни стало втиснуться в узкую щель между двух скалистых берегов, на одном из которых я сейчас как раз и стоял.

Не знаю, что во мне сработало, уж точно не разум. Разум в таких ситуациях бесполезен. Тут нечего изобретать, не над чем ломать голову, тут следует делать лишь одно – тупо и безжалостно убивать. Именно повинувшись этой дикой жажде вражеской крови, я передернул затвор автомата и открыл остервенелый огонь.

Мы убивали тех, кто приближался к воротам, но они все перли и перли. Казалось, этой бойне не будет конца. А, впрочем... конец обязательно наступит, и притом очень скоро. Произойдет это в тот самый миг, когда у нас закончатся патроны. Я вспомнил о боеприпасах, когда вставлял в Калашников последний из имевшихся у меня рожков. Интересно, а как там у других? Что делает многоопытный Леший? О чем думает Крайчек?

В поисках ответов, я метнул взгляд на своих товарищей, бойцов, занимавших позиции у края стены, и тут же увидел Загребельного. Подполковник занимался тем, что выстраивал людей в одну цепочку. Но, это были вовсе не защитники периметра. Это были женщины, старики и подростки. Они еще не успели стать в линию, когда по рукам пошло первое ведро, затем второе и третье. Ведра появлялись из-за края

стены, в том самом месте, где к ним привалились строительные леса. Когда худенький мальчишка протащил рядом со мной оцинкованное ведро, полное красноватой жидкости с характерным запахом, я догадался. Солярка! Та самая солярка, о которой Крайчек хвастался: «Раздобыли, мол, целый бензовоз. Дизель-генератору на год вперед хватит».

Краем глаза наблюдая, как драгоценное топливо выплескивается за стену, я почему-то представил бессильно моргающую, а затем гаснущую электролампочку. Выходит, дизелю этого лакомства так и не достанется, значит и света не будет. А без света... Думать о призраках не хотелось, да и времени на это не было. Сейчас всем нам угрожала совсем другая опасность, и сперва следовало справиться именно с ней. А призраки... Будем думать о призраках ночью, если доживем, конечно.

– Андрюха, и что ты по поводу всего этого думаешь?

Мы с Загребельным заняли оборону на стене номер один в северо-восточной части периметра и теперь во все глаза вглядывались в легкие предзакатные сумерки.

– Не знаю что и сказать, – пожал плечами Леший. – Они уже давно должны были сюда дотащиться.

– Так почему не дотащились? Что их могло остановить? И вообще, что это за твари такие? Расскажи что знаешь.

– Время, кажется, у нас имеется, – согласился Леший. – Можно и побалаболить.

– Ну... – я ждал.

Загребельный оглянулся назад, поглядел на все еще полыхающее у Южных ворот зарево, на клубы черного смолянистого дыма, которые поднимались к низким серым облакам и, как бы удовлетворившись этим зрелищем, деловито кивнул. Затем затянулся от самокрутки и, уставившись в даль пустым невидящим взглядом, начал:

– Их засекли на МКАДе, когда эти тварюки двигались со стороны Химок. Было их пять штук.

– Пять? – вырвался у меня удивленный возглас.

– Да, пять, – угрюмо подтвердил Леший. – Только не спрашивай куда подевались еще две зверюги. Я не отвечу, потому как не знаю. Убить мы их точно не убили... да и не уверен, возможно ли такое вообще. – Тут подполковник над чем-то крепко задумался, но затем спохватился. – Однако об этом потом. Буду рассказывать все с самого начала.

Я согласно кивнул, и он продолжил:

– В штаб о них сообщили заблаговременно. Связной от разведчиков на мотоцикле примчался. Не удивляйся. – На губах у Лешего заиграла едва заметная самодовольная усмешка. – Имелись у нас несколько тайников с исправными мотоциклами, как раз для таких случаев. Вот один из них и сгодился. Надо сказать переполоха особого не возникло. Ведь не факт, что эти тварюки на нас двинут. Может так дальше по МКАДу и попрут. Тогда бы Красногорск остался в стороне. Однако, подстраховаться все же стоило.

– И эту блатную работенку конечно же поручили тебе, – помог я приятелю.

– Угу, – Загребельный невесело вздохнул. – Поднял я свою группу, у меня тогда пятьдесят шесть человек было, и бегом на шестьдесят восьмой километр. Там-то все и должно было решиться. Если зверье на мост пойдет и дальше через реку, то считай пронесло, ну а на Волоколамское шоссе свернет... тогда все, по нашу душу эта первомайская демонстрация.

– Андрюха, а пятьдесят шесть человек это не маловато, чтобы остановить такую армаду? – засомневался я.

– А армады то никакой не было, – отрицательно покачал головой Леший. – По крайней мере, тогда мы о ней ничего не знали. Согласно сведениям разведчиков по МКАДу двигалось пять этих негабаритов плюс штук так тридцать кентавров, которые окружали их плотным кольцом и даже не рыпались в сторону, пусть там хоть что творилось. Нам в случае чего следовало уничтожить неизвестных гигантов, а кентавры... Что мы, кентавров не видели? Решили, что от них легко отобьемся. У меня ведь в группе не пацаны какие-нибудь желторотые.

– Гигантов думали из гранатометов валить? – предположил я.

– Из них родимых. «Хашим» штука ох какая серьезная. Конечно, по мясу я из него еще не стрелял, просто подходящего куска не находилось, но вообразить себе это зрелище

вполне мог. Представляешь, когда сто пяти миллиметровая граната метра так на три влетает внутрь и там детонирует? Может из-за своей невероятной прочности или лучше сказать вязкости, внешне чучело и останется целым, но в брюхе у него будет каша, настоящая каша. — Тут Леший потупил взгляд и горестно добавил: — Это я сперва так считал.

— А что вышло на самом деле?

— А вышло все как всегда... через жопу, — Загребельный сделал последнюю жадную затяжку и раздраженно вышвырнул окурок за стену. — Не взрываются гранаты у них в теле, ни термобарические, ни даже простые фугасные.

— Как не взрываются?! — от удивления я открыл рот.

— Вот так, не взрываются и все тут. Бульк под шкуру и молчок. Пять штук потратили, и ни одна не сработала.

Что ж, блин, за цирк-зоопарк такой? Я вспомнил устройство стандартного гранатометного выстрела для РПГ-32. Самоликвидатор должен был сработать автоматически даже при отсутствии удара, и по-другому быть не может. Система проста и надежна, как зубочистка. И тут в памяти всплыли виденные мной исполины. Вот они неспешно бредут городскими улицами. Их гигантские тела своими размерами соперничают с каменными громадами зданий. По бугристым серым шкурам то и дело проскальзывают голубые электрические молнии. Молнии! Быть может тут кроется разгадка? Может генерируемые чудовищами поля мигом убивают всю начинку в боеголовке ракеты? Однако, при чем тут это? Са-

моликвидацией гранаты управляет отнюдь не электроника, это скорее простой механический процесс.

– А ты еще чего-нибудь интересного или странного не заметил? – Тупик в своих изысканиях я отнес на счет недостатка информации.

– Странное? – нервно хохотнул Загребельный. – Да в них все странное. Я видел такое...

– Выкладывай! – выдохнул я.

– Помнишь, я говорил, что видел как эти кашалоты снесли мост?

– Помню.

– Это был большой автодорожный мост на развязке МКАД-Волоколамское шоссе. И знаешь, как это произошло? Полагаешь, они безумствовали, бились об опоры, отчего железобетонные пролеты начали трещать, раскалываться и сыпаться вниз? Да ни хрена подобного! Эти дьяволы просто прошли сквозь мост. Понимаешь, просто прошли, как... как... – Леший от возбуждения никак не мог подобрать нужные слова, – как раскаленный нож проходит сквозь масло. Конструкции, к которым они только лишь прикоснулись, исчезли, испарились в доли секунды. А обрубки швеллеров и арматуры, оставшиеся торчать по краям образовавшегося коридора, были оплавлены и светились разогретым добела металлом. И это не рассказы, не байки какие-нибудь. Я видел все это своими собственными глазами.

Загребельный умолк, словно вновь вспоминал те жуткие,

не укладывающиеся в голове события. Молчал и я, правда совсем по другой причине. Память помимо воли воскресила лица тех, кто жил в Красногорске. Знакомые, мало знакомые, иногда виденные, но отчего-то отпечатавшиеся в подсознании, все они глазели на меня из пустоты, из вечности, из мрачного загробного мира. Порой казалось, что мертвые шепчут. Может предупреждают, а может зовут. Как по мне, так рановато звать. Неприятный холодок пополз по спине. Или они что-то знают? Видят наше будущее, нашу судьбу?

– Человечеству долго не протянуть, если оно не прозреет и будет продолжать в том же духе.

От неожиданности я вздрогнул. Сухой хриплый голос прозвучал будто ответ на мой вопрос. Это был не голос Загребельного, это был вообще чужой незнакомый голос.

Мы с Лешим тут же оглянулись. В шаге от нас стоял высокий худощавый мужчина. Как он подошел, мы не слышали. Словно с неба свалился. Одет он был в длинный ниже колен непромокаемый плащ шарового цвета. В такой оттенок обычно красят военные корабли. Руки незнакомец непринужденно держал в карманах, плечо его оттягивал ремень висевшего за спиной помпового ружья. На ногах сбитые давно нечищенные берцы.

Все эти подробности почему-то бросились в глаза значительно сильнее, чем лицо гостя. Это наверно потому, что лицо его было не то чтобы маловыразительное, а скорее какое-то смазанное, являвшееся как бы второстепенной ча-

стью этого человека. Вот цирк-зоопарк, бывает же такое! Удивившись своему наблюдению, я все же постарался сосредоточиться на физиономии незнакомца. Вытянутый овал лица, очень тонкие черты. Впалые скулы, обветренные губы, худой острый нос. Оттеняло все это недельная небритость, да надвинутая на глаза вылинявшая зеленая бандана. Левый глаз она закрывала практически полностью, отчего мужчина смахивал на пирата, одноглазого пирата. От этого сравнения я даже захлебнулся очередным глотком воздуха. Одноглазый! Неужто и впрямь одноглазый? Сразу вспомнился рассказ пулеметчика Лёхи: «Лесник по имени Олесь... Стена номер один... Ночное дежурство... Если хотите, товарищ полковник, можете с ним сами поговорить».

Вот это номер! Все сходится... и стена, и ночь, и человек без глаза. Надо же, чтобы так вышло, совпало! Как будто эта встреча была predetermined свыше. Ничто не смогло ей помешать. Проведение заранее, и как водится без нашего участия, выбрало время и место.

– Ты Олесь? – произнес я, поднимаясь на ноги.

– Он самый, – человек улыбнулся. – Откуда знаешь?

Он был примерно моего возраста, и я не стал настаивать на общении на «Вы».

– Алексей, пулеметчик рассказал.

– Все рассказал? – белорус прищурил свой единственный глаз.

– Все или нет сказать не могу, но порядком.

– И как, сумасшедшим меня не считаешь? – Олесь едва заметно улыбнулся.

– Пока не знаю, – я не стал лукавить. – Поживем, увидим.

– Хороший ответ, – лесник протянул руку. – Как меня кличут вы знаете, а вот как вас звать-величать?

Мы с Лешим по очереди пожали протянутую руку и представились, правда очень коротко, без всяких разъяснений должностей и так сказать функциональных обязанностей. Просто полковник Ветров и подполковник Загребельный.

– У-у-у... большие чины, – протянул лесник. – Что, ждете?

– Ждем, – подтвердил я и почему-то был уверен, что уточнять кого именно мы ждем не требуется.

– Сегодня атаки не будет, – Олесь поглядел на быстро темнеющий горизонт. – Ночь скоро, а ночь это не их время.

– До наступления темноты еще часа полтора, так что еще многое может случиться, – парировал Леший.

– Ничего не будет, – упрямо повторил белорус. – Кентаврам надо еще успеть добраться до нор. А поблизости у них пока нет ни одной.

– Нор? Каких нор? – с нескрываемым интересом осведомился Загребельный.

Лесник заговорщицки усмехнулся и полез себе за пазуху. Из внутреннего кармана плаща он добыл небольшую пластиковую коробочку. Коробочка как коробочка, кубик из оргстекла размером не более пяти сантиметров. Сквозь про-

зрачную пластмассу была видна пара тонких стальных игл, вплавленных изнутри в две противоположные стенки. Они служили держателями. Оба острия втыкались в края крохотной ажурной рамки. Металл, из которого та была сделана, был неестественного голубого цвета. Нет, он не был покрашен, он был именно лучистого голубого цвета.

Мы с Лешим с недоумением и подозрением уставились на это явно самодельное устройство. Олесь положил коробочку на ладонь, подождал пока рамка успокоится, а затем прокомментировал результат своего эксперимента:

– Не вертится.

– Видим, что не вертится, – буркнул я. – И что это должно означать?

– Что нор, из которых приходят кентавры, поблизости нет.

Услышав такой ответ, мы с Лешим довольно долго молчали, переваривали, так сказать. Лесник подбросил нам информацию, о которой раньше никто и слыхом не слыхивал. Странно, ведь не только он один шастал по пустоши. Почему другим эти самые норы не попадались? Я уже хотел, отбросив всякую дипломатию, задать этот вопрос, но мой товарищ опередил меня и зашел с другой стороны.

– Что это у тебя за штукавина? – Загребельный кивнул на коробочку. – Откуда взял?

– Друг подарил. Когда я уходить собрался, тогда и подарил. Полезная оказалась вещь! Работает безотказно. С помощью нее туннели враз можно засесть.

– Стоп, стоп, стоп! – Леший замахал руками, словно рефери, дающий команду «Брек!». – Я что-то туго въезжаю во всю эту историю. Кто ты такой, Олесь? И откуда такие подробности о кентаврах? Ты что, «Дискавери» втихаря смотришь?

– Олесь служил лесником, – я решил сэкономить время и довести до сведения приятеля основные моменты данной темы. – Недавно притопал аж с самой Белоруссии. – Тут я счел своим долгом оговориться. – Это он так утверждает, что с Белоруссии, до которой, между прочим, километров так с полтысячи будет.

После этого уточнения губы лесника дрогнули в горькой усмешке. Я сделал вид, что не заметил ее, и продолжил:

– Олесь рассказывает удивительные истории о белорусском сопротивлении, но основная его забота – изменить приоритеты жителей Одинцово, а затем вероятно и в мировом масштабе.

– Люди должны больше отдавать этому миру, чем брать от него. Тогда-то все и начнет налаживаться.

Одноглазый ничуть не обиделся на фразу наивного Чапаевского ординарца, которой я охарактеризовал его планы. Что ж, это хорошо. Значит не дурак. Я кивнул, благодаря за весьма полезное уточнение, и со вздохом завершил свой весьма краткий рассказ:

– Но, увь, пока его голос так и не был услышан.

– Это ты хорошо заметил, полковник, – Олесь поднял ука-

зательный палец к уже практически черному небу. – Пока не услышан. Но я продолжаю надеяться.

– Больше отдавать, чем брать... Сделать человечество добрее и мудрее... Мир, дружба, жвачка... – Покачал головой подполковник ФСБ. – Все это жутко смахивает на пустопорожние лозунги. Передохнем все, пока будем высаживать травку и разводить мотыльков.

Словно желая получить поддержку, Загребельный покосился на меня. Однако я разочаровал его и неопределенно пожал плечами. Согласиться с приятелем не давало одно воспоминание: ровные рядки молоденьких ярко зеленых растений, которые я видел не далее, как вчера. Было в них что-то... Какая-то сила. И она давала сто очков вперед силе любого оружия.

Когда я оторвался от своих воспоминаний, то вдруг увидел, что Олесь смотрит на меня и на губах у него играет едва заметная улыбка. Чего это он? Я даже слегка смутился.

Прервать эту несколько затянувшуюся пантомиму из взглядов и жестов помогло мое так и неудовлетворенное любопытство. Его раззадорил еще покойный пулеметчик Лёха, когда первый раз упомянул о существовании странного белоруса.

– Олесь, говорят, ты многое повидал? – зашел я издалека.

– Порядком, – согласился лесник.

– Может расскажешь?

– О чем именно?

– О Белоруссии, о ханхах, о том, как все было... – предвидя долгий разговор, я указал на ящики с патронами, на которых мы с Андриюхой только что сидели.

– Многие мне не верят, – предупредил Одноглазый.

– Не волнуйся, мы с полковником уж разберемся где правда, а где... – Леший запнулся, подбирая подходящее выражение, – ну, будем говорить некоторые преувеличения.

– Попытка номер две тысячи сто семьдесят четыре, – со вздохом проинформировал лесник и первым опустился на импровизированный табурет.

Когда мы пристроились рядом, он молчал, как видно собираясь с мыслями. Похоже, боялся, что попытка номер две тысячи сто семьдесят четыре может закончиться точно так же, как номер две тысячи сто семьдесят три.

– Ну, начни уже с чего-нибудь, – нетерпеливо потребовал Андриюха.

– А лучше всего с главного, – предложил я.

– С главного? – Олесь призадумался. – Тогда пожалуй так: вы видели когда-нибудь корабли ханхов?

– Видели, – однозначно отрезал Загребельный.

– А когда и как вы их увидели в первый раз?

– Через оптику смотровых приборов, когда пер на них в колонне БМП, – проворчал Леший, и по его тону всем сразу стало понятно, что подполковнику не очень хочется вспоминать тот день.

– Ясно, – Олесь удовлетворенно кивнул. – А ты, полков-

ник, что скажешь?

– Я...

Мой ответ предварила длинная пауза, во время которой я вспомнил то тихое июльское утро. Я как раз смаковал свой заслуженный отпуск. Естественно, проводили мы его с семьей совсем не на Канарах. Поехали к моим старикам, в Нижний. Друг отца предоставил в наше полное распоряжение свою дачу. Берег Горьковского водохранилища, березы до самого неба, тишина, сладкий хрустально-чистый воздух, короче рай земной.

Помню в то утро я собрался порыбачить. Выполз тихонько из постели, чтобы, значит, мою благоверную не разбудить. Прихватил удочки, банку с накопанными накануне червяками, садок для рыбы и шась к рукотворному морю. Только тропа вывела на берег, только я хотел вздохнуть полной грудью и прокричать «Жизнь, ты прекрасна!», как вдруг увидел это. Тут же поперхнулся первым же слогом, а может даже первой буквой. Не помню. В себя начал приходить лишь минут через пять. Отчаянно мотал головой, усердно тер глаза, даже щипал себя, только вот от всего этого пользы не было. Они никуда не исчезли. Три правильные четырехгранные пирамиды. Колоссы, размеры которых мой мозг напрочь отказывался воспринимать. Они стояли на противоположном берегу водохранилища. На словно отлитых из бронзы гранях играли солнечные блики, а острые вершины протыкали легкие утренние облака. Тогда при взгляде на это диво я ис-

пытал восторг, суеверный трепет, причем даже не зная что это такое. Эх, знал бы... А впрочем, даже если бы и знал... Что может поделать человек против ярости стихийного бедствия?

Мой ответ на вопрос белорусского лесничего был не столь красочен и эмоционален, как мои воспоминания. Заключался он всего в двух коротких фразах:

– Гостил в Нижнем Новгороде у родителей. Утром проснулся, а корабли уже стоят.

– Замечательно! – поведанные нами истории явно обрадовали белоруса. От удовольствия тот даже потер руки. – Вы оба в который раз подтвердили догадку моего друга.

– Это каким же образом?

– Вы, наверно, двух или даже трехтысячные свидетели прибытия ханхов, которые не видели самого момента посадки. То их не было, а потом раз... и они уже тут как тут. Именно так говорили все, кого я встречал.

Для того чтобы опомниться, Олесь дал нам с десяток секунд. И надо сказать, что все их я потратил на то, чтобы вспомнить. Ну да... точно... никто и никогда не рассказывал, что наблюдал посадку звездолетов. А, забегая вперед, скажу, что точно также никто и никогда не становился свидетелем их отлета. Странно, что раньше я никогда не думал об этом. А впрочем вру. Как-то слышал от одного генерала короткую фразу: «Они вышли из межпространственного скачка прямо у нас в атмосфере. ПВО оказалось полностью

бессильным». Не помню уж теперь то ли такова была официальная версия, то ли его личное мнение, однако эти слова отложились в моей памяти, навсегда сняв вопрос о способе, которым ханхи прибыли на нашу планету.

Не знаю уж какой там информацией владел Леший, но он смекнул раньше меня куда клонит наш белорусский друг.

– Олесь, ты, вижу, намекаешь, что к космосу ханхи имеют такое же отношение, как я к балету?

– Примерно так.

– И откуда же они к нам пожаловали?

– У моего друга имеются три догадки. – Лесник стал загибать пальцы. – Либо из иного мира, либо из иного времени, либо они всегда жили на Земле, только не желали с нами знаться. – Тут Олесь счел своим долгом оговориться. – Правда, по мнению моего друга третий вариант не объясняет откуда появляются туннели.

– Либо все три варианта одновременно, – задумчиво протянул я. Не знаю откуда в голове возникла эта странная мысль, но я ее высказал.

Лесник на меня как-то быстро и внимательно посмотрел, словно оценивал и что-то там прикидывал.

– Идем дальше, – Леший пропустил мимо ушей как мое замечание, так и реакцию белоруса. Сведения о нашем нынешнем противнике его заинтересовали куда больше, чем происхождение ханхов. – Теперь выкладывай все, что знаешь о туннелях или норах, из которых выползают эти мно-

голапые ублюдки.

– Особо сказать ничего не могу, – лесник кисло скривился. – Знаю только, что они есть и все тут.

– Ты их видел?

– Э-э-э, уважаемые, – Олесь горько усмехнулся. – Те, кто их видел, уже ничего никому и никогда не расскажут.

– Чего ж ты треплешься, если толком ничего не знаешь? – рыкнул на него Загребельный. – Еще и игрушку эту свою нам под нос тычешь.

– Эта игрушка не единожды мне жизнь спасала.

Лесник любовно поглядел на прозрачную коробочку, которую продолжал мусолить в руках. Затем вроде как собирался ее спрятать, да вдруг передумал. Он немного поколебался, но потом все же решился и протянул ее мне.

– Возьми, полковник, авось пригодится.

– А как же ты? – я не посмел протянуть руку за подарком.

– Бери-бери, у меня еще одна есть, запасная. А эта... ну, она как бы благодарность тебе за то, что выслушал, за то, что поверил.

Не успел я взять в руки самодельный приборчик, как Леший пробурчал:

– Еще никто никому не поверил.

– погоди, Андрюха, не наезжай, – я жестом приказал Лешему заткнуться. – Пока со всеми этими гипотезами мне ясно лишь одно: то, что ничего не ясно. Так что завязывай с вопросами, на которые наш белорусский друг не знает отве-

тов. Давай пусть лучше он расскажет о том, в чем уверен. Например, Олесь, ты действительно пришел из Могилева?

– Конечно не из самого города, но примерно из тех краев, – лесник осклабился, показав нам неожиданно белые ровные зубы.

– Шел через проклятые земли?

– А как же. Их ведь не обминешь.

– А аномальные участки? А тени?

Я знал что спрашивал. И Олесь одарил меня очередным оценивающим взглядом. Так один хищник смотрит на своего собрата, такого же матерого и опасного как он сам.

– Тени? – этот вопрос задал ничего не понимающий Леший.

Одноглазый будто не расслышал его. Он не спеша откинул полу плаща и продемонстрировал висящий на поясе охотничий патронташ. Насколько я мог заметить, там были не только обычные теперь патроны с пластиковой гильзой, но и старые, металлические. Такие можно было использовать много раз, и снаряжать самому. Именно металлический цилиндрик белорус и вынул.

Наша с ним занимательная беседа длилась около часа, и вокруг уже основательно стемнело. Вот-вот должны были зажечь прожектора, но как видно одинцовское руководство начало экономить, и этот момент слегка отсрочили. Собственно говоря, именно благодаря густым сумеркам я и углядел это. Странное явление, патрон в руках одноглазого бледно

светился. Вернее не сам патрон, а отверстие, куда впрессовывается дробь картечи или пуля. Это выглядело, как будто Олесь держал в руках крошечный фонарик или зажженную сигарету, только вот сигарета эта светилась едва различимым призрачным голубоватым светом. Опять голубоватым! Этот цвет словно преследовал меня. Это был как бы сигнал. Им маркировалось все, что я не понимал, а посему, естественно, относился с недоверием и осторожностью.

– Ну, давай, рассказывай, чем там они у тебя заряжены, – я указал взглядом на патрон двенадцатого калибра. – Небось серебряные пули?

Леснику понравилась шутка, и он негромко рассмеялся.

– Нет, серебром только нечистую силу разгонять, а это не ко мне. Здесь кое-что другое. Эту штуку мы с Архимедом на их боевой платформе раздобыли. Кристаллики такие, раза в два покрупнее горошины будут. А что они с тенями творят... – лесник с удовольствием причмокнул. – Загляденье одно! Они их словно наизнанку выворачивают, скручивают, сжимают, а потом бах... хлопок, и пропадает эта дрянь, без следа пропадает.

Затем одноглазый как бы между прочим добавил:

– Кстати, вещество это можно не только на платформах отыскать. Там, где они летали, ну, где гравилуч, значит, поработал... капсулы можно найти. Черные такие, на обычную полуторадюймовую трубу похожи, длиной метра полтора. Не видели что ли никогда? Вот в них-то кристаллами можно

и поживиться. Не всегда, конечно. Чаще всего они пустые, израсходованные до конца, но иногда все же везет. Два, три, а то и полдюжины камешков могут и зацепиться.

Информация о чудо-кристаллах бесспорно была любопытной, но она мигом померкла, как только белорус наметнул на существование захваченных боевых платформ ханхов. Это даже представить себе жутко, реальные инопланетные летательные аппараты со всем оборудованием, а главное оружием!

– Металл, из которого рамка сделана, ну та, что в коробочке, там же раздобыли?

– Ага, там же, где ж еще. Мы там много интересных вещей видели, только по большей части не понятные они.

– Значит, все-таки это правда, – я задумчиво уставился в темноту. – Вы таки действительно завалили пару челноков.

– Завалили, – не без самодовольства подтвердил Олесь. – Одну платформу мы распотрошили, а вторая лежит себе почти целехонькая.

Загребельный больше не пытался встрять в разговор. С его-то цепким умом, умением слушать и фильтровать информацию да не понять, о чем это мы тут толкуем! Смешно. Конечно, понял, и небось уже стал соображать как всем этим ноу-хау воспользоваться.

Именно в этот самый момент дали свет. Весь периметр вспыхнул сотнями огней. От их яркого желтоватого света на душе сразу полегчало, сразу схлынули нервозность, беспо-

койство и тревога, которые, честно говоря, уже начали охоту за нашими душами. Я понял это, когда услышал явно повеселевшие голоса. Это переговаривались наши товарищи, защитники стены номер один. В одной из реплик, прозвучавших невдалеке, я совершенно отчетливо расслышал свое имя. Кто-то спросил: «Где полковник Ветров?». Повернувшись на голос, я увидел незнакомого молодого бойца с автоматом в руке. Он маневрировал между сидящими и стоящими людьми, судя по всему пробиваясь именно к нам. Подойдя к нашей троице, он спросил:

– Кто из вас полковник Ветров?

– Допустим я, – мой взгляд уткнулся в лицо посыльного. Да, это был именно посыльный.

– Командир Крайчек собирает совещание. Начало... – парень глянул на часы. – Начало через полчаса. Командир просит вас подойти.

– Раз просит, то конечно же подойдем, – я поднялся на ноги. – Олесь, спасибо за интересный разговор. Полагаю, мы его еще продолжим.

– Не исключено, полковник, может и продолжим.

С одной стороны лесник был явно обрадован, что его глас, призывающий к реформации человеческого сознания, наконец хоть кем-то услышан. Но с другой... В словах белоруса звучала какая-то недосказанность, намек что ли... Хотя может и показалось. Я сейчас был не в лучшей форме, что бы заниматься психологическим анализом.

– Вставай, Андрюха, – я похлопал Загребельного по плечу. – Пойдем.

– Да меня вроде как не «просили подойти», – подполковник явно подтрунивал над насквозь штатским стилем, с которым посыльный передал приказ явиться на военный совет.

– Идем, не выпендривайся. Уверен, что ты будешь полезен.

– Ладно, потопали. Послушаем чего скажут, – Леший быстро и легко встал. – Глядишь, у кого-нибудь и возникнет здравая идея на предмет того, почему мы все еще живы.

– У меня есть такая идея, – неожиданно отозвался одноглазый.

– Говори, – мы с Лешим так и впились в него глазами.

– Конечно, не видал я этих ваших чудищ, тех, что сюда топали, только знаю, что они ушли.

– Спасибо, что просветил, – Загребельный с раздражением плюнул за стену. – А мы то, дурни, думали, что они спать улеглись в соседнем квартале. Приморились и задряхли.

– Ты не зубоскаль, подполковник, – лесник не обиделся. – Говорю что ушли, в туннель ушли.

– Как в туннель?! – удивился я. – Ты же говорил, нет поблизости туннелей. Вертушка эта твоя, мол, не крутится.

– Сейчас не крутится, а днем что дурная маслала. Успокоилась только часам к четырем.

Олесь как бы между прочим глянул на свои часы. «Командирские». Почти такие же, как и мои. Только у меня на

циферблате изображен танк, а у него эмблема ВДВ. Как будто он и впрямь очутился в Одинцово, спустившись прямо с небес.

– Больше ничего сказать не можешь? – поинтересовался Леший.

– Больше ничего, – покачал головой белорус. – Место надо бы поглядеть, где зверье топало. – Затем он на секунду призадумался и добавил: – А еще лучше, увидеть тот участок, на котором оно пропало. Туннель, значит, где открылся.

– Ничего интересного. Я его прекрасно помню... – по моему лицу пробежала едва заметная волна гнева, – и вовек не забуду.

– Как знать, как знать, – заговорщицки протянул лесник. – Вы, ребята в погонах, частенько глядите... вроде как и во все глаза глядите, да только нихрена не видите.

Загребельный на это ничего не ответил, только с раздражением хмыкнул. Я же... Я был наслышан о чудесах наблюдательности и изобретательности, которые творили следопыты из лесничеств, поэтому не стал лезть в бутылку. Ответил, учитывая всю неопределенность момента:

– Ладно, сейчас ночь и предпринять мы все равно ничего не сможем. А утром посмотрим. Утром уж точно что-либо прояснится.

Пожелав Одноглазому легкого дежурства, мы ушли. Как не занимателен был весь этот разговор, но все же судьба жителей Одинцово, а стало быть и наша собственная, решалась

совсем не здесь. Ну, а такие вещи я обычно не доверяю другим и тем более не пускаю на самотек.

Глава 8.

Как и ожидалось, провожатый потащил нас к тому самому трехэтажному особнячку, в котором оборудовал свою резиденцию главный Одинцовец. Еще издалека я заметил, что в окнах второго этажа горит свет. Это был совсем не яркий желтый свет электрических лампочек. Мощность дизельгенератора не позволял транжирить электроэнергию налево и направо, поэтому она шла только лишь для нужд мастерских, убежища и святое дело – периметра. Так что всем остальным любителям полночных посиделок, включая естественно и руководство, приходилось пользоваться древними как мир керосиновыми лампами и самодельными масляными коптилками.

По силуэтам то и дело мелькавшим за крест-накрест заклеенными оконными стеклами становилось понятным, что Томас в кабинете не один. Скорее всего, у него сегодня соберется много народу. Цвет одинцовского общества будет решать как быть дальше. Самые нетерпеливые или те, кому сейчас особо нечем заняться, типа мичуринца Дягилева, уже наверняка там. Разминаются, так сказать, перед битвой умов. Пусть разминаются. Чувствую дебаты сегодня предстоят долгие и жаркие. Хотя я где-то слышал или читал, что

верным как правило оказывается то решение, которое рождается в первые пять минут спора. Все остальное это просто болтовня, переливание из пустого в порожнее. А впрочем, кажется, насчет первых пяти минут это говорилось о западных спорщиках или может японских. Мозги отечественной сборки могут функционировать совсем по-иному.

Я подумал об этом и понял, что к чему-то клоню. Ах да, конечно, не обязательно приходить к самому началу. Все равно пока народ настроится, да раскопчегариться... пройдет как минимум полчаса. Плюс пятнадцать минут, которые еще остаются до назначенного часа. Вместе получается сорок пять минут. Целый школьный урок. Потерянное зря время. Потерянное для всех, но не для меня. Я окажусь мудрее, так как знаю куда его потратить.

Не доходя до штаба метров двадцать, я остановился и придержал посыльного:

– Стой, сынок.

Тот послушно остановился.

– Ты всех уже оповестил? Я имею в виду тех, кого пригласили на собрание.

– Почти, – парень был горд своей расторопностью. – Только Кальцев остался, но он тут неподалеку. Кликнешь, так через пять минут будет.

– Вот и ступай, позови его. А у меня еще одно небольшое дельце осталось. Выполню его и сразу приду. Дорогу я знаю.

– Ладно, – пожал плечами посыльный. – Я вам сообщение

передал, значит, дело свое сделал.

– Это точно. Спасибо за службу. – Я похлопал юношу по плечу, одновременно подталкивая его вперед. – Ну, давай, шуруй.

Когда посыльный отошел шагов так на десять, стоявший рядом Загребельный поинтересовался:

– А мне-то что делать? Не здесь же торчать, ждать, когда ты нагуляешься.

– Хочешь, пошли со мной, – предложил я.

Мне, естественно, совсем не требовалась компания, только вот я сам сорвал Лешего с дежурства и теперь вроде как за него отвечаю, или вернее он как бы стал моим напарником.

– А куда мы?

Андрюха сказал «мы», тем самым давая понять, что принял мое предложение.

– В санчасть. Я тут одного человека с того света вытянул. Хочу проверить как она... – я замялся и поправился, – как он.

– Она? – Леший все же расслышал. – Ты о той девчонке, что у тебя в БТРе валялась без чувств.

– Угадал, – я кивнул и двинулся по тропинке к убежищу. Леший зашагал вслед за мной.

Санчасть располагалась в здании четырнадцатэтажки, по балконы второго этажа утопленной в глубины рукотворного холма. Чтобы попасть туда, пришлось прошагать половину

убежища, его узкие, большую часть суток темные коридоры. Слава богу, сейчас в них горел свет. Лампочки висели через каждые пятнадцать шагов, а нанесенная на стену жирная красная линия служила той путеводной нитью, которая связывала вход в убежище и медицинский блок. Очень разумно. Даже человек, впервые попавший сюда, мог сразу найти дорогу, а значит получить помощь, доставить раненого или обзавестись медикаментами.

Потратив всего минут десять, мы с Лешим оказались перед обшарпанной, но довольно мощной деревянной дверью, на которой красовался любовно выведенный красный крест, а ниже под трафаретку набито слово «Санчасть». Вокруг было необычайно тихо. Возможно именно эта тишина вернула меня к реальности и напомнила, что сейчас ночь. Кто знает, может раненые, включая Лизу, уже спят, и наш визит им... вернее ей, совсем не пойдет на пользу. Однако желание познакомиться с девушкой становилось все сильнее и сильнее. Я должен был выяснить ее состояние. Сейчас. Немедленно!

Что со мной происходило? Непонятно. Толи хотелось заступиться за самого себя на суде своей же собственной совести. Ведь жизнь Лизы это аргумент, весомый аргумент, который можно предъявить, когда другой бесстрастный, рассудительный и беспощадный Максим Ветров спросит: «А что случилось с майором Нестеровым? Почему ты, сволочь такая, оставил его тяжелораненого умирать в руинах на окраине города?». А впрочем нет... не то. Сюда я притащился совсем

не из желания обелить себя и замолотить грехи. Я сделал это просто потому, что хотел увидеть Лизу, узнать, что ей лучше, что она поправляется. Эта милая, нежная девочка...

– Мы долго будем торчать перед закрытой дверью? – вдруг прорычал у меня над ухом Леший. – Входим что ли?

– Ага, – Я мысленно поблагодарил Загребельного за то, что он помог мне побороть нерешительность. – Входим!

Взявшись за ручку, я резко распахнул дверь. В нос тут же ударил сладковатый запах крови, перемешанный с горечью хлорки и медикаментов. Санчасть вовсе не выглядела погруженной в сон. Свет горел повсюду, только разной интенсивности. В прихожей, где мы сейчас и стояли, это была лампочка сороковатка, ну а там, дальше, в комнатах... то есть в палатах, бывших когда-то жилыми комнатами, в них пылали ни как не меньше соток. Особенно ярко светилось первое, самое ближнее к выходу помещение.

Именно из него и выглянула молодая женщина в белой косынке и, язык не поворачивался сказать, белом медицинском халате. Бросив на нас быстрый взгляд, она облегченно вздохнула:

– Фух, а я то думала, что новых раненых принесли. – После этого своеобразного приветствия женщина повернула лицо внутрь помещения и сказала кому-то невидимому: – Доктор, это какие-то военные. Целые и вроде как невредимые.

Женщина потеряла к нам всякий интерес и тут же юрк-

нула назад. Судя по ее «доктор», я понял, что перед нами медсестра, а врач внутри и, должно быть, чем-то занят, раз сам не сподобился подойти к двери. Ну, что ж, раз так, то подойдем мы.

Я кивнул Лешему и двинулся вперед. До двери, из которой выглядывала женщина, было всего шагов пять. Оно и понятно, мы же ни в каком-нибудь там госпитале, мы в обычной жилой квартире. Небольшие, плохо вентилируемые помещения с великолепной акустикой. Именно благодаря ей я начал догадываться какой зрелище ждет нас внутри. Негромкие голоса, приглушенный стон, бряцание инструментов. Операционная. Конечно, операционная.

Только я об этом подумал, как навстречу выскочил взломаченный мужик в забрызганном кровью халате и большим эмалированным ведром в руке. Он не ожидал обнаружить нас так близко, а поэтому отшатнулся назад, словно от нечистой силы.

– Виктор Ильич, ты ведро то чем-нибудь прикрой, – слышался голос из операционной. – Нечего народ лишний раз пугать.

Когда людям что-либо запрещают, те подсознательно стараются это сделать. Обычное дело. Вот и сейчас врач, а то, что голос говорившего принадлежал именно врачу, не было ни малейшего сомнения, так вот, врач как бы предостерегал, запрещал постороннему глазу пялиться в ведро. И, конечно же, я и Леший тут же дружно сунули туда свои любопытные

носы. Надо сказать, зря мы это сделали. Не знаю как Андрияха, но лично я об этом очень даже пожалел. Вид ампутированных человеческих конечностей, плавающих в кровавой подливе, заставит содрогнуться кого угодно, даже бывалого солдата, за время войны повидавшего многое, очень многое.

С трудом проглотив тошнотворный комок, который подкатил к горлу, я оторвал взгляд от ведра, попытался сосредоточиться на лице того самого Виктора Ильича. Мужичонка виновато пожал плечами, постарался спрятать ведро за спину и суетливо затрещал:

– Вам доктора, наверное? Доктор там. Он скоро освободится. А мне бы пройти. Мне вынести надо, прибраться, а то работы у нас было море. Только-только закончили.

Тараторя свою скороговорку, санитар начал бочком-бочком просачиваться мимо нас.

– Понятное дело, – мы с Лешим посторонились.

– Спасибочки вам огромное, – пискнул мужичонка, накрыл свое ведро валявшейся у входа тряпкой и беззвучно выскользнул за дверь.

Мы проводили его взглядами и переглянулись. Там, с наружи, все это выглядело совершенно по-другому. Страдания, кровь, смерть, они являлись лишь крошечной частичкой бешеного, сумасшедшего водоворота, именуемого боем. Там нет времени думать о себе и чувствовать боль. Там ты винтик огромной военной машины, и в то же время сверхсущество, которому даровано право миловать или карать.

Это все там, наверху. Ну, а здесь, в этих затхлых крысиных норах... здесь ты уже никто, ты просто кусок мяса, твоего мнения никто и никогда не спросит. Здесь полноправно правит бог в белом, измазанном кровью халате.

Бог как раз заканчивал зашивать разорванную руку какого-то мужика. Когда я сунул голову внутрь операционной, он поглядел на меня и бросил:

– Вы ко мне? Подождите немного. Я уже заканчиваю. – Затем врач указал взглядом вглубь своих владений. – Дальше еще помещения. Пройдите. Нечего тут торчать.

Я прекрасно помнил, что времени у нас в обрез, да и притопали мы сюда совсем не для задушевной беседы со светилом местной медицины. Именно поэтому, я не двинулся с места.

– Где снайпер наш, Лиза Орлова? Как она? Повидать бы.
– А-а-а... – многозначительно протянул доктор. – Вот вы к кому. – В его голосе послышалось облегчение человека, у которого наконец-то появится возможность отдохнуть. – Оживает потихоньку. Там... дверь направо, комната номер пять.

– Спасибо, – я благодарно кивнул и, не желая больше надоедать врачу, двинулся вглубь его владений.

Комната номер пять отыскалась довольно быстро. Она оказалась во второй, соседней квартире, в которую мы попали через аккуратно пробитый, укрепленный куском толстого швеллера пролом в стене. В отличие от первой квартиры,

все комнаты здесь сохранили свои двери. И это был явный признак того, что внутри находились люди.

Сколько больных может уместиться в одной жилой комнате обычной российской квартиры? Человек пять-шесть, не больше. В палате номер пять их оказалось двенадцать. Люди лежали на полу сплошным живым ковром, и ковер этот был густо измаран красно-бурыми пятнами. Бинты, одежда, матрацы, лица, все помечено кровью.

– Да уж, «веселая» сегодня вышла прогулка, – прошипел у меня за спиной Леший.

Я не ответил. Чего попусту толочь воду в ступе. Мы ведь уже знали, что потери не шуточные. Ранеными и убитыми до двухсот человек. Просто цифры, они скупы и бездушны. А всю реальность, будь она проклята, начинаешь осознавать только напрямую прикоснувшись к боли и страданиям людей.

В углу палаты горела одна маленькая лампочка на которой красовался самопальный абажур, сделанный из куска фольги. Без света раненых оставлять никак нельзя, и тусклый ночник тут как раз то, что надо. Горит себе в уголке, и спать никому не мешает. Правда, в палате никто не спал. Боль от совсем еще свежих ран, горечь потерь, страх не давали людям покоя. Те ворочались. Кто-то стонал. Одна из женщин тихо плакала. Несколько мужиков наперебой крыли по матери то дерьмовое начальство, которое сдуру надумало покинуть такое безопасное и надежное убежище как одинцов-

ская крепость.

Положа руку на сердце, я ожидал увидеть и услышать что-либо подобное, а поэтому подобающим образом настроился. У меня сейчас не было времени утешать страждущих и собачиться с недовольными. Я пришел сюда только для того, чтобы увидеть Лизу.

Девушка лежала недалеко от входа. Она оказалась единственным человеком в комнате, на котором не было бинтов, и это как-то сразу успокаивало. Как говорится, все познается в сравнении. А если сравнивать Лизу со всеми остальными израненными и окровавленными пациентами, та казалась почти здоровой. Почти... вот то-то и оно, что почти. Когда я нагнулся над девушкой, то увидел, что лицо у нее неестественно бледное, а вокруг закрытых глаз синие круги, что дышит она часто и по большей части ртом. Я протянул руку и коснулся ее лба. Холодный и влажный. От этого прикосновения Лиза вздрогнула и открыла глаза.

– Максим, – прошептала она.

Лиза назвала меня просто по имени, без отчества, и, черт побери, мне это было приятно.

– Привет, малышка. Ну, как ты? – я не убрал руку, а наоборот продлил движение и погладил ее по голове, ласково так погладил, словно маленького ребенка.

– Лучше уже, только слабость и тошнит постоянно, – созналась моя подопечная.

– Ты уж держись, постарайся, – почти приказал я. – Док-

тор говорит, что все будет хорошо, ты идешь на поправку.

– Мне сказали, что это ты меня спас, вытащил, – Лиза пристально поглядела мне в глаза. – А другие? Наши ребята, что были там, в подвале? Их ведь здесь нет.

– Им уже не нужен врач, – я понял, что ответ мой прозвучал пространно и неоднозначно, поэтому уточнил: – Они погибли. Все погибли. В подвале был газ.

– Откуда? – удивленно прошептала Лиза. – Откуда он там взялся?

– Не знаю.

Я не стал нагружать девушку своими мыслями, подозрениями и предположениями. Она еще слишком слаба, чтобы думать обо всем этом. Потом. Оклемается чуток, потом и поговорим.

– Максим, – Лиза прервала мое короткое раздумье. – А винтовка моя где?

– Винтовка? – я пожал плечами. – Наверное, осталась в подвале.

– Жаль. Хорошая была винтовка.

– Не беда, другую достанем, – пообещал я.

– А нельзя эту отыскать? – в голосе Лизы послышалась мольба. – Мне ее отец подарил.

– Посмотрим, – соврал я. Лизе пока незачем знать, что весь этот проклятый магазин теперь покоится под тоннами кирпича и бетона. Пусть надеется. Надежда она всегда помогает, пусть даже и такая незатейливая, как просто вернуть

подарок отца.

Мой разговор с Лизой прервало оживление, возникшее у входной двери, там, где стоял ожидающий меня Загребельный. Я оглянулся и увидел того самого санитара, Виктора Ильича, кажется. Он уже успел сменить свой окровавленный медицинский халат на другой, чистый, и теперь напоминал маленького толстенького снеговика. В руках санитар держал глубокую пластиковую коробку размером с небольшой поднос. По тому, как он ее держал, становилось понятным, что коробка далеко не пуста.

– Товарищи раненые, пора принимать лекарства, – громко объявил медик. – А посетителей попрошу пока выйти. Тут и так не протолкнешься.

Санитар стоял рядом с Лешим, и от этого получилось, что приказ выметаться вон в первую очередь адресовался именно моему приятелю.

– Да мы сейчас и так уходим, – пробурчал подполковник. – Пора нам.

Это «пора» услышала и Лиза. Она метнула на меня умоляющий взгляд. От него аж на душе защемило.

– Завтра увидимся. Обязательно увидимся, – пообещал я. – А сейчас нам действительно надо идти. Мы ведь только на секунду забежали.

Я взял слабую влажную ладонь девушки в свои руки и легонько сжал. Ничего особенного, обычное дружеское рукопожатие, только почему-то оно у меня получилось долгое. И

я даже не понял почему. То ли Лиза держала меня, то ли я ее, а может мы оба крепко вцепились друг в друга, стараясь как можно на дольше продлить этот миг.

– А для вашей подружки атропинчик, – санитар как-то незаметно просочился к Лизиному тюфяку и теперь стоял над нами, поигрывая наполненным шприцом. – А ну, девонька, задирай рубашку.

Лично мне брат милосердия ничего не сказал, только весьма красноречиво взглянул.

– Уходим, уходим, – я поднялся на ноги и позволил ему занять мое место. – До завтра. – На прощание я еще раз взглянул Лизе в глаза и как можно задорней подмигнул.

Как только дверь палаты закрылась за нашими спинами, Загребельный поинтересовался:

– Твоя девчонка?

– Моя.

Я солгал не задумываясь ни на секунду. То ли потому, что так короче и легче все объяснить, а может просто испугался, что Леший сам начнет подбивать к Лизе клинья. Он ведь как-никак лет на пять меня моложе. Однако зря я беспокоился. Дамский пол, похоже, сейчас совсем не интересовал моего приятеля. Куда больше того занимало нечто другое:

– А стряслось-то с ней что? Почему атропин колят?

– Странная история.

Мы шагали по узким коридорам санчасти, я впереди, Леший сзади. Чтобы он меня лучше слышал, приходилось то и

дело оглядываться и выстреливать короткую фразу.

– Их разведгруппа обнаружила продовольственный склад, в подвале, под руинами одного из домов. Когда я подъехал, там уже были одни двухсотые. Уцелели только те, кто стоял снаружи на часах.

– А как же она?

– Она тоже в охране была. За пять минут до меня в подвал спустилась. Едва вытащить успел. Вот такой цирк-зоопарк получился.

– Любопытно, – протянул Леший, и я понял, что он себе что-то там шифрует. Видать проскальзывала кое-какая информация.

Спросить я ничего не успел. Из-за очередного поворота прямо на нас выскочил доктор. Как и санитар, он уже успел переодеться, лицо его больше не скрывала марлевая повязка. Что осталось неизменным, так это плотно сидящая на голове самодельная белая бандана да поблескивающие на носу большие очки в роговой оправе.

– Ну что, проведали? – врач по-приятельски улыбнулся. Видать по нашим лицам, оружию и снаряжению сразу смекнул, что перед ним совсем не пешки, а фигуры, равные ему по значимости и рангу.

– Проведали, – я кивнул и постарался, чтобы медик не проскользнул мимо нас. – Как состояние Орловой? Что скажете, доктор?

Врач притормозил, понимая, что от беседы не отвертеть-

ся, поправил очки и довольно уверенно ответил:

– Организм молодой, крепкий, так что все будет нормально. Хорошо, что мы с самого начала знали тип отравляющего вещества. Тот парнишка, что вместе с младшим сержантом ее принес... Он-то и рассказал. А то ведь знаете... – доктор горько вздохнул. – В той круговерти... Раненых было человек сорок. А я один. Мог ведь и не разобраться. – Врач виновато потупил взгляд и добавил: – Да, скорее всего, и не разобрался бы. Я ведь хирург, а не военный токсиколог. А кроме того кому в голову могло прийти, что сейчас откуда-то всплывет нервнопаралитический газ.

– Нервнопаралитический? – с интересом переспросил Леший.

– Ну да, – подтвердил врач. – Какой точно не знаю, но симптомы все, как говорится, налицо. Я в справочнике проверял. Выделения из носа, помутнение зрения, затрудненное дыхание, усиленное потоотделение, тошнота, судороги.

– А это точно газ? – продолжал допытываться Загребельный. – Может, она эту гадость проглотила? – Тут подполковник перевел взгляд на меня. – Макс, ты не видел, они там случаем ничего не ели?

– Газ это, – я уверенно кивнул. – Точно газ. Сам надышался. Не окажись под рукой противогаса, можно было ставить богу свечку. Вот такой цирк-зоопарк, дружище.

– Странно, – задумчиво протянул Леший.

– Что тебе странно?

Подполковник почесал затылок и признался:

– Да понимаешь ли, было уже несколько случаев... Кентавры, тварюки эти хитрющие, удумали отравлять продукты. Сцапают кого-то из наших, сожрут, а если у человека рюкзак был, а в нем еда без упаковки, то они ее всю в отраву превратят. Знают, сволочи, что у нас продовольствия в обрез и некоторые из особо изголодавшихся не побрезгуют и такой добычей. – Дойдя до этого места, Загребельный скривился от не очень приятных воспоминаний. – Видал я одного такого бедолагу. Симптомы точь в точь как вы, доктор, описываете. И сопли, и блевотина, и паралич. Он прямо у нас на руках умер, не донесли до лагеря.

Леший еще не закончил свой рассказ, а на меня как ушат холодной воды выплеснули. И прозрел я от этого вмиг. Холера меня забери, думаю – макароны! Разведчики ведь варили макароны! Нашли кастрюлю, слили туда воду из фляжек, сыпанули с килограмм сухого деликатеса и поставили на огонь. Как только вода стала нагреваться, как только пошел пар... Пар! Господи милостивый, это же пар, испарения той ядовитой дряни, которой наши враги измазали мешки с сыпучкой. Вот почему в магазине не было продуктов в герметичной таре. Эти многолапые уроды их полностью выгребли. Чтобы, значит, наверняка, чтобы мы жрали только ту приманку, которую они для нас оставили. Подбросили ее как яд для мышей или тараканов. Вот сволочи! Вот гниды! А потом они бы пришли и преспокойно взяли свою добычу, свое мясо, меня,

Лизу, Нестерова, Пашку. Я захрипел, зарычал, затрясся от гнева и злобы.

– Ты чего? – Леший с доктором смотрели на меня выпученными от удивления глазами.

– Я знаю. Я все понял, – выдохнул я в ответ.

– Что понял?

– Понял, откуда взялся газ.

– Ну, и откуда? – лицо Лешего выражало сосредоточенность и неподдельный интерес.

– Это испарения той самой дряни, о которой ты говорил.

Тут я более или менее подробно изложил свою версию всего происшедшего сегодня днем. Даже не забыл упомянуть о шоколадке, пропитанной радиацией. Пока я говорил, оба моих собеседника стояли молча. По всей видимости, каждый из них пропускал мой рассказ через фильтр собственных знаний, догадок и подозрений.

– Вполне возможно, – когда я закончил, доктор кивнул. – По крайней мере это объясняет почему вы с Лизой сумели выжить. Окажись в подвале настоящие боевые отравляющие вещества... этого разговора у нас бы не состоялось.

– А как твой Гейгер? На шоколадку среагировал, а внутри магазина молчал что ли? – Загребельный напомнил мне Нестерова, сыскаря, занятого сбором улик.

– Наверху, в торговом зале, молчал. А что уж там было в подвале... этого я не припомню. Не обращал я тогда внимания на такие детали. Не в том состоянии, знаешь ли, был.

– С шоколадом как раз все понятно, – проинформировал нас доктор. – Рыхлый, аморфный продукт. Радионуклиды впитывает за милую душу, как губка воду. Кентавру стоило просто несколько минут подержать его у своей кожи.

По уверенности, с которой были произнесены эти слова, я сразу понял, что очкарик довольно прилично осведомлен о нашем главном противнике. Откуда? И тут в памяти всплыла та картонная коробка, которую вчера вечером демонстрировал мне Крайчек в своем кабинете. В ней лежали эти странные штуковины, добытые из тел кентавров. Выходит, местные космозоологи их время от времени препарируют. Пытаются, так сказать, утолить свой исследовательский голод. Естественно, в первых рядах Нина, а кто рядом с ней? Кому еще интересно копаться в потрохах инопланетных бестий? Вполне вероятно, что вторым в списке исследователей стоит один очкастый хирург.

– Доктор, вы участвовали во вскрытии кентавров? – спросил я напрямик.

– Участвовал, – как мне показалось, в голосе медика даже послышалась гордость.

– И как вам гипотеза моего друга? Где кентавры яд брали? Готовят что ли?

– Это вряд ли, – врач улыбнулся. – Они еще не на той стадии развития, чтобы освоить изготовление ядов.

– Тогда что это такое? Что убило наших людей? Чем мы с Лизой надышались?

На несколько секунд медик задумался, помял пальцами подбородок.

– Возможно такой эффект может дать соединение нескольких ферментов, не взаимодействующих между собой в обычных условиях. Судя по концентрации фосфора, это, скорее всего, выделения семенных желез и...

Я вдруг ощутил такой позыв тошноты, что весь передернулся. Тело прошиб озноб, а из области живота стал стремительно подниматься скользкий, будто шевелящийся сгусток.

– Спасибо, доктор, я пойду.

Произнести эти слова стоило невероятных усилий, но я их все же выдал. После чего пулей кинулся по коридору и чуть не высадил дверь санчасти. Выскочить на свежий воздух я никак не успевал, так что попавшийся на пути общественный туалет оказался весьма кстати.

Я долго отплевывался, стараясь избавиться от вкуса блевотины. Фух, давно со мной такого не случалось. И чего это вдруг?

В дверь кабинки забарабанили.

– Э, хлюпик, ты тут?

Леший. Вычисли все-таки, следопыт, блин. Я отдернул шпингалет и толкнул дверь. Загребельный стоял, облокотившись о стену, и лыбился во все двадцать четыре зуба.

– Полегчало? – спросил он.

– Ты представляешь, чем мы дышали?

Я проковылял в соседнюю комнату, где стояли баки с во-

дой. Взял болтавшуюся на веревке кружку, наполнил ее и прополоскал рот.

– Ой-ой-ой, какие мы нежные стали! – Леший прошел следом.

– Да для меня это все равно, что у этих тварей отсосать, – провел я, давая новый позыв тошноты.

– Ладно, успокойся. На, вот, – Леший отстегнул от пояса флягу и протянул ее мне.

Я вопросительно поглядел на приятеля.

– Спирт. Осталось еще маленько. Как раз то, что тебе сейчас надо. Продезинфицируй желудок, а заодно и мозги.

– Годится, – я с благодарностью принял флягу и сделал один большой глоток. Огненная жидкость потекла по горлу, выжигая инфекцию пусть даже и мнимую. – Порядок.

– Глотни еще. Один глоток тебя не возьмет.

– Мне довольно, – я отрицательно покачал головой. – Не хочу, чтобы на совещании от меня разлило как от пропойцы.

– Ах, да, совещание... – Загребельный поглядел на часы. – Мы тут уже почти час. Может уже и идти не стоит?

– Все нормально. Мы делом занимались. Общались с доктором по очень любопытному вопросу.

– Если у благородного собрания возникнет желание выслушать эту нашу информацию, докладывать буду я, а ты постоишь за дверью, – Леший гаденько хихикнул.

– Остряк. Пошли, давай. Время-то идет.

Освещая себе путь карманным фонариком, мы поднялись по лестнице в правом крыле штаба и прошагали по неширокому, погруженному во мрак вестибюлю.

– Пришли, – сообщил я приятелю, когда мы оказались перед высокими двухстворчатыми дверьми, обитыми рваным черным дермантином.

Для порядка я постучал, а затем сразу рванул ручку на себя. Проходя в дверь, заметил, как Леший с гаденькой улыбочкой глянул на крупную табличку «Главный бухгалтер», оставшуюся от прежнего владельца этих апартаментов.

Скрип открывающейся двери, звук тяжелых шагов, прервали жаркие дебаты, в которые было погружено одинцовское руководство. Все внимание немедленно переключалось на нас. Что ж, это нормально. Я ничуть не смутился и тут же стал оглядываться по сторонам.

Внутри кабинета находилось восемь человек. А, впрочем, нет, девять. Я не сразу заметил Нину. Та будто привидение одиноко сидела в дальнем темном углу. Несколько часов назад я видел, как ее тащили под руки. Тогда Нина была вся залита кровью и с нее стекали раздавленные человеческие кишки. Только это была не ее кровь и не ее кишки. Нине повезло, а вот женщине с маленьким ребенком на руках, бежавшей впереди нее, кажется не очень.

Я кивнул жене Крайчека, но та не ответила. Она смотрела в пустоту и казалось была полностью отрешена от всего происходящего, от всей действительности. Оно и понятно... по-

следствие нервного шока. Я уже много раз видел такое. Дай бог, что бы это потрясение прошло без последствий.

Наше несколько запоздалое появление вынуждало меня повиниться:

– Припозднились маленько, – я в меру виновато понурил голову. – У нас вдруг возникли кое-какие неотложные дела.

Произнеся «у нас», я понял, что публику можно отвлечь и не углубляться в тонкости этих самых неотложных дел, тем более что они, по большей части, касались лично меня. На роль дымовой завесы прекрасно подходил Леший.

– Со мной пришел друг, – заявил я громко. – Он из Красногорска. Подполковник Андрей Кириллович Загребельный. Прошу любить и жаловать.

Информацию о том, что Андрияха офицер ФСБ я решил опустить. Многих присутствие людей из этой канторы весьма и весьма напрягает, причем даже теперь, когда от Федеральной Службы Безопасности остались одни лишь смутные воспоминания.

– Хорошо, – ответил Крайчек. – Полагаю опыт подполковника будет нам полезен. Проходите, располагайтесь где хотите.

Что мне всегда нравилось у Томаса, так это отсутствие нажима и всяких там формальностей в общении с подчиненными. Вот и сейчас не было никакого покрытого красной скатертью стола заседаний, во главе которого непременно должен был восседать давящий своим авторитетом пред-

седатель. Вернее стол был, только вот за ним никто не сидел. Исключение составлял лишь архитектор Хлебников и какой-то плюгавенький лысый мужчина, по виду напоминавший прораба со стройки. Вместе они внимательно изучали план одинцовских укреплений. Схема была детально, я бы даже сказал с любовью, вычерчена на куске старого замаранного жирными пятнами ватмана. Ее раскатали на столе и для пущей верности с двух сторон придавили керосиновой лампой и трехлитровым бутылем с питьевой водой, который в кабинете у Крайчека выполнял роль традиционного графина.

Кроме выше перечисленных персон на собрании присутствовали инженер Ковалев, профессор Дягилев, бригадир электриков Микола Горобец и тот крепыш, который, как я понял, теперь занял место погибшего Нестерова. Восьмеро. Я перечислил восемь человек. Оставался еще один – девятый. Он стоял возле окна и вроде бы даже не очень интересовался происходящим в комнате. Казалось, что он созерцает ночь, любуется чередой белых огней, горящих над периметром. Одет незнакомец был примечательно: кирзаки, какая-то зеленая кепка, по виду форменная, и камуфляж. Вот камуфляж и показался мне странным. Это был не тот армейский камуфляж, какой таскали многие из нас, это была одежда, которую когда-то можно было приобрести в магазине «Охота и рыбалка».

Заметив, что я изучаю незнакомца, Крайчек спохватился:

– Ах да, вы тут кажется не все знакомы...

Томас окинул взглядом своих людей, выискивая тех, кто был для меня черными дырами. Первым, на ком он задержал свой взгляд, был коллега Хлебникова.

– Виктор Беликов, опытный строитель, – представил он.

Беликов, к которому, впрочем, учитывая его возраст, не грех было бы обращаться по имени и отчеству, устало кивнул. И было не понятно то ли он приветствует нас, то ли это пассивная форма уставного выкрика «Я!».

– Александр Кальцев, – следующим, кого нам представили, стал крепыш разведчик. – Александр был заместителем Анатолия Нестерова.

Выходит, Нестерова звали Анатолием, – мелькнуло у меня в голове, когда я отвечал на приветственный взмах его бывшего напарника. – Хоть сейчас узнал. А то все милиционер, майор, да Нестеров. Не по-людски это. Как всегда, когда я вспоминал о милиционере, сердце сжалось от немилосердных кинжальных уколов. Совесть... моя гребанная совесть!

– А это наш гость, – голос Крайчека начал пробиваться сквозь серую пелену боли и стыда. – Олесь Скуба. Он лесничий из Белоруссии. Недавно пробился к нам. Хорошо знаком с пустошью и ее обитателями.

При этих словах я вздрогнул. Олесь?! Лесник?! Белорус?! Как, еще один? Что за идиотское совпадение! В то время как я пытался совладать со своим недоумением, тот, о котором говорил Крайчек, обернулся к нам лицом. Густая черная бо-

рода, полные обветренные и растрескавшиеся губы, нос картошкой. Казалось бы, ничего общего с тем человеком, с которым мы всего час назад беседовали на стене, если бы не одно «но»... У него тоже не было левого глаза.

– Э-э-э... – начал было стоявший рядом со мной Загребельный, но я тут же перебил его.

– Заткнись, – прошипел я сквозь плотно сжатые зубы.

Он тут же замолк, приведенный в чувства свирепой интонацией моего голоса. Но чекист он и в Африке чекист. Эта мысль мелькнула в голове, когда я увидел как подполковник лениво, как бы между прочим, перетягивает автомат себе под руку.

Все происходящее находилось за гранью понимания. Однако я почему-то был свято уверен, что стрельба здесь дело излишнее. А вот потолковать по душам...

– Полковник Ветров, – я шагнул навстречу незнакомцу и протянул руку.

Ладонь у него была крепкая, шершавая и горячая. Ладонь обычного живого человека, а не какого-то там приведения, о котором я, откровенно говоря, уже стал подумывать. Или это тот, второй Олесь, что сейчас стоит в дозоре... может приведение это именно он?

Прощупывать белорусского гостя номер два я начал осторожно:

– Давно уже здесь?

– Недели две как дотопал, – лесник говорил сочным ба-

сом, в котором и впрямь слышался некоторый акцент, может даже и белорусский.

– Лицо мне твое знакомо, – соврал я. – Может встречались где?

– Не-е-е, – протянул Скуба. – Показалось тебе. Не встречались мы. Кабы встречались, я бы запомнил.

– Может и показалось, – я пожал плечами, – а может похож ты на другого. Тут в Одинцово еще один человек есть с... – Я помедлил, подбирая деликатный синоним к слову «одноглазый», да так ничего и не придумал. – С выбитым левым глазом.

За белоруса ответил Томас, причем довольно раздраженно:

– Путаешь ты все, Макс. Нет у нас в лагере другого человека с таким же вот ранением.

По следующей тираде Крайчека стала понятна причина его раздражения:

– Хватит глупости болтать! У нас мало времени. Следует быстро, очень быстро понять что происходит и начать действовать, может даже уже этой ночью, не дожидаясь рассвета.

Дальше, очевидно для тех, кто не в полной мере владел ситуацией, Томас начал краткий обзор последних событий. Делая вид, что внимательно слушаю, я подобрался к Лешему. Тихонько, якобы чтобы не беспокоить как докладчика, так и слушателей, попросил у него закурить. В кабинете у Томаса курить не возбранялось, это я прекрасно знал. От-

менный повод, чтобы шепнуть приятелю пару слов. Когда Андрюха насыпал мне молотое грязно-желтое, похожее на опилки зелье, я шепнул:

– Иди не стену. Приведи второго. Быстро!

– Понял.

Леший не стал ничего переспрашивать или уточнять. Спрятал кiset, передвинул на грудь автомат и выскользнул из кабинета.

Исчезновение моего приятеля не осталось незамеченным. Крайчек вопросительно покосился сперва на закрывшуюся за ним дверь, затем на меня. В ответ я неопределенно махнул рукой, все нормально, мол, не парься.

Томас последовал моему совету, тем более что как раз в этот самый момент он должен был переходить к главному, а именно к своим мыслям и предложениям по поводу всего происходящего. Мысли у обстоятельного янки оказались далеко не новые. Суть их можно было изложить одной, извините за плоский юмор, свинячьей мудростью. «Дом поросенка должен быть крепостью», – прокомментировал я сам себе и тут же потерял всякий интерес к проектам укрепления стен, рытья ловушек и постановок минных полей. Меня сейчас куда более интересовало нечто или вернее некто другой.

Одноглазый как прежде стоял у окна, только теперь уже не спиной, а боком ко мне. Глядя на него, я вдруг поразился абсурдности, может даже комичности ситуации. Если бы это все происходило на войне, неважно какой, Первой или

Второй Мировой, Гражданской, Афганской, Чеченской, да любой, какую человеки ведут против человеков, в одном из двух лесников легко можно было бы узреть вражеского шпиона. Ну, а сейчас? Что прикажете думать сейчас? За чьим шпионом гоняться, не за кентавровским же в самом-то деле! Нет, тут что-то не то. Эти два человека, а в том, что их двое, мне грешно было сомневаться, не походили на врагов. Они, как бы это так пояснее выразиться, выпадали из нашей серой массы. Они были другими. Я чувствовал это. Посланцы, что ли? Те, кто должен был указать нам верный путь? Если даже и так, то пока я выслушал лишь одно предложение. Теперь оставалось выяснить, что скажет нам второй... очень надеюсь, не Иван Сусанин.

Одноглазый подал голос, как только Крайчек закончил свою речь:

– Оставаться в лагере – это самоубийство.

– Уходить еще большее самоубийство, – парировал Крайчек. – По крайней мере, сейчас.

– И я так считаю, – поддержал командира Александр Кальцев. – Сперва следует разобраться что же все-таки происходит. Что это за зверюги, почему они здесь и как их можно остановить? Отступление через пустошь это крайняя мера. Поступим так только, если ничего не сможем предпринять.

– Боюсь, молодой человек, тогда уже некому будет поступать так или этак, – проскрипел колючий сухой голос про-

фессора Дягилева.

– Владислав Сергеевич, вы что, предлагаете уйти, бросить все, что сделано, все плоды вашей работы? – в попытке склонить старика на свою сторону Крайчек бил ниже пояса.

– Моя работа это не главное. Я смогу начать все сызнова, в другом более подходящем месте.

– У нас самая мощная оборона среди всех поселений, – напомнил архитектор Хлебников. – Если не выдержит она, то не выдержат и другие. Таким образом, наше бегство станет лишь временной отсрочкой неминуемой... – он осекся, да так и не произнес слово «гибели».

– Это смотря куда бежать, – бас лесника снова заглушил все остальные голоса.

– Опять ты о своем, – тяжело вздохнул Крайчек. – Ты, Олесь, сам посуди: где мы, а где это твое море.

– Море? Какое море? – само собой вырвалось у меня.

За эту невоздержанность большинство присутствующих наградило меня косыми взглядами.

– Ах да, Макс, ты, конечно же, не в курсе, – спохватился Томас. – Вот Скуба предлагает к Балтике идти, в сторону Риги.

– Куда?!

– К Риге, – спокойно повторил уже лесник.

Я несколько секунд просто стоял и разевал рот даже не зная, с какой из опасностей начать. В моем списке были и проклятые земли, и кентавры, и около тысячи километров

пути, и еще много всякого такого, от чего по коже начинали ползать крупные мурашки. А главное никто не мог сказать, существует ли сейчас эта самая Рига. Именно это свое опасение я и решил озвучить первым.

– Рига та? – переспросил Одноглазый. – Должно быть, существует, раз люди туда идти собирались. – Тут лесник пожелал уточнить: – У нас в Витебске...

– В Витебске? – перебил его я. – Ты же вроде как из Могилева?

– Ну да, из-под Могилева, – согласился Скуба. – Только нечего там сейчас делать. Проклятые земли.

– А в Витебске?

Я покосился на висевшую на стене карту и заметил, что возле Витебска нарисован маленький красный флажок, знак, которым Крайчек отмечал поселения. Что-то я его вчера не видел. Или просто не заметил?

– В Витебске повеселее будет. Там крутые ребята собрались из тех, кто не сидит сложа руки.

Вот он второй путь, – подумал я. – А может они части одного целого? Никто ведь не говорил, что возрождение планеты должно начаться именно здесь, в Подмосковье. Пытаюсь проверить на сколько связаны истории двух лесников, я задал следующий вопрос:

– Это те самые ребята, что надрали задницы ханхам?

Лесник покосился на меня, и я заметил, что его единственный глаз заметно округлился.

– О чем это ты, полковник?

– Как о чем? – в свою очередь удивился я. – Земля слухами полнится. Говорят, как раз под твоим родным Могилевым какие-то герои славно повоевали. Даже пару боевых платформ ханхов завалили.

Я нарочно употребил услышанный накануне термин «боевая платформа». Хотелось показать, что пронирующий бывалый танкист в курсе всех событий.

– Опять ты путаешь, полковник, – Одноглазый отрицательно покачал головой. – Не слыхал я что-то о таком. У нас вообще все тихо было. Народ перемер от того облака, что они над Брянском выпустили.

Я промолчал. Просто промолчал. Не оказалось у меня в голове подходящей мысли, чтобы продолжить этот разговор. Запутался, черт побери! Единственной надеждой прояснить что-либо была очная ставка с тем вторым Олесем, которого с минуты на минуту должен был доставить Леший. А вот, кстати, и он.

Дверь в кабинет потихоньку приоткрылась, и в нее бочком просочился Загребельный. Один. Когда наши взгляды встретились, он мотнул головой в сторону выхода, выйдем, мол. Конечно. Особого выбора не было, пришлось кивнуть в ответ.

– Прошу прощения, у нас тут небольшая проблемка, – я шагнул к выходу.

Вновь пришлось напустить тень на плетень. Благо обста-

новка, так сказать, позволяла. Предполагалось, что местное руководство, захваченное разрешением глобальной проблемы, не заинтересуется той другой, крохотной, которая возникла у нас с Лешим. Так оно и вышло. Мы шмыгнули за дверь, избежав ненужных расспросов. Только Крайчек покосился нам в след, причем покосился как-то уж очень осуждающе и раздраженно. Ну и бог с ним, с его осуждением. Поглядим на его рожу, когда мы с Андрюхой предъявим публичке белорусского лесника номер два.

Оказавшись в коридоре, я огляделся по сторонам. Вокруг было темно и пусто. Только лишь голые стены, размалеванные бесформенными аляповатыми пятнами. Именно в такой серо-черный камуфляж их раскрашивал свет периметра, пробивавшийся в большие многостворчатые окна.

– И где же он? – я вопросительно уставился на Загребельного.

– Нет его, – Леший казался чернотой, продолжением ночного мрака, наполнявшего здание.

– Что значит «нет»? Он что, ушел с поста?

– А он там был? – раздраженно пошутил мой приятель.

– Ты что, головой впотьмах треснулся? – не удержался я, услышав такой ответ. – Мы же втроем сидели, разговаривали.

– Это я вроде помню, – согласился Леший. – А вот другие, те караульные, что дежурили по соседству, они нет. Тебя помнят, меня тоже, а вот никакого одноглазого они и ви-

дать-то не видели. Вот в чем проблема.

На какое-то мгновение я опешил, растерялся. Что, блин, за цирк-зоопарк такой?! Я ведь все прекрасно помню: и одноголового в бандане, и разговор наш, и теорию эту его, что, мол, ханхи совсем не из космоса пришли. И тут меня словно обухом по башке долбануло. Газ! Мерзкие отвратительные выделения многолапых тварей! Ими то я сегодня порядком надышался. Неужели это последствия, галлюцинации? Слава богу, что хоть сейчас очухался и понимаю, что наша встреча была лишь миражом.

Я уже хотел вздохнуть с облегчением, но тут мой взгляд уперся в лицо Загребельного. Леший... он ведь тоже видел! Или нет? Или мне это тоже почудилось? Ох, нелегкая, неужели поехал мозгами? Испугавшись этой своей мысли, я схватил приятеля за грудки и, захлебываясь словами, зататорил:

– Ты ведь видел? Ты его видел?! Скажи, что ты его видел, что ты его помнишь!

– Да отцепись ты от меня, придурок! – Леший заученным приемом сбил захват.

– И все же... – я продолжал настаивать, хотя напор свой и поумерил.

– Ну, видел, – зло рявкнул подполковник.

– Видел... – у меня немного отлегло от сердца. – Это хорошо, что видел. Значит, я еще того... в своем уме. Кто-то говорил, что только гриппом все вместе болеют, а с ума схо-

дят поодиночке. Но если ты видел, то значит нас уже двое. Это радует. Это не сумашествие.

– Нет, ты точно придурок, – покачал головой Загребельный. – Этот тип со стены, Одноглазый этот гребанный... он же тебе сувенирчик на память подарил. Рамку в коробочке. Помнишь?

Ну, конечно! Вот цирк-зоопарк, как же я мог про нее забыть! Стараясь унять дрожь в пальцах, я полез в карман бушлата. Лез и думал, вот номер будет, если там ничего не обнаружится. И что тогда прикажете думать? Что свихнуться можно и за компанию?

Когда пальцы нащупали гладкий пластик, я вздохнул с облегчением, причем так громко, что услышал даже Леший.

– Нашел? – прошептал он, как будто боялся спугнуть удачу.

– На месте, – я вытянул приборчик из кармана и положил его на ладонь.

Мы оба даже не удивились, когда обнаружили, что рамка, хвала всевышнему, спокойная неподвижная рамка, слегка светится.

– Хорошо, что он тебе его дал, – задумчиво произнес Загребельный. – Хоть какое-то доказательство. – Тут Андрюха встрепенулся. – Слушай, а откуда ты о нем узнал, о леснике этом? Кто рассказал? Расспросить бы как следует.

– Кто рассказывал...? – мне даже не пришлось особо напрягать память. Я прекрасно помнил кто рассказывал. – Пу-

леметчик один. Алексеем кличут. Он...

Тут я осекся. Вспомнил изувеченный «Утес», кровь и раздробленное, словно угодившее под пресс человеческое тело, привязанное к броне веревками. Его так и оставили, похоронили вместе с «302-ым» под грудой кирпича и железа.

– Что он? – вывел меня из оцепенения Леший.

– Нет его больше.

– Понятно, – подполковник как-то нервно хохотнул. – Ты знаешь, я даже не удивлен. Учитывая всю странность происходящего, по-другому и быть не могло. Вот чертовщина!

– Согласен.

Я решил не упоминать о Степане Кузьмиче, втором номере пулеметного расчета. Он ведь тоже знал об одноглазом белорусе и тоже погиб. Совпадение? Кто знает, может и совпадение. Вчера проклятые инопланетные выродки отняли у нас слишком много человеческих жизней.

Подумав о прорыве, о смертях сотен людей здесь, в Одиново, и тысяч там, в Красногорске, я даже устыдился того, на что мы с Лешим тратим столь драгоценное сейчас время. На пустую болтовню, на какое-то идиотское расследование. Да расскажи мы о нем кому-нибудь, нас бы не то что не поняли, нас бы заклеямили позором. Вот чем занимаются два здоровых сильных вояки. И это в то самое время, когда сотни женщин, стариков и детей ждут от них помощи.

– Пойдем, – я взял Загребельного за плечо и потянул, разворачивая к двери.

– А как же быть с этим типом?

– Забудем пока. Есть дела более важные и срочные.

– Забыть, это вряд ли... – покачал головой подполковник ФСБ. – Не выяснив, кто был тот, мы не сможем полностью доверять этому. – Леший указал на дверь, намекая на того лесника, что сейчас находился в кабинете главы Одинцовской колонии.

– Тот ли, этот ли, все равно, – отрезал я. – Лично я сейчас готов довериться хоть черту, хоть дьяволу, лишь бы он только помог спасти людей.

Похоже, мой довод произвел на Лешего впечатление, должное впечатление.

– Ладно, послушаем, что там говорят, – Андрюха взялся за дверную ручку. – Только имей в виду, я буду за ним приглядывать.

– Да сколько влезет, – разрешил я. – Ну... давай, заходи.

В тот момент, когда мы вновь материализовались в апартаментах Крйчека, как раз выступал архитектор Хлебников, вернее не выступал, а вел весьма и весьма горячую дискуссию с Одноглазым и активно поддерживающим того Горобцом.

– Дети и старики не дойдут, просто физически не дойдут, – почти кричал архитектор. – Мы их всех потеряем после первой же сотни километров. Это убийство. Их гибель будет на нашей совести.

– Если бы идти было треба тысячу километрив, то, ясное

дело, я б теж був против. – Не соглашался с ним Горобец. – Тысячу никто не осилит, ни жинкы, ни диты, ни старики, ни мы з вами. Но тут ведь зовсим инше дело. Тут ведь триста, ну, в крайнем случае, триста пятьдесят километрив. И все, дело зроблено. А дальше... – Микола закрыл глаза, и на лице его появилась мечтательная улыбка. – Дальше у нас зьявиться шанс забути про всю цю нечисть раз и навсегда.

Слушая весь этот спор, я понял, что пропустил какую-то его очень важную часть... даже две части. Во-первых, не было понятно какая нелегкая должна нас нести к морю. Во-вторых, почему до этого самого моря вдруг оказалось не тысяча километров, а всего триста, в крайнем случае триста пятьдесят? Европа, что ли, резко усохла? Как бы ни было любопытно, однако я все же повременил задавать вопросы. Оставалась еще надежда, что ответы можно будет узнать из дальнейшего разговора.

– Я всегда был и остаюсь противником этой авантюры, – встал на сторону Хлебникова Крайчек. – Даже триста километров нам не по силам. Вы что, забыли куда придется идти? На запад. По неизвестным территориям, в места полностью контролируемые кентаврами. Оттуда ведь никто не возвращался.

– Так уж и никто? – подал голос Одноглазый. – А я что, не в счет? Я ведь там прошел. Один прошел. Кентавров там меньше, чем здесь, это я гарантирую. Так что такому крупному отряду...

– У Звенигород можно зайти, – вдруг нашелся Горобец. – Их тоже сагилируем. Это еще с полтысячи душ.

– Во! Дело говорит хохол! – похвалил его Скуба. – Чем больше народу, тем безопаснее дорога.

– Сагитировать? – тихо произнесла из своего угла Нина. – А ведь не известно есть ли там кого агитировать.

Слова женщины словно окатили участников жарких дебатов ледяной водой. Все планы и проекты, как светлые и многообещающие, так и мрачные и пессимистичные, как бы потускнели, отошли на второй план, уступая место страшной действительности. А она, проклятая, и заключалась именно в том, что из лагеря нам не высунуться. Днем вокруг так и кишело кентаврами. Но им еще можно было противостоять, если бы только не эти электрические гиганты. Поэтому приходилось просто сидеть и ждать, как зайцы в норе. Надеяться, что монстры не придут завтра и подарят нам еще один день жизни. Ну, а что будет послезавтра?

– Если кашалоты не придут ни завтра, ни послезавтра, то этих двух дней как раз хватит, что бы подготовится и ночью уйти, – в наступившей тишине слова Одноглазого прозвучали как послание с потустороннего мира.

– Ночью?! – в один голос воскликнули Крайчек, Беликов и Кальцев. – Да ты в своем уме?!

– Именно ночью, – повторил лесник. – Днем вы уже пытались, и что из этого вышло?

Скуба сказал «вы», а не «мы», и это сразу резануло слух,

по крайней мере, мой слух. Это что значило? То ли белорус не отождествлял себя с людьми, среди которых он теперь жил, то ли он был против попытки прорыва и сейчас еще раз об этом напомнил Крайчеку. Как бы там ни было, но мне это его «вы» очень не понравилось. Что ж, запомним, а может как-нибудь потом сделаем соответствующие выводы.

Однако, такой наблюдательностью в купе с подозрительностью похоже обладал один лишь я. А все остальные были слишком ошарашены, если не сказать напуганы, самой мыслью оказаться ночью вне освещенного периметра.

– Дело конечно рискованное, но при соответствующей подготовке должно сработать, – охладил страсти Одноглазый. – Мы тут с Миколой уже подумали...

Скуба еще не закончил, а все взгляды уже были устремлены к Горобцу.

– Ну, давай, выкладывай, – легонько подтолкнул своего приятеля инженер Ковалев, который до этого молча наблюдал за всем происходящим.

– У нас дизель-генераторив сколько? Два. – Горобец задал вопрос и сам же на него ответил. – Один головний стационарный, а другой резервний передвижной, на колесах. Розумиетэ, на колесах! А цэ значит, шо он может и на ходу работать. Я имею в виду, если его тащить потихэньку. Усякого хламу у нас на складе хватает, одних тильки велосипэдив с полсотни. Склепаем два десятка тележек, поставимо на них прожектора, зєднаемо усе кабелями, заизолируем хо-

рошенько, так шоб их у руках можно было нести и никого током не долбануло. А как почнэ смеркаться, ходу!

– Это Микола изложил близкую ему техническую или, вернее, электрическую сторону дела, – пошутил Одноглазый. – Я же дополню ее своими мыслями. Значит так, ночью у нас сейчас сколько длится? Часов восемь-девять, мряка, как говорится, способствует. Ну хоть здесь от нее польза. Скорость наша будет километра три в час. Это я учитываю весь скарб, оружие, технику, которые придется тащить на себе. Итак, значит, за темное время суток мы протопаем километров двадцать. Заметьте, беру с хорошим запасом, с учетом всяких там проблем и неожиданностей. – Лесник жадно затаился самокруткой, выпустил носом дым и поспешно продолжил. – Мы тут живем не в каком-то там Техасе или Сибири, где на сто километров ни одной конуры не сыщешь. У нас здесь деревушек, поселков разных, городков густо наткано. К утру наш табор явно до какого-нибудь из них доберется. Входим мы туда, баррикадируемся и сидим тихо аж до следующей ночи. Кентавры, даже если и засекут нас, то все равно не успеют собрать достаточно сил, чтобы прорвать оборону. А мелкие их группы мы перестреляем, это как пить дать. – Подводя итог своему плану, Скуба уверенно заметил. – Две недели и все. Триста километров позади. Дело считай сделано.

– И куда мы попадем через триста километров? – все-таки не выдержал я.

– Как куда?

Лесник покосился на меня своим единственным желтоватым глазом. Спустя пару секунд в нем начало просыпаться понимание. Возможно, в ответ мне Одноглазый и собирался что-нибудь ляпнуть, что-нибудь колкое, типа «Нечего где-то шляться, когда люди серьезные дела решают», но Крайчек его опередил:

– Олесь предлагает идти до Двины. По ней на лодках и плотах спуститься до Витебска. А там нас встретят и помогут.

– Но воде нам кентавры не страшны, – снизошел до объяснения лесник. – Воды они боятся.

– Не пойму я что-то, ты лесник или моряк? – поддел Скубу Леший. – За водные процедуры агитируешь во всю. А ты подумал, вдруг в этой самой воде водятся твари куда пострашнее кентавров?

– Люди с острова никогда не о чем подобном не рассказывали, – Одноглазый отрицательно покачал головой.

– С острова? – мы с Загребельным переглянулись.

– Это и есть то самое место, куда Олесь предлагает идти, – пояснил Крайчек. – Плавающий остров, собранный из тридцати двух океанских кораблей. Он стоит на якорях недалеко от побережья Финляндии.

– Вот это новость! – я не смог удержаться от восклицания.

– Уж больно похоже на красивую легенду, – задумчиво протянул Загребельный.

– В Витебске я говорил с посланниками Железного острова, – уверенно объявил лесник. – Они приглашают к себе всех. На кораблях полно места. И среди них, кстати, один круизный лайнер и несколько паромов.

– Красивое, тихое, спокойнэ життя, – призывая всех прислушаться к его словам, Горобец поднял вверх палец и наставительно им помахал. – Там нет ни призраков, ни клятих кентавров.

– В тихом омуте черти водятся, – тихо произнес архитектор Хлебников.

– Мне тоже не нравится эта идея, – согласился Крайчек. – Во-первых, это бегство, самое настоящее бегство. Если мы уйдем с суши, то уже врядли на нее вернемся вновь. Твари просто не дадут нам вернуться. Во-вторых, корабли... У железа ведь тоже есть свой срок жизни. – Тут Томас ненадолго задумался, и было видно, что следующие слова дадутся ему нелегко. Так оно и вышло. – Но если другого выхода нет, чтобы спасти людей, я готов идти к морю.

– Мы поищем этот самый другой выход и причем сегодня же, – неожиданного громко произнес Загребельный. – На рассвете, до того как в городе появятся первые кентавры, у нас будет час-полтора. За это время попытаемся выяснить, что же все-таки произошло, почему кашалоты не атаковали Одинцово. Внимательно осмотрим место вчерашнего боя.

Тут Леший метнул на меня быстрый заговорщический взгляд, по которому сразу стало понятно, что он собирался

действовать по подсказке нашего таинственного, неизвестно куда запропастившегося знакомого. Ведь именно Одноглазый со стены хитро улыбнулся и произнес: «Вы ребята в погонах частенько смотрите, да только нихрена не видите». Сейчас подполковник ФСБ был полон решимости опровергнуть клевету. Именно это подтвердили его следующие слова:

– Если кашалотом что-то помешало, то мы найдем это что-то. Найдем и превратим в свое оружие.

– А мы будем готовиться до эвакуации, – упрямо произнес Горобец.

– Так и поступим, – Крайчек подвел итог совещанию. – И удачи нам всем.

Глава 9.

Утро нового дня выдалось холодное, сырое и пасмурное. Оно словно густая серая шпаклевка намазывалось на изувеченное тело мертвого города, ровняло, грунтовало его, превращая в единую сплошную массу из тумана, железа и бетона. Казалось через нее невозможно пройти, казалось придется обзавестись увесистыми кирками, сцепить зубы и долбить, долбить, долбить... Пробивать длинный, бесконечный туннель, в конце которого станет лишь немного светлее, но солнце... Нам ни за что не пробиться к солнцу!

Я удивился тому, как отличается мироощущение человека, находящегося внутри бронированной машины, от того,

кто открыто стоит на улице погибшего города. Да что том говорить об ощущениях, кардинально меняется само восприятие. Теперь перед тобой не просто разруха и грязные обветшалые многоэтажки, теперь ты воочию лицезришь мир, попавший под страшную власть чужих. И это совсем не известковые наплывы ветвятся по почерневшим от кислоты стенам домов. Это их гигантские увитые белыми жилами лапы вцепились в тела наших некогда уютных и мирных жилищ. Хапают, гребут, пытаются отнять у нас последнее, силятся разрушить саму память о человечестве. А туман... Это никакой не туман, это яд, выдыхаемый их смердящими глотками. Клубиться, растекается по пустынным улицам. Напоминает, что чужие здесь, что они прячутся и только того и ждут, чтобы вонзить свои зубы в сладкое человеческое мясо... наше мясо.

От нахлынувших видений я почувствовал себя весьма и весьма не уютно, отчего покрепче перехватил автомат.

– Что случилось, Максим? – Леший оказался тут как тут, готовый в любую секунду открыть огонь. – Заметил чего?

– Нет, – я расслабился. – Нервы шалят.

Загребельный с укоризной покачал головой и скомандовал:

– Пошли. Нечего торчать на открытом месте.

Подполковник махнул рукой, указывая направление, и его люди цепью двинулись вперед. Они внимательно прочесывали всю улицу, каждый подъезд, каждую брошенную у обочи-

ны автомашину. Не заметить, оставить за спиной какую-нибудь хищную тварь, означало подвергнуть риску себя и своих товарищей.

В группе Лешего осталось всего шестнадцать человек. Мало, очень мало для разведки в нынешних чрезвычайно сложных условиях, когда окрестности поселка так и кишат полчищами наших врагов. Однако, несмотря на малочисленность своего отряда, Загребельный не пожелал взять с собой других, как он выразился «олухов». Сказал, что ему достаточно и одного – меня. Я не очень то и обиделся, олух он олух и есть. Мне никогда не сравниться в выучке и сноровке ни с одним из его людей.

– Что ж так тихо? – Андрей внимательно вглядывался в лежащие впереди кварталы. – Подозрительно тихо.

– Рано еще. Только-только светает. Туннели должно быть пока не открылись, – я вытянул из кармана пластиковую коробочку и поглядел на постепенно успокаивающуюся рамку. – Видишь, не вертится.

– Ты всему этому веришь? – подполковник метнул на меня быстрый испытывающий взгляд.

– Как, по-твоему, вот эта штукавина, – я подбросил на ладони подарок Одноглазого, – она существует или нет?

– Существует, – Загребельный не сдержал зевков, последствие бессонной ночи. – Пусть даже существует и человек, подаривший тебе ее. Но это еще ничего не значит. Никто не доказал, что его болтовня – правда.

– Вот я и тащусь с тобой, чтобы попытаться это проверить.

– Понятно, – кивнул подполковник и тут же приказал: – Бегом! Наши уже проверили улицу. Все чисто.

– Ни хрена тебе не понятно.

Я рванул вперед и, пробежав метров сорок, остановился под прикрытием бетонного фонарного столба. Хоть стрелять по мне никто не собирался, но все же старые привычки просто так не перешибешь. Леший вместе с группой прикрытия тут же меня догнали, легко так догнали.

– Ну, тогда объясни, – подполковник остановился рядом.

– В словах этого фантома со стены есть что-то правильное, то, чего я ждал... То, чего мы все ждали эти бесконечные жуткие годы.

– И чего же мы ждали?

– Победы, мира, спокойствия.

Леший не успел отреагировать на мои слова, так как впереди защелкали едва различимые хлопки. «Вал» со злостью выплевывал свои девятимиллиметровые пули. Выстрелов из другого оружия слышно не было, и это являлось хорошим знаком. Опасность оказалась невелика, столь невелика, что с ней покончили без мобилизации всей огневой мощи нашей группы, легко и почти бесшумно, так как и приказывал Леший.

Когда мы прибыли на место событий, то увидели довольно крупного падальщика. Своим внешним видом зверюга напоминала бесхвостую, изъеденную проказой шестилапую

крысу. Такие твари нападают крайне редко. В основном они предпочитают основательно разложившуюся мертвечину, в которой можно как следует изваляться, а затем выпитывать вкусную гнилую жижу через свои глубокие темно-красные язвы. Мерзость! Я понимал людей Лешего. Даже если эта пакость и не представляла особой угрозы, то ее все равно стоило прикончить. Чтобы своим существованием не поганила наш мир.

Но Загребельный, больше для очистки совести, все же отчитал стрелка. И слабая попытка оправдаться: «Всего-то одна очередь... Бил наверняка, в голову...», – ничего не дала. Боец выгреб по полной. Патроны к «Валу» были на вес золота. А без бесшумного оружия, что за спецгруппа!

– Вот об этом-то я тебе и толковал, – сказал я подполковнику, когда мы двинулись дальше. – Людям нужна победа, победа над этими тварями, над безысходностью, над страхом, над злом, которое нас окружает. И она должна быть ни какая-то там временная мелкая и убогая, уездного, так сказать, масштаба, а настоящая всеобщая, полная и окончательная. Победа должна стать нашим знаменем, нашей верой, главной целью нашей жизни.

– Красиво говоришь, как по писаному. Тебе не оружейником, тебе замом по воспитательной работе служить или еще лучше в окружной газете...

Загребельный произнес это тихо и растянуто. Мои слова, конечно же, отложились в его мозгу, однако основные мысли

командира разведгруппы были сейчас совсем о другом:

– Уже близко. Начинаются руины. Да и падальщик шнырял здесь не с проста. Чувствует, падла, кровушку.

Я стал внимательно приглядываться к месту. С первого взгляда тяжело что-либо узнать. Мы зашли с противоположной стороны, так что все ориентиры, которые я заметил вчера, оказались полностью бесполезны. А, впрочем, нет, вон то массивное серое здание, на крыше которого по-прежнему торчит антенна ретранслятора. Помнится, оно располагалось по соседству с тем самым полуразрушенным домом, в котором разведчики откопали этот треклятый магазин.

– С болтовней теперь завязываем. Полное внимание, – приказал Леший. – Пусть даже по близости и нет кентавров, но человечинку уважают не только они. В округе может оказаться полно всякого другого зверья. Вчера им тут было чем поживиться.

Загребельный был прав. Сколько кентавров мы вчера тут положили? По самым скромным подсчетам около сотни. Каждая тварь в среднем потянет килограмм так под триста. Это сколько же получается вместе? Я быстренько дописал к трем сотням еще два нуля и чуть не присвистнул от получившегося результата. Тридцать тонн мяса, кишок и костей. Целых тридцать тонн! Это же пир, сказочный пир для всей округи!

Только я об этом подумал, как впереди возникло движение. Люди Лешего вмиг юркнули в укрытия, слились с ними,

стали недвижимыми и незаметными.

– Сюда, живо! – подполковник схватил меня за рукав и затащил за небольшой бело-синий киоск, в котором когда-то продавалась пресса.

– Кто? – прижавшись к металлу, покрытому выцветшей вздувшейся краской, прошептал я.

– Квакухи. Видел двоих, – ответил мой приятель. – Ветер с их стороны, поэтому нас пока не чувят.

– Вот цирк-зоопарк, влипли! – прошипел я.

Что влипли, так это точно. Квакухи не такие уж крупные и сильные животные, но у них имеется парочка очень неприятных качеств. Во-первых, они, без раздумий и колебаний бросаются в атаку. Во-вторых, квакухи всегда охотятся стаями. Если сложить эти два «замечательных» свойства, то получится такая себе сухопутная пиранья, метрового роста, на двух худеньких жилистых ножках, и самое неприятное с огромной жабьей пастью которая утыкана десятками мелких, но весьма острых зубов.

– Что будем делать? – одними губами спросил я.

– Ждать, может, уйдут.

– Если стая бродит где-то в округе, то рано или поздно мы на нее все равно нарвемся. Пока тут будет чем поживиться, квакухи не уйдут.

Загребельный несколько секунд размышлял, а затем кивнул:

– Ладно, была ни была, попробуем. – Леший подал услов-

ный сигнал ближайшему из своих людей, а тот по цепочке передал его дальше.

Атака началась без какой-либо дополнительной команды. Вернее, командой послужили хлопки двух бесшумников. В группе у Загребельного было два таких ствола «Вал» и «Винторез», автомат и винтовка. Повезло, что противников сейчас тоже было двое. Каждому, как говорится, свое, то бишь персональный ствол, персональная пуля.

Когда я высунулся из укрытия, квакухи уже валялись на земле. Климовские бесшумники оружие великолепное, сверхточное, на дистанции двести метров спичечный коробок сшибить, это запросто. Так что со ста шагов в башку размером с футбольный мяч... хорошему стрелку это как два пальца...

– Вперед! – Леший махнул рукой, и мы побежали.

Если за углом дома, возле которого разлеглись две дохлые пучеглазые твари, никого не окажется, то считай нам повезло. Если же нет... К великому сожалению нет. Я понял это по грохоту выстрелов. Передовой отряд, выскочивший на перекресток, с ходу открыли шквальный огонь.

Второй эшелон, группа поддержки, в которой и находились мы с Лешим, подоспел как раз вовремя. Стая квакух уже ухитрилась сократить дистанцию до минимума, и буквально через несколько секунд грозила начаться рукопашная схватка. Но мы все же успели, опередили, и шесть новых стволов буквально отшвырнули волну шипящих и гого-

чущих бестий. После этого расстрела в живых их осталось не более десятка. Мы постарались добить эту мерзкую шайку, но она тут же кинулась на утек.

– Прекратить огонь! – прокричал Леший. – Экономить патроны.

– Получилось, – я вытер мокрое от пота лицо и подмигнул приятелю.

– Получилось, – без всяких эмоций согласился подполковник. – А теперь бегом. Нашумели мы тут знатно, так что самое время уходить.

Наш, я бы сказал забег на среднюю дистанцию, закончился уже в зоне руин. Все твари, которые попались нам на пути, оказались либо мелкими и трусливыми, при виде людей норвящими шмыгнуть в какую-нибудь дыру или щель, либо безмозглыми и неповоротливыми, от которых убежит даже безногий инвалид. Это радовало. А вот что беспокоило... Была одна вещь, которая меня действительно начала беспокоить. Как-то мимоходом я глянул на коробочку из оргстекла и с досадой заметил, что рамка начала вращаться. Пока еще медленно и робко, но все же начала. Новостью я тут же поделился с Лешим.

– Туннели начинают открываться, – на этот раз без тени сомнения произнес он.

– Пока еще где-то далеко, – намекнул я на черепашую скорость вращения рамки.

– Пока да, но скоро кентавры вновь начнут брать лагерь в

кольцо, и здесь их будет видимо-невидимо.

– Мы знали, что так оно и будет, – как можно уверенней подтвердил я. – Поэтому давай поскорее доберемся до места. Ведь нам следует не только осмотреться, а еще и найти укрытие.

– Бегом! – на мое предложение Леший ответил общей командой.

Слава богу бежать предстояло недалеко. Пару сотен метров, как максимум.

Когда мы стартовали, я понял, что двести метров через руины это не совсем бег. Это скорее скоростной альпинизм. Подъем, спуск, опять подъем и снова спуск. Огибать завалы было непозволительно долго, а кое-где просто невозможно, и поэтому мы брали их штурмом. Штурмом в прямом смысле этого слова, с натужным хрипом гортани, с отрывистостью команд, выстрелами и, как полагается, крепким русским матом.

Чем ближе мы подходили к месту недавнего боя, тем больше врагов попадалось на нашем пути. Ногатые змеи, белые скорпы, пилитьщики, огненные муравьи, наездники и многие другие твари спешили к огромной кормушке, которую мы вчера щедро наполнили. Очевидно, этой ночью призраки здесь не появлялись, а может даже для них эта порция свежего радиоактивного мяса оказалась слишком велика. Как бы там ни было, попутчиков нам хватало, только успевай нажимать на курок.

Огонь! Эта мысль мелькнула в голове, когда на вершину очередного, сложенного из кирпичей холма, одновременно со мной выскочил здоровенный белый скорп. Тварь поднялась с противоположной стороны, и я среагировал на нее лишь, когда нас разделяло не более пяти шагов.

Страха не было. Уродливая многоножка оказалась прямо перед дулом автомата. Стоило только надавить на спуск. И я, конечно же, надавил. АКМС вздрогнул от отдачи. Очередь... но только вот очень короткая. Патрона три всего. Я еще раз нажал на спусковой крючок, но Калашников отозвался лишь звонким щелчком. Все, магазин пуст.

Вот теперь моя героическая душа ушла в пятки. Тварь оказалась лишь ранена, а закончить дело я не успевал. Вставить в автомат новый рожок времени не оставалось. Трехметровый скорпион, хвост которого как булава был утыкан десятками ядовитых шипов, кинулся на меня. Я попятился. Кто-нибудь пробовал пятиться на груди битых кирпичей? Нет? И не советую пробовать. Больше одного шага у вас все равно не получится. Именно после этого самого шага я и опрокинулся на спину. Автомат отлетел в сторону. Но, правда, для чего он бы мне пригодился? Разве что как примитивная доисторическая дубина, которой можно заехать по страшным, истекающим ядовитой слюной челюстям.

Навалившийся на меня ужас дополнили чувства беззащитности и уязвимости. Закрыться, заслониться, защититься... Все равно чем. Я схватил первое, что нащупала рука.

Кирпич. Конечно же кирпич. Что же еще тут можно отыскать? Как следует размахнуться в положении лежа на спине невозможно, но я, совершив какое-то невероятное телодвижение, все же сумел это сделать. Швырнул острогранный камень прямо в разинутую пасть. Подавись, скотина! Скотина не подавилась, но боль от удара бесспорно испытала. Скорпи взвыл каким-то высоким звуком больше похожим на свист и сразу встал на дыбы. На меня упала тень разъяренной твари. Я уже был практически под ней. Сейчас навалится и конец.

Мой мозг, мое сознание были парализованы ужасом. В них уже не могло родиться ничего, кроме сакраментально «Прощай жизнь!». Но вот тело... Мое тело все еще жило, повинуюсь последней полученной команде. Защищайся! Защищайся, как и чем только можешь!

В попытке нащупать следующий камень я схватил что-то гладкое, длинное и тяжелое. Палка, нет, труба... да хоть член слоновий! Лишь бы был твердый, длинный и выдержал! Я двумя руками вцепился в свое новое оружие и словно кол подсунул его под брюхо скорпу. Сделано это было ей богу вовремя. Зверюга тут же ринулась вперед и со смачным чваканьем на него надела. Страшная пасть открывалась и закрывалась, хищные клешни молотили по воздуху, смертоносный хвост бил то слева, то справа в щебень кроша силикатные кирпичи. Но как тварь не старалась, дотянуться до меня ей так и не удавалось.

Правда, безопасность эта была хлипкой, неверной, весь-

ма и весьма краткой. Извивающаяся дергающаяся чудовище все глубже насаживало себя на черный тускло поблескивающий кол, который я держал, мобилизовав все свои силы. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять: вот-вот наступит миг, когда оно проткнет себя насквозь, а затем сползет вниз. При этом скорп будет все еще жив, и не просто жив, бестия страстно пожелает заключить меня в свои жаркие объятия.

Именно в это самое мгновение и прогрохотала автоматная очередь. Башку твари разнесло в дребезги. Я едва увернулся от желтой жижи, потекшей из огромной раны. Сперва увернулся, а затем позволил вертелу, который держал в руках, завалиться набок.

– Живой? – Загребельный схватил меня за плечо.

– Порядок, – хватая ртом воздух, выдохнул я.

– Какого хрена откололся от группы? – заорал мой приятель. – Ишь, следопыт долбаный!

– Захекался, – честно признался я. – А холмик этот показался ниже, чем все остальные. На него было легче взобраться.

– Не тебе одному, – зло огрызнулся Леший, и тут же указал пришедшему вместе с ним бойцу на тушу скорпа.

Тот обошел чудовище с боку, ткнул его носком ботинка и доложил:

– Удобрение.

Загребельный удовлетворенно кивнул и, помогая мне

подняться, снизошел до объяснения:

– Мы стараемся идти там, где обычно не ходят звери, где им тяжело и неудобно передвигаться.

– Раньше надо было предупреждать, – я сделал пару шагов и поднял свой автомат. – Не попадись мне под руку эта штука...

Я оборвал начатую фразу, как только взгляд упал на мое давешнее оружие. Полутораметровый стержень черного цвета, в диаметре сантиметров десять, явно не металлический, скорее всего полимер, по внешнему виду очень напоминающий эбонит. Тот конец, что засел в брюхе скорпа, я, естественно, не видел, а вот на другом была отчетливо видна целая сеть каких-то неглубоких извилистых канавок.

Я подошел поближе. Присел. Словно видя этот предмет в первый раз, провел по нему рукой. Поднял глаза на Загребельного.

– Думаешь, это он... контейнер? – Леший понял мой немой вопрос.

– Сейчас посмотрим.

Я крепко ухватил стержень обеими руками и выдернул его из дохлой туши. Второй конец оказался гораздо более острым, так что я вроде как угадал, подставляя именно его под брюхо дружищи скорпа. С этой стороны из контейнера торчали пять металлических штырей. Золотистого цвета, и все разной длины, где-то от пяти до двадцати сантиметров. Вообще-то, насчет цвета я был не уверен. Золотистый отте-

нок металлу вполне могла придать желтая тягучая блевотина, которая гнездилась в брюхе у страшилища, и которую я с превеликим удовольствием выпустил на волю. Пока я изучал свою находку, Леший с постной физиономией оглядывал окрестности, хмуро косился на быстро светлеющее небо. Вся остальная наша группа рассеялась в округе и заняла оборону.

– Полый внутри, – я постучал по контейнеру и тут же поведал подполковнику результат этого исследования.

– Имеются соображения по поводу того как его вскрыть? – мой приятель перевел взгляд на черную трубу.

– Пока нет, но я попробую...

– Пробовать будешь потом, – в приказной форме заявил Загребельный. – Когда найдем укрытие. Вот там-то и делай все, что только душа пожелает.

Спорить не было нужды. Контейнер весил килограмм пятнадцать. Даже без посторонней помощи я мог тащить его довольно долго. Хотя, кажется, этого делать и не придется.

Мы были уже у цели. Я стал узнавать места, так сказать, нашей персональной боевой славы. А еще полсотни шагов вперед заставили почувствовать себя почти что дома. Вот тут мы и принимали «дорогих» гостей. Первое, что бросилось в глаза, была баррикада из автомобилей. Она по-прежнему перегораживала улицу, и по-прежнему в центре нее стоял все тот же автобус с красной надписью «Оазис-тур». Единственным новым, выпадающим из череды воспомина-

ний штрихом, был черный, выгоревший коридор позади него – место нашего прорыва.

Взгляд на воздвигнутое кентаврами укрепление мне сразу же кое-что подсказал. Важная, невероятно ценная для нас информация! Только я открыл рот, чтобы удивить ею господ разведчиков, как услышал слова Лешего:

– Баррикада на месте. Значит, кашалоты дальше по этой улице не прошли.

Ну, Леший, ну, соколиный глаз, спер мои наблюдения! – в душе возмутился я.

– Свежих разрушений в округе не наблюдается, – обратил внимание командира один из бойцов.

– Куда же они подевались? Назад повернули что ли? – эта гипотеза принадлежала уже мне.

– Должны быть следы. Такие махины не могли не оставить хоть каких-нибудь следов, – нашелся все тот же боец.

– Посмотрим поближе, – Загребельный махнул рукой, указывая направление. – Туда, бегом!

Через пару минут мы ступили на поле боя. Трупы кентавров валялись повсюду. Растерзанные и распотрошенные пулями крупного калибра, освежеванные хищниками, облепленные копошащимися паразитами. К тем местам, где пировали особо крупные и потенциально опасные для людей экземпляры, мы старались не приближаться. Передвигались в основном через чистые участки или там, где от мертвых туш остались одни обглоданные кости.

Именно, пробегая возле одной из таких смердящих по- мойных куч, я и позволил себе притормозить. Краем глаза заметил металлический блеск. И было в нем что-то знакомое, виденное ранее. Присмотревшись, я понял что это такое. Треугольный металлический обод со вставленными в него синтетическими кристаллами, хитрое переплетение усиков-контактов и сферическое уплотнение в центре. Да это же то самое таинственное устройство, которое одинцовские исследователи обнаружили в черепах многолапых монстров! Хотя кто сказал, что именно в черепах? Может Крайчек сказал в головах? Не помню... точно не помню.

Я попытался объективно оценить ту анатомическую картинку, которая предстала перед моими глазами. Раздавленный, обглоданный череп кентавра словно плавал в луже тягучей грязно-бурой жижи. Именно из нее же и торчал неизвестный прибор. Что-то не похоже, чтобы он до этого находился внутри черепной коробки, а затем каким-то неведомым образом выскочил оттуда. Скорее устройство было прикреплено к черепу снаружи, вплавлено в затылочную кость. Это уж потом, после смерти бестии, постарался кто-то из хищников. Отодрал его, желая полакомиться свежим радиоактивным мозгом.

– Макс, быстрее! – обеспокоенный окрик Лешего отвлек меня от исследования радиоактивной компостной кучи.

Да, конечно, время! У нас практически не осталось времени! Солнце встает, а мы еще так ничего и не выяснили.

Что есть духу я припустил за отрядом. Сейчас я был одним из звеньев, одной из ячеек того широкого трала, который разведчики закинули в каменное море. И этот трал был просто обязан что-то да подцепить.

Сразу несколько разведчиков, идущих на правом фланге цепи, подняли вверх руки. Вся остальная группа тут же прекратила прочесывание и направилась в их сторону. Мое инопланетное копье, а то, что оно инопланетное, я не сомневался ни на секунду, слегка затрудняло передвижение, но, тем не менее, я прибыл на место далеко не последним.

Это была середина проезжей части. Отсюда до баррикады из автомобилей казалось метров так под сто. Примерно на этом уровне я и оставил вчера свой БТР, когда ходил прогуляться в тот милый уютный подвальчик. Только припарковался не здесь, не на дороге. Я сдал поближе к руинам, проклятым руинам, которые заслонили видимость и позволили кентаврам скрытно и беспрепятственно соорудить стену из железа и кирпича. Хорошо, что подоспел Леший!

Привязка к местности заняла всего несколько секунд. Воспоминания мелькнули и тут же исчезли. Теперь я был само внимание и наблюдательность, которые сейчас требовались как никогда. На то, что заинтересовало разведчиков, обычный человек даже не обратил бы внимания. Подумаешь, пыль да грязь на асфальте имели слегка иной, отличный от окружающего оттенок. Не желтовато-коричнево-серый, как заношенная солдатская шинель, а какой-то слегка

белесый, словно выцветший на жарком солнце.

Загребельный тут же приказал определить границы аномального участка. На это потребовалось минут двадцать. Большая часть этого времени ушла на то, чтобы прикончить многолапую змею, которая приняла нас за своих конкурентов, претендующих на ее законный завтрак. Этот самый завтрак тварюке вогнали в глотку вместе с гранатой из подствольника.

Когда территория наконец была зачищена, Загребельный смог получить свою информацию. Аномальный участок выглядел как три здоровенные, пересекающиеся между собой круга. Размеры этой слегка укороченной эмблемы фирмы «Ауди» оказались внушительными. Примерно восемьдесят на пятьдесят метров. Само собой такой участок никак не мог вписаться в границы улицы. Поэтому с одной стороны он напознал на зону руин, а с другой упирался в стену жилого дома. На ней кто-то из разведчиков, очевидно самый глазастый, разглядел очертания огромной арки, которая вздымалась почти до четвертого этажа.

– Все это непременно должно что-то значить, – пробурчал себе под нос Леший. – Но вот только что?

Этот вопрос так и остался без ответа. Все, финита ля комедия! Время нашего спокойного пребывания вне стен поселения, а, стало быть, и доминирования над прочими жизненными формами, окончилось. На сцене появились новые главные герои.

Два кентавра лениво выползли из-за небольшого одноэтажного здания на противоположной стороне улицы. Насколько я понял это были самец и самка. Одинокая парочка, ищущая уединения. Не думаю, что он ей собирался читать стихи. Скорее всего, они займутся деланием маленьких хвостатеньких ублюдков. Видел я как-то раз этот процесс. Отвратительное зрелище. Вспоминая его, я положил на землю свою находку и взялся за автомат.

Кентавры нас сразу заметили. Еще бы не заметить, ведь занятые поисками мы совершенно не скрывались! Как ни странно твари начали пятиться. Неужто поумнели настолько, чтобы понять: вдвоем против восемнадцати им не выстоять, даже можно не пытаться. Но только вот эти восемнадцать были тоже не дураки и мигом смекнули, что дела хуже некуда. Эта парочка притащит сюда полсотни, а то и сотню своих отвратительных собратьев, и те начнут шерстить, ставить на уши все вокруг.

– Не дать им уйти! – рявкнул Загребельный.

И тут же, словно продолжение его голоса, заработали бесшумники. Само собой, приговорить зверье следовало как можно тише. Но если не получится... Одного получилось. Почему-то оба снайпера выбрали одну и ту же цель – самку. До нее было метров сорок, но даже с этого расстояния я разглядел фонтанчики темно-красной, почти бурой крови, которые разлетались в разные стороны от головы чудовища.

Самка зашаталась, сделала несколько шагов на подламы-

вающихся лапах, а затем грузно рухнула на бок. Она издала предсмертный крик. Станный такой крик, очень похожий на плач. Услышав его, самец прекратил свое бегство и ринулся к своей подруге. Но вперед он продвинулся всего лишь на пару метров. Видать почувал смерть, понял, что опоздал, что уже ничем не может ей помочь. Тогда кентавр остановился и во всю глотку завыл. Мне показалось, что от этого воя завибрировал воздух. Да, конечно же, так оно и было... звуковые волны в упругой воздушной среде. Но только вот все это абсолютно не то. Мне показалось, что я вижу, своими собственными глазами вижу эти колебания.

– Заткните его, быстро! – вскричал Леший.

Стрелки тут же перенесли огонь на нового противника, но тот как будто ожидал этого. Кентавр упал на брюхо, прижал свою переднюю, обычно вертикально поднятую часть туловища к земле и довольно проворно пополз, почти по-пластунски. У него над головой свистели пули, но лишь самым проворным, самым удачливым из них удалось оцарапать чешуйчатую шкуру. Разведчикам мешали замершие на обочине автомобили и контейнеры со строительным мусором.

Тварь ползла очень быстро и успела юркнуть за одноэтажный павильон до того, как мы смогли ее достать. Буквально через секунду после этого окрестности вновь огласились тем же самым истошным дребезжащим воем.

Цель исчезла, и оружие смолкло. Теперь чтобы достать зверя мы должны были добраться до его укрытия. Но мы не

двигались с места, мы стояли как вкопанные и слушали. Вой изменился. Теперь он был не однородный, теперь в нем слышались паузы, а также образующие затейливую гамму высокие и низкие ноты. Но прямо серенада... а, может быть, речь?

– Гранатами огонь! – команда Загребельного вывела всех из оцепенения. – Разнесите эту проклятую халупу!

Приказ командира выполнили все, у кого к автомату оказался пристегнут подствольный гранатомет. Никто даже не подумал выяснять сколько же гранат потребуется, чтобы развалить небольшое и не такое уж и прочное временное сооружение. В его окна полетело шесть или семь гранат.

Взрывы гроыхнули практически одновременно. От них павильон содрогнулся, будто бы даже подпрыгнул. Во все стороны полетела шрапнель из битого стекла, щебня, досок и пластика. Несколько секунд окутанное пылью и дымом сооружение упрямо стояло, а затем с грохотом рухнуло, причем рухнуло на противоположную от нас сторону, как раз туда, где и скрывался наш многолапый приятель. Понятное дело, что после этого ни о каком вое не было и речи. Тишина. Наступила гробовая тишина, в которую лишь иногда вкраплялись перепуганные, удаляющиеся вопли диких тварей. У них, как мне показалось, почему-то сразу пропал аппетит.

– Уходим, – я повернул голову к Лешему.

– Сперва проверим, – подполковник кивнул в сторону дымящихся развалин. – Контрольный в голову.

– Нет времени.

– Надо, – упрямо повторил Загребельный. – Ты что, не понял, он же говорил, со своими говорил. Он рассказывал о нас. Оставь эту тварь в живых, так она о нас мигом все выложит, и сколько, и куда ушли, а может даже и как вооружены. Вот такой цирк-зоопарк, как ты любишь говорить.

– Ну, это ты загнул, – протянул я, но, тем не менее, послушно затрусил вслед за Лешим.

Хотелось своими глазами взглянуть на кентавра, который умеет говорить. Может, это какой-то мутант или другая порода, башка, может, у него квадратная, а на глазах очки в золотой оправе?

Когда мы подбежали поближе, то выяснилось, что подозрения Лешего подтвердились. Тварь была все еще жива. Ее, конечно, основательно помяло и хорошенько придавило тяжелыми двутавровыми швеллерами, которые еще пару минут назад служили несущими для двухскатной крыши, но она все же еще продолжала марать воздух, наш воздух, своим мерзким радиоактивным дыханием. Кентавр распластался на брюхе, от чего походил на сушеное насекомое, приколотое булавкой к картонке. Прямо коллекционный экземпляр! Я подумал, что может быть когда-нибудь он и впрямь станет дохлым и сушеным, но пока... Пока это был все тот же враг, лютый, беспощадный и смертельно опасный.

Как бы подтверждая мои мысли, кентавр попытался ударить своим толстым и сильным хвостом. Разведчик, которо-

му предназначался этот удар, едва успел отпрыгнуть в сторону.

– Ах ты, сука! – прохрипел Загребельный и поднял автомат. Он целил точно в затылок пришпиленной к земле твари. В ЗАТЫЛОК!

– Стой! – я отвел в сторону ствол его Калашникова.

– Ты чего? – с раздражением глянул на меня Леший.

– Хочу кое-что проверить.

– Что проверить? Ты что, сдурел? Кончаем его и уходим!

Что проверить? Вот именно, что конкретно я собрался проверять? Свою безумную, неожиданно возникшую мысль? Идею, от которой пришла бы в восторг Нина и ее любознательный компаньон – хирург-очкарик? Однако для всех остальных людей эта затея так и осталась бы нелепой, дикой, опасной выходкой и ничем более. И тем не менее, эта самая идея уже надежно засела у меня в башке. Ведь другого случая может и не представится.

– Помогайте!

Как бы оценивая, пригоден ли для осуществления плана зажатый у меня в руке инопланетный инструмент, я взвесил его на ладони. Вполне пригоден. Я тут же кинул черный контейнер одному из стоявших рядом разведчиков.

– Найдите еще что-нибудь подобное, трубы, палки, только прочные.

– На кой черт? Что ты творишь? – Загребельный хотя и ничего не понял, но людям своим все же кивнул, выполняй-

те, мол.

– Мне нужен твой нож, – я скинул с плеч вещмешок и стал в нем копать. Искал ставшие в последнее время чуть ли не предметом первой необходимости резиновые перчатки.

– Объясни, – Леший вытянул из пристегнутых к бедру ножен боевой нож с широким черным лезвием.

– Увидишь. Все сам увидишь.

В этот момент руины павильона заходили ходуном. Посыпались остатки кирпичной кладки, заскрежетали и загрохотали погнутые металлоконструкции. Зверь словно почуял, что у меня насчет него имеются планы, и попытался их сорвать.

– Держать! – прокричал я, прыгая на ближайший швеллер.

– Навались! – приказал Загребельный и всем своим богатырским телом придавил к земле пласт металлочерепицы.

Общими усилиями нам все же кое-как удалось утихомирить взбунтовавшуюся бестию. Пока утихомирить. Но каждый отчетливо понимал, что оглушение от удара понемногу проходит, и нам следует ожидать новых приступов ярости.

– Что-нибудь нашли? – я метнул взгляд на бойцов, до этого занимавшихся поиском земных аналогов черной инопланетной трубы.

– Есть уголок, пятидесятка, – один из разведчиков указал на принесенные им два обломка кровли, которые лежали тут же рядом на пыльной земле.

– Пойдет, – я кивнул. – Ты, ты и ты. – Поочередно ткнув в трех разведчиков, я выбрал себе помощников. – Вооружайтесь.

После этого я повернул лицо к Загребельному:

– Ассистент, скальпель!

Леший сразу усек специфику моих планов. Поглядел на свой острый как бритва «Онтарио», вздохнул и с тоской протянул:

– Потом выкинуть придется.

– Другой найдешь, – настроения болтать как-то не обнаруживалось, тем более перед тем, что мне предстояло сделать.

Прочные колья намертво зажали голову кентавра. Даже при своей невероятной силе он ни за что не смог бы ее повернуть. Зато над всем остальным телом зверь полностью восстановил контроль. Оно билось и извивалось, стараясь сбросить с себя ненавистное железо, а так же восемнадцать еще более ненавистных двуногих врагов. И самое неприятное, что с каждым новым ударом или рывком кентавр приближался к своей цели. Об этом он как бы оповещал нас все более и более громким и свирепым рыком.

– Давай же! Чего тянешь? – прогорланил Загребельный, который изо всех сил пытался удержать мотыляющийся из стороны в сторону швеллер, тот самый, что до этого находился под моей персональной опекой.

– Сейчас!

Это был совсем не ответ Лешему, это была команда, которую я дал сам себе. Я потуже натянул резиновую перчатку, поудобнее перехватил большой черный нож и с коротким замахом полоснул по затылку кентавра.

В тот же миг неистовое биение огромного тела прекратилось. Кентавр замер, подтянув под себя свои мощные лапы. Он стал напоминать этакого кота-забияку, которого, до того как тот успел оцарапать руки, удалось ухватить за шкуру. И теперь он стал кротким невинным существом. Однако, не верил я в кротость и невинность чудовища, которое питается человеческим мясом. Не было у меня к нему ни жалости, ни доверия. Именно поэтому, не отягощая себя угрызениями совести, я стал кромсать чешуйчатую шкуру. Полилась тягучая темная кровь. Я старался, чтобы она не попала на одежду. Хорошо, что сейчас со мной нет Гейгера. А то бы орал как сумасшедший и мешал делать дело. И так хрен что поймешь. Как тут разбираются эти одинцовские физиологи, любители, блин, экзотики?!

Покопавшись в нарезанном ломтиками мясе, я понял, что таким макаром ничего не отыщу. Придется срезать его аж до черепной кости. Это возможно, хотя противно и займет гораздо больше времени. Через плечо я глянул на Загребельного. Тот сидел верхом на балке и держал в руках автомат. Взгляд подполковника был накрепко прикован к выползающим из серой утренней дымке окрестным «красотам». Мой приятель, должно быть, решил, что я прикончил тварь и

опасности теперь можно ожидать только со стороны. Ах если бы от этих многолапых выродков можно было избавиться так легко! Хотя... Я быстрым взглядом окинул неподвижную тушу под собой, вернее те ее части, что выглядывали из-под обломков кровли. Укрошен? Сломлен? Парализован? Похоже, что все сразу. Видать «Онтарио» Лешего угодил в какой-то чрезвычайно важный нервный узел. И еще, похоже, загрибок чудовища полностью не чувствителен к боли. Вот значит почему именно сюда и сунули этот прибор.

Мысль о цели моих поисков тут же вернула к реальности. Искать! Живо искать! Не терять ни секунды! Подгоняемый этим приказом, я нанес новый удар, а затем еще и еще один. Теперь уже не перпендикулярно, а по касательной к черепу, будто срубал кожуру с колючего ананаса. Откинул лезвием пласты темного как свекла мяса, соскреб льющуюся кровь. Ничего. Слишком мелко резанул. До кости дошел только в одном месте. Загрибок у кентавра оказался широкий и мясистый. Неужели его придется освежевать весь? А вдруг я ошибся, и прибор совсем не здесь? Или еще вариант, вдруг у этой твари его просто нет, вдруг их вживляют далеко не всем? В душе у меня досадно защемило. Неужто лопухнулся, впустую спалил драгоценное время, подставился сам и подставил товарищей?! Захотелось заорать, зареветь как хищный дикий зверь, чтобы все твари, которые услышат этот рев, затихли, увяли, глубоко забились в свои норы.

Именно в этот момент отчаяния я и увидел... мне показа-

лось, что увидел. Вокруг были еще предрассветные сумерки, поздние, но сумерки. Именно благодаря им глаз и уловил это легкое пульсирующее свечение. В уголке проделанной мной раны словно билось крохотное огненное сердце. Вот оно! Нашел! Я тут же сделал надрез именно над местом свечения. Стальное лезвие проскрежетало по металлу, а когда ткани разошлись, глазу предстали те самые уже хорошо знакомые кристаллы. Только сейчас они были живые, светящиеся, переливающиеся в каком-то затейливом танце. И этот свет не мог утопить даже поток темной радиоактивной крови, наполнявшей рану.

От созерцания этого прямо сказать кровожадного, но одновременно и завораживающего зрелища меня отвлекла автоматная очередь. На это раз ни бесшумный «Вал», а хорошо знакомый Калашников. Я тут же метнул взгляд на стрелявшего бойца, а затем по направлению его оружия отыскал цель. Слава богу, это были еще не кентавры. Наездник. Он подобрался совсем близко и уже готовился к своему смертоносному прыжку. Да только не успел.

– Чего копаешься? – прорычал Леший. – Пора!

Я сам знал, что пора. Но работу следовало доделать, тем более, что осталось всего то ничего. Я отгреб кровь затянутой в толстую резину ладонью. Отыскал обод прибора и засунул под него кончик ножа. Кажется я оказался прав, это устройство действительно крепилось к черепным костям, вплавливалось или может клеилось, короче, не столь уж важ-

но как именно. Главное, чтобы у меня хватило сил его отодрать. Удерживая нож одной рукой, я кулаком второй, словно молотком, стал вбивать его между металлом и костью. К моей великой радости все получилось, лезвие начало входить.

Вот тут-то к плененной нами твари и стали возвращаться ее былые дурные наклонности. Видать то, что я сейчас делал, уже не являлось безобидным, безболезненным и явно внушало страх. Неужели я наблюдаю именно это – страх? Кентавр не вырывался, не брыкался как раньше, он весь дрожал. Крупная нервная дрожь. Казалось, что все мы, те, кто оседлал его, катимся на велосипеде по длинной, бесконечно длинной лестнице. Плюс к этому я вдруг отчетливо различил паутинку тонких голубых электрических молний, которая протянулась от отдираемого мной прибора к окровавленным костям черепа. Машина как будто из последних сил цеплялась за своего хозяина, не хотела с ним расставаться.

Мне это все жутко не понравилось. Что ж, пора заканчивать. Заканчивать, пока не произошло еще чего-нибудь такого... Я двумя руками вцепился в рукоять ножа и потянул изо всех сил. Рычаг сработал, и через мгновение послышался хруст. Залитый кровью металлический треугольник отделился от черепа.

В ту же секунду свечение кристаллов изменилось. Они замигали со все увеличивающейся скоростью. Изменился и рисунок. Теперь огни неслись по кругу, словно разгоняя неви-

димый, заключенный внутри маховик. Голубых молний становилось все больше. В воздухе ощутимо запахло электричеством. Что за цирк-зоопарк?! – промелькнуло у меня в голове. – Крайчек ведь не упоминал ни о чем подобном.

Яркий, ослепительно белый свет вышиб из головы все мысли... подчистую... все, какие были. Все, на что я сейчас оказался способен, это только лишь смотреть. Молнии слились в единый огненный шквал, который ринулся прямо под меня, под всех нас, тех, кто сидел, висел, лежал на металлоконструкциях разрушенной кровли. На миг показалось, что все мы вперемешку с железом и кирпичом падаем на солнце, странное и страшное холодное белое солнце, выползавшее из недр нашей планеты. И оно нас не изжарит, нет... оно нас превратит в лед.

Интенсивность свечения резко возросла. Вернее, это было уже не свечение, это была вспышка. После глухого, закладывающего уши хлопка я понял, что падаю. Закричал, но не услышал своего голоса, только громыхание, скрежет рушащегося, летящего в тартарары мира.

Глава 10.

Первое, что я услышал, когда опомнился, был крепкий русский мат, причем с характерным войсковым налетом. Прилагательное «танковый» и словосочетание «полковая блядь» приятно согрели душу. Нормально. Значит, в аду то-

же есть свои в доску пацаны.

Разлепив глаза я воочию убедился, что преисподняя значительно отличается от моих давешних о ней представлений. Здесь не было ни жара, ни огня, один только легкий, мелкий как пыль пепел. Он медленно падал вокруг меня, он тонкой серой шерсткой укрывал все вокруг, балки, искореженные лаги из уголка, рваные листы металлочерепицы, мой валявшийся неподалеку АКМС.

Автомат! Я обрадовался как маленький ребенок, который отыскал свою любимую игрушку, куда-то запропастившуюся пару дней назад. И это не только потому, что игрушка и впрямь была любимая. Обнаружить ее означало, что произошла ошибочка. Я не где-то там за тридевять земель в царстве страшного Кощея, я в своей любимой, хорошо знакомой игровой комнате.

Игра началась тут же. И этот тур обещал быть гораздо завлекательней всех предыдущих. Разом заговорили сразу несколько стволов, грохнул взрыв гранаты. Стало понятным, что уже никто не пытается сохранить в тайне наше здесь пребывание. Началась драка на уничтожение, как говорится, стенка на стенку.

На мне все еще были грязные, залитые темной уже застывающей кровью перчатки. Я содрал их и отшвырнул подальше. Все, теперь можно заняться настоящей мужской работой. Рванувшись, я попытался схватить оружие и одновременно подняться на ноги. Как выяснилось, это было ошиб-

кой. Слишком резкое движение, слишком нестабильная опора. Лист железа, та самая собачья подстилка, на которой я свернулся, спасаясь от неведомого катаклизма, оборвался, и я полетел вниз. Хвала всевышнему, падать пришлось недалеко, метр отсилы, а может даже и меньше. Я плюхнулся на землю, а сверху свалился Калаш. Ну, хоть в этом повезло!

Странного белесого пепла внизу было гораздо больше. Потревоженный моим падением, он закрубился вокруг, словно снежный вихрь. Однако любоваться танцем серых снежинок у меня не было времени. Автоматная пальба становилась все более ожесточенной, к хору имени Калашникова подключались все новые и новые голоса. Один я, будто какая-то полумертвая от перепуга баба, лежал в придорожной канаве, прятал лицо, что бы не видеть всего ужаса вскипающего неподалеку боя. Тьфу ты черт, противно. Невыносимо даже представить себе такое дерьмо. Я сейчас! Я мигом! Держитесь, мужики, я уже иду!

Пыхтя как паровоз, обдирая пальцы об острые края железа, я стал выкарабкиваться на волю. Во, как меня угораздило, куда забросило! Словно божья кара, высшая справедливость. Почувствуй, мол, как здесь было лежать бедолашной животинке. Мысль о кентавре ненадолго задержалась в моей голове. Куда он подевался, и что вообще произошло? Любопытные вопросы, но ответы на них искать некогда. Потом... все потом. А сейчас главное выжить, главное уцелеть нам всем.

Я в спешке прорывался сквозь прутья железной клетки, в которой оказался. Чаще всего все проходило гладко. Сдвинув одну трубу, отжав один уголок, я принимался за следующий. Но иногда какой-нибудь обломок железа соскальзывал и рушился прямо на меня. Было больно, и хотя ржавому металлу так и не удалось пробить легкий итальянский бронежилет, но синяков на моем теле явно добавилось. Но вот только на боль я не обращал внимания. Вздрагивал, стонал, а затем, сцепив зубы, все карабкался и карабкался вверх. Я думал только о бое, боялся, что именно моего ствола не хватит для победы, для того, чтобы опрокинуть, обратить в бегство этих гнусных тварей.

И вдруг, когда я почти выбрался, когда до желанной свободы оставался всего лишь один шаг, я понял, что снаружи что-то изменилось. Показалось, что стрельба стала тише. Я замер, а затем затряс головой, пытаюсь вытряхнуть из ушей невидимые ватные пробки – последствия недавнего оглушения. Помогло. Я стал более ясно и отчетливо слышать это.

Оружие по-прежнему молотило не переставая, но только вот звуки выстрелов теперь смещались, двигались куда-то влево, что было весьма и весьма неприятно, и прежде всего для меня. Уходят! Наши отступают! Дьявольщина, а как же я?!

Мое оцепенение вмиг испарилось. Я завертелся как угорь на раскаленной сковородке. Рванулся вверх и одним неистовым ударом высадил лист металлочерепицы, который стоял

между мной и небом. Небо! Я увидел низкие серые облака, которые висели буквально над самой головой. Ничего, пойдет и такое. Сейчас я рад, несказанно рад и этому. Я кинулся на волю. Воля! Мне так ее не хватало все эти бесконечные минуты заточения.

Порыв зловонного влажного ветра ударил в лицо. Он жестко и немилосердно напомнил о том, что воля, к которой я так стремился, это далеко не светлая и радостная мечта, и уж совсем не синоним слова «жизнь». Воля это лишь пространство, на котором эта самая жизнь вполне возможна, если ты, конечно, приложишь к этому все свои гребанные силы. И здесь особо важно знать тот самый, единственно верный вектор, в котором следует их применить.

Мой первый взгляд был обращен, конечно же, на звук выстрелов. Где Леший? Где враг? И где, черт побери, я? Какое поле занимаю на этой дьявольской шахматной доске? От увиденного сердце гулко екнуло. Группа Загребельного отступила уже метров на пятьдесят. Они двигались поперек улицы в направлении руин. Пересчитать бойцов у меня, естественно, не было времени, но вот что сразу бросилось в глаза, так это двое раненных, которых Красногорцы тащили на себе. Разведчики продолжали отстреливаться, и самое неприятное, что пули летели как раз в мою сторону.

Леший заметил меня почти сразу же. Я видел как он замер, остановился как вкопанный. Вскинул руку, хотел махнуть, но ладонь бессильно повисла, так и не взлетев вы-

ше уровня плеча. Потом Андрюха что-то отрывисто скомандовал, и стоящий рядом снайпер поднял свой бесшумный смертоносный «Винторез».

Враг рядом, враг буквально у меня за спиной. Я понял это, но почему-то не мог даже пошевелиться. Меня словно пригвоздил взгляд Загребельного. Долгий, неотрывный, переполненный болью взгляд. Леший как бы глядел на меня в последний раз, как бы прощался.

Два последующих события произошли практически одновременно, возможно их разделяли лишь десятые доли секунды. Выстрел и удар. Нет, все же первым был удар. Он снес меня с ног, как мчащийся на полной скорости автомобиль сносит травинку, рискнувшую вырасти в трещине асфальта. Именно в миг падения я и увидел пулю. Ей богу увидел! Она пронеслась прямо надо мной, черкнув по волосам. Девятимиллиметровый кусок свинца с отчетливым шлепком плюхнулся во что-то мягкое позади. Обидно. Хорошая была пуля. Моя. Она бы так славно вошла мне прямо промеж глаз.

Все произошедшее потом я помнил смутно, словно в каком-то тумане. Грохот взрыва, рев кентавров, казавшаяся бесконечной череда ударов и падений. Меня куда-то волокли, я за что-то цеплялся, трещала и рвалась одежда, текла кровь, боль то и дело заставляла тело вздрагивать и съеживаться. Так продолжалось долго, можно сказать бесконечно. Долгожданное спасение пришло лишь вместе с сильным ударом по голове, от которого я провалился в черное ничто.

Сознание возвращалось медленно и как бы извне. Оно легким шустрым демоном вертелось вокруг меня, то нашептывая что-то на ухо, то слегка приподнимая опухшие веки, то робко поглаживая пальцы на руках. Сперва я был ко всему этому полностью равнодушен. Только лишь фиксировал изменения, возникающие в полной пустоте и мраке. Однако вскоре отдельные аномалии моего персонального, растерявшего все звезды, космоса стали как бы сливаться, соединяться во что-то уже не совсем бесформенное и абстрактное, в то, чему я даже смог дать название. Свет... – я вспомнил.

Это слово явилось основой, истоком с которого и началось воскрешение. Свет действительно стал проникать в меня, и я не знал, был ли это реальный дневной свет или такова реакция на робкое возвращение чувств. А, собственно говоря, какая разница? Главное, что он есть, что я уже не полное бесчувственное бревно из тяжелого черного дерева.

Чтобы почувствовать себя чем-то большим, чем пустота, пусть даже и слегка озаренное светом, срочно требовались другие новые ощущения. Например, слух. Чтобы слышать, ведь не требуется много сил. Просто бери и слушай. Только вот меня уже не устраивал тот шепоток, что я уловил в самом начале. Мне требовались реальные, что-либо означающие, несущие информацию звуки. Но где же они? Ах, вот, наконец-то! Где-то совсем рядом послышалось негромкое шуршание. Что оно могло означать? Надо посмотреть. Ведь я

могу смотреть. Ведь я умею смотреть. Ведь я сейчас что-то вижу. Я попробовал сосредоточиться, сфокусировать зрение. Картинка стала немного почетче. Светящийся полумесяц. Низко. Очень низко. Буквально над самой головой. Казалось, протяни руку и просто ухвати. Правда поднять руку, даже попытаться, это для меня сейчас был перебор. Так что пришлось обойтись без экспериментов, пришлось просто взять и поверить в существование светящегося объекта над головой. Светящегося? Это хорошо, что он светится. Его свет даст мне возможность разглядеть источник того странного звука.

Звук производил кто-то находящийся совсем рядом, буквально в шаге от меня. То, что это кто-то, а не что-то, я был совершенно уверен. Почему? Да потому что этот кто-то дышал, часто и отрывисто, как захекавший после бега пес. Однако это была лишь часть звука, меньшая его часть. Основная, солирующая, так сказать, мелодия исполнялась на каком-то небольшом барабане, этакie приглушенные слегка чавкающие удары. После каждого такого удара следовала пауза, а потом... да, потом что-то легонько касалось моего тела, моих рук. Наверное, именно это прикосновение я и почувствовал, когда только-только пришел в себя.

То, что рядом находится живое существо, я вроде как уяснил, теперь оставалось определиться что это за существо и как по отношению к нему себя вести. Если зверь еще не накинулся на меня, значит это не хищник. Хотелось бы. Прав-

да существовал еще второй, куда менее радужный вариант – хищник, но сытый. Такой не убьет жертву сразу, а припрячет ее про запас, как собака зарывает сахарную косточку. И тут меня словно током ударило. Этот звук! Он похож... Точно, кто-то роет землю, и это именно ее сухие комья постоянно сыплются мне на руки. Ну, попал... ну, просто цирк-зоопарк.

Что делать? Пытаться сбежать? Далеко не убегу. Не было у меня для этого сил. Лежать и ждать когда тварь устроит мне пышные похороны? Тоже радости мало. Отпугнуть? А уйдет ли? Откажется ли от аппетитного супового набора весом так килограмм восемьдесят? Но лежать и ничего не предпринимать, надеясь на русский авось, было немислимо. Что же остается? Драка? Драка... я как бы попробовал на вкус это слово. Последний и решительный бой. Не исключено, что зверюга из падальщиков. Не выдержит напора, струсит и убежит. А что... шанс! В конце концов, остановившись на этом плане, я решил подготовиться.

Подготовка заключалась в следующем. Прежде всего осмотреться, изучить поле предстоящего боя. Видел я еще плохо, да и вокруг стоял темный душный полумрак. Однако мне все же удалось разглядеть гладкую серую стену, которая словно нависала надо мной. Я попробовал пошевелить рукой. Получилось. Когда пальцы коснулись шершавого бетона, стало понятно, что рядом и впрямь стена. Только мне почему-то показалось, что она какая-то полукруглая. Ладно,

проехали, забудем. Должно быть, сейчас у меня перед глазами все слегка не той формы: изогнуто, закручено и перекручено. Контузия она и в Африке контузия.

Но была и хорошая новость. Я сумел дотянуться до стены. Это свидетельствовало, что контроль над несчастными измочаленными конечностями понемногу восстанавливается. И как не парадоксально это звучит, боль сейчас даже стала союзником. Она помогала почувствовать руки и ноги, говорила о том, что они еще имеются в комплекте, а не давным-давно откусаны и пережеваны.

Итак, почувствовал. Хорошо. Теперь попробуем найти им должное применение. Я медленно подтянул правую руку к животу и ощупал себя. Может, осталось что-нибудь из оружия или снаряжения, хотя даже почувствовать гладкую ткань бронежилета и то радость. Но меня ждало разочарование. Пальцы нащупали лишь рваную, жесткую от запекшейся крови футболку и брюки от ХБ. Я был ошарашен. Куда же все подевалось? Однако эту свою растерянность, как и вопрос «Что же со мной приключилось?» я тут же отогнал. Потом. Сейчас главное – эта тварь, копошащаяся рядом. Не дать ей сделать свое кровавое дело. Напасть первым. Задушить голыми руками. У меня ведь просто нет другого выхода.

Я уже оклемался настолько, что даже смог повернуться на бок, грузно и неповоротливо, на все же смог. Холмик свежее вынудой земли перед моим лицом подсказал, что я прав, во

всем прав. Что ж, посмотрим кто кого! Все еще недостаточно четким, плывущим зрением я наткнулся на выкинутую вместе с землей половинку кирпича. Протянул дрожащую руку и вцепился в нее. Кирпич это лучше, чем ничего. До боли сжимая колючий острый камень, я подумал, что готов. Пусть этот могильщик выползает. Сейчас он получит свою пайку.

Чтобы привлечь внимание зверя, я не нашел ничего лучшего, чем закричать. Я думал, что закричу. На самом же деле язык повис как тряпка, и слов не получилось, только рык. Низкий, грудной, похожий на клокотание рык.

Зверь тут же стих, прекратил свою гребанную работу. Прислушавшись, я понял, что он начал елозить и ворочаться. Выбирается, падлюка. Собрав все свои силы, готовясь нанести удар, я ждал. Первый удар самый важный. Первого удара он не ожидает.

Когда над вершиной земляного холмика всплыло какое-то размазанное пятно, я приподнялся на локте и замахнулся. Пятно тут же юркнуло назад. Быстро так юркнуло. Или это я со своими искалеченными, заторможенными рефлексами уже ни к черту не гожусь? Ничего, сейчас я это узнаю. Сейчас мне это популярно разъяснят.

Разъяснения последовали в самой неожиданной форме:
– Эй, полковник, ты что, сдурел? – выкрикнул человеческий голос. – А ну, живо брось камень!

Голос... Это был голос живого человека. И не просто какого-то там человека, а знакомого, хорошо знакомого мне

человека.

– Мент... – таковым стало мое первое слово, произнесенное после возвращения с того света.

– Он самый. Собственной персоной, – ответил мен кисло улыбающийся майор Нестеров.

Предвидя расспросы с моей стороны, и заранее сочтя их крайне несвоевременными, Нестеров поспешил предупредить:

– У нас очень мало времени. Я должен закончить подкоп. Иначе конец, сожрут и костей не оставят.

– Подкоп... – автоматически повторил я.

Очевидно в моих глазах разума была не больше, чем у курицы. Именно поэтому милиционер даже не попытался объяснить. Он просто отрывисто приказал:

– Лежи. Жди. Закончу, вернусь.

Ждать. Я уловил главное. Просто ждать. Как хорошо. Не надо ничего предпринимать, ни о чем задумываться, просто ждать. Я благодарно кивнул майору и опустил голову на мягкую только что вынутую землю. Нестеров с горечью взглянул на меня и с тяжелым вздохом скрылся в своей норе.

Оставшись один, я расслабился. Не скажу, что почувствовал успокоение, скорее отрешенность. Ответственность за наши жизни как-то сама собой перетекла на плечи майора. Он словно давал мне возможность передохнуть, короткий таймаут, которым грех было не воспользоваться. Через минуту я уже отключился. Не знаю, то ли это был сон, то ли,

пardon за каламбур, сознательная потеря сознания. Важен был результат – забвение и покой.

Очнулся я самостоятельно. Не имею понятия сколько уж там прошло времени, полчаса, час или может целые сутки, однако этого времени оказалось достаточно, чтобы привести в норму... нет, конечно же, не тело. Переломы и гематомы мигом залечиваются только в кино и то самом тупом и примитивном. Вот что мне действительно удалось подремонтировать в себе, так это голова, сознание. Я огляделся по сторонам, и сделать это удалось уже без всяких там дополнительных оптических спецэффектов.

Ага, вот, значит, какой цирк-зоопарк! Я лежал внутри идеально круглого бетонного сооружения. Вообще-то сооружением это можно было назвать лишь с очень большой натяжкой, скорее какая-то железобетонная конструкция, кольцо диаметром около двух метров и примерно такой же высоты. Сверху эта труба или лучше сказать колодец был накрыт сплошной и должно быть толстой бетонной крышкой. Ее задвинули не полностью, оставили с краю узкую щель, наверное, чтобы проходил воздух, и пленники не задохнулись. Выходит, вот эту самую щель я сперва и принял за светящийся полумесяц. Обидно. Красивая была мечта, дотянуться до неба, коснуться звезд.

О каких-либо мечтах я тут же позабыл, когда где-то снаружи и, кстати, не так уж и далеко раздался трубный вой кентавра. Этот звук подстегнул меня так сильно, что даже уда-

лось сесть, и это не смотря на дикую боль в боку. Что значат сломанные ребра по сравнению с возможностью оказаться на вертеле?

Я тут же оттолкнулся и упал на значительно подросшую кучу земли. Громко застонал. Боль пронзила все тело, затуманила мозг. Несколько жутких бесконечных секунд я боролся с ней. Только-только моя воля начала брать вверх, только-только появился крохотный резерв сил, как я тут же использовал его:

– Майор, где ты?

Я ждал ответа с таким страхом и нетерпением, с каким приговоренный ждет вердикта суда. А вдруг что-то случилось? Вдруг произошел обвал, и Нестерова засыпало? Или... Мне стало невыносимо горько от следующей мысли. Или он положил на меня и ушел. Вообще-то имеет полное моральное право после того, как я обошелся с ним там, в руинах. Если это так, то что же тогда делать? Хватит ли у меня сил в одиночку пройти по его пути?

Шорох, донесшийся из глубины туннеля, вернул меня к жизни. Жив, значит, Анатолий, не бросил, не предал. Не то, что я...

– Григорич! – голос майора прозвучал издалека, словно из самого центра земных недр.

– Здесь я. Слушаю.

– Торопись. Кентавры вернулись.

Что вернулись, это я уже и сам понял, новостью являлось

лишь насквозь нервное, почти что испуганное «торопись». Майор горячку зря пороть не станет. Дарованная нам отсрочка видать и впрямь подходила к концу.

– Что делать-то? – Идиотский вопрос. Как будто и так было не ясно, что делать.

– Лезь в туннель.

– Я не смогу, – буквально выкрикнул я, вспоминая о боли, которая терзала меня при каждом движении.

– Лезь или тебе конец! – в сердцах рявкнул милиционер. Потом он замолчал. Очевидно, последующие несколько секунд Нестеров сражался с нахлынувшим гневом. Поборов его, майор стал взывать к моему рассудку: – Тут всего пару метров. Узко, вдвоем не пролезть. А если ты доберешься хотя бы до середины, я тебя потом вытащу. Выбери, всего метр ползком или смерть на костре.

Не надо было быть особо прозорливым, чтобы угадать мой выбор. Сцепил зубы, застонал, оттолкнулся и провалился в черный водоворот, коктейль из темноты, страха и боли.

Полз я очень медленно. И вряд ли это называлось «ползти». Скорее пропихиваться, вдавливаться, ввинчиваться в отверстие диаметром практически равное ширине моих плеч. Иногда я даже забывал о боли. Ее затмевали накаты-вающие волны жуткой клаустрофобии, страх, что застряну здесь навсегда, сдохну от отека и удушья. На какое-то мгновение это показалось даже страшнее, чем костер, страшнее всего на свете. Паника ворвалась в мой мозг, холодный озноб

пробил мое тело. Я задергался, забился, как пойманная в сеть рыба.

– Григорич, давай руку!

Этот негромкий возглас, этот зов подействовал как лошадиная доза транквилизатора, влитая прямо в вену. От него по телу начало растекаться спасительные тепло и покой. Как все же замечательно, что я не один, что рядом он – настоящий человек.

Я подал вперед руки, стараясь вытянуться, стать прямым и гладким поршнем, ползущим внутри цилиндра. Нестерову так будет легче тянуть, а от моих убогих телодвижений все равно толку мало.

Милиционер сразу же нащупал мои ладони и цепко в них вцепился. Надо же, можно подумать, он видит в темноте. Я с белой завистью позавидовал этой его способности, вернее, всему его физическому состоянию. Мне бы сейчас хоть половину этой энергии. Все было бы намного проще.

Но как выяснилось, чтобы завершить эту фазу нашего побега, хватило и сил одного майора. Он выдернул меня как пробку из бутылки, и не просто выдернул, но еще и выволок из ямы. По всему было видно, что Нестерову эти упражнения дались невероятным трудом. Годы то не те. Он тяжело дышал, даже не дышал, а хрипел, давился воздухом. Его мотыляло из стороны в сторону, и, даже стоя на четвереньках, милиционер все время рисковал упасть, завалиться на бок, словно загнанная лошадь.

Однако майор не остался подле меня. Собрав свои последние силы, он вновь пополз в яму.

– Куда...? – простонал я.

– Сейчас... Надо... – прошептал он в ответ.

Ни живой, ни мертвый, я лежа на краю ямы и наблюдал как Нестеров шарит внизу. Ищет что ли что-то? Точно ищет. Я понял это, когда заметил в руках у милиционера кусок какой-то веревки. Приглядевшись, я увидел, что это черный шнур уходит вглубь подкопа. Видать я прополз по нему, да так и не заметил. Да и не мудрено. Я тогда вообще ничего не видел и почти ничего не понимал.

Майор намотал конец веревки себе на ладонь, уперся ногами в края ямы, аккуратно рядом с туннелем, из которого мы только что вылезли, и начал тянуть. Медленно, очень медленно и осторожно. Было не понятно то ли это из-за тяжести груза, прицепленного на другом конце, то ли данная операция требовала плавного поступательного движения. После нескольких секунд наблюдения я пришел к выводу, что, скорее всего, и то и другое.

По мере сматывания веревки тянуть ее становилось все легче и легче. Наконец настал такой момент, когда Нестеров перестал напрягаться и легко рывками стал выбирать свою прямо таки рыболовную снасть. Последний рывок, и он выскнул долгожданный улов из черной проруби. Им оказался пыльный, облепленный комьями прилипшей земли милицейский китель.

– Вот, одежку тебе раздобыл. – Нестеров поднял на меня изможденный взгляд. – Не побрезгуй, Григорич.

– Что это? – пролепетал я, тупо глядя на кусок грязной серой ткани.

– Это... – майор зажал в руке свой китель, кряхтя, выбрался из ямы и уселся рядом со мной. – Это старый эковский трюк. Затычка называется. Если урки бегут через подкоп и хотят, чтобы за ними туда никто не сунулся, то устраивают эту самую затычку, засыпают, значит, проход у себя за спиной. А делается это просто. Прежде, чем выбирать землю, стелют какую-нибудь тряпку, лучше всего попрочнее, одеяло допустим. К одному краю привязываю веревку. Шнурки подойдут, если толстые.

Тут я покосился на свои ноги, и увидел, что на мне лишь один ботинок, и тот без шнурка, только на ремешок застегнут.

– Ага, он самый, – Нестеров заметил мой взгляд и утвердительно кивнул. Затем он поглядел на мою вторую босую ногу и поспешил реабилитироваться: – Не моя это вина. Когда тебя ко мне закинули, у тебя только один ботинок был.

– Угу, – я равнодушно кивнул.

Мне и вправду было все равно. Какие уж тут придирки. Сейчас я был несказанно счастлив, что рядом есть живой человек, что я вижу его, слышу успокаивающий, вселяющий уверенность голос.

– А дальше? – я задал вопрос, именно повинуясь желанию

слышать человеческую речь. – Что дальше с затычкой то?

– Заинтересовало? – Нестеров улыбнулся измученной улыбкой. – Учись, пока я жив. – Он стал отвязывать шнурки от полы своего кителя, а между делом рассказывал: – Дальше все просто. Вынутая земля укладывается на подстилку. Не вся, конечно, а так... в разумных количествах, чтобы только вход завалить хватило. Когда подкоп готов, беглецы через него уходят, а за собой веревку разматывают. А потом как в сказке: «Потяни, внученька, за веревочку, дверь и закроется».

– Откроется, – я смог даже улыбнуться. – В сказке было «откроется».

– А это кому чего надо. Тому, кто затычку соорудил, лучше чтобы она закрылась, и как можно плотнее.

Последние слова милиционера заглушил тяжелый удар, от которого вздрогнула земля. Вслед за ним послышался знакомый, ставший уже почти родным, разъяренный рык кентавров. Несколько кентавров, это было понятно даже глухому.

– Все, откупорили нашу консервную банку, – прошептал Нестеров. – Теперь только ждать. Авось пронесет.

– Где мы? – мой взгляд заметался по ржавой железной стене, отделяющей нас от армии разъяренных врагов.

– Тс-с-с! – майор приложил палец к губам. – Тут эхо. А кентавры не глухие.

– И все же?

– Ангар. Железный. Сварной. – Прошептал одинцовский

старожил. – Склад строительной фирмы. Я это место знаю. Грабили их постоянно, вот мы и мотались сюда. Раз в полгода точно бывали, а то и чаще.

За стальной стеной явно что-то происходило. Революция, никак не меньше. До нас стал долетать не только грозный возмущенный глас кентаврского пролетариата, но визжащие перепуганные вопли шестилапой буржуазии, которую похоже прессовали по полной программе. Ей вспоминали все... и вчерашние, и позавчерашние «заслуги», а в основном сегодняшнюю гулянку на пустой желудок.

– Пускай-пускай, – ослабилась майор. – Лучше пусть разбираются между собой, чем выясняют куда подевалась дичь.

– Они хотя и зверье, но умное, – хмуро заметил я.

– Согласен, – Нестеров кивнул. – Но хватит ли у них сил сдвинуть пакет из трех железобетонных колодезных колец, в который они нас сунули?

– Зачем двигать? Можно разобрать.

– Фигушки. Не разберут. Крышку... – тут милиционер поправился, – то есть ту плиту, которой они нас закупорили, отодвинуть еще можно. Весу в ней около тонны. А вот в колодезном кольце тонны по две будет и к тому же уцепиться не за что.

– А внутрь не заберутся?

– Это могут. Правда, места там маловато, для таких-то туш. Только и надеюсь, что это их остановит.

Снаружи вдруг стало тихо. Моментально так стало. Зву-

ки будто обрезало. Мы с майором тут же устали друг на друга, замерли. Что это все могло означать? Хорошо или плохо?

Минуты летели, но ничего не происходило. Полная тишина.

– Ушли? – наконец осмелился прошептать я.

– Не думаю, – отрицательно покачал головой Нестеров. – У них тут что-то вроде временного стойбища. Видел, когда меня тащили.

– Цирк-зоопарк! – простонал я.

– Он самый. И цирк, и зоопарк, и все это у нас прямо под боком.

– Как они еще в этот сарай не заглянули? – с трудом поворачивая голову, я огляделся по сторонам.

– А что они тут забыли? Одно мертвое железо. Да и ворота довольно мощные, я лично директору этой богадельни чертежник нарисовал.

– Выходит, мы тут в западне, – я то ли спросил, то ли констатировал очевидный факт.

– Надежной западне, – поправил меня Нестеров. – А это уже кое-что.

В замечании майора меня вдохновило лишь одно место – слово «надежная». Это значит, что нам дано отсрочка. Возможно очень короткая, но все же отсрочка. Сейчас можно просто расслабиться и дать отдых своему, отбитому как хорошая отбивная, телу. Какая прелесть! Я буквально упал на

пыльный земляной пол и затих. Нестеров был солидарен с моим решением и распластался тут же. Правда, прежде чем сделать это, он свернул валиком свой китель и подsunул его мне под голову.

– Спасибо, – поблагодарил я.

– Не за что, – ответил милиционер. – Я же говорил, что китель теперь твой. Это сейчас еще терпимо, а стемнеет... холод будет собачий.

– Спасибо не за китель, – я уставился в глаза милиционеру. – Вернее не только за китель. Спасибо, что вытащил.

Нестеров ухмыльнулся:

– Мы теперь вроде как квиты.

– Квиты?

– Ну да, квиты. Ты спас меня, я тебя. Выходит, в расчете.

Сейчас очень не хотелось затрагивать скользкую тему, но Нестеров нес что-то непонятное, дикое с моей точки зрения. Я ведь совсем его не спасал, а наоборот бросил, завалил кубометрами обломков, похоронил заживо.

Однако в тоне милиционера не чувствовалось враждебности, наоборот он тут же протянул мне руку.

– Давай, пацан, дальше без официальности. Будем друзьями. Для тебя я Анатолий или Толик, если захочешь.

Я вложил свою дрожащую ватную ладонь в пальцы майора. Дрожала она надо признаться не только от слабости.

– Тебе сколько? – хотя я пребывал и в полной растерянности, но обращение «пацан» все же задело.

– Пятьдесят четыре.

– А-а-а... Ну, тогда да, – согласился я. – Мне сорок шесть.

Максим, для тебя Макс.

– Вот и славно, – подытожил Нестеров. – У нас теперь вроде как дружба. А как говорит наш общий знакомый пан Горобец: «Вместе и батьку бить легче».

Дальше мы просто лежали и молчали. Нестеров расслабленный и наслаждающийся покоем, я же растерянный, огорошенный, теряющийся в догадках. Мне все время казалось, что Анатолий претворяется, что это лишь театр. Но как ни миролюбив был этот спектакль, в финале непременно раскроется правда и прозвучат страшные слова проклятий. Однако, что бы там ни светило в финале, сейчас, в данный конкретный момент, меня разбирало любопытство. И, в конце концов, оно таки перебороло страх.

– Толя, – позвал я тихо.

– Ну...

– Как ты выбрался?

– Из магазина то? – Нестеров сразу понял что я имел в виду.

– Ага, из него проклятого.

– Через черный ход и лаз в стене, – в голосе майора слышалась гордость за самого себя. – Я догадывался, что он существует. Та собака, которая навела нас на склад... Она ведь как-то пробралась внутрь, и это еще до того, как раскопали вход со стороны улицы Крылова.

– Но ты ведь был без сознания, отравлен газом?! – воскликнул я.

– Тише ты! – зашипел на меня милиционер. Затем он долго прислушивался, и только когда убедился, что вспышка моего темперамента прошла без последствий, принялся объяснять: – В сознание я пришел от грохота. Так понимаю, это часть стены обвалилась. Я подозревал, что так оно и будет. Еще когда входил, обратил на нее внимание. На волоске висела, зараза.

Я не стал переубеждать майора и каяться, что это именно я завалил стену выстрелом из «Мухи». Не нашел я в себе смелости, да и версия Нестерова мне как-то больше понравилась.

– Лежал довольно долго, – тем временем продолжил милиционер. – Пока пыль осела, пока сил чуток подкопил да в голове немного просветлело. Потом начал шебуршиться потихоньку. Свет увидел.

– Свет? – удивился я.

– Ага, свет. Прямо как у классика: «Луч света в темном царстве». И знаешь, что это было? – Тут майор хитро улыбнулся. – Твой фонарик. Ты, Макс, его включенным оставил. Так что лежал он в паре шагов от меня и светил. Правда, уже слабенько так светил. Батарейки, видать, садились. Тут-то я и понял, что действовать следует быстро, если не хочу остаться в полной темноте. Подполз я к фонарику, взял в руки и сразу стал оглядываться по сторонам. Далеко гля-

деть не получалось, потому как в глазах все плыло, так что начал я осмотр с того, что находилось поблизости. Сразу заметил трех наших. Лежали они без движений. Попробовал пульс у ближнего, у Кольки Макаренко. Не бьется. Выходит, труп. Переполз к другим. Мертвы. Тут что-то под коленом хрустнуло. Гляжу, войсковая аптечка. Значит твоя. Раскрыта. Двух шприц-тюбиков не хватает. Выходит, их ты и колол. Пошарил лучом фонаря. Так и есть. Лежат они, пустые, тут же рядом лежат, только пылью припорошены. Поглядел я на пацанов. Три покойника. Один я вроде как заговоренный. Счастливчик этакий. Но мы-то с тобой немаленькие, знаем, что счастье оно просто так с неба не падает. Или ты сам его добиваешься, или хорошие люди помогают. Сам я для себя вроде ничего не сделал. Значит мне кто-то помог. И это ты, Макс. Это ты колол мне эти лекарства. Вот только почему мне? Почему из четверых ты выбрал именно меня?

Тут у меня в голове все закружилось. Растерянность, стыд, страх, раскаяние, они завладели моим мозгом, моим телом. Они тянули каждый в свою сторону, и, казалось, от этого я готов был разорваться. Но Нестеров ждал ответа. И я должен был выбрать. Должен был дать ход одному из этих чувств и глубоко похоронить все остальные. И что же я сделал? Протестуя всем своим существом, я пошел на поводу у страха.

– Из тех, кого я вытащил, живым оказался лишь ты, – прошептал я, стыдясь своего голоса и самого себя.

Сейчас мной руководил только лишь подлый мелкий

страх. Страх, что наша дружба оборвется так и не начавшись, что Нестеров возненавидит меня и бросит подыхать здесь, как чумную собаку. Наверное в этот момент я был отвратителен и низок, как никогда в жизни, но я ничего не мог с собой поделать. Это был инстинкт самосохранения, была ложь во имя спасения моей жалкой жизни.

– Я так и подумал, – Анатолий не заметил дрожь в моем голосе, а если даже и заметил, то счел это атрибутом того плачевного состояния, в котором я находился. – Только что мне эти два жалких детских укольчика. Траванул я ведь будь здоров.

– У меня больше не было, – это признание далось намного легче, ведь тут я не врал.

– Я догадался, – милиционер кивнул. – Ты ведь не знал, что у каждой нашей разведгруппы имеется полевая медицинская сумка. Ее только следовало найти.

– Ты снова спустился в подвал? – я попытался предугадать действия майора. – Но ведь там же был газ!

– Ты, Макс, и здесь мне помог, – Анатолий похлопал меня по плечу то ли хваля, то ли благодаря. – Твой противогаз. Я его тоже нашел. Продул клапаны, надел и поплелся искать противоядие.

Тут майор умолк и не возобновлял рассказ несколько томительных минут. Все это время я лежал затаив дыхание, все казалось, что эта его пауза каким-то боком коснется мне. Как выяснилось в дальнейшем, я ошибся. Нестеров сам раз-

веял мои страхи:

– Не буду рассказывать, что я ощутил, оказавшись в подвале, – голос милиционера был пропитан болью. – Пацаны... Мои пацаны. Все те, кого я воспитывал и тренировал. И все мертвы. Знаешь, ведь когда я спускался туда в первый раз, когда меня вела эта девчонка, снайпер... ведь тогда некоторые из них еще были живы. Мы бросились помогать, да так и задохлись. Придурки! Олухи! Если бы головой подумали, то вполне могли хоть кого-то спасти. Вытянуть наверх, как ты вытянул меня.

– Откуда тебе было знать, что в подвале газ? Я сам чисто случайно понял, – я инстинктивно, словно испугавшись, постарался увести Анатолия от воспоминаний о Лизе.

– Газ... – как эхо повторил за мной милиционер. – Не мог это быть обычный пропан, что в дома подавался. Вся система подачи разрушена давно.

– Есть одно предположение...

Я начал и спохватился. Дался мне этот чертов подвал! От воспоминаний о нем меня сейчас начнет мутить. Там похоронены не только люди, там погребена часть моей совести, моего достоинства. Пусть же они покоятся с миром.

– Ну, чего замолчал? – потормошил меня майор.

– Долгая история и престранная. Сил на нее жалко. Их и так как кот наплакал, – соврал я, угасающим голосом. – Потом... как-нибудь потом.

– Ладно, отдыхай, – согласился Нестеров.

Несколько минут мы и впрямь лежали молча. Потом Анатолий заговорил, хотя я вроде как и не просил. Наверное Нестеров много повидал, пережил за эту ночь. Ему просто необходимо было выговориться, с кем-то поделиться.

– Медицинскую сумку я нашел, – голос майора звучал очень тихо, как будто тот находился под гипнозом и озвучивал свои видения. – Ты мне колол средства от ФОВ. Не помню уж что это такое, но этот препарат, а может похожий, там был. Вкатил я себе... не помню уж сколько. Но прилично так вкатил.

– А дальше? – я подстегнул Анатолия вопросом, так как мне показалось, что голос его начал слабеть и затихать.

– Дальше все просто. Все как в кино. Зажег зажигалку. Пламя указало куда сквозняк дует. Нашел дыру. Расширил ее чуток. Так и выбрался. – На этом месте милиционер горько и слегка нервно хохотнул. – Вот тут мое везение и закончилось. Видать с лекарством я того... Передоз получился. Слабость такая навалилась, что и передать не могу. Качает из стороны в сторону, голова кружится, ноги ватные. Понял я это и решил отсидеться в руинах, подождать, значит, когда полегчает. Забрался в какую-то полуразваленную квартиру, прилег и бац... мигом выключился.

– Опасно это.

– Ясное дело, опасно, – согласился милиционер. – Только что я мог поделаться? От моего желания уже ничего не зависело.

– А говоришь везение закончилось, – после паузы пролепетал я. – Ведь, как я вижу, проснулся. Живым проснулся.

– Проснулся, – кивнул Анатолий. – Едва открыл глаза, так сразу и понял, что из огня да в полымя. Вокруг плотная густая серость, сумерки, одним словом. Чтобы добраться до поселка, у меня час времени, в лучшем случае полтора. Чтобы выиграть время, попытался пройти через дом, в котором расслаблялся. Ага, черта с два, везде завалы и тупики. Единственный путь – выбраться на улицу Крылова и обходить руины.

– Этого лучше было не делать, – мне тут же вспомнилось усеянное трупами поле боя, которое мы оставили после себя.

– Согласен, – вздохнул майор. – Но разве ж я знал. Только выбрался, а там бойня... или лучше сказать разделочный цех. Кентавры живые и дохлые. Первые жрут вторых. Кровище, вонь, рев, падальщики прямо под ногами шныряют. Я так и обмер.

– Тут тебя и заметили.

Я лежал, впериw глаза в ржавую арку потолка. Казалось, что это небо. Вот такое оно стало за последние сутки: тяжелое, жесткое, неподвижное, давящее. Этому небу не было места в мире людей. А может людям в мире, где существует такое небо.

– Догадливый, – вздохнул Нестеров. – Я только одну очередь успел дать, а вокруг уже кольцо образовалось. Думал,

разорвут к чертовой матери. И так бы оно и было, но только вот кое-что произошло. Кентавров словно позвали, всех сразу.

Наш разговор продолжался уже около часа. Предостаточно времени, чтобы кроме чувства вины мозг смог породить что-нибудь еще. Какие-то осколки чувств и ощущений, среди которых я совершенно четко заметил любознательность, интерес ко всему происходящему. Тем более, что ей богу тут было чем заинтересоваться.

– Позвали? – я со стоном повернулся на бок, чтобы видеть своего собеседника.

– Мне так показалось, – кивнул Анатолий. – Звука я не слышал, но только они все как-то одновременно замерли, оглянулись в одном направлении, на север. А потом и помчались туда, даже об ужине своем позабыли.

– А ты?

– Я тоже помчался, правда не своими ногами. Две твари схватили меня и поволокли с собой. Оружие, естественно, вырвали и выкинули. Так что защищаться было нечем. Пришлось, как говорится, расслабиться и получать удовольствие. Хотя нет худа без добра. Меня почти не помяли. А вот ты, Макс... – Нестеров окинул меня критическим взглядом. – Ты им видать досадил здорово. Тебя они всласть покромсали.

– Было дело, – я не стал уточнять, что кентавров мочил не столько я, сколько Леший со своими людьми. – Странно, по-

чему сразу не пришибли, почему притащили именно сюда?

– Объяснение у меня пока только одно, – Нестеров скрипел, должно быть от отвращения. – Мы у них вроде как деликатес. Ты судака запеченного ел?

Когда я отрицательно покачал головой, милиционер кивнул и с чувством превосходства продолжил:

– А я ел. И поверь мне, дружище, супротив этого деликатеса никакие другие рыбные выпендрежи не тянут. Вот так и с нами. Видать жареная человечинка это самое вкусное, что кентаврам довелось отведать.

– Так почему они тянули? Почему не приготовили тебя сразу, вчера вечером? Или нас вместе сегодня утром?

– Ну, насчет вчерашнего вечера вроде все понятно. Я же говорил, звали их. Отсюда и спешка была. Сунули меня в этот пакет из бетонных колодезных колец, плитой привалили. Сиди, мол, дожидайся, когда вернемся.

– А утром?

– Насчет утра сказать ничего не могу. Может у кентавров и утром дела кое-какие имелись. – Тут Нестеров задумчиво протянул: – Скажу тебе, Максим, что не все так просто. Кентавры это просто расплодившиеся вечно голодные волки, это что-то другое. Это словно проклятье, насланное на нас не пойму уж за какие грехи. И у этой силы, у этой магии, как и положено, есть свои законы, границы что ли, в которых она действует.

– С девяти вечера до полудня человечину жрать запреще-

ется, – это была моя первая шутка за сегодняшний день.

– Смейся-смейся, – пробурчал майор. – Вот увидишь, что я прав.

В том, что Анатолий прав я, честно говоря, и не сомневался. Уж очень много разнообразных фактов накопилось, и по большей части непонятных, необъяснимых. Во-первых, эти странные устройства у кентавров в головах. Во-вторых, умопомрачительная скорость их эволюции. В-третьих, исчезновение, которому я, так сказать, поспособствовал. В-четвертых, туннели, из которых бестии появляются. Да еще теперь ко всему этому букету добавляется и какой-то таинственный зов. Цирк-зоопарк, тайн больше чем достаточно!

Подумав о том сколько еще не сделано, вспомнив о друзьях-товарищах, о Лизе, мне почему-то категорически перестало хотеться умирать. И совесть вроде как утихомирилась, перестала пинать меня тяжелыми коваными сапогами. Ведь вот же он, Нестеров, живой и здоровый, по крайней мере, по сравнению со мной. И как ни крути я все-таки кое-что для него сделал. Нет, это я вовсе не о фонаре, противогазе и аптечке. Это я о том, что вытянул его, вынес на своих собственных плечах. Сеанс аутотренинга не прошел даром. Я почувствовал в себе силы, чтобы начать борьбу. Только вот с чего именно ее начать?

Скрипнув зубами, я приподнялся и стал оглядываться по сторонам. Ангар оказался довольно большим, метров двадцать в длину. Этакая половинка цилиндра, которая опи-

ралась на прямоугольник ленточного фундамента. Хорошо, что ленточного и очень хорошо, что владельцы не потратились на заливку полов. Через бетон Толик вряд ли смог бы пробиться. Интересно, а чем он копал?

Я перевел взгляд на милиционера и тут же понял, что опоздал со своим вопросом. Нестеров спал, причем спал как убитый. Что ж, ничего удивительного, ведь для того, чтобы преодолеть два метра слежавшейся, нафаршированной строительным мусором земли, ему пришлось работать всю ночь. Не стоит его беспокоить, по крайней мере, пока в этом не возникло особой нужды. Я уж как-нибудь сам.

Мне предстояло сделать две вещи: осмотреться, а так же испробовать возможности своего тела. Несложно догадаться, что я начал с первого, более легкого и не такого болезненного занятия.

Свет внутрь ангара попадал через два небольших зарешеченных окошка, которые располагались у самого потолка на обоих торцах сооружения. Наш подкоп оказался ближе к тому из них, в котором располагались ворота. Довольно ладно скроенные ворота с защитой от срезания петель и механической блокировкой створок. Такие и впрямь тяжело вскрыть, даже высадить надо еще постараться.

От изучения самого сооружения я перешел к его так сказать начинке. Она оказалась довольно многочисленной и разнообразной. Даже странно, что сюда еще не добрались люди Крайчека. Многие из местных сокровищ их бы весь-

ма заинтересовали: бетономешалки, подъемники, сварочные аппараты, катушки с кабелем, трубы, тюки со стекловатой, арматура и многое другое. Короче, красть и вправду тут было что. Строительная контора была зажиточной и по всей видимости преуспевающей. Только такая фирма могла позволить себе собственную технику. Я увидел два погрузчика и маленький гусеничный экскаватор, один из тех, что помогают рабочим в мелких уличных работах. Правда это еще вопрос, кто кому помогает. Однако производительность гусеничной машины меня сейчас не особо волновала. Куда больший интерес вызвали погрузчики. Это же транспорт, не бог весть какой, но все же транспорт! Только бы удалось их завести...

Ход моих мыслей прервал звук. Странный звук. Снаружи словно кто-то подул в свисток. Причем совсем не в милицейский, который верещит противным дребезжащим фальцетом, а в тот простенький, деревянный, который мы все делали в детстве из куска свежей, только что срезанной ветки. Плавный протяжный свист с меняющейся высотой. Он казался одновременно и знакомым и нет. Именно такого звука я раньше не слышал, но вот мелодия... Да точно, мелодия, если конечно речь кентавров можно назвать мелодией. Даже стало удивительно, как быстро и легко удалось провести параллель между этим звуком и голосом, которым та тварь, что я убил, извещала своих сородичей о нашем с Лешим присутствии.

Содержимое склада сразу перестало меня интересовать, может, только в качестве оружия. Конечно, от лопаты толку мало, зато вот какая-нибудь бензопила вполне бы подошла. Правда, пока для меня и лопата тяжела. Наверно все же придется растолкать майора.

Однако, доносившийся снаружи звук казался вполне мирным и не предвещающим угрозы, по крайней мере немедленной. Я вспомнил, Нестеров говорил, что у кентавров тут временное стойбище. Если это так, то само собой разумеется, что его обитатели должны производить звуки, хотя бы время от времени. Они же, в конце концов, живые существа.

Тут же захотелось понаблюдать за кентаврами. Нет, я ни какой-то там чокнутый естествоиспытатель. У меня тут имелся чисто практический интерес. Выяснить численность противника и его дислокацию, отыскать возможные пути прорыва. Вот только как это сделать? Самое простое – выглянуть в окно. Однако подтащить к нему лестницу, а главное вскарабкаться на нее у меня просто не было сил. И еще одна немаловажная мелочь, звук, который меня так заинтриговал, шел от правой боковой стены ангара. А это значило, что того, кто его производил не увидишь из окна, хоть ты высунься туда по пояс. Вот незадача! Выходит, придется позабыть об этой затее.

Именно в этот момент мой взгляд и упал на стеллажи с инструментами. Ящики, коробки, пеналы. Знакомые все имена: «BOCH», «DeWALT», «...». На третьей полке снизу я

увидел электродрель. Сравнительно новая машинка. Беспроводная модель. В последний день перед концом света ее так и не потрудились запихнуть в пенал. Наверное, предполагали, что это чудо техники уже никому и никогда не понадобится.

– Не знали господа строители, что полковник Ветров надумает заглянуть сюда, – сказал я сам себе и медленно пополз в сторону стеллажа. Конечно, с моей стороны являлось верхом наглости предполагать, что в аккумуляторе дрели сохранился хоть вольт напряжения, но это все же был шанс. И я буду не я, если его упущу.

Рассказывать, как мне удалось встать на четвереньки, цепляясь за полки, распрямиться и дотянуться до заветного инструмента, нет ни малейшего желания. Скажу лишь, что на сей смертельный трюк я потратил четыре попытки и четверть часа времени. Однако, когда я наконец дотянулся, нажал на рычажок и увидел как зажатое в стальных губках сверло с легким жужжанием завращалось... Это был восторг. Это стоило всех усилий и всей перенесенной мной боли.

Отверстие в металлической стене я сверлил еще около полчаса. Дрель выдавала лишь половину своей мощности. Я осторожничал и старался работать только под прикрытием каких-либо шумов из стойбища. А кроме того силы... они предательски оставляли меня, не позволяя должным образом налечь на инструмент. Так что учитывая все вышесказанное... полчаса – это совсем неплохой результат.

Когда же, наконец, мокрый от пота и слез, я приник к восьмимиллиметровому отверстию, то не увидел ничего. Одно круглое мутное розовое пятно. Пришлось долго моргать и трясти головой прежде чем кровавая поволока рассеялась. Вот тогда-то я и стал свидетелем того, во что бы не поверил никогда и ни за что, если бы не видел своими собственными глазами.

Моему взору открылась часть небольшой асфальтовой площадки, судя по разметке бывшая автостоянка. На ней сейчас расположились около десятка кентавров. Вроде ничего необычного, если бы только ни одно «НО». Между многолапыми монстрами мирно и спокойно ходил человек.

Глава 11.

Когда-то очень давно я водил своего малолетнего сына в кино. Вся страна, да и наверное весь мир тогда болели историей под названием «Властелин колец». В общем-то сказка для среднего школьного возраста. Маги там всякие, чудища разного калибра и конструкции, мультяшные уродцы. Короче нормального взрослого человека, да еще который до этого целый день в танковых двигателях копался, уже в середине фильма сон сморит. Со мной, честно говоря, так и произошло. Перекемарил я всю эту муть и, похоже, именно от этого получил самое большое удовольствие.

Почему я сейчас все это вспомнил? Да потому, что мне

вдруг показалось, что я перенесся назад во времени, и тот киносеанс еще не закончился. Потрясенный болью в отсиженной заднице, я проснулся, открыл глаза и, глянув на экран, обнаружил все тех же персонажей: целую армию монстров, а также их покровителя и властелина – черного колдуна.

Человек, которого я видел сквозь дыру в стене, и впрямь походил на чародея из классического фэнтези. Черный балахон из грубой словно самотканой материи спускался до самых пят. Капюшон был накинут на голову так, что лицо тонуло в густой тени. Только лишь иногда можно было заметить острый подбородок и сложенные в трубочку губы. Да, это был он, тот, кто производил так заинтересовавший меня свист. Незнакомец ходил между кентаврами, разговаривал с ними, ласково гладил их по загривкам.

Наблюдая за ним, я почему-то вспомнил о радиации. Это же надо как меня странно и непредсказуемо закоротило. Я удивлялся не самому этому, казалось бы, невероятному событию, я думал о вреде, который повелитель кентавров нанесет своему драгоценному здоровью. От этого мой взгляд накрепко прикипел к его руке. Прикасается или нет? А, может, на руке перчатка? С тридцати шагов разделяющих нас ничего разглядеть не удалось. Когда я уже решил прекратить заниматься глупостями, фигура в балахоне подошла к одной из ящериц. Этот кентавр лежал на брюхе хвостом ко мне. Я четко видел вертикально поднятую переднюю часть его ту-

ловища. Она оказалась затемненной, на фоне светлых красок летнего дня почти черной. Когда худошавая рука незнакомца угодила в эту тень и поползла по чешуйчатой шкуре, произошло нечто. На пальце у колдуна вспыхнула яркая алая звездочка. Кольцо с большим красным кристаллом. И кристалл этот светился.

Я как замороженный следил за красной точкой. Она походила на отметку лазерного прицела. Неведомый стрелок словно искал цель, точку, в которую следует нанести удар. Он знал свое дело, огонек быстро полз к голове твари. Верхняя часть спины, короткая толстая шея, загривок... В тот миг, когда рука человека легла на затылок кентавра, там вспыхнул яркий двухцветный рисунок. Красные и синие пятна проступили сквозь шкуру и призывно замигали.

– Черт побери! – вырвалось у меня.

Я произнес эти слова совсем тихо. Ей богу тихо. По крайней мере не громче, чем когда мы разговаривали с Нестеровым. И все же незнакомец услышал. Он убрал руку с головы бестии и медленно повернулся в мою сторону. Он не шевелился, он просто стоял и смотрел. Мне показалось, что наши глаза встретились. Но разве такое возможно? Кто может разглядеть крохотную дырочку с расстояния не менее двадцати метров, а тем более увидеть сквозь нее скрывающегося за стеной человека? Он смог. Я понял это по презрительной улыбке, скользнувшей по тонким губам.

Продолжать эту зрительную дуэль не имело никакого

смысла. Сейчас властелин кентавров натравит на нас свою армию. Ангар некоторое время сможет сдерживать их напор, но потом... Потом лично я постараюсь подороже продать свою жизнь.

Я отпрянул от стены, стал ошалело оглядываться по сторонам. Оружие! Что может стать моим оружием?

– Максим, ты чего?

Голос Нестерова привлек мое внимание. Майор проснулся и, привстав на локтях, глядел на меня. Анатолий видел, что с его напарником творилось что-то неладное, да только он не мог взять в толк что именно.

– Нас засекли! – выдохнул я самым громким шепотом, на который был способен.

– Но как...? – майор мигом вскочил на ноги.

Уже более осмысленным, внимательным взглядом он прошелся по мне, по валяющейся рядом со мной электродрели. Понимание всей предистории отразилось на лице старого сыскаря.

– Что б тебя... – прошипел он. – Теперь все коту под хвост!

– Там был человек. Это он...

Я ткнул пальцем в сторону стены. Мне хотелось рассказать, объяснить, что все было сделано правильно, что в случившемся нет моей вины. Это будто черная магия, сверхъестественная сила противостоящая нам. Только вот Нестеров не стал слушать. Он уже жил своими мыслями, строил пла-

ны обороны.

– Ангар крепкий... – майор говорил сам с собой. – А вот потом... – его взгляд упал на лучик света, бьющий из просверленного мной глазка. – Подвинься! – Нестеров подбежал и бесцеремонно, не делая никаких скидок на мои увечья, отпихнул меня в сторону.

Милиционер прильнул к отверстию и долго смотрел. Я ждал с бешено колотящимся сердцем. Анатолий должен увидеть, должен поверить мне. То, что произошло, это чертовщина какая-то.

В конце концов, Нестеров закончил свои наблюдения и повернул ко мне лицо, довольно спокойное, расслабленное лицо:

– Вроде все тихо, – прошептал он. – Часть кентавров ушла. Остальные точат об асфальт какие-то железяки. – Майор нахмурил брови. – Ты чего панику порол?

– А человек?

– Какой еще человек? – Анатолий отрицательно покачал головой. – Нет там никакого человека.

– Как нет? Я же сам видел!

– Хочешь, посмотри, – Нестеров отодвинулся от глазка.

Конечно же я посмотрел. Тот же пейзаж, та же автостоянка и наверняка те же самые твари. Только фигуры человека в балахоне нигде не было видно. Да и кентавры вели себя спокойно и тихо, словно занятые очень важным делом.

– Они оружие делают, – озвучил наблюдаемую мной кар-

тину милиционер. – Ишь, додумались, сволочи! Будто подсказал кто. Увидеть они такого не могли. Мы вроде как до копий и топоров пока не опустили.

Замечание Анатолия что-то во мне всколыхнуло, поспособствовало появлению какой-то мысли. Однако схватки были, а роды так и не начались. Видать еще не пришло их время.

– Надо будет нашим рассказать, – мысль была здравая, но совершенно не та. – С их-то силищей... Копьями стрелков со стен вполне смогут сшибать.

– Доберемся, расскажем, – вздохнул Нестеров. – Только бы добраться.

– Погрузчики, – протянул я.

– Что погрузчики?

– Вон там стоят два погрузчика, – указал я в дальний конец склада.

– Ну и что? – майор скривился. – Полагаешь, их можно будет завести?

– Может быть. Электроники в них нет. Все это время под крышей стояли.

– Ты инженер, тебе виднее, – Анатолий уже с гораздо большим интересом покосился на две желтые машины.

– Который сейчас час, как по-твоему? – спросил я, глядя в том же направлении.

Милиционер пожал плечами:

– Примерно полдень.

– И мне так кажется, – согласился я. – Времени должно хватить.

– До сумерек? – догадался Анатолий.

– До сумерек, – подтвердил я. – На ночь кентавры прячутся. Ночь не их время. Правда, и не наше тоже, но слава богу существует смычка. Те самые час-полтора, о которых ты говорил.

– На своих двоих я бы вряд ли успел дотопать до лагеря, – честно признался Нестеров. – А вот на колесах, это вполне... Если в пути ничего не случится.

– Помоги мне дойти до машин, – попросил я.

– Дойти...? – Анатолий с сомнением окинул меня взглядом.

– Пару ребер, конечно, сломал, но ноги, насколько я могу судить, целы. Так что ходить, вроде, должен. – Я протянул Анатолию свою слабую дрожащую руку. – Ну же, давай!

Милиционер проигнорировал мое рукопожатие. Он зашел мне за спину и подцепил меня под руки.

– Готов?

– Смотри, старикан, не урони, – пробубнил я, собираясь в комок.

– Он еще что-то там вякает, немощь убогая. Молчи и терпи. – Нестеров потянул вверх.

Он старался поднимать меня очень аккуратно и это помогало. Боль конечно же вернулась, но несравнимо меньшая, чем при моих самостоятельных физических упражнениях.

Это хорошо. Теперь я смогу думать не только о ней, теперь я смогу сосредоточиться на работе.

Пока мы ковыляли, я делился с Анатолием своими мыслями или может это была такая форма размышления вслух:

– У нас тут две машины, гусеничный экскаватор не в счет. И так, погрузчики. Один обычный, вилочный, другой с ковшом. С ковшом мне нравится больше. Ковш это дополнительная защита и плюс место для пассажира. Ехать придется несколько километров, так что тебя может и стряхнуть.

– Почему меня? – поинтересовался милиционер из-под моей руки, которая сейчас была заброшена ему на шею.

– Ты когда-нибудь водил такую тарантайку? – осведомился я.

– Что я за рулем ни разу не сидел? – обиделся милиционер. – Разберемся.

– Нет уж, разбираться, тренироваться мы не будем, – отрезал я со всей категоричностью, на которую был способен. – Поведет более опытный водитель. И на этом точка, майор.

Уже давненько я не употреблял этого «майор». Слово вырвалось само собой. Видать где-то в глубине подсознания все же жила память о том кто есть кто. Я – полковник. Нестеров – всего лишь майор.

– Ладно, как знаешь, – милиционер хмыкнул, уловив мой намек на субординацию.

Оказавшись возле машин, я подумал, что ошибся в оценке финансового состояния хозяев дома. Строительная фир-

ма была не столь богата. Это ярко продемонстрировала техника. Вся она оказалась китайской. Ну что ж, у китайского транспорта, говорят, тоже есть колеса. И, кстати, имеется одно неоспоримое особенно в нынешних условиях преимущество – полное отсутствие электроники. Электроника сейчас, так сказать, рудимент, сладкое воспоминание о прошлом. Выгорела она вся после тех памятных электромагнитных бурь в самом начале войны.

– Да-а-а, – протянул Нестеров, заглянув в кабину ковшевого погрузчика. – Тут оказывается рычаги, как в танке. – Майор усадил меня на колесо машины и со вздохом признался: – Беру свои слова обратно. Управляй ты.

– Консенсус достигнут, – вспомнил я любимое словечко первого и последнего советского президента.

– Теперь-то что делать? – милиционер огляделся по сторонам. – Командуй, полковник.

Анатолий не спустил мне давешнего наезда и отыскивал возможность нанести ответный укол, на что я лишь только улыбнулся.

– У меня для тебя два задания. Первое. Найди лестницу, подставь под окна и осторожно, слышишь, очень осторожно выгляни наружу. Узнай как там. Нет ли чего подозрительного.

– Все ищешь того призрака, что тебе давеча померещился? – как бы между прочим осведомился майор.

– Второе, – я пропустил колкость мимо ушей. – Отыщи

мне инструменты: ключи, отвертки, плоскогубцы.

– Сделаем, – Нестеров с подозрением покосился на меня. – А оставлять-то тебя в одиночестве можно? Не грохнешься на пол?

– Тут есть за что уцепиться, – я похлопал ладонью по стреле погрузчика. – Да и машина-то мелочь пузатая, даже влезать никуда не требуется.

Анатолий вроде как согласился с моими доводами, кивнул и отправился на поиски.

Оставшись один, я постарался сосредоточиться. Это оказалось ей богу непросто. Голова гудела и при любых даже не очень резких движениях норвила устроить мне пляску с последующим отключением света и блевониной. Видать сотрясение, а то и ушиб мозга многолапые мне все же оформили. Великое им «спасибо». Вот очухаюсь, тогда и отблагодарю гадов по полной программе.

Однако не только мое плачевное физическое состояние не давало настроиться на работу. В мутном пришибленном сознании то и дело всплывал образ того человека в черном балахоне. Он не галлюцинация, в этом я был уверен, и все эти подколы Нестерова чушь собачья. Но если незнакомец не призрак, тогда кто? Дрессировщик? Укротитель кентавров?

Хотя голова моя и была занята таинственным повелителем кентавров, но руки, как бы живя отдельной жизнью, делали то, что отлично знали и умели. Вначале я отвинтил крышку бензобака. Заглянул внутрь и заметил легкий от-

блеск колеблющейся жидкости. В нос ударил знакомый запах. Соляра. Полный бак. Порядок! Начало мне понравилось. Теперь масло, вода, аккумулятор, воздушный фильтр. Я открыл крышку моторного отсека и занялся осмотром. Дизель, четыре цилиндра. Масло в норме. Вода...? В расширительном бачке сухо как в пустыне. Аккумулятор...?

Батарея мне сразу не понравилась. Хотя и герметичная гелевая, но вид у нее прямо скажем неважнецкий. Такое впечатление, что аккумулятор использовали в качестве накопительной, вся исцарапанная, во вмятинах, забрызганная то ли гипсом, то ли известкой. Убить этих строителей мало!

Следующим моим клиентом стал воздушный фильтр. Именно воздушные фильтры в нынешней экологии погибают первыми. Всею виной какой-то мерзкий зеленый грибок, который страсть как любит селиться в складках бумаги. Первый же взгляд на фильтр погрузчика подтвердил мои худшие опасения. Из дырочек в его корпусе кое-где показалась склизкая зеленая масса. Вот цирк-зоопарк! Стараясь не вымазать руки, я отвинтил негодную запчасть и швырнул ее на пол. Сегодня маленький китайский друг будет дышать полной грудью. Это явно не продлит его годы, но один день может и потерпеть.

Все остальное вроде как в норме. Погрузчик оказался нестарый, и заездить его как следует не успели. Что же касается имеющихся проблем... Подумаем. Время пока терпит. Получив представление о двигателе, я решил взглянуть на

водительское место. На месте ли ключ зажигания, или придется, словно в плохом детективе, колдовать с проводами?

Пока лез к кабине, мысли вновь соскользнули к виденному снаружи. У этого человека был перстень, который взаимодействовал с прибором, вживленным в голову кентавра. Очень интересный факт. Он говорит о том... А собственно говоря о чем? Что я видел одного из тех, кто наградил свирепых многоножек этим устройством? А может это очередной белорус, который раздобыл пульт управления монстрами все на той же платформе ханхов? Кстати, этот вариант прекрасно объясняет тот факт, что незнакомец не натравил на нас тварей. Он сейчас просто играет в эдакого мага. Пошил себе этот дурацкий балахон и наслаждается неожиданно свалившимся могуществом.

До кабины я добрался быстро, вернее, до входа в кабину, так как в этом микробе кабина это чуть ли не весь кузов. Вход располагался с передней части, прямо над ковшом. Маленькая дверка, одновременно служившая и входом и лобовым стеклом. Распахнув ее, я пробежал взглядом по немногочисленным приборам. Торчащий в замке ключ зажигания сразу бросился в глаза. На нем болтался металлический брелок, выполненный в виде пятилистника конопли, любимый дизайн наркоманов и дебилов. Так, одной проблемой меньше, – вздохнул я с облегчением. Таким образом, главными задачами остаются поиски воды и энергии для стартера.

Что касается воды, то у меня имелись некоторые мысли по

этому поводу. В поисках подходящего сосуда я огляделся по сторонам. Ведра на складе имелись, но стояли они довольно далеко. Нестеров, который уже спускался по стремянке после инспекции второго по счету окна, находился буквально рядом с ними. Я тут же замахал ему рукой. Звуки производить не рекомендовалось, а вот движения... двигайся сколько влезет. Майор заметил и вопросительно поглядел на меня. Я ткнул пальцем в сторону ведер и показал, что нужно взять лишь одно.

– Я правильно понял? – Анатолий поставил у моих ног вымазанное в зеленую краску оцинкованное ведро.

– Правильно, – я одобрительно кивнул. – Вода нужна. В радиатор залить.

Не дожидаясь вопроса «Где ее взять?», стал расстегивать брюки.

– Раньше надо было говорить, – Нестеров отвел глаза в сторону. – А то я уже облегчился.

– Кто мог знать, раньше-то, – я покачнулся и тут же схватился за стрелу погрузчика. – Держи! – вырвалось само собой.

– Что держать? – возмутился майор.

– Цирк-зоопарк! – зашипел я. – Не «что?», а «кого?». Меня держи, а то упаду.

Милиционер с честью справился с обязанностями вешалки, на которой я висел, пока шел процесс наполнения ведра. Хотя наполнение это громко сказано, скорее увлажнение.

– Сколько влезит в радиатор? – Анатолий с тоской поглядел на плоды моих стараний.

– Не знаю. По габаритам двигатель как у легковушки. Значит и система охлаждения должна быть аналогичной. А это литров восемь.

– Где остальное возьмем?

– Ты добавишь, – с иронией хмыкнул я.

Майор словно не услышал.

– Мы ничего не пьем, поэтому и выделять ничего не будем.

Я облизнул пересохшие губы:

– Глубокая мысль. Значит поедем с сухим радиатором. Если поедем, конечно. Сколько протянем, столько и протянем. Дальше пойдем пешком.

– Ага, ты что ли пойдешь? – Нестеров покачал головой. – Надо что-то придумать.

– Может поискать здесь на складе? – предложил я. – В конце концов, мы же не питьевую воду ищем.

– Нормальная идея. Я погляжу.

Майор хотел уже отправиться на поиски, но я остановил его.

– А что там снаружи? Что видел?

– Снаружи-то... – Нестеров немного замаялся. – Да вообще-то ничего особенно интересного. Одни твари появляются, другие уползают. Движняк одним словом. Правда, есть одна странность, одна мелочь...

– Какая?

– Те кентавры, что приходят, они почти все с собой что-нибудь тянут. Вещи наши человеческие, которые в городе нашли или добычу, зверье разное, что тут в окрестностях шастало.

– А дальше? Девают куда они это все?

– А шут его знает! Ни в одно из окон этого не видать.

– Действительно странно, – подтвердил я, хотя если честно сказать, эта информация показалась мне полностью бесполезной. Чудачества кентавров это отнюдь не моя специализация. Я механик и оружейник.

Вспомнив о ремонте погрузчика, я тут же изменил тему разговора:

– Толя, ты помнишь, что нужно найти?

– Инструменты и воду, – Нестеров ничего не забыл.

– Тогда иди.

Милиционер успел только лишь развернуться, но я остановил его:

– Толя, погоди.

– Чего еще?

– Аккумулятор. Наша следующая проблема аккумулятор.

– Что, сдох?

– Два года большой срок.

– А ручкой, кривой, я имею в виду, запустить никак нельзя?

– Серость! Ручкой уже лет так двадцать не маслают. Мо-

лодежь даже не знает что это такое.

Нестеров грустно вздохнул:

– Жаль. У меня на «копейке» такая штука имелась. Проще тогда все было, легче и понятней.

– Это ты о технике или о жизни?

– Обо всем, – в голосе милиционера проскользнули ностальгические нотки.

Хотя я валился с ног, однако на подсознательное желание майора посидеть вспомнить былое все же не повелся. Наверное, жопой чувствовал, что прежде чем этот чертов погрузчик сдвинется с места, мне придется с ним основательно повозиться.

– Толя, нам надо найти другой аккумулятор.

– Где ж его... – милиционер начал и осекся. Его взгляд остановился на экскаваторе, а затем медленно переполз на вилочный погрузчик. – Может, у них разживемся? Две машины и шансов в два раза больше.

– Шансы... – я криво усмехнулся, а затем указал на погрузчик. – У нас действительно имеются все шансы загробить наш единственный транспорт.

– Не понял, – удивился Нестеров.

– Это электромобиль. Потребляет киловатт десять, не меньше. Так что если в батарее осталось хотя бы половина заряда... всю проводку и стартер нахрен спалим.

– А если меньше, намного меньше, если как раз столько, сколько нам надо?

– Это придется проверить. Правда, пока не знаю как. – Я на секунду задумался. – И еще одно. Этот аккумулятор, он довольно объемный, мы его на нашу «ласточку» поставить не сможем. Завестись, если фарт будет, это да, ну а дальше...

– Не дай бог заглохнуть где-нибудь по пути, – закончил за меня майор.

– Вот именно, – подтвердил я. – Однако это проблема из будущего. О ней пока можно не думать. Сперва попробуем завестись.

Попробовать завестись. Это желание накрепко засело у меня в башке. Поэтому когда майор ушел, я как маньяк двинулся к дверям кабины. Мне действительно нетерпелось попробовать, прямо как ломка у наркомана или жажда у вампира. А вдруг произойдет чудо? Один поворот ключа, и двигатель пробудится. Вот тогда с ненавистной гнетущей и давящей неопределенностью будет покончено.

В кабину я забрался с невероятным трудом, но все же забрался. Отдышался пару минут, плюнул, дунул, неумело перекрестился, чего не сделаешь для лучшего воспламенения топлива, и дрожащими пальцами повернул ключ зажигания. За спиной послышался характерный стрекочущий звук. Музыка для любого автолюбителя. Правда, по первым же ее аккордам я все понял. Стартеру не хватает энергии. Крутанул пару раз и сдулся. Большого, мол, не просите, и так постарался.

Как говорится, что и требовалось доказать. Ожидание,

что все будет легко, оказалось утопией. Для того чтобы этот стальной зверь зарычал... На этой мысли я осекся и весь похолодел. Твою мать, это что ж я, тупень этакий, творю!? Ведь получишь у меня с мотором... Звук работающего двигателя разнесется далеко за пределы ангара. Кентавры его вмиг услышат. Страшно даже представить, что начнется тогда.

Выходит, завести мотор можно будет только в сумерки, непосредственно перед самым нашим стартом. Вот какой цирк-зоопарк получается. А что будет, если двигатель не запустится? На то, чтобы разобраться с неполадкой, времени не останется. Сумерки они ведь не резиновые. Через полтора часа наступит ночь, и призраки выйдут на охоту. Вспомнив о призраках, я вздрогнул. Спасения от этих чудовищ нет, от своих жертв они не оставляют ничего.

Нет, лучше отложить столь малоприятную перспективу на потом, отложить и представить несколько иное продолжение истории. Ладно, пусть мотор не запустился. Что дальше? А дальше наступит мрак. Ремонтировать погрузчик я все равно не смогу. Во-первых, темно, во-вторых, надо будет сидеть тихо как мыши, чтобы ненароком не привлечь внимание властителей ночи. Так что второй шанс нам представится лишь утром, если конечно доживем до этого самого утра. Ну, а если и утром прокол, тогда все... полная торба. Поселок снимется и уйдет. Догнать Крайчека у нас не будет ни малейшей возможности. Можно выцарапывать на ржавой стене ангара слова прощания, мастерить из проводов удавку и вешаться.

Я где-то слышал, что такая смерть не так уж и мучительна, словно засыпаешь.

Сам того не желая, я покосился на катушки с электрическими проводами. Вон их сколько, выбирай какой пожелаешь. Вам, товарищ, потоньше или потолще? Чтобы перерезало горло или удавило мягко и нежно? А так же подумайте насчет цвета. Синенький будет хорошо идти к фингалу под глазом, а черненький великолепно гармонирует с цветом вашего единственного ботинка.

Обилие электропроводки послужило развитию, трансформации моей мысли. Нет, конечно не той, что касалась самоубийства. Я подумал, что строительная фирма, пожалуй, занималась не только возведением стен и укладкой бетона. В ее штате наверняка состояли и электрики. Так что вполне вероятно, что здесь, среди инструментов находятся и их причиндалы. Мне нужен тестер или хотя бы пробник.

Кому же еще было по плечу отыскать все эти сокровища, как не старому опытному сыскарю? Нестеров, который только что принес мне набор ключей и отверток, выслушал новое задание с тупой покорностью.

– Что ж, надо так надо, – он потряс головой, разгоняя усталость. – Пойду. А то чем дальше, тем тяжелее. Силы уходят как вода в песок. – Нестеров подцепил ведро с нашими прямо сказать мизерными запасами охлаждающей жидкости. – Заодно погляжу чем бы его наполнить, – пояснил он.

Может для поднятия морального духа стоило как-то ему

ответить, сказать слова поддержки. Но у меня, честно говоря, на это уже не осталось сил. Я с тяжелым сердцем глядел в спину удаляющемуся милиционеру. Тот шел как пьяный, тяжелой походкой на заплетающихся ногах. Но все же шел!

Ума не приложу, чтобы я без него делал, – подумал я и, наверное, уже в тысячный раз обложил себя последними словами за то, что вчера даже не попытался спасти Анатолия. Но может это удастся сделать сегодня? Я вытяну его, ну а заодно так уж и быть самого себя.

Перевалившись через край моторного отсека, я копался в двигателе, проверял и подчищал контакты, подтягивал ремни, укреплял патрубки. Короче, как только возможно пытался ублажить нашего железного друга. Только бы он ожил, заурчал своим хиленьким китайским голоском.

Сколько я так копошился, сказать трудно. От работы меня отвлекло бряцанье металла. Так металлическая ручка бьет по ободу ведра. А может так оно и есть? Я с трудом повернул голову. Первое, что я увидел, был Анатолий. Он сидел на полу, изнеможенно привалившись к колесу электропогрузчика. Рядом с ним стояло ведро... полное до краев. Внутри бралась пеной какая-то мутная белесая жидкость.

– Что это? – я не поверил своим глазам.

– Проявил находчивость и смекалку, – майор пошутил без тени улыбки на лице.

– Полагаешь, это можно залить в систему охлаждения?

– Основа водная, гарантирую. – Милиционер сделал па-

узу. Чтобы объяснить, ему потребовалось подкопить чуток сил. – У них тут краска имелась. Водоэмульсионка. Негодная. Видать сто раз замерзала и оттаивала. Расслоилась уже. Вот ту гамулу, что сверху образовалась, я и слил. Добавил кое-что лично от себя, вот и получилось целое ведро.

– Толя, ты молодец, – только и смог выдать я из себя.

– Угу, – Нестеров поблагодарил усталым кивком. – Только ничего похожего на измерительные приоры я не нашел. Розетки, пакетники, щитки... этого добра полным-полно, а вот с приборами глухо.

Пока я переваривал эту, прямо скажем, дерьмовую новость, майор поинтересовался:

– А как у тебя дела?

– Сделал все, что мог.

– Выходит, осталось только залить эти помои и можно в путь?

– Почти верно.

– Почему почти?

– Сперва подготовим резервное электропитание. Нет у меня доверия к тому аккумулятору, что мы добыли в экскаваторе.

– Опять что-то придется искать? – милиционер болезненно наморщился.

– Два провода, чтобы соединить машины. Только толстые. И нож или кусачки, чтобы контакты зачистить.

– И все? Больше ничего не надо? Подумай хорошенько,

чтобы я два раза не мотался.

– Все. Последнее задание.

– Ну, это несложно, – кряхтя, майор поднялся на ноги. – Провода вон они. Кусачки видел, когда ключи тебе искал. Так что через пару минут вернусь.

– Перед тем, как уйти, дотяни меня до машины. – Я кивнул в сторону электропогрузчика. – Начну с ним разбираться.

Анатолий воткнул меня лицом в седушку водительского сиденья, а сам упал рядом на крышку аккумуляторного блока. Пока я стонал и боролся с болью в сломанных ребрах, он лежал неподвижно. На какой-то миг даже показалось, что пожилой милиционер умер. Сердце не выдержало напряжения, и мой компаньон, напарник, товарищ, друг расстался с жизнью. Вдруг стало так горько, одиноко и страшно, что я тут же забыл о себе.

– Толя? – я дотянулся до него и уцепился за грязный рукав милицейской рубашки.

– Сейчас... – простонал он в ответ. – Отдышусь хоть минутку.

– Да-да... Конечно... Отдохни, – я похлопал его по руке.

Наши физические возможности были на пределе. Чтобы просто пошевелиться, требовались невероятные усилия, мысли путались, а в глазах значительно потемнело. Предметы стали размытыми и тусклыми. Почему-то вдруг показалось, что все наши старания это напрасная, ничего не стоя-

щая возня двух муравьев, которые пытаются сдвинуть с места танк, ненароком наехавший на их муравейник. Но раз это так, раз до крошечных мозгов насекомых дошел этот факт, то не лучше ли все бросить, упасть и расслабиться. Ведь тогда точно придет покой, наступит сладкое забвение. А все, что случится... это случится уже потом, когда-нибудь потом.

Из навалившейся полудремы меня вырвало движение. Нестеров со стоном, похожем на рык, поднялся. Шатаясь, он поплелся вдоль стеллажа с инструментами. Вот человек! Несгибаемый! Мне вдруг стало стыдно за себя. Слюнтяй! Тряпка! Нестеров почти на десять лет старше, ему тяжелее, а он держится. Значит, держись и ты.

Я уцепился за спинку водительского сидения и стал потихоньку подниматься. Это был лишь первый шаг. Дальше рука уцепилась за стойку кенгурятника, защищавшего кабину. Хорошо. Теперь я могу подтянуться и встать.

Боль была резкая и сильная. Я не выдержал и застонал. С полминуты пришлось недвижимо стоять, крепко обняв гладкую черную стойку. Но я уже стоял, и это было главное. Собираясь с силами для следующего рывка, я поднял голову вверх и несколько раз глубоко вдохнул.

В полуметре над моей головой виднелась зарешеченная крыша погрузчика, накрепко соединенная с тем самым стальным профилем, в который я вцепился. Но кроме решетки я видел что-то еще. Понадобилось несколько секунд, чтобы зрительный образ воспринялся скорчившимся от бо-

ли разумом. Когда наконец это произошло, я понял, что вижу зеркало заднего вида и фару. Зеркало меня не очень-то заинтересовало. Увидеть свою опухшую, измазанную в запекшейся крови физиономию радости мало. Зато вот фара... Двенадцативольтовая лампочка... В этом что-то есть. Мне потребовалось полное напряжение моего измочаленного серого вещества, чтобы понять – это он, пробник, который я искал!

Самостоятельно отвинтить фару я конечно же не мог. Высоко. Значит, придется ждать Анатолия. Где же он, черт побери? Ведь хвастался, что вернется через минуту. Вот и верь после этого ментам.

Просто стоять и ждать казалось расточительной тратой времени и сил. Да и в конце концов я попросил майора при- тащить меня сюда совсем не ради лампочки. Меня интересовал аккумулятор. Улучив момент, когда боль взяла передышку, а в сознании, как в облаках, появился крохотный просвет, я переполз поближе к блоку аккумуляторов. Сконцентрировал внимание на поиске замков защитного кожуха. Ага, вот они. С блеском выполненная нехитрая работа вдохновила, придала уверенность. Я все еще кое-что стою, кое-что могу. Через минуту крышка аккумуляторного блока полетела на пол.

– Ты что, сдурел?! – голос Нестерова прозвучал возле самого моего уха. – Услышат ведь!

– Виноват. Так получилось. – Я не стал сознаваться, что

это совсем не досадный промах. По-другому у меня бы просто не вышло.

Нестеров укоризненно покачал головой, а затем протянул мне бухту проводов и кусачки.

– На вот, принес.

– Хорошо. А сейчас помоги... – я с трудом проглотил ставший поперек горла твердый и колючий, как кусок битого витринного стекла комок. – Помоги снять фару.

– Это еще зачем? – Я видел, как Анатолий покосился на привинченный к стойке фонарь.

– Делай, – прохрипел я. – Потом поймешь.

Сквозь серый туман, наполнявший глаза, я наблюдал как Анатолий копошится около стойки. Видать фару привинтили на совесть. Так что прежде, чем милиционер оповестил о своей победе, я пополнил свой лексикон несколькими крепкими выражениями явно уркаганского происхождения.

– Что делать с проводкой? Обрезать? – осведомился майор, демонстрируя мне фару, которая болталась на двух проводах.

– Попытайся вытянуть побольше. Только не оборви подсоединение к самой фаре.

Длина проводки, которую сумел высмыкнуть мой ассистент, оказалась сантиметров двадцать.

– Обрежай, – разрешил я. – Должно хватить.

– Теперь что? – Нестеров протянул мне фару.

Я оставил майору его добычу, предупредив, чтобы держал

крепко и не уронил, иначе придется снимать вторую. Сам же, вооружившись кусачками, стал зачищать концы двух обрезанных проводов. Работа прямо скажу не шла. Пальцы одеревенели и не слушались совершенно. То я не мог перерезать изоляцию, то полностью откусывал кусочки кабеля.

– Давай-ка лучше я, – Анатолий забрал у меня инструменты и всучил фару. – Только держи крепко, иначе вторую сам будешь снимать.

Шутит что ли? Точно шутит. Я попытался изобразить на лице улыбку. Майор оценил ее тяжелым вздохом:

– Э-хе-хе, тебе бы отлежаться. Да и вколоть что-нибудь этакое, противовоспалительное. Похоже, лихорадка начинается.

– Работай, – прошипел я.

Когда на свет появились скрученные медные жилы двух проводов, я кивнул:

– Готово. Теперь молись, будем пробовать. Если перегорит, следовательно напряжение слишком велико, а значит одной проблемой больше.

– А не загорится?

– Тогда дело плохо. Тогда мы крепко влипли.

– Попробуем?

– Давай, – согласился я. – Чего тянуть.

– Держи фару, а я приложу провода, – предложил милиционер. – У меня руки меньше трясутся.

Я бы не сказал, что это была правда. Руки у Нестерова то-

же ходили ходуном. И это, скорее всего, даже не от усталости, это от волнения. Когда же, наконец, Анатолию удалось прижать мягкие то и дело гнущиеся провода к обоим клеммам, мы с замиранием сердца заметили, что фара мигнула. Всего на секунду мигнула, а затем погасла.

– Перегорела! – воскликнул я с досадой.

– Нет. Рука соскользнула, – успокоил Нестеров. – Сейчас приловчусь.

Анатолий справился, и всего через мгновение у меня в ладонях ровно и спокойно пылал яркий белый огонь. От него как-то сразу стало тепло и уютно, появилась надежда.

Надежда – хрупкая и ненадежная материя. Она вздрогнула и улетучилась, вспугнутая гулким ударом по металлу. Мы тут же обернулись на звук. Ворота. Гром пророкотал именно там. А чтобы мы в этом не посмели усомниться, снаружи пришло еще одно послание – серия новых разъяренных ударов.

– Черт, как же они...? – начал было я и осекся, угодив взглядом в окно над воротам.

Низкие серые облака были уже совсем не серыми. Они приобрели багровый, а кое-где и грязно-фиолетовый оттенок – краски угасающего дня. Цирк-зоопарк, вот оно как вышло! Получается, не в глазах у меня потемнело, а на улице. Мы прошляпили наступление сумерек и не учли, что свет в это время заметить проще простого.

Глава 12.

– Не повезло, – глядя на корчащиеся под ударами ворота, протянул Нестеров.

На этот раз было в его голосе что-то устало-равнодушное. Вот эти-то обреченные нотки и заставили меня взбеситься. И откуда только силы взялись? Цирк-зоопарк думаю, столько вытерпели, столько сделали, а теперь получается, что все зря, что все это был лишь способ приятного времяпровождения перед неминуемым концом, что-то типа покера в камере смертников. Ну уж нет! Я сдамся только когда почувствую зубы кентавров, вонзившиеся в мое тело. А впрочем нет, и тогда попробую изловчиться и застрять у твари в горле. Пусть подавится, пусть сдохнет так и не переживав полковника Ветрова.

– Заливай! – вскричал я.

– Что? – Нестеров вздрогнул и уставился на меня, как будто видел в первый раз в жизни.

– Заливай воду в аккумулятор, – повторил я как можно четче, чтобы до него дошло. – Быстрее!

– Знаешь, сколько их там, снаружи? – милиционер ткнул пальцем в сторону ворот. – В жизни не прорваться!

Как будто желая подтвердить его слова, с улицы раздался длинный многоголосый рев, а вслед за ним по воротам что-то проскребло. Было совершенно ясно, что по металлу прошелся другой металл.

– Сумерки! – напомнил я. – Скоро наступят сумерки. Мы... вернее ангар может и продержаться.

Похоже эта мысль реанимировала майора. Он вернулся в мир живых, в мир бойцов, готовых сражаться до последнего.

Пока Анатолий наполнял охлаждающую систему, я остервенело сдирал изоляцию с проводов, подключал их к клеммам аккумулятора. Пару раз меня довольно ощутило долбануло током. Я даже порадовался этому. Живой, сукин сын. Кусается. Может и движок крутанет.

– Порядок. Залил. Хватило. – Дребезжание отброшенного в сторону ведра подтвердило слова майора.

– Хорошо! Осталось подключиться к погрузчику.

Мои слова заглушил грохот удара и звон разлетающегося в дребезги стекла. Подняв голову, я с ужасом увидел как в окошко под потолком просунулись две тонкие хватательные лапы, а вслед за ними и круглая, окалившаяся зубастой пастью морда кентавра. Два переливающихся мутным желтым светом фасеточных глаза тут же уставились на нас.

Чудовище пронзительно завизжало. Наверняка это был первый в истории случай, когда человек понял речь кентавра, и этим человеком был я. «Они здесь!» – крик твари словно раскаленным железом прошелся по моему сознанию. Все! Кентавры знали, что мы внутри. Они отыскивали лазейку в нашей обороне. Оцепенев от страха, я наблюдал как зверь протискивается в оконный проем. Вот уже вся передняя часть его туловища извивается под ржавой аркой покатога потоло-

ка. Когда он просунет свои мощные кривые лапы... Однако, у твари этот номер все никак не получался. Мощная стальная рама оказалась слишком узка. Застряв в ней, будто в петле мастерски накинутого лассо, кентавр неуклюже барахтался и ревел во всю глотку.

– Ах ты, сучий потрох! – Нестеров с криком кинулся на врага.

– Толя, нет!

Я испугался за майора. Мне показалось, что он спятил и теперь кинулся навстречу неминуемой смерти. Но остановить... Эх, если бы я мог его остановить!

На полпути к своему врагу Нестеров наклонился и что-то поднял с пола. В полумраке склада я плохо видел что именно. Похоже длинная палка или труба, или что-то еще более тонкое. Милиционер поднял свое оружие, выставил впереди себя и с диким криком, словно средневековый копейщик, ударил в чешуйчатое брюхо. Удар получился отменный. Сила человека, помноженная на скорость разгона, позволила пробить тело твари насквозь. Я видел, как окровавленный металлический стержень блеснул у кентавра за спиной.

– Вот так тебе, гнида! – прогорланил майор, показывая подыхающей твари средний палец. – Будешь знать Нестерова.

Окажись ситуация хоть чуточку попроще, я наверное еще долго бы сидел с выпученными от удивления глазами. Ну, прямо как в кино! Один-единственный удар и зло поверже-

но. Правда, далеко не все зло, а лишь его крошечная, сотая или даже тысячная часть. Остальная злоба и ненависть она вон там... бушует, беснуется всего за какими-то тремя миллиметрами ржавого металла.

– Толя, помогай! – завопил я, вспоминая о реальности. Завопил и, крепко зажав в руке два оголенных провода, пополз к желтой машине с черным, словно обмазанным засохшей кровью кентавров, ковшом. Так оно и будет. Я свято поклялся себе в этом.

Нестеров подхватил меня уже у самых колес погрузчика. Помог стать на ноги.

– Синий к плюсу, черный к минусу, – прохрипел я. – Живее!

Движение под потолком мигом привлекло наше внимание. Убитый кентавр стал раскачиваться и дергаться. Его явно пытались вытащить назад, однако торчавший в туше кусок арматуры работал как надежный стопор. В результате чего труп твари застрял в окне, надежно закупорив его.

Любуясь этой картиной, Анатолий ослабил:

– Сегодня у меня не самый плохой день. Много получается. Надеюсь получится и сейчас.

Не долго думая, он подпихнул провода под клеммы, прикрепленные к старому негодному аккумулятору.

– Так пойдет?

– Нормально.

– Что теперь?

– Теперь в кабину.

– Вдвоем не поместимся, – милиционер произнес это, когда уже тащил меня вдоль борта.

– Это раньше не поместились бы, а сейчас поместимся.

Глядя на ходящие ходуном ворота, слыша доносящиеся из-за них истошные вопли, мне и впрямь захотелось поскорее оказаться внутри забранной в решетку кабины. Пусть это укрытие и не столь надежно как стены ангара, но если разъяренная орда ворвется внутрь, это будет лучше, чем ничего.

– Ты первый, – когда мы добрались до двери, я указал взглядом на кресло оператора.

– А если придется поправлять клеммы или еще что?

Быть может я и задумался бы над этим вопросом, но именно в этот момент послышался лязг металла и внутрь ангара проник новый луч света. Оглянувшись, я увидел, что верхняя петля на одной из створок оборвалась. Ворота не вывалились только лишь благодаря приваренной изнутри защиты. Они конечно еще немного продержатся, но... Нижнюю петлю постигла участь верхней. Теперь створка колыхалась как лист на осеннем ветру. Вокруг нее образовались широкие щели, в которые тут же просунулись обрезки труб и куски толстых стальных профилей.

– В машину! – завопил я и, собрав последние силы, толкнул Анатолия внутрь.

Майор упал на кресло, а я, не долго думая, плюхнулся ему на руки. Кабина оказалась столь мала, что два взрослых

человека ощущали себя в ней сардинами плотно набитыми в консервную банку. По крайней мере, я почувствовал себя именно так, особенно как только захлопнул дверь. Я еще ведь надо умудриться ворочать рычагами и жать на педали.

Около минуты я пытался приноровиться. В конце концов мне это удалось. Не очень удобно, но что поделаешь, выбирать не приходится. Вдруг я почувствовал, что Нестеров протягивает вокруг нас ремень безопасности.

– Ты что, сдурел, я и так едва дышу! – протестующе завопил я.

– Потерпишь, – милиционер с упрямством продолжал свое занятие.

– Убери!

Фиксатор щелкнул в тот самый момент, когда изувеченная створка ворот наконец не выдержала и с лязгом вывалилась наружу. Вот тут мне стало уже не до ремня. Затаив дыхание, я следил как только что упавший лист железа отползает в сторону, открывая вход в ангар. С этого момента нашей защитой стала лишь покрытое тонкой стальной решеткой стекло кабины, которое кентавр выломает если не с первого, то уж точно со второго удара. И самое обидное – полная, абсолютная беспомощность. Все, что можно предпринять, так это строить страшные рожи в окошко.

Прозрение пришло в тот самый миг, когда мой взгляд упал на черный зубастый ковш. Чем не оружие? Если двигатель запустится, то погрузчик, пожалуй, сможет отправить

на тот свет кое-кого из банды мерзких многоногих каннибалов. А вот, кстати, и они. Легки на помине. Я с ненавистью поглядел на авангард штурмовой группы – двух тварей вооруженных метровыми обрезками стальных труб. Они медленно и осторожно просунули головы внутрь ангара.

Рука сама собой ухватила за ключ зажигания.

– Ни пуха! – крикнул Нестеров.

– К черту, – и я повернул ключ.

Сухое вибрирующее сипение стартера прозвучало для меня как чарующая музыка. Есть! Получилось! Теперь бы добавить пару более мощных свирепо рокочущих аккордов.

Прежде, чем выключить зажигание, я ждал целых пять секунд. Ничего. Мотор так и не завелся.

На наше счастье твари у входа не заметили или не обратили внимание на звук стартера. Наверное, это потому, что все заглушало грохотание металлической створки ворот, которую оттягивали прочь. Секундная глухота кентавров вселила новую надежду. У меня появилось время, чтобы попробовать еще раз. Итак...

– Заводись, зараза!

Погрузчик словно испугался моего вопля. Он вздрогнул. На смену стрекотанию стартера пришел громкий рокот мотора. Густой выхлоп добавил в палитру сумерек новые черные мазки.

– Да! – Нестеров радостно завопил, вцепился мне в плечи и стал трясти, словно призывая очнуться и радоваться вместе

с ним.

Я радовался. Ох как радовался. Сцепив зубы и до боли сжимая рычаги. Кто-то там на небесах видать сжалился надо мной. Как древнему викингу перед смертью вкладывали в руку меч, так и мне, полковнику бронетанковых войск, дают возможность умереть за рычагами машины, пусть и не боевой. Хотя, почему не боевой?! В руках Максима Ветрова любая машина будет нести смерть его врагам.

Я заставил себя выждать несколько напряженных бесконечно долгих секунд. Когда двигатель разработался и прогрелся, я снял машину с тормоза, поднял ковш и рванул погрузчик по направлению к двери.

Я видел, как среагировали кентавры. Сперва они застыли, а затем инстинктивно попятились.

– Ага, сдрейфили сволочи! Сейчас я вам устрою цирк-зоопарк! Сейчас вы у меня попляшете!

Я тут же врубил фары. Два ослепительно белых луча ударили из полумрака ангара. От их света у меня самого перед глазами заплясали радужные зайчики, а что уж там говорить о кентаврах. Твари, похоже, и так плохо понимали, что за страшилище пробудилось вдруг у них под боком, а теперь оно еще и ухитрилось отобрать у них зрение.

– Страшно! – продолжал вопить я, – Сейчас вам будет понастоящему страшно!

Именно под этот мой вой три тонны металла въехали в первого из кентавров, того, кто осмелился дальше всех углу-

биться на нашу территорию. Передняя кромка ковша, оцетинившаяся острыми стальными зубами, ударила ему прямо в грудь. За ревом моторов я не услышал хруста переломившегося хребта, но что так оно и вышло понял сразу. Верхняя часть тела твари оказалась в ковше, а нижнюю с бессильно повисшими лапами я поволок по земле впереди своей маленькой, но как оказалось свирепой машины.

Вторую тварь я при кончил метра через три. Кентавр пытался удрать, но погрузчик оказался быстрее. Он налетел на зверя сзади, подминая под себя сперва хвост, затем задние лапы и туловище. Три тонны веса это не шутка. Три тонны не выдержит никакая спина. Когда снизу что-то лопнуло и машина стала оседать, я понял что оказался прав. Вторая зверюга отправилась в ад.

Эта победа едва не стала для нас поражением. Колесный мини-погрузчик он же не танк. Машина предназначена для ровных поверхностей. А тут нас угораздило оказаться на куче мягкого подвижного мяса. Не мудрено, что погрузчик стал заваливаться на бок.

– Падаем! – завопил Нестеров.

– Сам знаю, – прорычал я, переключаясь на задний ход.

Успел. Погрузчик нащупал колесами пол до того, как угол стал критическим. Этот инцидент слегка отрезвил меня. Заставил ярость и чрезмерный боевой пыл потесниться, уступить место разуму. Что дальше? Как следует действовать теперь?

Наружу высовываться нельзя. Там кентавры увидят, с кем имеют дело, осмелеют и накинутся со всех сторон. Я буду один против десятков если не сотен. Тогда остается лишь один вариант – не высовываться и защищать ворота. Столько, сколько смогу. Уже настоящие сумерки. И, черт побери, зверей должны, просто обязаны позвать!

Погрузчик остановился всего в паре метров от ворот. Два метра это много. Это слишком большая щель. Если твари ринутся всей гурьбой, я не смогу ее закрыть. Да и прибраться тут надо, расчистить, так сказать, поле боя. Я опустил ковш и словно мусор стал выгребать из ангара тела поверженных врагов. Затормозил лишь когда передние колеса наехали на бетонный порог. Хотя высовываться было опасно, но я сознательно пошел на этот риск. Хотелось осмотреться, оценить степень угрозы. И я ее оценил... так оценил, что чуть не помер от разрыва сердца.

Кентавров было больше сотни. Они отступили всего метров на десять. Полукруг диаметром десять метров, а за ним кишашее море: головы, лапы, хвосты, колья, дубины, копья. Все это вот-вот было готово ринуться в атаку. Что я мог противопоставить им? Разве что свой грозный вид. Руководствуясь принципом «Понты дороже денег», я поднял ковш повыше. Метра четыре. Вот какой я теперь огромный, бойтесь меня! Ага, пробирает? А как вам вот это? Я включил установленный на крыше проблесковый маячок. Когда огромный оранжевый глаз стал бешено зыркать по сторонам,

осаждавшая нас армия тут же шарахнулась назад.

Наблюдавший за всей этой сценой, Нестеров нервно захохотал:

– Интересно, сколько еще можно протянуть на этих твоих трюках?

– Да трюки то уже и закончились, – признался я. – Разве что еще могу порычать.

– Не надо, – остановил меня милиционер. – Они этот звук знают.

– Что ж, тогда спрячемся в норку и будем свирепо ремыгать оттуда глазами.

Я тут же сдал назад в спасительную темноту ангара.

– Толя, а ведь уже темнеет. Где сигнал? Почему их не зовут?

– Черт его знает, – прошипел милиционер. – Сам уже психую. Ведь если они не уйдут, тогда...

Движение около входа в ангар заставило Нестерова замолчать. Там будто зарождался настоящий ураган, который начал сдувать, уносить прочь проклятых шестиногов. Сперва исчезли те, что находились сзади. Они не участвовали в штурме ворот, их не пугало рычание невиданного огнедышащего чудовища, а посему какой-то там личной злобы или ненависти эти твари не испытывали. Легко пришли, а когда потребовалось, то и легко ушли. Совсем другое дело кентавры, находившиеся в первой линии. Похоже, я прикончил кого-то из их приятелей или может даже родственников. По-

этому, даже не смотря на зов, они оставались на месте, а кое-кто даже решил сунуться внутрь ангара.

Естественно, я не мог этого позволить. Чудовище должно наводить ужас и убивать, иначе оно никакое не чудовище, а так... огородное пугало. На максимальной скорости я ринулся вперед. Фары и маячок не включал специально, чтобы не спугнуть дичь. Расчет оказался верным. Застывший в дверном проеме шестилапый силуэт я ударил ковшом в бок и отбросил шагов на пять. Тварь оказалась живучей. Она не подохла, а волоча две перебитые лапы стала отступать к своим сородичам. У меня чесались руки высунуться и добить ее, но делать этого я, конечно же, не стал. Хватит и этой демонстрации. Каждый, кто сунется ко мне, будет жестоко наказан. Для лучшего всасывания этой истины я свирепо сверкнул фарами и отполз назад в кромешную тьму своей норы.

Поданный мной урок не прошел даром. Решимости и желания поквитаться у наших врагов поубавилось. Причем поубавилось настолько, что до их мозгов наконец дошел зов, сигнал об эвакуации, поданный... Кем? Я когда-нибудь обязательно это узнаю.

Наблюдая за бегством кентавров, Нестеров облегченно вздохнул:

- Фух, слава богу. Кажись, от зверья мы избавились.
- Зверье, но раненного своего забрали, – протянул я задумчиво.
- А может они его потом сожрут, как тех, возле магазина?

– Все может быть, – я вяло пожал плечами. – Кстати, Толя, спасибо за ремень. Без него бы расшибся о стекло.

– Всегда пожалуйста.

Я не видел лица милиционера, но почувствовал, что тот улыбнулся.

– А ты тяжелый, Максим. Ноги мне все отсидел. Уж и не чувствую их совсем.

– Хочешь пересесть в ковш? – пришло мое время улыбнуться.

– Нет уж. Лучше здесь потерплю.

– Я почему-то так и думал, что ты откажешься.

Мы занимали себя всякой несущественной болтовней выжидая тот момент, когда можно будет тронуться в путь. Хотя, по правде говоря, как его определить? Не поезд все-таки. Расписания, где бы можно было глянуть время отправления, просто не существовало.

– Пора что ли? – это было скорее утверждение, чем вопрос.

– Давай, – согласился майор.

– Ну, бог не выдаст, свинья не съест. Поехали!

Когда погрузчик выкатился под открытое небо, я слегка притормозил. Мы с Анатолием тут же стали оглядываться по сторонам. Вроде тихо. Движения никакого. Вернее, почти никакого. Кое-где в густой серо-коричневой дымке угадывалось мелкое и быстрое шевеление. Но это не страшно. Это какие-то мелкие твари пробрались на стойбище и подьедают

те объедки, что оставили после себя хозяева. А судя по вони, которая все больше пробивалась в кабину, этих самых объедков здесь было немало. Этот тлетворный запах разложения я уловил еще валяясь внутри бетонного кольца. Только тогда у меня не доставало сил, чтобы осознать что это такое.

– Какая вонь! – пробурчал Нестеров.

– Да уж, – согласился я. – Куда ехать? Ты говорил, что знаешь местность.

– Мы на окраине Мамонаво.

– Это где?

– Полкилометра южнее Можайского шоссе. Выскочим на него на уровне Лохино, это чуток поближе, чем Кутузовский микрорайон.

– Далеко нас уволокли, гады. Километров пять будет.

– Где-то так.

– А спрямить никак нельзя?

– Тут прямо перед нами железка проходит. Через насыпь и рельсы это чудо техники не переползет. Поблизости только два переезда. Тот, о котором я тебе толковал, и второй, возле платформы Баковка. До Баковки придется петлять по улицам. А сейчас на них, сам знаешь, черти что может твориться.

– Понятно, – я принял решение. – Рисковать не будем. Показывай путь на Можайское.

Чтобы выскочить на необходимую нам дорогу, пришлось огибать склад. Прощай старый ангар! Сегодня ты нам здо-

рово помог, ты был домом и крепостью, другом и защитником, ты дал все то, что помогло нам выжить. Испытывая к ржавому сооружению чуть ли не сентиментальные чувства, я провожал его взглядом.

– А это еще что такое?! – возглас Нестерова заставил меня уставиться в лобовое стекло.

На фоне багровых предзакатных облаков вырисовывался высокий остроконечный пик. Он словно скала возвышался над нами, давя своей массой, заставляя почувствовать себя мелким и ничтожным.

– Вот цирк-зоопарк! – я резко остановил погрузчик.

– Откуда здесь эта хрень взялась? – пролепетал Нестеров. – И что это такое?

В неясном свете сумерек было сложно разобрать тот материал, из которого была сложена пирамида. А то, что это была именно пирамида, не оставалось никаких сомнений. Я совершенно ясно мог разглядеть грани. Судя по всему их было четыре. Прямо Египет какой-то или... или... Черт побери, или пирамиды ханхов!

Я тут же врубил свет. Ожиданию увидеть играющий на бронзовых боках отсвет так и не суждено было сбыться. Вместо этого я обнаружил плотно слежавшуюся массу из домашней утвари, предметов обихода и бытовой техники. Вкраплениями в ней кое-где являлись полуистлевшие трупы скорпов, циклопов и других крупных животных. А в одном месте взгляд натолкнулся на обглоданный череп человека. Все это

выглядело как огромный монумент, олицетворяющий все то, чем стала теперь Земля: разруха, запустение, смерть и ужас.

– Вот это да... – подавленно прошептал милиционер. – Теперь понятно куда они таскали все эти предметы. Только вопрос нахрена им эта куча?

– Это не куча, – я отрицательно покачал головой.

– А что же тогда?

– Это подношения, дары. А все это место – святилище, храм.

– Храм?! – Нестеров не удержался от восклицания.

– Да, храм. Похоже, у кентавров существует что-то типа религии. А раз есть религия, то есть и боги, которых надо задабривать и ублажать.

Я почему-то тут же вспомнил того человека в черном плаще, которого видел сегодня днем. Если это, конечно, был человек.

Мое открытие словно изменило все это место. Оно приобрело какой-то таинственный, даже мистический облик, чему немало способствовали багровые оттенки заката и диковинные длинные тени, ползущие по земле. А, впрочем, для того, чтобы у обычного человека начали мелко и противно подрагивать колени, хватит и одного вида этой громадины.

– Похоже, пирами давно закончена, – негромко произнес, почти прошептал Нестеров.

– Значит они строят еще одну. Где-то поблизости.

Пребывание в святилище кентавров начало меня серьезно

нервировать, а может даже и пугать. Никто не знал, что таит в себе это таинственное и жуткое место, какая опасность поджидает его непрошенных гостей.

– Давай-ка двигать отсюда подобру-поздорову, – милиционер будто прочел мои мысли.

Без малейшего протеста я стронул машину и покатил дальше. Мы оба напряженно молчали. Каждый ждал встречи с чем-то еще, более непонятным, а может и более ужасным. И она не замедлила состояться.

Свет фар выхватил из полумрака основание нового ритуального сооружения. Только на этот раз перед нами возвышалась не пирамида. Кентавры построили огромную образующую круг стену, этакую копию того бетонного кольца, в котором мы с Анатолием были заключены. Сооружение встало у нас на пути, словно не желая пропускать.

– Объезжай, – произнес милиционер. – Дорога должна быть где-то за ним.

Я послушно повел погрузчик в объезд. Описав сорокаметровую дугу, машина уже была готова вырваться на свободу, оставить за спиной все это жуткое место, когда Нестеров неожиданно вскрикнул:

– Там проход.

Я и сам заметил широкую черную щель, которая прорезала высокую стену из мусора и тел дохлых тварей.

– Ну и что? – я абсолютно не чувствовал себя участником этнографической экспедиции, изучавшей культуру многола-

пой расы.

– Заглянем? – предложил майор.

– Некогда.

– Тебе всего-то требуется повернуть и направить туда луч.

Чтобы победить мы должны больше узнать о своих врагах.

Ну точь в точь слова Нины. Они с Толиком словно сговорились. Я тяжело вздохнул и с большой неохотой налег на рычаги управления. Погрузчик крутанулся на месте, направляя два своих пылающих глаза вглубь черного каньона.

От увиденного волосы зашевелились на голове. Внутри стояли люди. Вернее полуразложившиеся мертвецы. Их глубоко насадили на витые в землю колы, от чего туловища сохраняли вертикальное положение. Вот только головы... Головы у всех понуро глядели вниз. Казалось, люди преклонялись перед чем-то, что находилось в центре этого жуткого Колизея смерти.

– Господи всемогущий... – подавленно прошептал я.

– Да-а-а... – в тон мне протянул майор.

– Ты был не прав, – вид мертвецов вызвал в моем мозгу просветление.

– В чем?

– Они не едят людей. Вернее, едят, но мы для них не деликатес. Мы ритуальная жертва. И этот зал... он храм Марса, храм войны, в котором стоят статуи врагов, самых главных врагов кентавров.

– Может ты и прав. – В голосе милиционера больше не

звучали растерянные, пришибленные нотки. Стало понятно, что он внимательно наблюдает. – Там, внутри, имеется несколько свободных кольев, и я даже знаю, для кого они предназначались.

От слов Анатолия у меня внутри все похолодело, но я попытался взять себя в руки:

– Не будем о грустном. Лучше погляди вон туда. Мертвец, крайний в третьей линии.

Нестеров пригляделся и воскликнул:

– Автомат! Они повесили ему на шею Калаш!

– Это точно храм войны. Враги кентавров должны выглядеть соответственно, как в жизни, грозные и опасные.

– Выпусти, я принесу оружие, – милиционер толкнул меня в спину.

– Опасно, – я не сдвинулся с места. – Что там внутри? Куда уставились все эти мертвецы?

– Вот на месте и выясню, – майор был непоколебим. – Нам позарез нужно оружие. Кентавры, конечно, ушли, но что будет, если по пути нами решит полакомиться какое-нибудь другое зверье? – Нестеров уже практически выпихивал меня из кабины. – Давай, Максим, шевелись. Темнеет быстро.

В словах милиционера имелся резон, и я сдался. Открыл дверь кабины, со стоном дотянулся до стойки и при помощи Анатолия поднялся. Милиционер убедился, что я не упаду, и только после этого выскользнул наружу.

– Толя, осторожно. Ковш весь в крови, – предупредил я.

– Вижу.

Нестеров перешагнул через правый край ковша и похромал вглубь самого ужасного места на земле. Все-таки ноги я ему отсидел, – как-то совсем не в тему голову посетила идиотская мысль.

Словно заклинание повторяя «Толя, быстрее», я наблюдал как майор пробирается меж мертвых тел. Даже невозможно себе представить каково ему сейчас. Косые взгляды пустых глазниц. Шорканье мелких падальщиков, тихое и осторожное как шепот мертвецов. Удушающий смрад, который кажется их тяжелым дыханием. Даже стало чудиться будто я вижу, как вслед за Анатолием тянутся костлявые руки, с которых спадает полуистлевшая плоть. Самое странное, что здесь и сейчас они не являлись чем-то опасным и смертоносным. Это была не угроза, это была мольба о помощи, просьба спасти, забрать их отсюда. Мне сделалось жутко и больно. Желая перевести дух, отделаться от этого навождения, я закрыл глаза.

Чтобы прийти в себя, потребовалось всего несколько секунд, несколько глубоких вдохов. Я приказал себе собраться, досчитал до трех и поднял веки. Нестерова нигде не было видно. Исчез и автомат, висевший на шее у того погибшего. Не скрою, в первое мгновение я испугался. Однако затем решил, что рано паникую, с майором должно быть все нормально. Он просто полез вглубь тени, туда, куда не проникал свет фар.

Считая секунды, я ждал. Тело колотила нервная дрожь, которую усиливал холод приближающейся ночи. Эх, не захватил я свой подарок – милицейский китель! Хороший человек подарил. Лишь на мгновение отклонившись в сторону, мои мысли вновь вернулись к Анатолию. Цирк-зоопарк, да куда же он запропастился?!

Когда я уже серьезно подумывал а не упасть ли в водительское кресло, поднять ковш, а затем основательно разворошить этот пантеон смерти, среди мертвых тел появился серый силуэт. Наверное, первый раз в жизни я с радостью глядел на милицейскую униформу.

Нестеров тащил на себе целых три автомата и подсумок с магазинами. Кроме этого у милиционера в руках был зажат какой-то небольшой баул.

– Толя, быстрее! – прокричал я, глядя на узкую багровую полосу на западе – жалкое воспоминание о миновавшем дне.

Майор поднажал и тремя отчаянными скачками покрыл разделявшее нас расстояние.

– Порядок, – прохрипел он.

Не теряя времени, милиционер стал забрасывать свои трофеи внутрь кабины, а затем забрался туда и сам.

– Давай, падай в мои дружеские объятия, – обладание оружием явно улучшило настроение Нестерова.

– Очень смешно.

Я нарочно не стал страховать свое падение, и хорошенько

припечатал шутника. Мне было больно, но и ему тоже.

– Бегемот какой-то. Разожрались вы танкисты, – проворчал майор.

Прежде чем ответить, я рванул с места погрузчик.

– Ты чего копался? – рывкнул я, перекрикивая рев мотора.

– Умник, я бы на тебя посмотрел, окажись ты там... среди них.

В общем-то ответ меня удовлетворил. Исчерпывающий такой ответ, все объясняющий.

– Дорога хоть эта? – я покосился на проползающие за окном редкие одноэтажные домики.

– Похоже.

– Что значит похоже?!

– Давно здесь не был. Последний раз еще до войны. Окрина. Райончик бедный, малоперспективный. Все что можно было выгрести, уже до нас выгресли.

Я не стал вспоминать о нетронутом складе строительной фирмы. Это место чем-то привлекло кентавров, и притом давно. Так что сунься сюда колонисты... Уйма людей могла бы полечь.

Погрузчик подпрыгивал на ухабистой пыльной грунтовке, отчего свет фар метался из стороны в сторону. Чудилось, что машина независимо от воли водителя что-то выискивает, а может опасливо озирается по сторонам. Это ощущение тревоги передалось и мне. Одно дело мчаться под защитой брони в трехсотсильном боевом монстре и совсем другое полз-

ти со скоростью пятнадцать километров в час на крохотной машинке, вся защита которой состоит из стекла и хлипкой решетки. Тут надо держать ухо востро.

Не мудрено, что я стал озираться по сторонам. Вокруг уже была настоящая тьма. Еще не черная и непроглядная, как все теперешние ночи без звезд и луны, а пока темно-пре-темно серая с чернильной синевой. Но это все же была уже тьма. Дома, заборы, остовы автомобилей, мертвые деревья в ней казались невиданными чудовищами, которые затаились у обочины и поджидают своих жертв. Вот-вот они заметят нас, вот-вот в темноте вспыхнут их горящие жаждой крови глаза.

Я даже вздрогнул, когда и впрямь увидел свет. Два тусклых излучающих зеленоватое сияние огня. Размытые светящиеся пятна проплывали по левой стороне. Вначале было даже сложно понять, сколько до них, десять, двадцать, а может сто метров. Нет, все-таки далеко, в конце концов, решил я.

– Могильники светятся, – Нестеров проследил за моим встревоженным взглядом. – В начале войны весь город был завален отбросами, что сыпались с челноков ханхов. Наша Гражданская Оборона запарилась вычищать да дезактивировать. Не хватало ни людей, ни транспорта, ни времени. Вот и не возили далеко. Закапывали прямо тут, на окраине.

– Ярко... Что-то чересчур ярко светятся, – задумчиво протянул я. – Не видал никогда такого.

– А черт его знает что в них за зараза! Ясно, что что-то радиоактивное, а вот что конкретно... На экспертизу тогда времени не было.

Могильники для меня, как впрочем и для всех ныне живущих людей, не были в диковинку. Высокие курганы, возле которых красовались облезшие таблички «Внимание, опасная зона!» или «Радиоактивное заражение!» можно было найти в окрестностях любых даже самых небольших населенных пунктов. К ним уже привыкли и даже не особо опасались. Это было что-то наподобие открытого канализационного люка: если в него не наступить, то и не побеспокоит.

Вот и я тут же позабыл о зловещем свечении, как только впереди мелькнула куда более привычная вещь – полоска старого асфальта.

– Правильно едем, – обрадовался одинцовский старожил. – Сейчас выскочим на асфальт, повернем направо и вот он тебе, пожалуйста, переезд.

Железнодорожный переезд оказался там, где и предсказывал милиционер. Разваленный кирпичный домик и поднятые вверх облезлые шлагбаумы. Рядом лежал на боку покореженный хлебный фургон, разграбленная легковушка и везде мусор... полно мусора. Грязное, изорванное в клочья тряпье, старые башмаки, истлевшие книжки, почерневшие детские игрушки. Мне все это что-то напомнило.

– Толя, автоматы в порядке? – спросил я еще до того, как вспомнил свою недавнюю встречу со львом.

Рядом с моим локтем тут же возник дульный пламегаситель, а затем послышался лязг затвора.

– Вроде да, – встревожено сообщил Нестеров. – А что, уже могут понадобиться?

– Львы охотятся ночью? – вместо ответа спросил я.

– А шут их знает! – протянул майор. – После прогулок по ночам остается очень немного рассказчиков.

– Тогда будь наготове.

Я включил проблесковый маячок и постарался как можно побыстрее проскочить переезд. Когда железная дорога осталась позади, и мы вновь ехали мимо одноэтажных домишек, милиционер потребовал:

– Выключи маяк.

– Думаю, он будет отпугивать зверье.

– Нам сейчас не зверья надо страшиться, а сам знаешь кого.

Анатолий не произнес слово «призраки», будто боялся помянуть черта. Что ж, я с ним был вполне согласен. Призраки это и впрямь что-то необычное, сверхъестественное, дьявольское.

Я выключил маячок, и мир вокруг снова стал черно-белым. Тьма позади, овальное, подпрыгивающее белое пятно впереди. Меня такое разделение не устраивало. Хищники они ведь чаще всего нападают именно сзади. А тут получается, что мы сами создали им для этого все условия. На панели управления рядом с переключателем, контролирующим

передние фары, имелся еще один тумблер. Я щелкнул его. Зеркало заднего вида мигом ожило. Вместо непроницаемой черноты там появилась убегающая назад дорога. Порядок! Эта маленькая победа над мраком придала уверенности.

Вторую порцию допинга я получил, когда увидел возникшую прямо по курсу широкую ленту Можайского шоссе. Даже при таком чахлам освещении я сразу узнал его.

– Теперь налево и по прямой до самого дома, – подбодрил я своего приятеля.

– Прямая уж больно длинная, – пробурчал тот в ответ.

– Через полчаса будем. Подумай, Толя, всего полчаса и все! – Чтобы до милиционера лучше дошел смысл моих слов, я даже попробовал обернуться.

– Смотри! – Нестеров вскрикнул и указал рукой вдаль.

Инстинкты бывшего водителя сработали, и я резко затормозил. Впереди на самом краю света дорогу переползала здоровенная ногатая змея. Не думаю, что сейчас она представляла для нас особую опасность. Однако, попади это живое бревно под колеса, и погрузчик мог стать, а то и заглохнуть. От одной этой мысли у меня засосало под ложечкой. Надо быть поаккуратней, поосторожней, – приказал я себе, пока мы пропускали инопланетную рептилию. Когда тварь убралась, мы, наконец, смогли выехать на шоссе.

Я вел погрузчик по самому его центру, пытаюсь как можно дальше объезжать навечно застрявшие здесь автомобили. Мысли мои крутились вокруг одной и той же темы. Сколь-

ко мы проехали? Около полукилометра. И за это время уже успели повстречать двух хищников. Да, именно двух. Я был полностью уверен, что возле переезда обосновался лев. А не напал он только потому, что побоялся связываться с таким крупным и непонятным противником как погрузчик. Итак, двое. А сколько же новых встреч ждет нас на оставшихся четырех километрах пути?

Слава богу участок, где шоссе проходило через зону малоэтажной застройки, мы миновали без приключений. Пару раз попадались какие-то мелкие, пятящиеся боком ящерицы, но они поспешили убраться, уступая нам дорогу.

А вот дальше уже начинался настоящий город. Свет фар не позволял мне видеть ничего, кроме нескольких квадратов асфальта впереди, но я всем своим существом чувствовал темные громады многоэтажек у себя над головой. Неприятное ощущение. Чудится, что неведомый некто притаился там, вверху, и наблюдает. Может это враг, невиданное гигантское чудовище. А может это сам мертвый город. Провожает нас взглядом, оценивает, едва сдерживая ярость, пытается понять, почему мы предали его, бросили на произвол судьбы, отдали во власть инопланетным монстрам.

Наполненный напряжением вакуум городских улиц заставлял ежиться и сильнее сжимать рычаги. Ведь погрузчик был моим оружием, единственным, чем я мог защищаться. Однако нашими врагами по-прежнему оставались лишь тревога и страх. И больше никого и ничего. Мы уже оставили за

собой перекресток, где в Можайское шоссе утыкалась широкая улица Чикина – одна из тех немногих улиц в Одинцово, название которых я запомнил. От этого перекрестка до поселения всего километра два. Неужто пронесло? Неужто мы так и доедем без приключений?! Заметив, как вдалеке разгорается желтоватое свечение периметра, я начинал верить в чудо.

– Что ж так тихо кругом? – Нестеров одним махом развеял в прах всю мою надежду.

Тихо... Точно тихо. Это может означать лишь одно. Все твари сбежали, попрятались кто куда, почуяв смертельную опасность. И я не был столь наивен, чтобы предположить, что эта опасность и есть мы.

Изменения в окружающем пространстве стали заметны уже через несколько минут. Мрак вокруг стал светиться. В такое невозможно поверить не то, что описать, но только так оно и было. Чернота горела каким-то жутким голодным огнем цвета воронового крыла, и этот огонь медленно, но уверенно пожирал частички нашего мира. Естественно, первое, с чем расправилась тьма, был свет.

Я не поверил своим глазам, когда увидел как светлое пятно перед ковшом погрузчика стало быстро уменьшаться в размерах. В зеркалах заднего вида происходило тоже самое. И это при том, что фары продолжали исправно гореть. Но, судя по всему, они больше не производили фотоны. Что-то изменилось. Сами законы физики вдруг перестали работать.

С ужасом наблюдая, как мы погружаемся во мрак, я выжимал из машины всю скорость, на которую та была способна. Еще хотя бы пару сотен... ну, хотя бы сотню метров прежде, чем заглохнет мотор. А что так и будет, я чувствовал каким-то сто двадцать пятым чувством.

Он заглох, буквально сразу же после того, как погасли фары. Во внезапно наступившем мраке и тишине вначале не было слышно ничего, кроме, пожалуй, бешеного стука наших сердец. Но это лишь вначале. Буквально сразу же снаружи начали приходить звуки. Это было тихое, тянувшее за собой странное дребезжащее эхо, шипение, очень похожее на шепот женщины, вернее нескольких женщин. Насколько можно было судить, голоса кружили где-то над нами, то приближаясь, то удаляясь.

Не смотря ни на что пока мы были все еще живы, и этот бесспорный факт позволял нам начать действовать. Вот только как?

– Выходим? – прошептал я. – До периметра менее километра.

– Сдурел! – Нестеров вцепился мне в плечи, не позволяя даже шелохнуться. – Они ведь рядом.

Словно в подтверждение слов майора что-то пронеслось перед дверью погрузчика. Оно на мгновение заслонило сияние периметра, и только благодаря этому я увидел. Что именно? Сложно сказать точно. Что-то бесформенное, похожее на комок спутанных, ветхих от древности кусков ткани.

Цирк-зоопарк, и эта штука может убивать?!

Как оказалось эта штука была способна на многое, например, она свободно и легко крушила стекло и металл. В мгновение ока ткань, вернее то, что я принял за ткань, плотно намоталось на кабину и... В это было невозможно поверить. Дверь и защищавшая ее решетка стали таять. Они словно были нарисованы акварельной краской, а сейча разыгравшийся вдруг ливень бесследно смывал ее. Еще одно мгновение и от нашей единственной защиты не останется и следа.

Однако дверь просуществовала гораздо меньше, чем мгновение. Ее разнес вдребезги, вышиб, вышвырнул наружу неистовый огненный шквал. Стволы двух Калашниковых били в считанных сантиметрах от моего лица. Жар опалил кожу, грохот оглушил, но как ни странно именно в этот миг я ощущал дикую радость. Глядя, как вместе со стеклом рвется и разлетается тело призрака, я понимал, что хоть на миг, хоть на секунду мы победили.

– Бежим!

Нестеров буквально вышвырнул меня из машины. Лишь каким-то чудом удалось не расшибиться о ковш. Я перелетел через него и грохнулся уже где-то впереди погрузчика. Ничего не видно. Из всех ощущений лишь дикая боль в сломанных ребрах, колючий жесткий асфальт под ладонями, ну и, конечно же, страх.

Именно от страха, а совсем не от боли я вскрикнул, когда в меня вцепилась сильная рука.

– Вставай, Максим!

Уговаривать меня долго не пришлось. Я вцепился в Анатолия как в спасательный круг. Намертво вцепился. Ведь сейчас меня поджидала не смерть, а что-то еще более страшное.

Мы пробежали не более десяти шагов. Анатолий одной рукой поддерживал меня, а другой стрелял из автомата. Он скидывал Калашников и, когда ствол упирался в небо, нажимал на спуск. В кого целил майор было не разглядеть. Скорее всего, ни в кого, в пустоту. Анатолий просто хотел добыть хоть каплю, хоть искорку света. Как будто это могло остановить их... тех, кто пришел с того света.

Нас накрыло одним махом, сразу обоих. словно сотканые из ледяных нитей бинты нависли вокруг рук и ног, поползли по груди и животу. От их прикосновения тело теряло чувствительность. Нет, его не парализовало. Паралич это что-то иное. Здесь же я понимал, что чувствовать уже нечем. Мое тело просто исчезало, превращалось в ничто. При этом я понимал, что поднимаюсь вверх, словно возношусь на небо. Хотя нет, это не вознесение в рай, это скорее дорога в ад. Только он, как выяснилось, находится на небесах, черный, бездушный и холодный. А свет это наш мир. Свет он всегда был и остается на Земле.

Свет... Мои закрывающиеся, теряющие способность видеть глаза, похоже, действительно различили свет. У него был источник. Яркая светящаяся голубым точка. Она осве-

щала круг, участок шоссе, который перечеркивал белый пунктир дорожной разметки, и еще что-то... какую-то тень... фигуру...

Я собрал остаток сил и попытался противостоять пожиравшей меня чудовищной ледяной пустоте. Сопротивляться оказалось возможным всего лишь несколько мгновений, однако, и их оказалось достаточно, чтобы увидеть и осознать увиденное. Свет шел от зарешеченной керосиновой лампы, такой, какую сто лет назад брали в забой шахтеры. В высоко поднятой руке ее держал человек. В нем чудилось что-то знакомое. Длинный, ниже колен плащ, закинутае за спину помповое ружье и вылинявшая зеленая бандана на голове. Я знал его. Точно знал.

Дальше этого открытия мое сознание не продвинулось. Не было у него на это сил. Все что я смог, это быстро угасающим зрением заметить, как человек вытянул из кармана... Что именно? Не разглядеть. А, впрочем, нет, вижу. Что-то округлое, тускло поблескивающее зеленым окрашенным боком. Когда человек поднес предмет ко рту и зубами оторвал от него металлическое кольцо, сомнений не осталось. Граната!

Оказывается это летучее отродье можно глушить обычными гранатами. Как рыбу. Когда где-то рядом грохнул взрыв, я уже ничего не видел. Все что помнил и понимал, был смех. Я и вправду смеялся. Без звука и без улыбки, без губ, голосовых связок и гортани. Ибо ничего этого у меня уже просто

не было.

Глава 13.

Я чувствовал, что меня гладят по волосам. Ласково так гладят. Как будто это мама. В детстве она садилась мне на кровать и, желая спокойной ночи, вот точно так же гладила. Что же она говорила? Кажется, «Спи, вояка» или «...забияка» или «...разбышака». Я никогда не был ангелом и тихоней, поэтому после моих дневных подвигов душещипательное «зайчик» или «котик» ко мне никак не клеилось. Вот и сейчас мне почему-то казалось, что прошедший день выдался не таким уж тихим и мирным. Что-то в нем было такого... Сейчас я вспомню... Как только услышу слова мамы, так сразу и вспомню.

– Товарищ подполковник, он очнулся!

Голос был женский, но не мамин. Слишком молодой. И еще это «подполковник». Отец у меня сугубо штатский человек, так что... Где же я? Кто рядом со мной?

Попытка открыть глаза принесла боль. Резкий желтый свет ослепил, заставил сморщиться и застонать.

– Свет! Потушите верхний свет!

Сейчас уже говорил мужчина, и голос его был жесткий и властный, командирский я бы сказал. Что ж, все интересней и интересней.

Первый, так бесславно завершившийся эксперимент по

прозрению меня кое-чему научил. Второй раз я открывал глаза уже очень медленно и осторожно. Сперва две узенькие щелочки. Сейчас вокруг меня царил приятный мягкий полумрак. Он успокаивал, говорил мне, что теперь можно без боязни взглянуть на окружающий мир, познакомиться с его обитателями. Хотя мне все больше и больше казалось, что я их знаю.

– Лиза... – прошептал я, когда округлое пятно напротив моего лица обрело наконец четкие очертания.

Она была совершенно не похожа на ту девчонку, которую я впервые увидел на грязных, пропитанных запустением и смертью улицах мертвого города. Бейсболка исчезла, свитер тоже. Теперь густые каштановые волосы закрученным в плавную спираль потоком текли по голой, казалось выточенной из мрамора шее. На Лизе была блузка. Сто лет уже не видел женщин в блузках, особенно таких белоснежно-белых. В ушах у девушке блестели сережки, маленькие вкрутки с белыми камешками. Они светились и переливались радужными бликами. Ярко, очень ярко. Но даже бриллиантам было не сравниться с сиянием больших карих глаз.

– Вот и хорошо, Максим! – теперь Лиза схватила мою руку. – Ты пришел в себя. Теперь все будет замечательно. Ты выздоровеешь, ты поправишься.

– Где... – я попытался спросить, но горло ссохлось, и вместо слов на свет появился лишь сиплый хрип.

– Воды? Хочешь пить?

Девушка мигом угадала мое состояние. Я еще не произнес «да», а около моих губ уже появилась белая эмалированная кружка. Сделав несколько жадных глотков, я почувствовал, что смогу говорить.

– Где Толя?

– Милиционер-то?

На этот раз мне уже не пришлось гадать кто он, обладатель этого командирского баса. Загребельный собственной персоной возник в поле моего зрения. Он улыбался. Правда, улыбка была слегка странная, усталая и виноватая. Нет, все же сначала виноватая, а затем уже усталая.

– Милиционер, он тоже здесь. Живой. Только вот в сознание пока не приходил.

– Здесь? – я прополз взглядом по потолку в грязно-желтых разводах.

– Ну да, здесь, в санчасти.

Слова Лешего словно нафтизин прочистили мне нос. Я тут же уловил запах крови, медикаментов и хлорки.

– Как я здесь...

Лиза поспешно приложила к моим губам палец, требуя не напрягаться. А вопрос мой, он и так был понятен.

– Как ты здесь оказался? Товарищ подполковник вас вытащил, спас. Тебя и Нестерова.

Когда я перевел взгляд на Загребельного, тот кивнул:

– Вам совсем немного не хватило. Метров восемьсот до периметра не дотянули. Но вы стреляли, и дозорные услы-

шали.

– Ты рискнул...

– Рискнул, – Леший как-то странно на меня поглядел, зыркнул и сразу отвел глаза.

– Спасибо.

Я уже успел прийти в себя настолько, что даже смог отнять руку Лизы, которая пыталась удержать меня от излишних разговоров. Глупая. Разговоры сейчас для меня самое оно, лучшее лекарство. На том свете ведь не поговоришь, на том свете царит тишина, даже крики и стоны там становятся частью полного ледяного безмолвия.

– Честно сказать, вам с милиционером крупно повезло, – Леший пропустил мимо ушей мою благодарность. – Успели проскочить. А после того, как мы вас приволокли, вокруг такое началось... Я только что со стены. Ночь буквально стонет от воя и рева. Не удивлюсь, если после рассвета мы обнаружим все дома в округе стертými до фундаментов.

– Призраки? – спросил я.

– Должно быть они, – Леший невесело хмыкнул. – Хотя, честно говоря, я не проверял.

– Что в поселке?

После моего вопроса Загребельный даже как-то вздрогнул, словно очнулся, словно вспомнил что-то. Он положил руку на плечо Лизе и попросил:

– А ну, боевая подруга, сгоняй за мистером Крайчком.

Девушка тут же одарила подполковника возмущенным

взглядом, как будто тот изрек что-то чудовищное, крамольное.

– Давай-давай, – Леший был непоколебим. – Кому доктор велел ноги расхаживать? А то так и останешься кошкой-хромоножкой.

Мне показалось, что Лиза сейчас вцепиться Андриюхе в горло. Этакая маленькая разъяренная фурия, готовая сражаться с каменным колосом.

Загребельный видать понял, что ляпнул что-то не очень тактичное и притом не к месту. Поэтому он поспешил зайти с другой стороны:

– Боец, вы что, отказываетесь выполнять приказ своего командира? – чтобы Лиза не подумала, что он намекает на себя самого, Леший уточнил: – По-моему Крайчек ясно и понятно сказал: «Когда Ветров придет в себя, немедленно сообщить».

Тут мне показалось, что Загребельный желает непременно сплавить мою сиделку. И ему это удалось. Услышав последние слова подполковника, Лиза с неохотой сдалась:

– Я быстро, – она обращалась уже ко мне. – Крайчек, он ведь здесь, в убежище. Так что мигом обернусь.

Лиза отстранила протянутую руку Загребельного, который попытался помочь ей встать с краешка моего матраса. Однако Леший проигнорировал этот протест. Он схватил девушку под руки и как пушинку поднял. Только оказавшись на ногах, та наконец поняла, что подполковник избавил ее от

довольно неприглядного занятия – вставание с пола на частично парализованных ногах. Не глядя на Загребельного, Лиза буркнула «Спасибо» и довольно сильно хромая пошла к выходу.

Когда дверь за ней закрылась, Леший кивнул мне:

– Хорошая девчушка. Правильная. Завидую тебе, Максим. Видал, как принарядилась? Все ждала, когда ты очуаешься.

– Что у нее с ногами? – я не мог поверить, что только что видел то, во что превратилась легкая пружинящая походка Лизы.

– Доктор сказал – остаточное явление. Газ этот проклятый так подействовал.

– Ей будет тяжело идти.

– Куда?

Мне показалось, что Леший не следит за моей мыслью, что сейчас он где-то далеко.

– Завтра. Вместе со всеми. Ей не выдержать долгого марша.

– Это кто бы говорил, – Андрей притащил откуда-то из-за пределов поля моего зрения низенький колченогий табурет, поставил его рядом с моим матрасом и уселся.

– Да, ты прав, – я горько улыбнулся.

Подумалось, что скорее всего мне придется остаться здесь, в убежище. А вот Лиза... она должна уйти. Леший должен будет ей помочь. Обязательно должен! Я уже соби-

рался попросить его об этом, да не успел. Андрей первым обратился ко мне:

– Слушай, Максим... Это, как его... – Загребельный с трудом подбирает слова. – Сегодня утром... Ну, тогда, когда тебя схватили. Я приказал...

Ах вот он о чем. Вот что не дает героическому подполковнику покоя. И торчит он здесь в санчасти наверняка именно поэтому. Решил не затягивать с выяснением отношений. Молодец. Далеко не у каждого на такое хватит решимости и силы воли.

Размышляя об этом, я продолжал молчать, поэтому Лешему ничего не оставалось как закончить свой, ох какой нелегкий монолог:

– Тот выстрел... У нас не было возможности вытащить тебя. Я приказал снайперу... – тут он запнулся, понял, что произнести это не сможет. Андрей сумел лишь выдавить из себя: – Прости.

Что я мог на это ответить? Разве не точно также поступил я сам, когда колесами БТРа раздавил еще живого Виктора Сотникова. Я просто прекратил его мучения. Вот и Леший... Он сделал... вернее хотел сделать тоже самое. Это правильно. Это скорее милосердие и высшее проявление дружбы в ее нынешнем суровом обличье. Так какого же черта тут каяться!

– Хреновый у тебя снайпер, – медленно протянул я. – В такую здоровую мишень не попал. Ты ему непременно раз-

нос устрой.

Придать своему голосу более или менее дружеские интонации мне было невероятно трудно. Но, тем не менее, я постарался. Правда, видать у меня это плохо получилось. После моих слов Андрюха помрачнел еще больше.

– Нету больше снайпера. И половины тех, кто с нами ходил, тоже нет. Вот такая канитель получилась.

Расспрашивать дальше не имело смысла. Дальше и так все было понятно. Рассказ о том, как кентавры перебили половину людей Лешего, станет лишь еще одной страшной историей, которая отнимет у меня силы и время. Главное время! Спohватившись, вспомнив о нем, я поспешил спросить приятеля:

– Андрюха, что-нибудь выяснилось?

– Ты о кашалотах?

– Да. Куда они подевались?

– Полагаю, сгорели, так же как и тот кентавр, которого ты резал, – Леший с подозрением покосился на меня. – Ты хоть помнишь это?

– Помню, – кивнуть у меня не было сил, поэтому в знак согласия я закрыл глаза.

– Пепел. После него остался пепел, точно такой же, как и на тех огромных кругах, которые мы осматривали. Три круга, и кашалотов было тоже три. Отсюда сам собой напрашивается вывод.

– Кентавра убил я, а кто убил кашалотов?

– Интересный вопрос, но я не знаю на него ответа. – Несколько секунд подполковник думал, а затем робко, как будто стесняясь своих слов, предположил: – А вдруг их никто и не убивал. Тот человек... Ну, тот белорус, с которым мы говорили на стене. Он ведь сказал, что кашалоты ушли. Ушли в туннель. Может и кентавра ты того... отправил назад, в то самое место, откуда они все и появляются. – Леший пожал плечами. – Теория. Это всего лишь открытый вопрос. Точно такой же, как был ли вообще весь тот разговор и тот одноглазый лесник.

От слов Загребельного у меня в мозгу что-то щелкнуло. Цирк-зоопарк! А ведь это был именно он! Тот человек, что спас меня и Нестерова от призраков. Серый плащ, ружье, бандана. Точно он, белорус, Олесь!

– Нет, Андрюха, похоже, то был совсем не мираж. Этого лесника я видел снова.

– Не может быть! – выдохнул Загребельный. – Когда? Где?

Я не успел ответить. Дверь распахнулась, и в комнату вошли трое: Крайчек, Горобец и тот невысокий крепыш, заместитель Нестерова. Как же его, Колесов... или Карцев... Вспомнить мне так и не дали. Возле двери возникла маленькая заминка. Четвертой в палату пыталась прорваться Лиза, но Горобец ее притормозил. Произнеся отцовское: «Погодь, дочка. Дай людям поговорить», он захлопнул дверь перед девушкой.

Крайчек выглядел очень усталым, но, даже не смотря на

это, улыбнулся увиденной сцене:

– Шикарно ты устроился, Макс. Личные апартаменты, хорошенькая сиделка.

– Я всего этого вроде как не просил, – я нахмурил брови.

– Шучу, – Томас примирительно махнул рукой. – Я сам приказал положить тебя отдельно от всех остальных. Тут у нас имеется возможность спокойно поговорить.

– А Нестеров?

– Пока в общей палате. Когда очнется, тоже сюда перенесем, – при этих слова Крайчек поглядел на медика, и тот кивнул, подтвердив тем самым, что прекрасно помнит приказ начальства.

– Как он? – мне действительно хотелось это знать, я действительно волновался за Анатолия.

– Лучше, чем можно было ожидать, – вопрос относился к медицинской части, поэтому и ответил на него врач. – Отравление фосфатами имело место в гораздо меньшей степени, чем у Лизы Орловой.

– Странно, – протянул я. – Он ведь был в этом проклятом подвале столько же, а может даже и дольше, чем она.

– Ничего странного... – начал было медик, но его перебил Горобец.

– Повезло нашему сыскарю. Я гадав, шо такого в жизни не бывает, только в кино.

– Это ты о чем? – не моими мозгами сейчас разгадывать

загадки.

– У Нестерова язва желудка, – доктор вновь завладел нитью разговора. – Сейчас у него обострение. Появились боли. Так что перед самым вашим выездом к магазину я ввел Нестерову атропин. Надо было уменьшить выделение желудочного сока. Вот как удачно вышло. Получилось, неожиданно-негаданно подготовил человека ко встрече с этой дрянью.

Слова медика многое прояснили. Вот значит почему Анатолий остался жив, выжил там, где погибли все остальные, выжил даже без моей помощи. Надо же, выходит, я сделал правильный выбор, истратил аптечку на того, кого и следовало. Тут я вспомнил тот миг у входа в полуразрушенный магазин, мгновение, когда я принимал решение. Почему тогда я выбрал именно Лизу? Только ли по каким-то своим личным причинам? Или... Или мне подсказали верное решение? Кто? Несколько мгновений этот вопрос занимал все мои мысли. Однако это длилось все лишь несколько мгновений. Глупости. Кто мог повлиять на мое решение? Этот выбор сделал я сам. И если послать к дьяволу все моральные составляющие данного дела и учесть только результат, то получается, что не ошибся. Уцелели два человека. Два! А это намного лучше, чем один.

– Ладно, буде про Нестерова балакать. Даст бог выдюжит наш доблестный милиционер, – голос Миколи Горобца стал доходить до моего сознания, пробиваясь сквозь пелену неуверенности, сомнений, перепутанных, крутящихся как в

водовороте мыслей. – Мы сюда зовсим за иншим пришли. Рассказывай, Максим, шо там да як було? Може чего новенького про цих тварюк разузнал.

В помещении тут же повисла гробовая тишина. Четыре пары глаз буравили меня с надеждой и нетерпением.

То состояние, в котором я находился, не очень-то способствовало мыслительному процессу. Но я напрягся и заплетающимся языком кратко поведал товарищам всю историю сегодняшнего дня. Опустил только лишь две вещи, две встречи. Первая это с тем зловещим повелителем кентавров, вторая – с одноглазым лесником в самом конце нашего путешествия. Не думаю, что Крайчек, да и все его помощники готовы узнать о них, тем более сейчас, когда все уже на пределе, когда нервы и так сдают.

– Ничего, что могло бы нам помочь, – в конце моего рассказа сделал вывод крепыш разведчик.

– Да-а-а... Ця информация зацикавыть лише Нину Андреевну.

Микола по-свойски ткнул Крайчека в бок. На что тот лишь невесело кивнул.

– А что произошло в конце? – Кальцев, да, точно, фамилия разведчика была Кальцев, словно спохватился. – Кто вас с Нестеровым так оглушил?

– Призраки, – я не стал врать.

– Кто?! Призраки?! – в один голос воскликнули Крайчек и Горобец.

– И они вас просто так оставили в живых? Дали подполковнику возможность добраться до вас и вытащить? – удивлению Кальцева, казалось, не было границ.

– Не знаю... – я закрыл глаза, чтобы те меня не выдали. – Мы стреляли. Много стреляли. Не для того, чтобы убить их, а скорее, чтобы осветить себя. И призраки вдруг ушли.

– Странно, – протянул Крайчек.

– И не говори, – подтвердил Горобец.

– А что с машиной? С погрузчиком, я имею в виду? – быстро сориентировался разведчик.

– Заглох. Аккумулятор мертвый.

– Николай, – Томас обратился к Горобцу. – У нас есть аккумуляторы?

– Найду парочку у доброму стани.

– У доброму стани? – переспросил американец.

– В хорошем состоянии, – перевел молчавший до этого Загребельный.

– Значит, погрузчик можно будет вновь завести? – вопрос адресовался уже мне.

– Можно, – я с готовностью согласился очень довольный тем, что разговор малость отклонился от скользкой темы. – У него, кстати, и фары имеются. – Эта информация должна была еще больше порадовать одинцовцев.

– Ну, хоть одна добра новость, – с облегчением протянул Горобец. – И транспортом кое-каким разжились, и выяснили шо бестий цих ночных можно свитлом налякаты, светом,

значит, – поправился украинец.

Вообще-то на душе у меня было скверно. И еще эта гребанная радость Миколи... Эх, знал бы он правду! А, может, рассказать? О чем? О том, что какая-то неведомая, похожая на привидение личность швыряла в призраков гранатами. Именно от них, а совсем не от нашей пальбы те разбежались, вернее разлетелись. Точно примут за контуженного, а стало быть и относиться будут соответственно. Нет, о леснике в бандане можно говорить только с Лешим.

Подумав о Загребельном, я поднял на него глаза. Тот стоял в сторонке молчаливый, угрюмый, насупившийся. Этот вид приятеля кое-что мне подсказал. Андрияха не мог не доложить Крайчеку о результатах разведки, об исчезновении кентавра и кашалотах. Неужели эта информация не вызвала не возымела ровным счетом никаких последствий, действий? Каких? Да не знал я каких! Но это ведь я, несчастный, у которого голова затянута туманом и болью. А они... Крайчек и его люди... Они ведь не дураки, и к тому же располагали целым днем. За это время можно подумать и придумать. Обязательно что-то придумать!

– Том, – позвал я.

– Да, Макс.

– Загребельный доложил...

– О чем? О вашей бессмысленной утренней прогулке?

Кальцев перебил меня, словно прочитал мысли. Честно говоря, этот смышленный мальчуган уже начал порядком до-

ставать. Кроме того, как мне показалось, он довольно сильно стал влиять на Крайчека. У него всегда и все должно срастись, все должно быть без вариантов. Как раз то, что уважают прямолинейные и осторожные янки.

На вопрос Кальцева я не ответил. Ждал, когда за меня это сделает Крайчек.

– Твой друг имеет очень интересную теорию, – начал Томас. – Но это всего лишь теория.

– Фантастическая теория, – не замедлил подписаться Кальцев.

– Да, – Крайчек устало кивнул. – Все эти параллельные миры... У нас нет времени ее доказывать. Нам следует спасти людей. Быстро спасти.

– А если Загребельный прав?

– Не маемо часу, Понимаешь?! – Горобец повторил это громко, как для глухого.

– Что значит нет времени? – возмутился Леший. – Где он ваш плавучий город? За тысячи километров. А Одицово вот оно, вокруг нас. И может лучше попробовать, подумать... просто хорошенько подумать что следует сделать, чтобы сохранить все это.

– Вы подполковник еще вчера советовали нам уйти, – напомнил Томас.

– Советовал, – покаялся Леший. – Но вчера я не знал того, что знаю сегодня. Кашалотов можно убить, и я буду искать

этот способ.

– Пока вы его будете искать, Одинцово постигнет участь Красногорска. Вы не справились тогда, где гарантия, что у вас выйдет теперь? А расплачиваться за все эти ваши эксперименты будут другие люди, те, кто вам поверил, те, кто будут ждать от вас помощи и защиты.

Кальцев нанес Андриюхе удар ниже пояса. Подлый удар. Повесить на Загребельного всех мертвецов Красногорска, это уж слишком!

– Ах, ты... – Леший зарычал и угрожающе двинулся в сторону Кальцева.

– Хватит! – Крайчек встал у него на пути. – Хватит этих ваших сор. Поступим так: будем продолжать подготовку к эвакуации. У нас почти сутки. Если за это время возникнут другие реальные предложения, мы их рассмотрим.

– О це разумно! – поддержал начальника Горобец. – Так что выздоравливай, Максим, набирайся сил, а промеж делом думай як це гадское племя порешить.

Микола сказал от чистого сердца, я в этом не сомневался, и никаких задних мыслей с собой не несли. Горобец человек прямой и рубит правду матку не задумываясь. Однако... другие мои гости были слеплены совершенно из иного теста. Я заметил как Крайчек с Кальцевым переглянулись. Быстрые такие взгляды. И судя по всему они поняли друг друга. Я тоже их понял.

Начатая Горобцом церемония прощания закончилась

быстро. Мне пожали руку, сказали несколько традиционных воодушевляющих фраз, а затем трое посетителей быстро ушли. Оно и понятно, их ждала подготовка к дальней дороге.

– Все понял? – спросил Загребельный, пропуская в палату изведшуюся от нетерпения Лизу.

Я промолчал, пытаюсь определить ту границу, до которой докатилось мое понимание.

– Оставят они тебя здесь, – Леший озвучил мои мысли. – И не одного тебя. Всех, кто не сможет идти, оставят.

– Понятное дело, – я кивнул. – У Крайчека нет возможности тащить с собой раненых и больных, тем более тяжелых. Во-первых, колонну замедлят, во-вторых, все равно перемрут по пути.

– Но как же так?! – Лиза наконец поняла, о чем мы тут толкуем. – Это же бесчеловечно!

– Тихо, девочка, – как можно тверже произнес я. – Все правильно. Все так и должно быть. И не надо здесь сцен и лозунгов. Ты не маленькая, должна понимать.

Я говорил абсолютно спокойно. То ли потому, что каждый из нас, живущих ныне, уже привык к мысли о смерти, то ли потому, что я надеялся ее избежать. Пока не знал как. Но человеку, который только что вырвался из лап призраков, все прочие опасности казались пустяковыми и смешными. Особенно, когда он знает о них, когда у него есть фора. У меня фора в сутки. Именно следующей ночью периметр останется

без света, а, стало быть, без защиты.

– Андрюха, мне нужно встать.

Я оторвал голову от подушки и стал переворачиваться на бок. Лиза тут же бросилась ко мне:

– Что ты, Максим, тебе нельзя!

– Если тебе отлить, так для этого банка имеется. – Без тени улыбки заметил Леший. – Не утка, конечно, но пользоваться вполне можно.

Я пропустил мимо ушей замечание Загребельного и неуклюже продолжал подниматься.

– Мне к электрикам. Если уйдут, самому мне не успеть.

– Максим, ну куда же ты? – Лиза поняла, что не сможет меня остановить и поэтому с мольбой подняла глаза на Лешего.

– Куда тебе, калечь?! Врач сказал...

– Да что он там мог сказать! – прорычал я. – Сам все знаю.

На ребра повязку наложили? Да, наложили. Антибиотики и болеутоляющие кололи? Да, кололи. Все, больше для меня медицина ничего сделать не может. Дальше я сам... только сам.

Эти слова я произнес уже стоя на четвереньках. Теперь самое сложное. Теперь мне предстояло подняться на ноги.

– Упрямый черт! – Загребельный наклонился ко мне и ухватился за подмышку. – Лиза, помогай, страхуй. Тут сильно дергать нельзя, тут надо аккуратно.

Вдвоем они меня подняли. Боль конечно была, но ее не

сравнить с той, что я чувствовал там, в ангаре. Но даже тогда я делал свое дело, и как выяснилось не напрасно. Так что теперь мне, как говорится, сам бог велел.

Оказавшись на ногах, я понял, что из одежды на мне только трусы да окровавленные бинты. Мне сейчас, естественно, наплевать, могу и в трусах, но только вот люди не поймут, подумают псих и начнут шарахаться.

– Где б одежонку раздобыть? – я обратился сразу к обоим моим помощникам. – Мне б хоть какую, можно даже не очень чистую.

– Ну, не знаю... – протянул Леший. – У меня подменки нет.

– Я найду, – пообещала Лиза. – Мне только время нужно. Совсем немного времени. – Девушка поспешила меня успокоить. – За полчаса обернусь.

– Вот что, девонька, пока ты там будешь бегать, пусть наш друг посидит, пообвыкнется с вертикальным-то положением, – Леший ногой подтолкнул табуретку так, чтобы та уперлась в стенку. – Мы его с таким трудом поднимали, не назад же теперь укладывать.

Когда я опустился на табуретку, Леший все равно продолжал меня придерживать.

– Давай, Лизок, двигай, а я тут его покараулю, чтоб не сбежал. – Андрюха подмигнул девушке.

– Ладно.

Лиза хотела уже уйти, но затем на секунду задержалась.

Она приблизила свое лицо к моему и поцеловала, правда, в щеку. Устыдившись своей смелости, она тут же рванулась прочь и, опираясь о стену, пошла к двери. Я с болью глядел ей вслед. Когда Лиза вышла и уже не могла меня слышать, я спросил и Загребельного:

– Врач и вправду сказал, что это пройдет, что ей надо разрабатывать ноги?

– Врачи, они только затылки чешут и пилюли от поноса выписывают. А ноги обычно в армии разрабатывают.

Ответ туманный. Ни «да», ни «нет». Но я все понял.

– Значит, это твоя идея? Ты Лизу ходить заставляешь?

– Ноги у нее нормальные, целые. Так что пусть не сачкует и шевелит ими. По крайней мере, вреда от этого точно не будет.

– Леший ты Леший! – с улыбкой произнес я. – Спасибо.

– За что? Это же не подарок тебе. Это так... девчонку жалко. – Тут Загребельный встрепенулся, явно что-то вспомнил. – Кстати, насчет подарков. У меня для тебя один имеется. – Подполковник покосился в сторону своего вещмешка, который на пару с автоматом сиротливо ютился в дальнем пустом углу. – Сам сидеть сможешь? Тебя отпустить можно?

– Да уж как-нибудь, – я спихнул руку приятеля со своего плеча. – Вали давай.

Судя по всему, Загребельный не очень-то верил в мои силы. Он не стал потрошить вещмешок в углу, а притащил его прямо к тому месту, где я отсиживался. Развязав лямку, Ле-

ший запустил внутрь руку, покопался чуток и, в конце концов, извлек небольшой узелок.

– Вот, держи свои сокровища. Небось думал, что потерял? А вот и нет. Возвращаю в целости и сохранности.

Несколько секунд я тупо смотрел на грязный сверток, свернутый из куска темной клетчатой ткани. Затем перевел на Загребельного непонимающий взгляд.

– Это что?

– Э-хе-хе... Видать тебя здорово по голове хряснуло, – сокрушенно вздохнул подполковник. – Свою вещь не узнаешь.

– Мою? – я вновь уставился на узелок.

– В погрузчике был. – Леший начал сеанс реанимации моей памяти. – Я его из погрузчика забрал. Ну... вспоминаешь?

– Вспоминаю.

Я действительно вспомнил. Это был тот самый сверток, который Нестеров вместе с автоматами притащил из храма войны, возведенного кентаврами.

– Развяжи, – прошептал я, чувствуя противную нервную дрожь. Чтобы это ни было, оно пришло из того места, из того мира, жуткого мира смерти.

Леший колебаться не стал. Он ловко распутал узел. Края ткани еще не разошлись, но я уже ясно видел пробивающееся из под них голубоватое свечение. Царивший в палате полумрак этому даже очень способствовал.

– Помогай, а то рассыплю, – попросил Загребельный. – Подставь руки.

Я послушно сложил ладони лодочкой и опустил их на колени. Как раз вовремя. Край ткани прогнулся, и из узелка вывалились три крупных голубых кристалла.

Они были правильной круглой формы. Поверхность шершавая. Складывалось впечатление, что вся она покрыта множеством крошечных сколов. Однако, глядя на эти чудо-камни, каждый сразу понимал, что в них главное совсем не форма, размер или количество граней, главное то, что находилось внутри. Под оболочкой каждого из кристаллов был заключен целый мир, вернее небо этого мира. В нем кружились темные пятна облаков и сверкали голубые молнии.

– Красиво, – Леший задумчиво глядел на огоньки в моих ладонях.

– Они вибрируют, – я поднял глаза на приятеля.

– Есть чуток.

– Что это?

– Господи, опять двадцать пять! – Загребельный скорчил мученическую мину. – Это кристаллы из контейнеров. Тех самых, о которых говорил одноглазый. Помнишь, ты даже нашел один такой?

– Контейнер помню. Ну, а чтобы я успел насобирать вот такую кучу...? Это не мое. Это сделал кто-то другой.

– Другой, говоришь? – Загребельный бухнул мне на колени весь узелок и откинул края ткани.

– Цирк-зоопарк! – только и смог протянуть я, когда увидел, что сверху горки кристаллов лежит маленькая коро-

бочка из оргстекла. Внутри пластикового параллелепипеда легонько колебалась тонкая голубая рамка.

– Узнаешь?

– Кажись.

– Кажи-и-ись, – перекивил Леший. – Голова твоя дырявая.

– Стоп, Андрюха, – я замотал головой. – Не делай из меня идиота. Все это хозяйство раздобыл милиционер. Он его притащил из храма, что возвели кентавры. Я это прекрасно помню.

– Это точно?

– Точнее некуда.

– Если все так, то выходит, что не один ты гоняешься за всем этим добром. Наши шестипалые «друзья» его тоже собирают. Вопрос для чего?

– Вопрос несложный, – я вновь смотрел на лежащие у меня на коленях сокровища кентавров. – Если это все Нестеров нагреб в храме, значит перед нами предметы культа, объекты поклонения.

– Поклонения ханхам, – развил мою мысль Леший. – Выходит, они хорошо знают ханхов. Кентавры не побочный эффект их пребывания на Земле, такой, как все остальное зверье. Они доставлены к нам специально.

Я вдруг вспомнил, что к такому же выводу пришла и Нина. Только заходила она с другой стороны, я бы сказал с чисто эволюционной. Что ж, два очень даже неглупых челове-

ка сделали одно и тоже открытие. А это практически полная гарантия, что так оно и есть на самом деле.

– Осталась самая малость. Выяснить, за что нам такой подарочек, – окончание своей мысли я произнес вслух.

– Зачем...? – Загребельный невесело ухмыльнулся. – Когда мы поймем зачем, то наверняка сможем остановить это нашествие.

Мы оба замолчали, обдумывая всю значимость этой теории. Я чисто автоматически перебирал камни. Их было десятка три плюс моя коробочка, плюс... в узелке находились еще два предмета. По сравнению с кристаллами невзрачные на вид. Сперва я даже не обратил на них внимание. Черный тонкий диск, с виду напоминающий обычный лазерный Си-Ди, и катушка с навитой на ней тонкой серебристой проволокой. Почти обычная катушка, если бы не одно «но». Сделана она была из сплава так хорошо мне знакомого – бронза с каким-то странным золотистым отливом.

– Знаешь что это такое? – я повертел в руках свои новые находки.

– Откуда? – Андрюха пожал плечами. – Я и кристаллы то опознал только потому, что раньше видел.

– Видел? – удивился я.

Леший молча залез в кармашек своего вещмешка и добыл оттуда два точно таких же сияющих голубым светом камешка. Он швырнул их на общую кучу и пояснил:

– Прошлым утром..., когда твой подопытный кентавр ис-

парился, балки, которые его удерживали, рухнули и раздавили контейнер. Он упал рядом со мной. Из разлома вывалились вот эти. Только я их цапнул, как тут же и началось...

Загребельный умолк, не желая возвращаться в болезненной для нас обоих теме.

– Понятно, – я взял в руку коробочку с рамкой, а на все остальные трофеи накинул уголок тряпицы. – Спрячь до поры до времени. Может, когда-нибудь и пригодится.

– А зачем же тогда ты все это искал, если не уверен?

Загребельный стал аккуратно упаковывать мусор, доставшийся нам от ханхов. А ведь и вправду мусор! Когда-то видел фильм об одном африканском бушмене, который как с писаной торбой носился с обычной стеклянной бутылкой. Ее скинули с пролетавшего над саванной самолета, но для бушмена это был магический предмет. Чертовски похожая история. Обидно. Ведь в хламе, который ханхи вышвырнули на помойку, мы тоже видим чудеса и магию.

– Зачем искал? – Загребельный уже громче повторил свой вопрос, когда заметил, что я тупо уставился в пространство перед собой.

– Искал? – я вспомнил, о чем мы только что говорили. – Да скорее всего хотел проверить... вернее еще раз доказать себе, что Одноглазый со стены и впрямь существовал.

Леший тут же подхватил эту мысль:

– Так ты говоришь, что вновь видел его?

– Угу, видел, – пришло время каяться. – Это не мы ото-

гнали призраков, а он.

Тут я рассказал приятелю всю эту историю, благо она оказалась не такой уж и длинной.

– Да-а-а, нам бы такие гранаты не помешали, – сделал вывод подполковник.

– И ты веришь моему рассказу? – я в упор поглядел на приятеля.

– Верю, – Лешего даже удивил мой вопрос.

– Тогда тебе легче, – грустно вздохнул я. – А вот я уже не знаю чему верить. Запутался. В голове каша, полная каша.

– Факты, как говорится, упрямая вещь, – Андрюха потряс в воздухе вновь упакованным свертком, а затем стал запихивать его назад в вещмешок.

Именно в этот момент входная дверь и распахнулась. На пороге появились Лиза и Пашка. Оба взмыленные, запыхавшиеся, с перекошенными от страха лицами.

– Случилось чего? – Загребельный метнул на них пристальный взгляд.

– Беда! – вскричала девушка. – Призраки! Они прорвали периметр!

Глава 14.

Никогда не думал, что буду так спешить навстречу верной смерти. Спешить сам и тащить за собой друзей. Прямо затмение какое-то в голове. Что мы могли противопоставить

призракам? Два автомата, Лешего да Пашкин? Ах, да, конечно, у Андрюхи еще был подствольник! Арсенал как раз для охоты на тех, кого и бомой-то не возьмешь. И все же мы бежали. Пашка с Лешим тащили меня, Лиза сзади волокла оружие.

На выходе из санчасти мы буквально сбили с ног фельдшера.

– Куда вы, черт побери?! – вскричал насмерть перепуганный Виктор Ильич.

– Где Крайчек? – проревел в ответ Леший. – Где формируется заградительный отряд?

– Какой еще отряд? – слова подполковника заставили медика еще больше затрястись. – Убежище закрыто. Выйти наружу означает неминуемую смерть. Там призраки!

– А ведь он прав, – Загребельный метнул на меня вопросительный взгляд. – Вход заблокирован, и никакая сила не заставит местных его открыть. – В конце своих слов Леший то ли зарычал, то ли застонал. – Дьявольщина... у меня там восемь человек на четвертой стене. Все, кто в живых остался. А я здесь, как крыса в подполье.

– Два резервных хода! – в моем измочаленном мозгу все же родилась светлая мысль. – Их не охраняют. И там двойные двери. Можно войти без риска впустить тварей внутрь.

– Один вход совсем рядом! – вспомнила Лиза.

– Безумцы! Остановитесь! – вскричал фельдшер.

Безумцы? Что ж, мы похоже и впрямь были не в себе. Но

только это еще не безумие. Безумие наступит утром, в тот самый миг, когда мы выйдем наружу и обнаружим поселок мертвым, пойдем, что пока мы трусливо прятались под землей, здесь творился ад, настоящий ад. И он повторится снова, обязательно повторится, поскольку трусам и предателям там самое и место.

– Ильич, ты пойдешь с нами! – это был приказ.

– Я...? Я...! – фельдшер хотел протестовать, но это местоимение застряло у него в глотке, как кость.

– Не дрейфь. Закроешь за нами дверь и все. – Больше никому ничего объяснять не требовалось, и я прохрипел: – Вперед!

Все то время, что мы тащились до резервного хода, я думал, вернее пытался думать. Прорыв мог произойти только, если вырубилось освещение. Но свет в убежище горит. Значит дизель работает исправно. Выходит, проблема на одном из участков периметра. Там освещение следует восстановить или заменить. Как и чем? Вот это можно выяснить уже только на месте. Если, конечно, доберемся до этого самого места.

Дверь шлюза вынырнула из-за очередного поворота совершенно неожиданно. Лиза оказалась права, мы были очень близко. Полсотни шагов, и вот она, пожалуйста, калитка в преисподнюю.

– Открывайте! – скомандовал я.

Первым на мой приказ среагировал Пашка. Оставив меня на попечение Загребельного, он тут же повис на заржавев-

шем рычаге. Этим ходом давно не пользовались, да к тому же механизм запираения был самопальным. Само собой, что он поддавался с большим трудом.

– Я помогу.

Леший уже хотел передать меня на попечение фельдшера, но я запротестовал.

– Нет. Ильич, помогай ты.

Загребельный искоса глянул на меня, но ничего не сказал.

Общими усилиями Пашка и медик все же победили заржавевшую рукоять. Тяжелая дверь с мерзким скрипом отползла в сторону. Я увидел, что с ее обратной стороны все идентично. Точно такой же ворот и даже есть скоба, за которую можно тянуть. Это хорошо, просто замечательно. Это как раз то, что мне и нужно.

– Лиза, давай сюда оружие, – я протянул руку за автоматом и только сейчас сообразил, что продолжаю судорожно сжимать в пальцах коробочку с рамкой. – Спрячь это. Подарок. – Я вырвал из рук девушки Пашкину аксуху, а вместе него сунул ей маленький приборчик.

Когда Леший последовал моему примеру и завладел своим верным АКС, настало время для новой вводной:

– В коридоре за поворотом две керосиновые лампы. Зажечь и принести. Быстро!

Как я и предполагал, исполнять кинулись Лиза и Пашка. Фельдшер с его заторможенными рефлексамии так и остался стоять, обеими руками вцепившись в ворот.

– Ну, с богом, – когда ребятня скрылась за поворотом, шепнул мне Леший.

– Пошли, – я кивнул. – Ильич, закрывай дверь.

– А как же лампы? – проблеял вконец запутавшийся медик.

– Закрывай, я сказал!

Мы с Лешим не задержались более ни на секунду. Шагнули за толстый железный порог. Когда тяжелая створка за нашей спиной уже почти влипла в резину уплотнителя, я обернулся. Сквозь ярко освещенную щель я увидел Лизу. Она бежала вслед за нами и глаза ее были расширены от ужаса.

– Живи, девочка, я тебя заклинаю, живи, – прошептал я и помог двери закрыться.

В переходном шлюзе стало почти тихо. И так продолжалось до того самого мгновения, пока Лиза не добралась до двери. После этого та стала содрогаться от негромких ударов, а запирающий ворот потихоньку пополз вниз.

– А я все думал, когда же ты их сплывишь, – Леший ухватился за рукоять с нашей стороны и не дал ей провернуться. Затем он выщелкнул из магазина патрон и засунул его сверху язычка замка. Когда дверь оказалась прочно заклиненной, он буркнул себе под нос: – Один патрон, это мелочь. Один патрон нам не поможет.

Я был того же мнения, даже еще более пессимистичен. Огнестрельное оружие штука хорошая, проверенная, только вот случай сейчас не тот. Не на того зверя мы собираем-

ся охотиться. Хотя... Я прислушался. Снаружи явно доносились звуки выстрелов.

– Слышишь? – Загребельный замер, весь превратившись в слух.

– Стреляют.

Снаружи бой! Живые! Там все еще есть живые!

Этот Андриюхин возглас сработал словно команда «В атаку!», и мы тут же кинулись открывать наружную дверь. От меня, естественно, толку было мало, зато Загребельный... Против его силищи и неистового напора ржавые запоры не могли устоять.

Прежде чем выйти наружу, Леший одним выстрелом разнес тусклую лампочку под потолком. Я понял его поступок. От призраков она бы все равно не защитила, а только привлекла этих бестий. Итак, мы очутились в полной темноте, наполненной лишь хрипом нашего дыхания да стуком сердца.

– Готов? – Загребельный ухватил меня покрепче.

– Давай, – я передернул затвор автомата.

– Поехали!

Леший подналег, и железная дверь распахнулась наружу. В глаза нам ударил свет, яркий свет, которым сияла оборонительная стена номер четыре. Я слышал, как у Лешего из груди вырвался вздох облегчения. Его люди скорее всего пока еще были живы. Вот именно пока. Четвертая стена не могла долго устоять без поддержки пятой, самого длинного и мощ-

ного бастиона всего одинцовского периметра. А вот он-то и был погружен во мрак.

Хотя вру, мрак был неполным. Проектора пятой стены работали, вот только их постигла участь фар моего погрузчика. Они, увы, больше не вырабатывали свет. На фоне четких, будто нарисованных матовой белой краской кругов проносились тени, много теней, десятки, а может даже и сотни. Сейчас они властвовали уже не только на стене, они наполняли зловещими завываниями уже добрую половину лагеря. Я видел, как один за другим сдают позиции, гаснут те редкие фонари, что освещали внутреннюю территорию.

Однако не только призраки наполняли агонизирующий поселок. Сотни людей металась во мраке. Их крики сливались с воплями летучих бестий, выстрелы выхватывали из темноты изогнутые, словно корчащиеся в ужасных судорогах фигуры. Это был единый водоворот смерти, хаос, который уверенно и неизменно пожирал все то, что когда-то именовалось миром людей. Остановить, противостоять этому казалось не сможет ничто... ничто, кроме света. Свет... Да откуда же ему взяться?!

Я думал только об этом. У меня было время подумать об этом. Мы с Лешим оказались на участке, где призраки уже завершили свое грязное дело. Мертвая земля, мертвые камни, даже сам воздух здесь казался мертвым и непригодным для дыхания. Никто из летучих тварей не мог даже предположить, что именно здесь воскреснут две живые души.

Воскреснут и немедленно кинуться в бой не на жизнь, а на смерть.

Я увидел, как в шагах тридцати от меня черными бинтами развиваются страшные щупальца. Они уже практически покрыли молодого парнишку в зеленой куртке и рваных синих джинсах. Его тело, даже то, что оставалось свободным от пут, начало медленно таять, превращаться в легкий туман. Эта голубоватая взвесь словно горячий пар поднималась вверх и наполняла шевелящийся черный купол над головой у несчастного.

Я не мог на это смотреть. А кто бы смог? Это жутко, страшно и одновременно мерзко, когда на твоих глазах до последней капли выпивают человеческую жизнь. Неужто и меня вот так же... Всего несколько часов назад... Гады! В груди вскипел океан справедливого гнева. Не дам! А ну, отпусти пацана, сволочь!

Собрав всю свою силу я одной рукой вскинул автомат и практически не целясь нажал на спуск. Сноп пламени, вырвавшийся из ствола Пашкиной «зажигалки», на мгновение ослепил. Но все равно даже сквозь радужные пятна, что поплыли перед глазами, я увидел, как в покоем на марлю теле призрака образовались рваные дыры. Это было похоже на то, как если бы расстреляли парящий в воздухе воздушный шарик. Черный купол смялся, съежился и по немыслимой траектории рванулся ввысь. Обмякшее недвижимое тело пацана тут же рухнуло наземь. Жив ли он или нет было не понятно,

и выяснять это я не собирался, вернее, просто не имел возможности. Мой выстрел не остался незамеченным. Густая колышущаяся мгла из-под небес с воем ринулась в нашу сторону.

– Ходу, Максим! – Загребельный выпустил длинную очередь в клокочущие черные небеса. – Бежим к стене! Там свет... Нас прикроют!

Стоило Андрюхе это произнести, как один из главных прожекторов четвертой стены стал быстро тускнеть. Очень быстро. Всего через мгновение залитая белым светом площадка около стены превратилась в мутное серое пятно, размеры которого уменьшались. Его сжирал мрак, в котором стремительно тонули здание мастерских, «Урал» с так и не законченным щитом для южных ворот, серебристая автомобильная цистерна...

Когда мой взгляд упал на цистерну, в голове словно прозвучал звонкий щелчок. Вот оно! Источник света, который нам так необходим, который я надеюсь, очень надеюсь, спасет всех нас.

К реальности меня вернул грохот выстрелов. Леший, не переставая, палил во все стороны.

– Помогай, чего ждешь?! – вопил он, и мне почудилось, что в голосе подполковника я впервые в жизни услышал страх.

– Цистерна! – я вцепился в плечо приятеля. – Бей по цистерне!

– Что? – Леший то ли не расслышал, то ли не поверил в подобное богохульство.

– Зажги цистерну, черт побери!

Не дожидаясь, пока до моего приятеля наконец дойдет, я первым дал очередь по расплывчатому серебристому пятну, которое маячило метрах в пятидесяти от нас. Пули ударили в покатый бок огромной емкости, но не пробили его. Они огненными росчерками отрикошетили в небо. Проклятье! Пятерка! Детский калибр! У Лешего немногим лучше, но, правда, у него есть подствольник.

– Андрюха, гранаты! – заорал я во всю глотку.

Леший словно пробудился. Я слышал, как он процедил сквозь плотно сжатые зубы: «Крайчек нас живьем закопает», и сразу после этого прозвучал глухой хлопок смачно харкнувшего подствольного гранатомета.

На то, что произошло потом, мы уже повлиять не могли. Мы превратились в сторонних наблюдателей, которые с затаенным дыханием гадали получится или нет, пан или пропал.

Граната, скользя по покато́й параболе, угодила в крышу автоцистерны. Мощности взрыва с лихвой хватило, чтобы пробить стальную оболочку и воспламенить пары топлива. Взрыв швырнул нас на землю, опалил жаром, заставил замуриться от нестерпимо яркого света. Свет! Да будет свет!

Я видел, как черные тени шарахнулись прочь. Они позабыли не только о нас. Спасаясь от яркой вспышки, они взмыли высоко в небо, на какой-то миг ослабили хватку своих

страшных лап, державших Одинцово за горло. И этого мига хватило. Периметр, весь без исключения, вновь вспыхнул десятками электрических огней.

Лежа на жесткой земле, я глядел на них. Мне было наплевать что было или будет. Сейчас существовало лишь это мгновение, то, что происходило здесь и сейчас. И в нем мы, кажется, победили.

Глава 15.

– Сколько топлива осталось в канистрах? – Крайчек сдвинул брови и поглядел на инженера Ковалева.

– Мало, – Ковалев был чернее тучи. – Литров двести, а может даже и меньше.

– Твою мать! – Кальцев с досадой сплюнул на землю. – Нам и на половину перехода не хватит.

Стоявшие вокруг люди дружно загудели. В неярком свете разгорающегося дня я видел их лица. Изнеможенные, грязные, с глазами полными безысходности и страха. Они пришли сюда, к зданию мастерских... Пришли почти все... все, кто выжил. Они хотели услышать, узнать, что еще не все потеряно, что у них все еще остается надежда на спасение. И что получили в ответ? Ничего. Больше чем ничего. Почти что смертный приговор.

– Какого черта, Макс? – Томас сурово поглядел на нас с Лешим. – Вы взорвали все наши запасы горючего. И взять

его больше нигде.

– Мы спасли поселок, – парировал Загребельный.

– Вы похоронили поселок! – выкрикнул Кальцев, указывая на клубы черного дыма, которые поднимались над обгоревшей цистерной.

– Не взорви мы цистерну, эта ночь стала бы последней для сотен людей, – в разговор вмешался уже я.

– Алэ те люди, шо буллы в убежище, та на других стенах... – начал было Горобец, и его тут же подхватил разъяренный разведчик.

– Вот именно, они бы выжили, а теперь... теперь всем конец!

Услышав эти слова, толпа пришла в движение. Она стала напоминать разбушевавшееся море, и этот гнев стихии предназначался именно нам. Одни просто что-то взволнованно говорили друг другу, другие размахивали руками и не стесняясь крепких выражений нас поносили, третьи... О, третьи это самая круть! Они попытались прорваться к нам и с помощью кулаков и прикладов популярно объяснить, что мы были очень и очень неправы. И они бы это непременно сделали, не окажись в первой линии десятка полтора дисциплинированных бойцов, которые по приказу Крайчека принялись утихомиривать особо активных мстителей.

Честно говоря, мне совсем не было страшно. Все запасы своего страха я истратил этой ночью. А то, что осталось, это был уже не страх, это лишь горечь и досада. Цирк-зоопарк,

и чего было стараться! Для кого? Я пустым взглядом пробежался по толпе. Вот для этого бородатого мужика, брызжущего слюной и вопящего «Порешить гадов!»? Или для этой старушенции, которая не смотря на свои преклонные годы рьяно толкает вставшего у него на пути солдата? А может вот для этого юнца в зеленой куртке и рваных джинсах? Бледный, едва живой, и он туда же. Ишь, паршивец, даже пробует поднять ствол своего замызганного Калаша!

Почему-то я надолго задержал взгляд на этом парне. Что-то он мне напомнил. Что-то мрачное и недавнее... совсем недавнее... Прозрение пришло словно вспышка молнии. Та же куртка, те же джинсы и та же худосочная фигура под ними. Точно, это он! Тот самый пацан, которого я сегодня ночью отбил у призрака. Вот блин, благодарный оказался мальчик! Я горько усмехнулся.

Зря я это сделал, не вовремя и не к месту. Эта моя улыбка подействовала на толпу будто красная тряпка на быка. Народ попер на нас как очумелый, и кольцо солдат уже не могло его сдержать. Именно в этот момент и прогремела автоматная очередь. От нее вздрогнули все, кто сейчас находился перед мастерскими, вздрогнули и притихли.

– Всем молчать! – выкрикнул Кальцев, опуская свой АКМС. – Что за хрень тут происходит?! Вы что, самосуд решили устроить?! Мы люда, а не звери. Мы живем по законам. Или забыли?

Цирк-зоопарк, почти один к одному слова Нестерова.

Здорово Анатолий выдрессировал этого волкодава. Кстати, как он там? Надо будет зайти попрощаться. Весело мы с ним все же повоевали. Никогда бы не подумал, что получится вырваться живыми! Вспомнился наш давешний рейд. Как ремонтировали погрузчик, дрались с кентаврами, мчались по ночному городу. Вот это было действительно круто! Заново переживая события вчерашнего дня, я совершенно потерял интерес к дню сегодняшнему. И это наверное потому, что совершенно точно знал чем все закончится.

– Мы никого не убиваем, – тем временем продолжал Кальцев. – Даже за самые тяжкие преступления наказание одно – изгнание.

– Выбросить нас сейчас за стену это у них не называется убийством, – буркнул себе под нос Леший. – Добрые людишки!

Голос Загребельного словно был услышан. В глубине толпы возникло движение. Кто-то пробивался к нам, и не просто пробивался, но и громко кричал:

– Вы что, сдурели?! Как вы можете?! Это же Ветров!

Нина! Я сразу узнал этот голос. Женщина со злостью расталкивала людей, и те отвечали ей тем же. Но на проклятья и пинки Нина не обращала внимания. Она как ледокол пробивала себе путь.

Увидев жену, Крайчек пошел ей навстречу. Его поддержал Горобец, и через несколько секунд женщина уже оказалась на ристалище, где два гладиатора ждали решения сво-

ей судьбы. Толпа жаждала их смерти, и я был совсем не уверен, что всего один-единственный голос заставит ее смилостивиться. Но, тем не менее, этот голос прозвучал вновь:

– Опомнитесь! Эти люди хотели вас спасти! – Нина осталась в шаге от меня и расставила руки, словно защищая нас с Лешим.

– Нас? Как же! – заверещала в ответ какая-то темноволосая распатланная женщина. – Они думали только о себе! Они спасали только себя! Я видела!

– Что-то не припомню я тебя, родная, – процедил сквозь зубы Загребельный.

Слова подполковника не были услышаны. Они утонули в реве сотен голосов. А, впрочем, если бы даже Леший стал орать во всю глотку, это ничего бы не решило. У нашего преступника появился живой свидетель, вернее обвинитель.

– Вышвырните их! – кричала женщина.

– Отдайте их кентаврам! Смерть! – вторили ей все новые и новые голоса.

– Не правда! – выкрикнула Нина. – Эти люди...

Нина не успела договорить. Ком земли, замешенный на крови и соляре, ударил ей в лицо. Как говориться, дурной пример заразителен, поэтому в нашего защитника немедленно полетели новые комья.

– Прекратить! – Крайчек заслонил свою жену.

– Хватит базарить! – Кальцев вновь вскинул вверх дуло автомата и вновь нажал на спуск.

Похоже, выстрелы на местную публику действовали безотказно. Как и в первый раз, она притихла. Заместитель Нестерова не преминул этим воспользоваться:

– Преступники уйдут! Причем уйдут немедленно! – при этих словах Кальцев покосился на Томаса, и тому ничего не оставалось, как хмуро кивнуть. – Все! Решение принято! Приговор окончательный и бесповоротный. Я сам прослежу за исполнением. – Одинцовский разведчик в сердцах махнул рукой. – А теперь расходитесь. Приводим в порядок периметр.

Еще до того, как толпа сдвинулась с места, Леший начал действовать. Он схватил меня и куда-то поволок.

– Ты что, сдурел? – я вскрикнул, стараясь не застонать от боли.

– Сам сдурел, – прорычал мне приятель. – Шевелись. Забыл что ли? Рассвет! Через полчаса округа будет кишеть кентаврами. У нас не будет шансов.

– Да, конечно... – я почувствовал себя идиотом.

– Макс!

Кто-то крикнул мне вслед. Кто-то... Я точно знал кто и поэтому не обернулся. Что такого Томас мне может сказать, и что я могу ответить ему? Какую-нибудь банальность типа: «Прощай, друг... Я не хотел... Так получилось...». Ах, как трогательно. К черту! Не интересуюсь. Тут мне на глаза попала знакомая зеленая куртка, и я сразу же позабыл о одинцовском лидере. Вот это действительно интересно. Вот

с кем бы я сейчас и впрямь желал потолковать.

Леший тащил меня прямо на толпу, как раз в то самое место, где стоял этот местный Мальчиш-Кибальчиш. Вид у Лешего был грозный, и это еще мягко сказано. Встретишь такого на узкой дорожке, зайкой останешься до конца своих дней. Не мудрено, что люди перед ним расступились. Когда мы проходили по живому коридору, мой ночной крестник оказался совсем рядом, и я не удержался. Схватил его за рукав, притянул к себе и глядя прямо в глаза поинтересовался:

– Ну... Как полетал, сынок? Понравилось тебе в брюхе у призрака?

Пацан рванулся от меня как от огня. Можно было подумать, что я сам на мгновение стал призраком. Я не стал его удерживать. Беги, голубь, и помни полковника Ветрова.

Когда мы уже практически вырвались из живого моря, я услышал еще один окрик:

– Дядя Максим!

Вот на этот голос я не мог не обернуться. Пашка изо всех сил пробивался к нам.

– Стой, Андрюха, стой! – я рванул Лешего за плечо.

– Да ты что... – Загребельный начал и осекся. Он тоже увидел парнишку. – Быстрее, пацан! – Заорал подполковник. – Парни, помогите ему. – На этот раз Леший обращался уже к двум своим бойцам, которые каким-то невероятным образом возникли рядом с нами.

Спецназовцы быстро справились с поставленной задачей,

и уже через десяток шагов Пашка присоединился к нам.

– Меня Лиза послала, – отдуваясь, прокричал он. – Она знает, что вы живы. Вот я и принес...

– Молодей, – Леший выхватил из рук пацана свой вещмешок.

– Дядя Максим, но как же так? – из груди мальчишки вот-вот было готово вырваться рыдание. – Я слышал. Я все слышал. Они вас...

– Где Лиза? – я не позволил Пашке произнести грязное слово.

– В санчасти. Раненых много, и доктор попросил...

– Все ясно, – я задыхался от бега и боли. – Передай ей...

Нет, не надо. Лучше поцелуй. Поцелуй за меня.

– Отдай ему аксуху, – прокричал Леший, который сейчас был весьма далек от всяких там нежностей и сентиментальных чувств.

– Что? – не поверил я своим ушам.

– Отдай! Мои парни тебе настоящую пушку принесли.

Я не видел у сопровождавших нас солдат запасных стволов, однако спорить не стал.

– Павел, держи, – сорвав с плеча маленький автомат, я кинул его мальчишке. – Спасибо за все.

– Я с вами! – вдруг неожиданно заявил юный разведчик.

– Я тебе дам «с вами»! – я рывкнул так, что у самого заложило уши. – А о Лизе кто позаботится? Ступай к ней! Защити ее!

Для меня стало полной неожиданностью, что после моих слов Пашка тут же отстал. Он пропал из поля зрения так неожиданно, что я даже опешил. Оглянувшись, я увидел как пацан со всех ног мчится в направлении убежища. Неужто хочет притащить свою сестру на торжественную церемонию отбытия героев? Я бы, конечно, отдал все за еще хотя бы один взгляд на Лизу, но только не такой, не последний, не прощальный. Пусть уж лучше все произойдет без нее, в чисто мужской компании.

Мне было хорошо видно, что за нами, не отставая ни на шаг, двигался небольшой отряд. Кальцев, а с ним человек десять. Все с ног до головы увешаны оружием. Видать бояться, что мы напоследок выкинем какой-нибудь фортель. Идиоты! Лично как по мне, так лучше на обед к кентаврам, чем оставаться в этом милом поселке.

Возле стены нас уже поджидали, причем поджидали сразу две делегации. В одной группе я узнал людей Лешего, вторая же состояла из трех мордovorотов Кальцева, которые сопровождали... Цирк-зоопарк, да это же тот самый парень... тот, что бросил на произвол судьбы наставника Пашки и Лизы. Как же его... Блюмер? Точно, Сергей Блюмер.

Ситуацию прояснил сам господин Кальцев:

– Забирайте его с собой, – он мотнул головой в сторону долговязой фигуры с поникшими плечами. – Нам такое добро ни к чему.

Мы с Лешим промолчали. Это же не подарок, от которого

можно отказаться. Все равно Блюмера вышвырнут из лагеря, причем не посчитавшись с нашими «да» или «нет». Так какого хрена терять драгоценное время на пустые разговоры?

Правда Загребельный его и не терял. Передав меня двум своим людям, он тут же начал экипироваться. Бронежилет, подсумок, вещмешок... полные магазины, гранаты, нож. Леший разобрался со всем этим с точностью и быстротой запрограммированного робота. Когда щелкнула последняя застежка, он поднял глаза на своих бойцов. Загребельный уже приготовился для последнего «Прощайте!», как один из солдат его опередил:

– Товарищ подполковник, мы идем с вами.

В голосе спецназовца слышалась такая уверенность, что Леший так и застыл с открытым ртом. Вот кто был готов к такому повороту дела, так это Кальцев:

– Нет, мы вас не отпускаем! Для обороны поселка нам требуются бойцы.

– Мы не ваши подчиненные, – возразил все тот же боец. – Как пришли, так и уйдем. Будете препятствовать, пожалеете.

Это были слова бывалого офицера спецназа, жесткие, уверенные, острые как оточенный клинок. Словно почувствовав эту сталь у своего горла, Кальцев процедил:

– Обратной дороги не будет. Назад мы вас не пустим.

На что боец лишь с гадливостью сплюнул и тут же скомандовал:

– Все наверх!

Когда мы поднимались по лестнице, я слышал как Загребельный прошипел, обращаясь к своему подчиненному:

– Костя, вы хорошо подумали?

– Один хрен подышать, что тут, что там, – ответил тот. – Только здесь тошно, с этими гнидами.

Больше никто ничего не сказал. Слышался лишь топот ног да свист дыхания. Еще постанывал я, но это было всего пару раз, когда меня уж чересчур резко дернули.

Оказавшись на стене, я глянул на горизонт. Уже почти рассвело. Осаждающая орда пока не появилась, но это пока. Очень скоро они будут здесь.

Мой следующий взгляд был обращен на стену. К нашему изгнанию уже готовились. Значительно поредевшая команда караульных приподняла спираль колючей проволоки и теперь пыталась спустить лестницу.

– Помогите им, живо! – приказал Леший.

– Где мое оружие? – я вспомнил о немаловажной сейчас детали.

– Оружие полковнику! – прокричал Загребельный и тут же поймал брошенный ему АКС-74. – Держи. – Он повесил автомат мне на шею, а затем помог засунуть руку под ремень. – Все, теперь можешь мочить гадов.

Андрюха притянул мою голову к своей и мы легонько стукнулись лбами. Я видел как раньше так делали его люди. Это в их команде что-то типа приветствия братьев или обещания насмерть стоять друг за друга.

– Готово, командир! – выкрик одного из спецназовцев заставил нас рвануться вперед.

Цирк-зоопарк, должно быть все это прикольно выглядит со стороны! Я подумал об этом, когда увидел вытянувшиеся от удивления лица одинцовских караульных. Они должно быть подумали, что это не нас выгоняют, а мы сами по своей собственной воле хотим поскорее отсюда смыться. Зная кто перед ним, каждый из местных наверняка думал: «Черт побери, спецназ уходит, значит знает что делает. Тогда какого же рожна остаюсь я?»

От этой мысли, которую подкрепляли все новые и новые перепуганные, ничего не понимающие взгляды, мне стало очень смешно. Нервы, наверное. Приговоренные перед казнью ведут себя по разному. Одни мочат штаны, а другие ржут до упаду. Ваш покорный слуга вероятно как раз из числа вторых. Чтобы веселья стало еще больше, я выкрикнул:

– Все кто хочет, айда с нами!

Несколько человек действительно рванулось. Однако Кальцев оказался тут как тут.

– Стоять! – заорал он, передергивая автомат.

Беглецы замерли на месте, а я прикусил язык. Потому что понял, стрелять наш добрый «ангел-хранитель» собирался совсем не в них.

– Рехнулся?! Нам только этого еще не доставало, – прошипел Загребельный и легонько подтолкнул меня к лестнице. – Лезь давай. Ребята снизу подстрахуют.

Меня действительно страховали на протяжении всего спуска. А с последней перекладины буквально сняли. От такой чрезмерной опеки мое мужское самолюбие конечно же протестовало, но с другой стороны... с другой стороны я был благодарен этим парням. Действие болеутоляющих заканчивалось, да и к тому же я потратил слишком много сил. Казалось больше, чем имел.

Тут я хорошенько обложил себя последними словами. Нашел, блин, время рассуждать о своем драгоценном здоровье! Ты уже и так управился. Именно из-за тебя мы все оказались в этой жопе. А лежал бы себе тихонько в своей санчасти, может и протянул бы еще недельку-другую. Помер бы в объятиях красивой девушки. А так... Короче, держись урод! Держись даже через немогу!

Последним вниз спустился Загребельный. Впереди него Блюмер. Мой приятель все же пропустил парня вперед, а сам замыкал, как бы прикрывал с тыла всю нашу группу. Подумав «всю группу», я понял, что изгнанный одинцовец теперь тоже член нашего маленького отряда. Леший принял его. А ведь вполне мог и послать, учитывая его, так сказать, прошлые «заслуги». Спецназовцы они того... трусость на дух не переносят.

– Чего стоите?! – прокричал Леший, едва ступив на землю. – Уходим, быстро. Зверев, Осокин, Казарян, в голову колонны, бегом марш! Направление высотное здание.

Мы понеслись со всех ног. Понеслись... Хорошо сказал!

Кто понесся, а кого понесли. Я, конечно, тоже старался помогать. Правда, помощь моя в основном заключалась в попытках не волочить ноги, а перебирать ими, катиться и не тормозить тащивших меня солдат. Хотя эти мужики упрямо, не издав ни звука, перли бы меня на себе даже окажись я килограмм так под сто пятьдесят и притом в полной отключке. Железные парни, не то, что эти жалкие, убогие одинцовские людишки. А вообще-то что с них взять? Они же просто люди. Самые обычные люди. Они боятся, они подавлены и растеряны, они не знают чего ждать от следующего дня, часа, минуты.

В этот миг я уловил чей-то взгляд, а может даже не один, множество взглядов. На меня, на всех нас глядели откуда-то сверху. Я с трудом ухитрился повернуть голову и посмотреть на стену. Там стояли люди, много людей. Некоторые махали нас вслед, от всего сердца желая удачи.

– Вот же цирк-зоопарк... – только и смог простонать я.

Глава 16.

Как бы сильны и выносливы ни были люди Лешего, но я все равно прекрасно понимал, что быстро тащить они меня не смогут. От реальности не уйдешь, от фактов тоже. Я обуза. Самая настоящая обуза. Без меня Лешему, быть может, и удастся вырваться из города.

– Андрей! – я негромко позвал.

– Командир! – один из бегущих рядом бойцов передал мой зов назад.

Загребельный ускорился и через мгновение уже был подле меня.

– Что, танкист, тяжело? – Леший говорил со мной, а сам беспокойно озирался по сторонам. – Потерпи, браток, скоро все закончится.

– Подполковник, слушай меня, – легкие разрывались, и прежде чем продолжить мне пришлось хватануть ртом воздух. – Как старший по званию я приказываю...

– Ага, прямо сейчас! – перебил меня Загребельный. Это мое официальное вступление объяснило ему все. – Размечтался, герой сраный! Терпи, я сказал.

– Не во мне дело, – зарычал я. – Вы не успеете... не уйдете из города.

– Наивный, – Леший нервно хохотнул. – Да мы по-любому не успеем.

– Куда же мы тогда?

В этот момент на пути у группы повстречалась глубокая канава. Бойцы перепрыгнули ее, а вот меня пришлось перетягивать. Но оказавшись на другой стороне, я не позабыл о своем вопросе:

– Куда же мы бежим?

– Вот он знает, – Загребельный взмахом руки подозвал к себе Сергея Блюмера. – Ну, далеко еще?

– Вон за тем домами, – эксразведчик указал в сторону

двух административных сооружений. – За ними улица Советская. Трехэтажный дом. Бункер как раз в нем.

– Бункер? – выдохнул я.

– Говорят милое местечко. Тебе должно понравится, – отшутился Леший. Для своих же людей у него были заготовлены совсем другие слова: – Быстреей, бродяги! Не растягиваться! Поднажали!

Леший вдруг вскинул автомат и практически без подготовки выстрелил. Его поддержали еще несколько стволов. Цели, по которым открыли огонь спецназовцы, находились сзади, и видеть их я не мог.

– Кто? – прохрипел я.

– Продолжать движение! – Загребельный не удостоил меня ответом, а сам тут же отстал.

– Кто? – повторил я свой вопрос, обращаясь уже у тащившим меня бойцам.

– Муравей. Падлюка, и откуда взялся? – прорычал солдат справа.

– Завалили уже, – сообщил его напарник.

– Все равно шума наделали, – продолжил первый. – Вот, черт, невезуха какая!

Боец как в воду глядел. Впереди, из-за поворота вылетели сразу три серо-желтых клубка. Они быстро развернулись, превращаясь в двухметровых насекомых, которые своей окраской и внешним видом напоминали огромных ос, только без крыльев. Почему-то их прозвали муравьями, хотя

по мне это осы, настоящие осы.

Из страшных, похожих на каменный жернова челюстей, капала слюна. Попадая в кислородосодержащую атмосферу, она начинала реагировать и выделять белый плотный газ. Именно от этого казалось, что в брюхе бестии как в топке пылает огонь, а из глотки словно из дымохода валит дым. Тот еще видок получается, не для слабонервных.

Выхода у нас не оставалось. Огненный муравьи тупые создания и убивают всех подряд, даже когда сыты. Отпугнуть их невозможно, их можно только пристрелить.

Команды не потребовалось. Идущие в голове колонны бойцы тут же открыли огонь. Мозгов у твари действительно оказалось меньше, чем у цыпленка, и они тупо поперли на стволы. Двое муравьев пробежали метров пять, третий их приятель даже вдвое больше. Но только на это их и хватило. Три дымящихся многоногих трупа украсили утренний пейзаж. Почти все как в песне.

– Не останавливаться! – приказал Леший, как только смолк последний выстрел. – Последний рывок!

Оставив по левую руку одиноко стоящее высотное здание, мы выскочили на довольно широкую улицу. Одна ее сторона представляла собой настоящие металлические джунгли. Сотни киосков, лотков и прилавков, некогда образовывавших стройные ряды, теперь стали частью полного хаоса. Картину погрома эффектно подчеркивали разноцветные дырявые тенты и зонтики. Рваная грязная ткань билась на ветру

словно флаги над полем, где отгремела страшная библейская битва. Удачное сравнение. Я подумал, что покореженные металлические конструкции и впрямь смотрятся как скелеты монстров, принимавших участие в этом побоище. Кони, боевые слоны, закованные в броню драконы, все они покоятся именно здесь.

Мои мистические видения оборвались как только взгляд натолкнулся на покосившийся облупленный рекламный щит. На грязно-сером фоне красными буквами было выведено: «Бункер. Ночной клуб». Под надписью красовалась полустертая стрелка, которая указывала направление. Что за цирк-зоопарк? – мелькнуло у меня в голове. – На кой черт нам этот гребаный кабак?

Ответ я узнал самостоятельно, как только увидел вход в этот самый Бункер. Пробежав метров пятьдесят по улице, мы оказались возле двухэтажного домишки старой постройки. Вход в подвал находился прямо со стороны улицы. Именно над ним и красовалась украшенная шляпками огромных бутафорских болтов ржавая вывеска «Бункер». Самое замечательное, что дверь в этот оазис довоенного одинцовского экстрима была врезана герметичная, тяжелая, с колесом воротобразного запора, короче, как в бомбоубежище.

Вот тут до меня и дошло. Скорее всего, это и есть старое бомбоубежище, только за ненадобностью переданное в частные руки. Настоящая удача, что оно оказалось так близко от поселка. Вот только дверь закрыта. А что если там замок?

Словно прочитав мои мысли, Сергей Блюмер кинулся ко входу и стал быстро вращать запорное колесо. Оно шло плавно, будто недавно смазанное. Еще через мгновение дверь открылась, причем так же легко, без всякого скрежета или даже скрипа.

– Все внутрь! – скомандовал Леший и, повернувшись ко мне, подмигнул: – А ты говорил... Ничего, еще побарахтаемся!

Лишь только тяжелая дверь захлопнулась за нашими спинами, вокруг наступила ночь. Непроглядная душная ночь, наполненная запахом плесени и пыли. Однако это длилось всего мгновение. Несколько лучей вспыхнули практически одновременно. Фонарики у спецназовцев имелись и, судя по всему, находились под рукой.

– Осмотреться, – приказал Загребельный.

– Не волнуйтесь, – тяжело дыша успокоил его Блюмер. – Здесь никого нет. Это одно из наших убежищ. Мы и дверь смазали, чтобы не демаскировала.

Как бы желая подтвердить свои слова, продемонстрировать что он тут далеко не в первый раз, Сергей спросил:

– У кого-нибудь есть зажигалка или спички?

Когда один из бойцов кинул ему коробок, Блюмер заглянул в какую-то темную нишу и добыл оттуда старую керосиновую лампу.

– Не стоит попусту тратить батарейки, – с этими словами он зажег лампу и двинулся вглубь убежища. – Идемте, там

есть столы и стулья.

– Странно, если бы их тут не было, – усмехнулся Леший и двинулся вслед за нашим новым проводником.

К дизайну обычного советского бомбоубежища его новые владельцы мало что добавили. Те же самые бетонные стены со следами топорной дощатой опалубки, та же самая серая масляная краска, те же матовые допотопные светильники. Вот чего действительно стало больше, так это косоплетов из проводов. Оно и понятно. Скопища всевозможных светомузыкальных аудио и видео установок встречались на каждом шагу. Правда сейчас по большей части они были разбиты и разграблены. Интересно кому в такую жуткую эпоху потребовались цветные лампочки и горелые электронные платы? Эх, жадность человеческая!

Через пару поворотов коридора мы оказались в довольно обширном зале. Здесь действительно было полным-полно пластиковых стульев и столов, правда добрая половина оказалась поломанными. В центре помещения располагался невысокий подиум. Его словно пригвоздил к полу растущий из потолка никелированный шест.

– Ну, кто хочет показать класс? – сострил один из бойцов. Судя по акценту, тот самый армянин по фамилии Казарян.

Все без исключения заржали. Это было чертовски приятно – смеяться. Это было все равно, что воскреснуть из мертвых, снова почувствовать вкус жизни.

– Все, на сегодня война закончена, – отсмеявшись, объ-

явил Загребельный. – Теперь всем отдыхать.

Бойцы медленно разбрелись по полутемному залу. Отдохнуть, по нормальному выспаться у них не получалось уже несколько дней подряд, поэтому не мудрено, что приказ «отдыхать» подействовал на людей как хорошее снотворное.

Каждый расположился где мог. Для меня Леший собственноручно составил вместе три круглых стола. Мне помогли улечься, а в качестве подушки Андрюха выделил свой вещмешок. Правда перед этим он добыл из него войсковую аптечку и вкатил мне дозу болеутоляющего.

– Сейчас полегчает, – пообещал Андрюха. – Лежи. До завтрашнего утра мы здесь на постое. До завтрашнего утра идти все равно некуда.

– Они вибрируют, – тихо протянул я, бездумно глядя в бетонный потолок.

– Кто вибрирует? – не понял Леший.

– Камни в твоём рюкзаке. Я даже через ткань чувствую.

– Ах, да... камни... – вспомнил Загребельный. – Полагаю, вреда от них не будет. Этот лесник... ну, одноглазый... Он ведь таскал целый патронташ, набитый точно такими же цацками, и не где-нибудь, а возле причинного места.

– Да-а-а... Главное место у мужика, намного важнее, чем голова, – я широко и устало улыбнулся.

– Могу вытащить, – Андрюха потянулся к мешку.

– Ладно уж, пусть лежат, – я остановил его руку. – Такое впечатление, что они помогают, будто вытягивают боль.

– Как знаешь, – Леший убрал руку и сел рядом.

– Чудо, что прорвались, – прошептал я после минутной паузы. – Кентавры что-то сегодня припозднились.

– Припозднились? Это вряд ли, – покачал головой подполковник. – Я уже заметил, по ним хоть часы сверяй.

– Что же тогда?

– Мураши помогли.

– Не понял, – я перевел взгляд с потолка на лицо Загребельного.

– Это мы их так лихо молотим. Потому как одна пуля в голову, и муравей того... мертвее мертвого. А для кентавров они опасность и притом довольно серьезная. Так что когда муравьи рядом, те не очень-то склонны к прогулкам.

– Может и поселку сегодня повезет? – предположил я.

– Кто знает, – пожал плечами Леший.

Неожиданно где-то в глубине бомбоубежища послышался шорох. Источник его находился явно где-то за пределами зала, в котором расположилась вся наша группа. Тихий и осторожный шорох, но тем не менее на него среагировали почти все. Спецназовцы мигом оказались на ногах.

– В коридоре, возле двери... – прошептал боец, ближе всех находившийся ко входу в зал.

– Не может быть, мы ведь там две растяжки поставили, – с недоумением выдохнул тот офицер, которого Загребельный называл Костей. Он как бы оправдывался перед командиром.

– Проверить, быстро! – Леший взмахом руки отправил вперед четверых.

Те рванулись исполнять, и лязг затворов вмиг прокатился по пустынным залам бомбоубежища.

Ответом на эту грозную какофонию стал негромкий крик, человеческий крик:

– Не стреляйте! Мы свои! Мы люди!

Гулкое эхо подземелья придало голосу дребезжащий металлический акцент, однако даже он не смог заглушить в нем живые мальчишеские интонации... до боли знакомые интонации.

– Пашка! – воскликнул я.

Загребельный поглядел на меня как на ненормального:

– Как он мог... – начал было подполковник и тут же осекся. Помолчал пару секунд, а затем с тяжелым вздохом закончил: – Эти могли.

– Эти? – пришла моя очередь непонимающе клипать глазами.

– Он прокричал «Мы свои! Мы люди!». Понимаешь, «мы», а не «я».

– Цирк-зоопарк... – простонал я. – Неужели он притащил с собой...

Закончить фразу мне так и не дали. В зал ввалились четверо отряженных в разведку бойцов, которые сопровождали две невысокие худощавые фигурки. Лизе помогали идти, да и Пашка тоже нуждался в помощи. Мальчуган сгибался под

тяжестью увесистого камуфлированного баула, в котором я сразу узнал ранец для переноски РПГ-32 и выстрелов к нему.

Возможно, господа Орловы ожидали, что сейчас разразится немыслимый скандал. Они готовились к нему, съезжившись и низко понуриив головы. Но ничего подобного не произошло. У меня не было сил скандалить, а у Лешего, видать, не было желания. Но все же существовал ряд вопросов, которые подполковник ФСБ обязан был задать.

– Подойдите сюда, герои, – Загребельный указал на стоявшие рядом стулья. Когда ребятня уселась, Андрюха продолжил: – Как вы сбежали из поселка? – вопрос «Зачем вы сбежали?» задавать было бессмысленно.

– Анатолий Иванович помог, – пролепетала Лиза.

– Какой еще Анатолий Иванович?

– Нестеров, – девушка метнула на меня быстрый взгляд. – Он в сознание пришел, и тебе, Максим, просил привет передать.

– Старый болван, – выругался я.

– Неужели Кальцев согласился? Причем так быстро. – В голосе Загребельного слышалось недоверие.

– Кальцев даже не знает, – хитро улыбнулся Пашка.

– Как же тогда вы перебрались через стену? Как вас пропустила охрана?

– А мы не перебирались через стену, – брат с сестрой украдкой переглянулись.

– Интересно получается, – усмехнулся Леший. – Выхо-

дит, где-то имеется лаз. Я прав? – подполковник внимательно уставился на мальчугана.

– Правы, – Пашка кивнул, но тут же гордо вздернул голову. – Только мы не скажем где он. Мы Анатолию Ивановичу слово дали.

– Посмотрите на них, пионеры-герои, блин! – Андрюха взглядом указал на нахохлившуюся парочку. – А где гранатомет взяли?

– Он не их, а ваш! – уверенно заявил Пашка.

– Сперли, значит! – Леший тяжело вздохнул и, глянув на меня, пошутил: – Вот оно, дурное влияние улицы.

– Вы не волнуйтесь, – спохватился парнишка. – На вас не подумают. Ведь вы ушли раньше.

– На вас подумают! – рявкнул Загребельный.

– Ну и пусть думают, – ответила Лиза. – Мы уже назад не вернемся.

– Еще как вернетесь, и притом сегодня же вечером. Мы проследим, – в разговор вмешался уже я.

– За кражу гранатомета нас все равно выгонят. Не сегодня, так завтра, – парировала Лиза. – Так что лучше мы с вами останемся.

– Умненькие ребяташки, – хмыкнул Загребельный. – Надо же, и это продумали.

Леший произнес это достаточно громко, притом как бы обращаясь ко всем, кто находился в зале. Стоящие вокруг спецназовцы поддержали своего командира кивками и едва

заметными улыбками.

– Как нас нашли? – спросил офицер Костя. – Как вообще решились сунуться за стену?

– Дозорные рассказали, что с южной стороны видели огненных муравьев, – начал Пашка. – Их кентавры очень не любят, значит в сторону Можайского они пока соваться не будут. Это был наш шанс.

Леший с уважением поглядел на мальчишку и сразу же спросил:

– А что потом бы делали? Где бы нас искали?

– Как где? Здесь, в «Бункере». – Вступила в разговор Лиза. – Вы же не самоубийцы, чтобы в такое время через весь город пробираться. Выходит, должны были где-то отсидеться. Направление, в котором вы ушли, нам сообщили. С вами Сергей... – тут девушка посуровела и поправилась: – С вами Блюмер, который знает о «Бункере». Получается, вы направились именно туда, вернее, сюда, – Лиза выразительно показала взглядом на окружающие нас железобетонные стены.

– А еще мы дохлых муравьев видели и свежие гильзы, – закончил рассказ Пашка. – След лучше не бывает.

– Эти самые муравьи могли вами преспокойно позавтракать, – прорычал я.

– Могли, – спокойно, по-взрослому согласился Пашка. – Риск всегда есть. Но их главное не подпускать. Лиза пятерых издалека сняла, так они больше и не совались.

– Пятерых! – оживились спецназовцы вокруг. – Ну, дев-

чонка! Ну, дает!

Словно пытаясь отобрать у сестры часть всеобщего внимания и восхищения, пацан спокойно заявил:

– А растяжки я ваши снял. Делов-то!

– А зачем снимал? Переступить надо было и все, – возмутился тот боец, который ставил эти натяжные мины. – Я чуть мозги не высушил, пока придумал к чему их в пустом коридоре прицепить.

Пашкину смекалку и расторопность не оценили, и внимание большинства мужчин оставалось прикованным к девушке. Однако Лиза была совсем неглупа и мигом смекнула, что кое-кому это может не понравиться. Она встала со своего места и, стараясь не хромать, подошло ко мне. С решительностью, как будто это являлось ее прямой обязанностью, Лиза взялась за молнию на моей куртке.

– Максим, – мне надо глянуть на твою повязку, – заявила она.

– В порядке повязка, – угрюмо пробубнил я.

– Я посмотрю, – не терпящим возражения голосом настаивала Лиза.

Ну, что с ней поделаешь! Не брыкаться же, как взбалмошный крикливый ребенок. Я позволил расстегнуть куртку, скрипнув зубами, приподнялся, чтобы она могла задрать футболку.

– Ослабла, видишь! – воскликнула девушка, касаясь полос совсем уже не белой ткани у меня на животе. – Я пере-

бинтую.

Мне показалось, что в возгласе Лизы даже проскользнули нотки радости. Конечно же, теперь она получила возможность всю излить не меня свою женскую заботу. Это же самое заметил и Леший. Он едва заметно усмехнулся и тут же громко и безапелляционно приказал:

– Всем отдыхать! Не смущайте полковника.

На счет полковника это он хорошо завернул. Все мои потенциальные соперники тут же ретировались. Уж больно велика дистанция между тремя большими звездами на погонах и тремя, ну в крайнем случае четырьмя маленькими. Выше, я так думаю, никто из людей Лешего подняться не успел. Таким образом подле меня продолжали оставаться лишь Лиза, помогавший ей Пашка и с умилением наблюдавший за всей этой сценой Загребельный.

– Что касается вашей судьбы, так это мы еще подумаем, – чтобы сбить всеобщее идиллическое настроение, заявил я.

– Хорошо, – без тени страха произнесла Лиза. – А вы сами-то потом куда?

– Вариантов немного, – ответил Леший. – Вечером идти не получится. Сумерки короткие. Попадем в ночь со всеми вытекающими из этого последствиями. Так что будем ждать до рассвета, а там уж рванем на юго-восток. Наше единственное спасение – добраться до Подольска.

– И Анатолий Иванович так говорил, – сообщил Пашка.

– Умный мужик, ничего не скажешь, – согласился Андрию-

ха. – Жалко, что остался. Не протянуть им долго.

– Всех жалко, – совершенно серьезно, по-взрослому заявил пацан. – Они ведь вообще-то неплохие. Страшно им всем очень, вот и все. Ведь получается, что призраки в состоянии прорывать даже хорошо освещенный периметр. Да еще эти... горы ходячие...

– Странно, что кашалоты до сих пор не объявились, – продолжила тему Лиза.

– Ничего странного, – Леший уселся на краешек одного из столов, служивших мне кроватью.

– Когда это ты стал экспертом по части кашалотов? – проскрипел я, кривясь от уколов боли.

– Просто применяю серое вещество по его прямому назначению, – отшутился Загребельный.

– Может поделишься своими открытиями? Хоть какое-то занятие.

– Чертовски спать хочется, – зевнул Андрюха.

– Фиг с тобой, катись, – буркнул я.

– Ладно уж, расскажу, – смилостивился подполковник. – Может вы чего и додумаете пока буду отдыхать. Одна голова хорошо, а четыре лучше.

Чтобы отогнать сон, Загребельный помотал головой, потер ладонями лицо и лишь потом начал:

– Вот уже второй день наши многолапые «друзья» не пригоняют сюда кашалотов. Почему? На мой взгляд самое простое объяснение состоит в том, что кентавры их еще не от-

ловили.

– Отловили? – в один голос воскликнули Лиза и Пашка. Я же в этот момент мог лишь застонать, поскольку оба юных медработника меня просто отпустили. Удерживаться пришлось напрягая собственные, превращенные в основательно отбитый бифштекс, мышцы.

– Ой, прости, Максим! – Лиза тут же меня подхватила.

– А где кентавры их ловят? – похоже Пашку больше интересовали кашалоты, чем искалеченный полковник бронетанковых войск.

– Там, откуда приходят. Там, где проводят ночь, – Леший покосился на Пашку. – Ты ведь, наверное, знаешь, что по ночам кентавры как все приличные люди не шастают по улицам?

– Знаю. – Пацан не прореагировал на шутку, наоборот он посерьезнел и призадумался. Плодом этих раздумий стал следующий вопрос: – Товарищ подполковник, а поконкретней вы ничего сказать не можете?

– Поконкретней? – Загребельный понял, что шуткой тут не отделаешься. Требуются настоящие ответы. – Может кентавры умеют открывать двери в другие параллельные миры, а может путешествовать сквозь пространство и время.

– В прошлом Земли таких зверей не было, – с уверенностью заявила Лиза. – Я палеонтологию очень любила.

– А в будущем? – задал вопрос я.

– В будущем? – от удивления девушка открыла рот.

– Это один из вариантов, – горько усмехнулся я. – А вообще-то мы ничегошеньки не знаем. Мы никогда не видели этих проходов или, как их некоторые называют, туннелей.

При этих словах я глянул на Лешего. Он кивнул, показывая что понял и помнит кто он такой, этот самый «некоторый».

– Мы, кажется, отвлеклись, – Загребельный вспомнил об этом, когда очередной раз зевнул.

– Да, точно, – подтвердил Пашка. – Вы говорили, что кентавры отлавливают кашалотов.

– Вот именно, отлавливают и доставляют сюда, к нам. Они придумали использовать их как тараны или стенобитные машины.

Придумали или им подсказали? – подумал я. Сразу вспомнился тот человек, нет, вернее, то существо в черном плаще. Ведь, как мне показалось, именно после общения с ним кентавры вдруг кинулись изготавливать первые образцы холодного оружия. Не исключено, что и кашалотов использовать посоветовал именно он или кто-то такой же как он.

– Пока все сказанное тобой мы и так знали, – я вновь сосредоточился на рассказе приятеля.

– Это было так... вступление, – ответил подполковник. – Теперь главное.

– Твоя гипотеза, – уточнил я.

– Она самая, – Леший кивнул. – И суть ее в следующем. Кашалоты это по всей видимости зверье дикое и абсолют-

но безмозглое, ими надо управлять, контролировать, их надо гнать в нужном направлении, как пастух гонит стадо.

– Логично, – перевязка наконец была завершена, и мне позволили лечь.

– Рад, что ты согласен, – Загребельный сполз со стола и начал прохаживаться рядом. То ли так было лучше думать, то ли бороться со сном. – Тогда может ответишь, кто осуществляет этот контроль?

– Кентавры, кто же еще! – за меня ответил Пашка.

– Какие кентавры?

– Те, что идут рядом с кашалотами, – я вспомнил виденную недавно картину, на которой три окутанные голубыми молниями горы медленно ползли в окружении плотного кольца кентавров.

– И как именно осуществляется этот контроль? Гавкают они на кашалотов, кусают, а может за веревки тянут?

– Вроде нет, – я напряг память. – Ничего такого я не заметил.

– И я, – поддакнул Пашка.

– Выходит, контроль на уровне подсознания, а быть может при помощи какого-то излучения или поля.

– Ну-у-у... вполне возможно, – протянул я.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул подполковник ФСБ. – До этого момента у нас с вами полное понимание и единомыслие. Посмотрим что будет дальше. Скажите мне, а что приключится если этот контроль вдруг пропадет?

– Разбегутся буренки, разбредутся кто куда, – предположил я.

– Это ты говоришь об обычных коровах, а не о тех, что прибыли к нам из другого измерения.

– А что будет с коровами из другого измерения? – поинтересовалась Лиза.

– Возможно, очень возможно, что они отправятся назад, в свой мир.

– Это ты хватил! – присвистнул я.

– А почему нет?

– Просто это как-то... незатейливо.

– Все гениальное просто, – напомнил Леший.

– По-твоему получается, перестреляй конвой и пленные тут же кинутся к себе домой?

– В полнее может быть, – Леший пожал плечами. – Мы этого не делали. Вечно пытались завалить самую крупную, а значит потенциально более опасную цель. Считали, что с мелочевкой разберемся потом.

Слушая нашу дальнейшую беседу, молодежь молчала. Для Лизы и Павла все это было как удар обухом по голове, неожиданно и во многом не понятно.

– Не сходится, – объявил я после секундного раздумья.

– Что не сходится?

– Почему кашалоты пропали позавчера? Насколько я помню их погонщиков мы не трогали.

– Мы тоже... – невесело покачал головой подполковник.

– Тогда что произошло? Почему они, как ты говоришь, ослабили контроль?

– Не знаю. Надо подумать. – Леший пожал плечами. – В моей теории не хватает какого-то винтика. Я ее и рассказал, чтобы вы помогли мне его отыскать.

Думать мы принялись все вместе. И долго так думали, минут пять, да еще в полумраке и полной тишине. Не всем эта работенка оказалась по плечу.

– Короче, вы как хотите, а я спать пошел, – в конце концов заявил подполковник. – Только вот сейчас человека к дверям поставлю. – Леший принялся вглядываться в скорчившиеся вдоль стен фигуры своих людей.

– Не будите их, – попросил Пашка. – Разрешите я подежурю?

– А не заснешь?

– Никак нет, – отчеканил пацан. – Я позапрошлой ночью не стене стоял, так что вчера целый вечер спал.

– Ладно, дежурь, – согласился подполковник. – Чуть что ори или стреляй.

– Будет сделано, товарищ подполковник.

Когда Леший и Пашка уходили, я с улыбкой поглядел им вслед. Два брата-акробата. Мальчишка, может даже и не осознавая этого, пытался подражать Загребельному. Манера держаться, походка, даже автоматы висят по одинаковому, того и гляди зашагают в ногу. Да... кумиры меняются быстро. Тебе, Максим Григорьевич, без БТРа не угнаться за ли-

хим командиром спецгруппы.

Вот кто по-прежнему оставался моим верным спутником, так это Лиза. И что она во мне нашла? Я и в молодости не считал себя особо привлекательным, ну а сейчас-то, когда годы медленно, но уверенно подбираются к пятидесяти... На роже впалые скулы, перебитый нос, мешки под глазами и седина на каждой второй волосине. Да уж, красавец! Хорошо, что хоть лысины пока нет.

А может совсем не во внешности дело? В некоторых женщинах инстинкт материнства прямо-таки заглушает разум. Им непременно требуется о ком-то заботиться. Вот так и у Лизы. Сперва был Пашка, но он вырастет, становится все более своим и независимым, его уже не погладишь по голове, не покормишь из ложечки. И вот тут-то ей как раз и подвернулся я.

Мне очень не хотелось быть правым, но девушка словно нарочно постаралась укрепить меня в этой мысли:

– Максим, ты наверное есть хочешь? – спросила она, когда мы остались одни.

– У тебя небось и манная каша припасена?

– Нет, – Лиза не поняла, куда я клоню, да и слава богу. – Сухари есть и сгущенка.

– Та самая? Помнится у тебя ее аж две банки.

– Ага, та самая, – Лиза виновато улыбнулась. – Только банка одна, вторую кто-то спер.

– Бывает, – словно утешая девушку, я погладил ее по руке.

Сразу вспомнилась наша первая встреча. Цирк-зоопарк, ведь с тех пор прошло всего три дня, а такое ощущение, что три года. Сколько уже всего было! Только убивали меня столько раз, что пальцев на руках не хватит. А вот чего-то хорошего... Да, пожалуй, все хорошее, что со мной случилось, это только лишь встреча с Лизой, глупой маленькой девчонкой, которой почему-то втемяшилось в голову, что она влюблена в старого танкиста. Самое смешное, что и для старого танкиста она тоже совсем не безразлична.

Я лежал и должно быть с несколько глуповатой не к месту счастливой улыбкой наблюдал за Лизой. Та сходила за керосиновой лампой. Пока Лиза ее несла, мне даже почудилось, что она чуточку поувереннее стала держаться на ногах. Выходит, терапия Лешего помогает. Или это мне только показалось? Или мне рядом с Лизой так хорошо, что все вокруг, вся жизнь кажется светлее, легче и прекрасней?

Девушка поставила лампу подле меня и, усевшись, стала добывать из рюкзака свои скудные припасы. Круглая жестяная коробочка из под печенья, зеленая металлическая фляга в чехле и, наконец, банка сгущенки с затертой сине-белой этикеткой. Сколько же Лиза ее с собой таскала? Все оттягивала удовольствие, хотя наверняка очень и очень хотелось. Девчонки они ведь все сладкожки. И вот сейчас все-таки решилась, как будто у нас настоящий праздник.

– Ой, мне тоже есть хочется! – улыбаясь под моим взглядом, прошептала Лиза. – Голодная, как кентавр.

– Волк.

– Какой волк?

– Раньше говорили «Голодный, как волк».

– Ну, так это раньше, – Лиза открыла коробку с сухарями и придвинула ее ко мне. – Просто раньше люди не знали кто такие кентавры и сколько они готовы сожрать.

Эти слова девушки меня как-то сразу зацепили, словно сорвали со стопора сжатую пружину, и та все быстрее и быстрее стала распрямляться, готовая вот-вот выпихнуть на поверхность сознания какую-то идею, какое-то открытие. В голове как в калейдоскопе завертелись воспоминания. Бой у магазина. Грохот башенного КПВТ, который рвал на куски десятки ящероподобных тел. Наползающие на нас три исполинские тени. И над всем этим, словно голос репортера, озвучивающего трансляцию с места событий, звучат слова Нестерова: «Только выбрался, а там бойня... вернее, разделочный цех. Кентавры живые и дохлые. Первые жрут вторых. Кровище, вонь, рев...». Жрут? Ну, конечно же, жрут!

– Андрюха, я понял! Я знаю ответ! – я не удержался и выкрикнул это так громко, что Лиза аж подпрыгнула от неожиданности.

– Максим, что с тобой? – в испуге вскричала она.

– Все нормально, Лизушка. Все замечательно, – я успокоил девушку. – Просто я понял. Он оказался прав, этот чертов Леший.

– В чем я прав? – услышался недовольный голос со сто-

роны танцевального подиума.

– Ты не спишь? – уже не так громко поинтересовался я.

– Поспишь тут, холера тебя забери! – Загребельный поднялся и тяжелой походкой направился к нам. Подойдя, он исподлобья уставился на меня. – Ну, чего орал?

– Понимаешь, я понял...! – начал было я.

– Тс-с-с! – Андрюха прижал палец к губам. – Говори тише.

Пусть хоть люди поспят.

– Виноват, – повинился я и продолжил уже в четверть голоса. – Понимаешь, кентавры ведь каннибалы, не брезгают мяском своих мертвых собратьев.

– Зверье, – поддержал подполковник, подтягиваясь.

– Вот и я о том же. Вечно голодное зверье. А ты представляешь, как были голодны те из них, что вели, контролировали кашалотов?

Загребельный задумался, прикинул что-то, а затем согласен кивнул:

– От Красногорска до Одинцова километров двадцать будет. А они ведь не в Красногорске объявились, а где-то в районе Химок. Так что выходит с самого раннего утра топали, сволочи.

– И все не жравши.

Я попытался, чтобы мысль Лешего не соскользнула в сторону. Напрасно старался, подполковник уверенно следовал указанным мной курсом.

– Представляю, как у кентавров закоротили мозги, когда

они увидели ту грудку мяса, которую мы оставили на их пути. Какой ту на хрен контроль! – Леший прикрыл глаза, словно и впрямь пытался увидеть позавчерашние события.

– Бах, и кашалоты возвращаются к себе домой, ну или дохнут, мне собственно говоря без разницы.

– Интересно-интересно, – сон мигом слетел с Загребельного. – Доказательство конечно не стопроцентное. Ты мог просто подогнать имеющуюся у тебя информацию под мою гипотезу. Подсознательно подогнать, – Леший оговорился, чтобы меня не обидеть.

– Мог, – мне было сложно не согласиться.

– А проверить все это можно только одним способом. – Андрюха испытывающе взглянул мне в глаза.

– Расстрелять конвой кашалотов.

– Именно.

– Это легко можно будет сделать со стен. Причем без риска быть атакованными другими, не задействованными в конвоировании кентаврами.

– Легко, – согласился подполковник. – Легко, если обороняющиеся будут знать в кого целить. Если же они по-старинке станут бить по кашалотам или по тем зверям, что окажутся вблизи стен... Все, амба... Игра будет закончена.

Глядя друг на друга, мы замолчали. И были эти взгляды красноречивее любых слов. Вернуться? Спасать тех, кто обречен нас на смерть? Докричаться до разума тех, кто не хочет нас слышать? Сложно. Очень сложно, но все же возможно.

- Вечером, – подытожил Загребельный наш немой диалог. – Попробуем вечером.
- Вечером, – согласился я. – Раньше просто не пробьемся.
- Что вечером? – Лиза переводила взгляд с меня на Загребельного и обратно.
- Вечером мы возвращаемся в ваш гребаный поселок. По крайней мере попробуем вернуться, – поправился Андрюха. – Мы должны предупредить.
- А если ОНИ придут раньше? – Лиза словно побоялась произнести название чудовищ.
- Молись, чтобы не пришли, – Леший произнес это совершенно серьезно, так что девушка даже не посмела усомниться в серьезности его слов.
- Я не... – Начала было она и вдруг испуганно схватила за грудь.
- Что с тобой? – я вцепился в руку девушки.
- Стучит, – прошептала она.
- Лиза запустила руку во внутренний карман своей «Аляски» и вытянула оттуда... Когда девушка разжала пальцы, на ладони у нее оказалась прозрачная коробочка, в которой словно маленький мотылек неистово билась бледно светящаяся голубая рамка.

Глава 17.

На несколько мгновений нас начисто парализовало. Не то

что пошевелиться, даже моргнуть или вздохнуть было просто невозможно. Даже не так. мы забыли, что в состоянии все это делать. Наши тела, наше сознание, сама наша жизнь перестали иметь значение. Сейчас в целом мире существовал лишь один объект, один источник энергии, движения. И он был заключен, сконцентрирован внутри самодельной простенькой коробочки из обычного оргстекла.

– Ну дела... – протянул Леший, первым прейдя в себя.

– Кажись попали, – согласился я.

– Что за дела? Кто попал? – Лиза, которая до этого находилась под гипнозом нашего с Лешим оцепенения, наконец сумела вырваться и обрести дар речи.

– Сильно вертится, – Загребельный будто не услышал девушку. Он протянул руку и двумя пальцами взял коробочку из ее руки.

– Очень сильно.

– Огромные возмущения в пространстве.

– Да, – согласился я. – И должно быть близко.

– Вот значит как все обернулось.

Мы с Андрюхой, похоже, просто тянули время, не решаясь сказать главное. Хотя чего тут тянуть, от войны и беды не уйдешь.

– Они пришли, они уже здесь, – прошептал я, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Кто они? – Лиза уже все поняла и спросила как бы по инерции.

– И что делать будем? – подполковник пристально глянул мне в глаза.

– Предупредить! – Лиза схватила свой автомат и рванулась в сторону выхода.

– Куда... – Загребельный словил ее за руку. – Сейчас к периметру и близко не подойдешь.

– Но они же все погибнут! – выдохнула девушка. – У нас нет другого выхода!

– Выход всегда есть.

Загребельный продолжал буравить меня взглядом, и я прекрасно понимал, что он имеет в виду.

– Вы хотите отсидеться здесь! Бросить их на произвол судьбы! – вскричала Лиза. – Но это же люди. Там женщины и маленькие дети!

Лиза кричала уже во весь голос, и от ее крика начали просыпаться бойцы. Само собой они понимали, что это совсем не тревога, а какие-то разборки. Однако, тема дебатов наверняка очень важная, раз спорщики не посчитались с их сном. Спецназовцы стали подниматься и прислушиваться.

– Заткнись ты, истеричка! – Загребельный грубо рявкнул на девушку. – Думать мешаешь.

– Тихо, Лиза, – я уже более мягко подтвердил приказ приятеля.

Когда моя подруга утихомирилась, подполковник продолжил:

– У нас девять стволов, плюс гранатомет. Если удастся по-

добраться достаточно близко, сможем уделать конвой.

– Почему девять, а не тринадцать? – поинтересовался я.

– Потому, что ты, Лиза, пацан и этот... неблагонадежный субъект останетесь здесь. Передвигаться нам придется быстро, и чтобы добраться до места, и чтобы уйти.

– Уйти? – я невесело усмехнулся.

Леший ничего не ответил, развернулся к нам спиной и громко прокричал в темноту:

– Всем подъем! Срочно выступаем!

– Я пойду с ними, – Лиза обратилась совсем не к командиру спецназа, а ко мне. Она как бы просила позволения. – Я снайпер. Своих они потеряли, а спецгруппе никак нельзя без снайпера.

Не успел я что-либо ответить, как где-то рядом прозвучал второй голос:

– И я пойду, не век же слыть трусом. – Сергей Блюмер подошел совсем тихо и сейчас вешал на шею свой Калаш.

Глядя на непреклонные лица этих двоих, я понял, что они все равно пойдут. Даже если не разрешу я, даже если их прогонит Загребельный, они все равно выйдут из бомбоубежища и пойдут следом. Не думаю, что упрямый Пашка поступит как-то иначе, что останется охранять и оберегать раненого дядю Максима. Я бы на его месте не остался. Даже на своем месте не остался бы!

– Сергей, Лиза, помогите встать, – я протянул руку, ища их поддержки.

Парень и девушка подбежали практически одновременно.

– Максим, не надо, – жалобно попросила Лиза.

– Ага, буду здесь лежать и ждать, пока подохну от жажды или голода.

– Мы вернемся за тобой, – начала было девушка, но я ее оборвал.

– Вы не вернетесь, Лизонька, и ты должна это понимать. А не вернетесь вы, значит и мне конец. – Тут я невесело усмехнулся. – Так что лучше забирайте меня с собой. Буду выполнять роль неподвижной огневой точки. Все ж какая-то польза.

Пока меня поднимали да навешивали оружие, Леший ставил задачу своим людям. Он только раз искоса взглянул на наше убогое ополчение, тяжело вздохнул, но так ничего и не сказал.

Зато сказала Лиза. Помогая мне, она тихонько прошептала:

– Максим, твой друг ничего не сказал своим людям.

– О чем?

– Ну, как же... Это задание, оно... – Лиза запнулась, подбирая слова. – Оно ведь не такое, как все остальные. Люди должны знать на что идут. Не все согласны на это. – Девушка специально опустила слово «смерть».

– Того, кто откажется, Леший пристрелит собственной рукой, – простонал я, делая первый шаг по направлению к выходу. – Они солдаты. Жизни этих людей уже не принадлежат

им самим.

Дверь «Бункера» мы открывали очень медленно и осторожно. И это не только потому, что опасались немедленного нападения. Будет оно или нет не известно, а вот к дневному свету глаза должны привыкнуть, это однозначно.

Когда толстая стальная плита отворилась сантиметров на двадцать, внутрь затхлого подвала ворвался яркий солнечный свет, пьянящий свежий воздух, звуки пробудившегося ото сна живого мира. Я прекрасно понимал, что моя реакция на все это, мое мироощущение сейчас абсолютно не адекватны. Нет никакого солнца, воздух пропитан смрадом разложения и ядовитыми выбросами, а что касается живых существ ныне населяющих нашу планету... так лучше бы она была дика и пустынна. То, что я испытывал при взгляде на узкую дверную щель, это лишь дурман из головы приговоренного к смерти. Для меня сегодня многое будет прекрасным, милым и до боли родным, ибо это последний день моей жизни. Обидно и досадно только одно, что мою участь разделят и другие, те, кому бы еще жить и жить.

Я перевел взгляд на Лизу и Пашку. Ребяtiny, как мне показалось, не очень волновали подобные мысли. Молодость она бесшабашна, решительна и не задумывается о смерти. Она смело идет вперед...

Лиза знаком показала, что выходит первой. Ей не запретили, а только лишь подстраховали. Правда, спецназовец все

равно не успел. Девушка первая всадила короткую очередь в голову обернувшегося на движение кентавра. Зверюга тут же завалилась на бок и стала судорожно дергать лапами. Я стоял за спинами передового отряда и поэтому плохо видел. Сколько еще ящеров находится перед «Бункером»? Должно быть немного, поскольку бойцы не отступили, не предпочли воспользоваться другим выходом, а кинулись в атаку. Автоматы загрохотали все разом и тут же смолкли. Это хорошо. Опытные солдаты быстро разделались со своими противниками и не позволили всем тем тварям, что находились поблизости, и, естественно, слышали пальбу, засечь точное место стычки.

– Вперед! – скомандовал Леший.

Вся остальная группа быстро и бесшумно выскочила из подземного укрытия. Люди Загребельного определенно знали куда им следует двигаться. Ни секунды не раздумывая, они цепочкой кинулись к территории рынка.

Я оказался в середине этой колонны. Тащить меня отрядили Блюмера и одного рослого бойца, которого как ни странно тоже звали Сергеем. Если аспирант ХАИ попал в мои опекуны из-за своей ненадежности и мало полезности, то бывший морпех Сергей превратился в няньку как раз по противоположной причине. Он был здоров как бык. По сути именно он и тащил меня. Причем довольно быстро тащил.

Перебежав улицу, мы буквально вломились в стальные заросли сплошь состоящие из уголка, толстого прута, листовой

стали и металлопластиковых профилей. На счет общего направления нашего марш-броска я был не уверен, но что касается идеи пройти сквозь рынок, то она мне очень даже понравилась. Для шестилапых, которые вздумают нас преследовать, все это нагромождение старого железа станет настоящей проблемой.

Только я об этом подумал, как у нас за спиной послышался злобный рев. Довольно большая группа кентавров, состоявшая не менее чем из дюжины тварей, кинулась в погоню. Идущие в хвосте колонны бойцы не открывали огонь до тех пор, пока наши враги не налетели на заградительный редут, которые воздвигнули российские коммерсанты много лет назад.

Пытаясь прорваться в узкие проходы меж прилавков, кентавры сбились в несколько плотных групп. Вот именно тогда и грянули выстрелы. Редко какая пуля не находила свою цель. Возможно спецназовцы даже положили бы половину преследователей, но именно в этот момент в людей полетели самодельные копья.

Я видел как отточенный кусок арматуры ударил в одного из бойцов. Сталь не пробила бронежилет, зато переломала у парня все в груди. Изо рта у того тут же хлынула кровь, и он ей буквально захлебнулся. Первый, – подумал я, глядя на то, как оседает бьющееся в конвульсиях тело.

К нашему счастью кентавры находились лишь в самом начале овладения метательным оружием и пока не очень в

этом преуспели. Все остальные копья и дротики, выпущенные ими, пролетели мимо.

Смерть товарища привела бойцов в ярость. Они прямо-таки превратили в дуршлаг трех ближайших монстров и непременно удвоили бы или даже утроили этот счет, не прозвучи громкая, не терпящая возражений команда Загребельного.

– Уходим! Заберите у Осокина боезапас.

Ах вот кто это был. Вот кому не повезло. Осокин. Улыбающееся лицо молодого бойца вмиг встало перед глазами. Что ж, браток, пусть душа твоя упокоится с миром. А тело... Я полагаю лучше не знать, что произойдет с твоим телом... со всеми нашими телами.

Когда спасительные джунгли рынка остались позади и мы выскочили на широкую дорогу, я почувствовал себя комаром на голой заднице. Вокруг исконно русское раздолье. Это вам не заграница, не западноевропейские населенные пункты, где здания жмутся и цепляются друг за друга. Это Россия, одна изба на три гектара. А что, жалко? Землицы хоть жопой ешь. Есть где разгуляться, размять ноженьки поутру. Вот именно этим нам сейчас и предстояло заняться. Других вариантов просто не было.

В какой-то сотне метров на север двигалась большая группа кентавров. Но мы, как бы не замечая, игнорируя их, кинулись в просвет между стоящими на противоположной стороне улицы длинными, будто железнодорожные составы, де-

вятиэтажками. Как ни странно нас не заметили или сделали вид, что не заметили. Чем лучше я узнавал кентавров, тем все больше приходил к выводу, что это чертовски коварные и хитрые бестии. От них можно ожидать чего угодно.

Хотя тревога и закралась в мою душу, но по настоящему паниковать было еще рано. Опасность сейчас везде, она поджидает на каждом шагу. Чем именно те кентавры отличались от сотен других, которые нам непременно встретятся впереди?

Однако вперед мы пока не спешили. Прижавшись к стене одной из домов, группа слушала новую задачу, которую ставил командир:

– Наша цель девятиэтажка на Можайском. До нее примерно сотня метров. Преодолеваем их одним рывком. Во время броска ни в коем случае не останавливаться. При появлении противника огонь вести с ходу. Подъезды на противоположной стороне, поэтому о них забудьте. Обходить здание не будем. Проникаем внутрь через окна первого этажа.

– Почему мы идем именно к Можайскому шоссе? – не самый лучший момент для вопросов, но тем не менее я задал тот, который мучил меня.

– Потому что другой дороги у них нет, – бросил Леший. – Кашалоты пройдут сквозь здания и не заметят, зато для кентавров, которые их сопровождают, этот трюк будет явно затруднителен. Значит выход один – двинуть по самой широкой улице, по той, где сможет поместиться вся их развеселая

компания.

Все правильно и логично. Мне даже стало стыдно, что сам до этого не допер. Наверняка не о том думаю. Лиза, всякие там нежные чувства, жизнь, смерть... Вся эта лирика серьезно затуманила мне мозги. Это совсем не то, о чем размышляют в разгар жестокого боя. Слава богу голова подполковника ФСБ остается холодной, рассудительной, работает так, как и полагается. Именно продуктом этой работы и стала следующая команда:

– Никонов, Зверев, Казарян, пойдете первыми. Проверить здание. Остальные тридцать шагов позади. Все, бродяги. Рысью бегом марш!

Три человека тут же юркнули за угол здания. Мы выждали полминуты и рванули вслед за ними.

То, что я увидел за поворотом, было обычным двором обычного жилого микрорайона. Навечно припаркованные автомобили, все как один с битыми стеклами, спущенными, а то и подозрительно разорванными шинам. Облезшие скамейки, часть которых когда-то явно пошла на топливо. Раскуроченная детская площадка в которой будто резвился выводок африканских слонов. Тонкие почерневшие стволы молодых кленов, так и не ставших раскидистыми исполинами. Справа невысокое полуразрушенное здание в форме буквы «Ш», сейчас уже не поймешь то ли жилое, то ли принадлежавшее какому-то учреждению. Весь этот пейзаж припудривался слоем полусгнившего мусора, разукрашивался тя-

нущимися по стенам домов известковыми потеками. Короче, двор как двор, других сейчас, пожалуй, и не встретишь. Правда, имелась в нем одна замечательная довольно редкая особенность. Он был абсолютно пустынным. Нам пока везло. Вопрос, надолго ли?

От созерцания местных красот меня отвлекла заминка впереди. Лиза не выдержала ритма этого сумасшедшего спурта и упала. Ее ноги пока были еще слишком слабы. Подняться девушке помог постоянно находившийся подле нее Пашка и один из бойцов, невысокий черноволосый парень с азиатскими чертами лица. Притормозивший рядом с ними Леший, ободряюще крикнул:

– Держитесь. Уже почти все. Наши вошли...

Загребельный не договорил. Именно в этот момент и рубанули автоматные очереди.

Авангард группы проник внутрь той самой многоэтажки, которая была намечена для засады и неожиданно открыл огонь. По кому именно? Что там внутри и как? Этого мы даже не могли представить. Зверье обычно не лазит внутри зданий. Но тогда с кем сцепились трое наших бойцов? При чем, судя по всему, сцепились насмерть.

Все мы тоже оказались бы втянутыми в смертельную круговерть, не упали Лиза. Так что вроде как она спасла нам жизнь... или по-другому – подписала смертный приговор тем парням, что оказались внутри. Ведь их всего трое, и поддержки не будет. Мы просто не успеем.

Так и вышло. Когда мы вплотную приблизились к зданию, стрельба почти стихла. Последним звуком, прозвучавшим внутри, был грохот. Взрыв гранаты выбил окно на втором этаже, и оттуда выпал человек в камуфляже. Когда мы подбежали, он был еще жив.

– Кентавры... много... – простонал Казарян. Затем неестественно выгнулся и замер.

Салютом ему послужили залпы девяти стволов. Мы били по окнам, в которых как по волшебству замелькали многолапые силуэты. Страх на было, о своей безопасности никто даже не помышлял. Единственное чего мы страстно желали, так это мстить.

Нам очень повезло, что большая часть окон первого этажа была забрана прочными решетками. Это дало нам возможность опомниться. Разум возобладал над эмоциями до того, как кентаврам удалось их вышибить.

– Отходим! – прокричал Леший. – Все назад!

Какой там назад! Когда я оглянулся, то увидел, что из того самого прохода меж домов, через который только что прошла наша группа, во двор вливается целая армия вооруженных копьями и дубинами бестий. Это был конец. Остановить мы их не могли, укрыться негде... Бежать? Куда ж тут убежишь! Догонят через пять минут. Так что остается только смерть. Мы погибнем впустую, совсем не так, как хотели. Наша жертва никому не поможет, никого не спасет. Цирк-зоопарк, как глупо, безалаберно и бездарно!

Именно в этот момент я и заметил. Справа от нас про-свет между домов затопила гигантская серая масса. Сперва показалось, что здания срослись между собой, превратились в новую Великую Китайскую стену. Однако было несколько явлений, упрямо свидетельствующих, что это не совсем так. Во-первых, аномальная неожиданно возникшая смычка заметно колебалась. Во-вторых, по ее усеянной крупными буграми поверхности то и дело проскакивали яркие голубые молнии. Они! – мелькнуло у меня в голове.

– Они! – выдохнул Загребельный.

Да это действительно были кашалоты. И появились они до того, как мы успели занять огневые позиции. Ну а теперь, исходя из сложившейся ситуации, уже и не успеем это сделать. Да нам и не позволят. Кентавры ведь нарочно набились во все здания по пути следования этого кортежа смерти. Додумались, гады, что люди могут укрыться именно там и нанести неожиданный удар по их главному оружию. А без засады как же их достать? Не атаковать же поднявшись в полный рост, да с криками «Ура, за Родину!».

Я подумал об этом как об утопии, и тут же понял, что обнаружил тот самый единственный выход, который поможет, который сделает нашу гибель не напрасной. Прямая атака кентавров это безумие, самоубийство, но только для тех, кто желает уцелеть. Нам же это не светило при любых раскладах. Так что...

Я оттолкнул Блюмера, покрепче ухватил автомат и заорал

во всю глотку:

– В атаку, ребята! Покажем этим сукам кто есть кто!

В порыве ярости я даже сделал несколько самостоятельных шагов, и морпех Сергей, желая поддержать меня, инстинктивно рванулся вслед. Третьим в атаку кинулся Леший. Он тут же все понял и осознал.

– В атаку, бродяги! Ключев, гранатомет к бою! – завопил он и одной очередью срезал выпрыгнувшего из окна кентавра.

Истребление сыплющихся из девятиэтажки тварей являлось нашим основным занятием лишь до тех пор, пока мы бежали вдоль задней стены здания. Но как только отряд свернул за угол и впереди нарисовалась широченная автомобильная магистраль... Вот тогда-то мы и перестали замечать тех многоногих чудовищ, которые гнались за нами по пятам.

Все взгляды, все внимание, все мысли мигом прикипели к четырем живым горам медленно ползущим мимо нас. Они были совсем близко. Два, может три десятка шагов. И это делало картину совсем уж нереальной. Шеренга кашалотов, плотное каре не менее чем из сотни кентавров. Мимо ползли чудовища, которые явились, чтобы убивать. И что же? Они словно не замечали нас, даже не смотрели в нашу сторону, будто нас и вовсе не существовало. Отрывистое дыхание огромных глоток, размеренное тяжелое шарканье сотен лап, гипнотизирующее покачивание чешуйчатых тел... Ко всему этому не хватало лишь задающего ритм барабанного боя.

На мгновение мы замерли. Пальцы на спусковых крюч-

ках, взгляды сквозь прорезь прицела. Казалось дело за малым. Вот же он, враг! Не защищается и не прячется. Следует только нажать. Однако нажимать никто не смел. Каждый прекрасно понимал – один выстрел и здесь начнется ад.

Я мельком взглянул назад. Преследовавшие нас кентавры остановились. Они даже начали отступать. Твари словно говорили: «Уйдите, и мы вас не тронем». На какой-то миг в мозгу возникло затмение. Подумалось, а может и вправду уйти? Может эти твари даже и не обманут, не будут преследовать. Сразу очень захотелось жить. Не важно какой жизнью, бедной, голодной, убогой... любой, лишь бы жить, а не превратиться в грудку радиоактивного дерьма или мумию, насаженную на острый кол.

Но это видение сменилось новым. Лица людей. Все те, кто остался в Одинцово. Ведь свою жизнь я мог купить только в обмен на их. И совсем не я, а они должны будут утолять голод прожорливых тварей, украшать их жуткие храмы. Нет уж, такая торговля не по мне, вернее, не по нам. Я метнул взгляд на суровые лица верных товарищей, на побелевшую, но непреклонную Лизу и понял, что прав. Мы останемся людьми, настоящими людьми, и это наше решение, наше последнее слово. Не оттягивая более ни секунды, я надавил на спуск.

Очередь автомата словно разбудила весь окружающий мир. И он взорвался, загрохотал, пришел в неистовство. Мы расстреливали кентавров практически в упор. В первые мгновения они словно не замечали этого, продолжая тупо

и упрямо ползти по прямой как стела взлетке Можайского шоссе. Однако это только в первые мгновения. Визг, рев раненных и умирающих собратьев, запах дыма и крови не оставил и следа от их непреклонности и чувства долга. А вообще-то нет... точку поставил взрыв термобарического заряда, полыхнувший в самой гуще колышущегося грязно-зеленого моря. Именно после него твари и дрогнули... Вернее, не так. Именно после него они и кинулись в атаку на своих обидчиков.

Наблюдая как живая стена резко изменила направление своего движения и теперь несется на нас, я не испытал страха. Нет смысла бояться, когда прекрасно знаешь что выбор сделан и жизни пришел конец. Разве самоубийца, спрыгнувший с высотного здания и наблюдающий как прямо на него с бешеной скоростью несется серый асфальт мостовой, боится? Нет. Страх, он остался там, на крыше высотки, вместе с правом выбора. Ну, а когда этот выбор сделан, когда уже ничего нельзя изменить человек тонет в море адреналина, он со спертым дыханием, с замиранием сердца ожидает того самого последнего мига. Именно это, должно быть, испытывают все люди в последние мгновения своей жизни. Все, но только не я. Мне было не суждено испытать эту роскошь. И это потому, что я ни какой-то там безмозглый самоубийца. Я умираю совсем не по своей прихоти, а потому что так надо для дела, очень важного дела, которое, кстати, следует довести до конца.

– Валите отсюда, сволочи! Убирайтесь в свой гребаный мир! – с таким криком я вновь надавил на спуск автомата.

Не знаю, что сработало, мой вопль, вылетевший из ствола свинец, а может очередной взрыв реактивного снаряда. Как бы там ни было, в следующую секунду весь мир впереди утонул в ослепительно-белой вспышке, а затем к ней добавились еще, и еще, и еще одна. Казалось, что в и без того гигантский костер несколько раз подряд сбрасывали цистерны авиационного бензина. Опьянев от восторга, неистовое пламя взметнулось ввысь. Оно словно почувствовало в себе силы пожрать не только землю с бессильно барахтающимися на ней фигурками живых существ, но и целое небо, дотянуться до самих звезд.

Нас тут же швырнуло на землю и покатило. Только вот странное дело, мне почему-то показалось, что катимся мы не от эпицентра взрыва, а к нему. Нас будто засасывало в недра исполинского сияющего водоворота, черной... вернее белой дыры, неожиданно возникшей на поверхности нашей планеты. И мы бы непременно в нее провалились, если бы вдруг...

Все закончилось в один-единственный миг. Свет исчез, притяжение огненной бездны спало. Наступила полная оглушающая тишина. Вместе с ней пришло какое-то странное умиротворение и спокойствие. Я лежал на грязном растрескавшемся асфальте и равнодушно наблюдал как на мои руки падают хлопья крупного серого пепла.

Казалось я мог лежать здесь целую вечность. Я не желал ничего большего. Я так устал. Я перешагнул через грань полного изнеможения. Поэтому теперь будь, что будет. Я буду просто лежать и ждать. Чего угодно, беспамятства, сумасшествия, смерти. В этой жизни я выполнил свое предназначение, а стало быть теперь можно и уйти.

Неожиданно что-то в окружающем мире изменилось. Да, точно, появились звуки, вернее один-единственный отдаленный звук. Я ожидал, что им окажется столь «родной» рев кентавра, но, прислушавшись, понял, что ошибаюсь. Звук походил на шаги человека, и этот человек медленно, можно даже сказать неспеша приближался.

Цирк-зоопарк, что же это происходит? Где все? Друзья, враги, хоть кто-нибудь. Почему вокруг так тихо? И кто это пришел по мою душу? Как ни слаб я был, но сил чтобы повернуть голову у меня все же хватило. То, что я увидел, показалось нереальным. Все пространство вплоть до стоящих на противоположной стороне шоссе многоэтажек было усеяно кентаврами. Они словно застыли, повисли в воздухе. Кто-то неведомый нажал кнопку стоп-кадра и свирепая армия замерла на полушаге. И судя по всему, именно с этим неведомым повелителем времени и пространства мне и предстояло сейчас встретиться.

Я лежал и смотрел как, огибая застывших в рывке бестий, ко мне приближается одинокая фигура. Высокий худощавый

мужчина, длинный, ниже колен серый плащ, сбитые нечищенные берцы. Лицо пока плохо видно. Вот что сразу бросилось в глаза, так это плотно обтягивающая череп старая зеленая бандана. От одного взгляда на все это меня прошиб нервный озноб. Мать божья, да это же Одноглазый!

Стон невдалеке показал, что заклятье недвижимости спасовало перед кем-то еще. Человеком, точно человеком. Кентавры так не стонут и уж точно не матерятся. Рассказав все что он думает о прародительнице всех многолапых, Леший на карачках подполз ко мне. Сел рядом.

– Максим, ты живой? – он заглянул мне в лицо.

– Ты видишь его? – вместо ответа простонал я и указал глазами в сторону приближающегося человека. – Или я спятил?

– Вижу, – Загребельный подтянул меня поближе и положил мою голову себе на колени. – Вот сейчас, кажись, мы и узнаем кое-что по-настоящему любопытное. – На всякий случай подполковник ФСБ подвинул автомат к самой своей руке.

Я не ответил. Поздно было что-либо говорить. Одноглазый уже возвышался над нами как высокий скалистый утес. Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга. И, как мне показалось, лесник изучал нас с неподдельным любопытством, так как будто нежданно-негаданно обнаружил в старых знакомых что-то новое, очень даже примечательное.

– Что ж, продолжим прерванный разговор? – вместо при-

ветствия поинтересовался Леший.

– Самое время, – улыбнулся Олесь.

– Кто ты на самом деле? – Загребельный буравил Одноглазого пристальным взглядом.

– Не человек, если ты спрашиваешь именно об этом.

– Кто же тогда?

– За мою долгую жизнь меня именовали по-разному.

– Попробую угадать последнее из этих имен, – Леший молниеносным рывком вскинул автомат. – Тебя зовут ханх.

Вид направленного на него оружия абсолютно не испугал лесника. Даже наоборот, он кивнул, отдавая должное скорости реакции, а главное сообразительности подполковника.

– Почему-то человечество понравилось именно это название.

– Это слово звучало на всех радиочастотах, – напомнил я. – Это ваш позывной, боевой клич.

– Это была помеха, обычная помеха, производимая молекулярными коллапторами, – Одноглазый грустно и немного виновато улыбнулся. – Смешно получилось, правда?

Видя, что мы по-прежнему напряжены, а палец Лешего нервно поглаживает спусковой крючок, Олесь или как там его на самом деле предложил:

– Подполковник, может, опустите свой АКС? Это оружие не в состоянии причинить мне вреда. Даже дырок на плаще не останется.

– Опустит, – попросил я Лешего. – Он ведь помогал нам.

– Вот именно, – подтвердил ханх.

Словно член нашей компании, Одноглазый уселся на асфальт неподалеку от нас. После этого он протер тыльной стороной ладони свой выбитый глаз, и изуродованное веко открылось. Ханх немного поморгал, и с этого момента уже смотрел на нас обоими глазами.

– Так гораздо удобней воспринимать оптические сигналы, – объяснил он свой поступок.

– Ты прикидывался одноглазым? – Леший не внял здравому смыслу и продолжал держать нашего приятеля на мушке.

– Нет, – тот отрицательно покачал головой. – Я вырастил второй глаз прямо сейчас.

– Ты так свободно регенерируешь свои ткани? – с завистью спросил я.

– То, что вы сейчас видите, это не мое настоящее тело. Это лишь матрица, которую я создаю для удобства общения с людьми. Мой истинный облик... – ханх улыбнулся. – Не думаю, что вы готовы его увидеть. Так что пока остановимся на этой трансформации, тем более, что мы все к ней уже привыкли.

– «Мы» это ты, Максим и я? – уточнил Леший.

– «Мы» это мы, те, кто создал этот мир и вас в том числе.

– «Вас», это Максима и меня? – с наигранной тупостью уточнил Загребельный.

– «Вас», это очумелых гомосапиенсов, которые готовы уничтожить плоды всех наших трудов, а заодно и самих се-

бя, – тоном терпеливого школьного учителя, поясняющего двоечникам их ошибки, произнес наш собеседник.

Не знаю как Леший, но я точно не был готов услышать подобную новость. О происхождении человека я знал немного, всего две вещи. По одной версии в прародители нам сватали неожиданно поумневших шимпанзе, по другой же у истоков всего сущего стояла некая высшая сила. Бог...? Боги...? Подумав о них, я внимательно поглядел на ханха. Вероятно ли, возможно ли, чтобы этот мужик в тертой бандане и являлся одним из них? Не-е-е-т. Не может быть, невероятно, немислимо! Бог он другой. Он такой...

Тут я поймал себя на мысли, что я цивилизованный человек, законченный атеист, в прошлом член компартии, на полном серьезе рассуждаю о самых что ни на есть лженаучных материях. Нет, это меня определенно долбануло об асфальт. Да, но тогда кто же сейчас находится перед нами? Самозванец, который рискнул величать себя ни кем-нибудь, а самим богом? И как прикажете это проверить?

Короткая автоматная очередь разорвала тишину. Загребельный стрелял с двух шагов и поэтому не мог промахнуться. Пули кучно вошли в район сердца. Грудь ханха тут же превратилась в расплывчатое пятно серебристой слегка фосфоресцирующей жидкости. Пулевые отверстия в ней походили на неглубокие воронки, от которых тут же побежали расходящиеся круги. Один к одному как если бы в воду бросили пригоршню мелких камней. Однако уже через

несколько секунд ртутеподобная поверхность успокоилась, стала ровной и гладкой, а еще через мгновение вновь превратилась в серую ткань все того же уже хорошо знакомого нам непромокаемого плаща.

Лесник даже не пошелохнулся, не посмотрел на место, куда только что вошли пули. Зато он метнул на Лешего взгляд полный гнева и презрения. Он протянул в сторону Загребельного руку со скрюченными пальцами, но вдруг замер, так и не осуществив задуманное. Гнев на его лице уступил место задумчивости.

– Ты смелый человек, – произнес ханх в конце концов. – Поднять руку на меня...

– Я должен был проверить, – ответил подполковник ФСБ и только теперь отбросил в сторону автомат.

– Ну, и как тебе результат?

– Ты действительно не человек, – тон Лешего вдруг стал ледяным. – Но почему ты здесь? Что тебе нужно от нас?

Ханх ответил не задумываясь, и этот ответ поставил нас в тупик:

– Я пришел сюда потому, что Одинцово отличается от всех других человеческих поселений. Отличается в лучшую сторону. Именно здесь я и надеялся отыскать избранных.

– Кого? Избранных? – нам с Андрюхой показалось, что мы ослышались.

– Вас, – без тени улыбки продолжил ханх. – Тех кто должен спасти человеческую цивилизацию, доказать, что лю-

ди достойны распоряжаться этим миром. В противном случае... – Тут он тяжело вздохнул. – В противном случае планета будет передана другим.

– Кому?! Этим, что ли? – Загребельный ткнул в сторону оцепеневших многолапых изваяний.

– Одни из претендентов, – кивнул ханх. – Их мир погибает, а подготовить новый мы не успеваем.

– Но Земля наш мир! – с яростью взревел Леший.

– Не ваш, а тех, кто его создал, – спокойно напомнил ханх. – Только нам принадлежит право решать его судьбу.

– И вы решили... – тихо произнес я. – Вы похоронили миллиарды людей. – В бессильной злобе я сжал кулаки.

– Человечество само подписало себе смертный приговор.

Мы с Лешим промолчали. Мы ждали продолжения. Сказав «А», наш собеседник не мог не сказать «Б».

– Да, это именно так, – невесело продолжил ханх. – Очумев от алчности, неистово желая мирового господства, вы начали Третью Мировую войну.

– Третью? – мы с приятелем переглянулись.

– Вся эта шумиха вокруг глобального потепления, изменения климата и прочих предвестников неминуемого конца света, все это было ни что иное как попытка скрыть применение климатического оружия. Его нельзя обнаружить или даже доказать существование, а значит удары будут наноситься вновь и вновь, пока экологическая система планеты не рухнет. Тогда жизни на Земле все равно придет конец. Но будет

утрачено время, и мы не сумеем спасти другие более перспективные расы.

Ханх замолчал, давая нам время прийти в себя. Это было ей богу не просто. Узнать правду всегда непросто, тем более такую.

– Что ты имел в виду, когда говорил, что мы можем спасти свой мир? – Леший первым оправился от шока.

– Вы должны доказать, что род человеческий совсем небезнадежен. Что вы другие, что прошлое не повторится.

– Кому доказать?

– Им, – ханх многозначительно поднял глаза к небу.

– Почему именно мы?

– Потому, что вам не нужна власть и богатство, потому, что вы решили пожертвовать собой ради других людей, отдать самое ценное что имели – свою собственную жизнь. Это я вам скажу поступок!

– Он может убедить их? – следуя примеру ханха, я тоже поглядел на небо.

– Не уверен, – лесник скривил кислую мину.

– Но ведь тебя же убедил?

– Я другое дело. Я совсем другое дело.

Наш собеседник печально улыбнулся. В этой улыбке было что-то неуловимо знакомое. Но только что? Я попытался вспомнить, да так и не смог. И это наверное потому, что сейчас наступило время действий, а совсем не воспоминаний.

– Как это сделать? – на удивление вечно недоверчивый,

скептически настроенный Леший первым принял предложение ханха. А может здесь как раз и сработало то самое чутье старого контрразведчика?

– Все очень просто, – наш знакомый удовлетворенно кивнул. – Разум, человечность, любовь, доброта. Покажите, что это не просто слова.

– И все?

– А это немало, – усмехнулся ханх.

– Почему ты нам помогаешь? Людям, я имею в виду.

Мой вопрос не обескуражил лесника, скорее заставил его что-то вспомнить. После секундной паузы тот ответил:

– Братья всегда обвиняли меня в излишней заботе о человечестве. Может это и так. Однако предоставить вам самим себе... – ханх сокрушенно покачал головой. – Это значило рискнуть всем процессом творения.

– Мы в ответе за тех, кого приручили, – подытожил я.

– Вот именно, – согласился мнимый белорус.

– Может хватит говорить загадками?! – взорвался Загребельный. – Разум, человечность... Что там еще? Любовь, доброта. Что все это значит? Что конкретно мы должны сделать?

– Есть вопросы, на которые каждый должен ответить сам, – наставительно произнес ханх. – Я могу лишь ненавязчиво подсказать.

– И какова будет твоя подсказка? – мы внимательно уставились на собеседника.

– Дорога... – медленно произнес тот. – В дальней дороге человек как нигде проявляет свои черные и белые стороны. Уж поверьте мне. Я знаю о чем говорю.

– Дорога? – Леший непонимающе замотал головой. – О какой дороге ты говоришь?

– Дороги бывают разными, – усмехнулся ханх. – Порой не важно куда идти, главное для чего.

Произнеся эти слова, он поднялся на ноги. Отряхнул плащ. Поправил сползшую на затылок бандану.

– Что ж, мне пора. Прощайте.

– А что дальше? – Леший обвел взглядом застывшую вокруг нас битву.

– Ах это... – ханх как будто только теперь вспомнил о действительности. – Ваши люди очнутся через десять минут. Забирайте их и уходите. Что касается кентавров... Для них время возобновит свой бег через час, но даже и тогда вам не стоит опасаться. Мой брат пообещал, что сегодня они не доставят вам хлопот.

При этих словах бывший одноглазый обернулся и посмотрел куда-то влево. Проследив за его взглядом, я заметил одинокую фигуру в черном балахоне, которая как тень блуждала меж многолапых созданий, по очереди гладила, похлопывала их неподвижные тела. Еще один из истинных властителей мира. У него, кажется, как и у лесника имеются свои фавориты.

– Что будет с колонией Крайчека, с Истрой, со Звениго-

родом, со всеми остальными нашими поселениями? – я задал вопрос уже в спину уходящему ханху.

– Два месяца. У них есть всего два месяца, – тот не обернулся, а лишь показал нам поднятые кверху два пальца.

– Ну, два месяца это уже кое-что, – пробурчал Леший.

Последующие несколько минут мы сидели молча. Просто сидели и глядели вслед двум медленно исчезающим фигурам. В душе творилось такое... что и не описать. Горечь от постигнутой правды, злоба как на виновников всего этого кошмара, так и на его исполнителей, сладкая надежда на то, что все это может когда-нибудь закончиться. Но самое дикое и неправдоподобное заключалось в том, что это зависело именно от нас. Судьба всего мира... и только от нас! С ума сойти! Невероятно! Правда это сказал тот, кто знает что говорит, тот, чьи слова вот уже тысячелетия толкуются как непреложная высшая истина. Да, я узнал его, узнал, хотя никогда раньше не видел.

– Эх, ну и денек сегодня, – Леший кряхтя стал подниматься на ноги. – Давай, Максим... Будем помаленьку двигать.

– Андрюха, ты знаешь кто это был?

– Знаю, – Загребельный еще раз поглядел в ту сторону, куда направился наш знакомый.

– Как догадался?

– Профессия у меня такая, – подполковник нагнулся и подхватил меня подмышки.

Когда он потянул, я уже привычно застонал от боли.

– Терпи, – Леший лукаво улыбнулся. – Он терпел и нам велел.

– Он нам велел еще и кое-что другое.

– Ага, – Загребельный поддел ногой свой автомат и, подбросив его словно футбольный мяч, ловко схватил. – Пойдем. Попробуем спасти этот грешный мир.

– Придется, раз больше некому.

Наш уговор мы скрепили крепким мужским рукопожатием.

Сарагоса, 2010 г.